

Чарльз

Сандерс

Пирс

**Логические основания
Теории знаков**

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

приложение к альманаху

Charles Sanders Peirce

**LOGICAL FOUNDATIONS OF THE THEORY
OF SIGNS**

**HARVARD UNIVERSITY PRESS
1931–1958**

**DOVER PUBLICATIONS, INC.
1958**

Чарльз Сандерс Пирс

**ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ
ЗНАКОВ**

Перевод с английского *В. В. Кирющенко и М. В. Колопотина*

лаборатория метафизических исследований
при философском факультете СПбГУ
издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург
2000

ББК ЮЗ(7США)5

УДК 1[Пирс]

П 33

2

Пирс Ч.

П 33 Начала прагматизма / Перевод с английского, предисловие В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина, — СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. — 352 с. (серия «Метафизические исследования. Приложение к альманаху») ISBN 5-89329-278-2

Во второй том настоящего издания включена наиболее известная издательская компиляция «Спекулятивная Грамматика», а также переписка Пирса с секретарем Смитсоновского института профессором Сэмюэлем Лэнгли и Виолой Уэлби, автором вышедшей в одно время с *Principia Mathematica* книгой «Что такое Значение».

Пирс не ограничивает знак функциями обозначения и сообщения, но говорит о нем как о некоем учреждающем событии репрезентации — действия, подчиненного особой семиотической каузальности и организующего взаимосвязь между чувственной достоверностью и мотивацией человеческих поступков, между эгоистическим намерением и публичной истиной, между словами и вещами.

Понятия убеждения, значения, истины, реальности формируют условия успешной интерпретации помимо опыта индивидуального сознания, по ту сторону индивидуальной воли. Обращаясь к этим понятиям, семиотика Пирса сохраняет за собой стремление классического трансцендентализма к исследованию условий возможности интерсубъективного знания, но при этом отказывается от фундаментального для трансцендентальной философии понятия сознания и всех связанных с ним методологических процедур, осуществляя попытку доказать, что феномен и суждение обладают особым характера общим онтологическим источником, а не просто набрасывают друг на друга некую общую меру. Путь семиотики — поистине «путь отчаяния», осуществление «трагической судьбы достоверности себя самого». Но теперь уже не сознание, а Убеждение выступает в качестве единственного гаранта синхронности индивидуального намерения и смысла происходящего в действительности.

ISBN 5-89329-278-2

© издательство «АЛЕТЕЙЯ» (СПб.), 2000
© лаборатория метафизических исследований при философском факультете СПбГУ, 2000

ПРИНЦИПЫ ФЕНОМЕНОЛОГИИ¹

1. Сфера Феноменологии

Фанероскопия [или Феноменология] дает описание *фанерона*. Под *фанероном* я имею в виду общую совокупность всего, что так или иначе, в том или ином смысле является наличным (is present to) сознанию, совершенно независимо от того, соответствует ли наличное какой-либо реальной вещи. Вопрос *когда* и *какому* сознанию остается в данном случае без ответа, ибо у меня нет ни тени сомнения, что черты такого фанерона, которые я обнаруживаю в своем сознании, во всякое время наличествуют и любому другому. Насколько позволяет судить теперешнее состояние науки фанероскопии, предметом ее исследования являются основные формальные элементы фанерона. Известно также, что существует целый ряд других элементов, некоторое представление о которых дают гегелевские Категории. Но я не вполне готов теперь предложить их сколько-нибудь удовлетворительный перечень.

¹ <«Сфера феноменологии» и первый отрывок п. 4 взяты из рукописей 1905 и 1904 (CP, 1.284–7, 304). Первый отрывок в п. 2 из рукописи 1903 (CP, 1.23–6). Второй из п. 2, третий из п. 4 и четвертый из п. 5 — из рукописи ок. 1896 (CP, 1.418–20, 422–8). В «Манифестации категорий» первый отрывок из рукописи 1894 (CP, 1.302), второй — недатированный фрагмент (CP, 1.325), третий составляет недатированный фрагмент и части рукописей 1875 и 1895 (CP, 1.337–9, 340). Второй отрывок п. 4 взят из рукописи 1907 (CP, 1.306–11), первый в п. 5 — из рукописи 1910 (CP, 1.321), второй и третий — из рукописей 1905 и 1903 соответственно (CP, 1.335–6, 322–3). П. 6 из рукописи 1903 (CP, 1.343, 345–7), п. 7 из рукописей 1890 и 1885 (CP, 1.374–82), и п. 8 — из рукописи 1880 (CP, 1.353).>

Понятие *фанерона* довольно близко тому, что английские философы обычно имеют в виду под словом *идея*. Однако значение последнего слишком ограничено ими, чтобы полностью покрыть собой все то, что я вкладываю в свое понятие (если только это может быть названо понятием), за исключением разве что некоторых психологических коннотаций, которых я всеми силами стремлюсь избегать. Среди англичан в порядке вещей утверждение типа «не существует такой идеи», как то-то и то-то, хотя как раз в отрицаемом они и дают описание тому, что понимается в данном случае под *фанероном*. Это делает их термин совершенно неподходящим для моих целей.

Нет ничего более открытого для прямого (*direct*) наблюдения, чем *фанероны*. И поскольку я не буду ссылаться ни на какие другие, кроме тех из них, которые (или подобия которых) хорошо знакомы каждому, постольку всякий читатель сможет проверить точность моего описания. При этом, конечно, он должен на собственном опыте, шаг за шагом повторять мои наблюдения и эксперименты. В противном случае в том, что я хочу передать, меня постигнет неудача еще более сокрушительная, чем если бы я затеял беседу о цветовых эффектах с человеком, который слеп от рождения. Называемое мной *фанероскопией* есть исследование, которое, основываясь на прямом наблюдении *фанеронов* и результатах обобщения этих наблюдений, выявляет небольшую группу наиболее ярко выраженных (*broad*) категорий *фанеронов*; дает описание каждой из них в основных чертах; показывает, что, хотя они настолько сложным образом перемешаны друг с другом, что ни один не может быть обособлен, их качества несоизмеримы; затем доказывает, что означенные категории *фанеронов* могут быть объединены в один небольшой перечень; и, наконец, приступает к выполнению утомительной и весьма трудоемкой задачи по выведению всех подразделов данных категорий.

Из всего вышесказанного очевидно, что *фанероскопия* вовсе не имеет целью ответ на вопрос, в какой степени *фанероны*, исследованием которых она занимается, соответствуют каким бы то ни было реалиям. Она тща-

тельно воздерживается от всякого суждения об отношениях между ее категориями и фактами физиологии, касающимися деятельности мозга или чего бы то ни было еще. Она никоим образом не пытается, но, напротив, старательно избегает выдвижения каких бы то ни было гипотетических предположений и предпринимает исследование только открыто явленного (*direct appearances*), стремясь сочетать в нем детальную точность и возможно более широкое обобщение. Великое предназначение ученого заключено не в выборе той или иной традиции, преклонении перед авторитетом или мнением, позволяющим считать, что факты состоят в том-то и том-то, и не в том, чтобы предаваться фантазиям. Он должен ограничить себя открытым и искренним наблюдением явлений (*appearances*). Читатель, со своей стороны, должен повторять наблюдения автора на собственном опыте и уже исходя из результатов своих наблюдений решать, правильный ли отчет о явлениях дается автором.

2. Три категории: первичность, двоичность и троичность

С моей точки зрения есть три модуса сущего. Я утверждаю, что они доступны прямому наблюдению в элементах чего угодно, что в то или иное время так или иначе предстает сознанию. Это сущее как положительная качественная возможность, сущее как действительный факт и сущее как закон, способный управлять фактами в будущем.

Мы начнем с рассмотрения понятия действительно-го, в результате которого попытаемся выяснить, что оно в себе включает. Если задаться вопросом, из чего складывается действительность события, первым ответом может быть следующее: из того, что оно случается *там* и *тогда*. Спецификации *там* и *тогда* вовлекают в себя все отношения события с другими существованиями. Так что действительность события, по-видимому, исчерпывается его отношениями к универсуму существующего. Если суд издаст *предписание* на мой счет или вынесет

мне *приговор* (judgment), я, может статься, отнесусь к этому с полным равнодушием, расценив их как пустую болтовню. Но когда я почувствую на своем плече руку судебного исполнителя, у меня начнет образовываться чувство действительности. Действительность есть нечто *грубое*. В ней нет никакого смысла. К примеру, в попытке открыть дверь, вы толкаете ее плечом и ощущаете сопротивление невидимой, безмолвной и неизвестной силы. Мы обладаем как бы двусторонним сознанием воздействия и сопротивления, которое, мне кажется, дает достаточно точное представление о чистом чувстве действительности. В целом, я думаю, мы имеем здесь такой модус сущего нечто, который состоит в том, как есть некий другой объект. Я называю его Двоичностью.

Кроме него есть еще два, называемые мной Первичностью и Троичностью. Первичность есть модус сущего, который складывается в бытии его субъекта положительно таким, как он есть, независимо от чего бы то ни было еще. Таковой может быть только возможность. Ибо постольку, поскольку вещи не воздействуют друг на друга, нет смысла говорить, что они имеют бытие, если только они сами по себе не таковы, что существует вероятность их вступления во взаимоотношения с другими вещами. Способ бытия красным до того, как что-либо во вселенной имело красный цвет, являлся тем не менее положительной качественной возможностью. Красное само по себе, даже если оно в чем-то воплощено, есть нечто положительное и *sui generis*. Это я называю Первичностью. Мы естественным образом атрибутируем Первичность внешним объектам, т. е. предполагаем, что они имеют качества (capacities) сами по себе, которые могут быть, а могут и не быть актуализированы уже или вообще когда-либо. При этом мы ничего не можем знать о таковых возможностях, если только они не актуализированы.

Теперь о Троичности. Мы не проводим и пяти минут своего бодрствующего существования без того, чтобы не сделать своего рода предсказание. И в большинстве случаев такие предсказания реализовываются в некотором событии. Однако предсказание по существу представляет собой нечто общее и никогда не может быть реали-

зовано полностью. Утверждать, что предсказание определенно имеет тенденцию реализоваться полностью, значило бы настаивать на том, что будущие события по крайней мере отчасти управляются некоторым законом. Если игральные кости выпали на шестерку пять раз подряд, это следует расценить просто как проявление однообразия. Случай может повернуться и таким образом, что шестерка выпадет тысячу раз подряд. Но это не придаст и малейшей доли вероятности предсказанию, что то же самое произойдет со следующим броском. Если предсказание имеет тенденцию быть реализованным, дело должно обстоять таким образом, что будущие события имеют тенденцию соотносываться с некоторым общим правилом. И если номиналисты возразят на это, что «такое общее правило есть не что иное, как просто слова», мой ответ будет таков: «Никто никогда и не думал отрицать, что общее правило имеет природу общего знака. Вопрос в том, соотносятся ли с ним будущие события. Если да, наречие „просто“ оказывается не к месту». Правило, с которым будущие события имеют тенденцию соотносываться *ipso facto*, чрезвычайно важная вещь, важная составляющая осуществления этих событий. Мы говорим о модусе сущего, который *состоит* — нравится вам это слово или нет — в том, что будущие факты Двоичности приобретут установленное общее свойство. Я называю этот модус сущего Троичностью.

Первая [категория] охватывает качества феноменов, такие, как бытие красным, горьким, скучным, жестким, душераздирающим, благородным. Несомненно, что существует также великое множество других, которые нам совершенно неизвестны. Только начинающие свой путь в философии могут возразить, что все это не является качествами вещей и вообще нигде не имеет места, представляя собой лишь ощущения. Безусловно, мы знаем о них только благодаря тому, как наше сознание приспособлено их нам открывать. Вряд ли можно усомниться в том факте, что эволюционный процесс, в результате серии адаптаций сделавший нас тем, что мы есть, стер почти без следа большую часть чувств и ощущений, когда-то воспринимавшихся нами смутно, и сделал ясными и четко

распознаваемыми другие. Не стоит, однако, торопиться решать, осознаваемые ли нами ощущения определяют качества ощущений или качества ощущений служат изначальным условием осознания ощущений, которые к ним приспособляются. Достаточно и того, что там, где есть феномен, есть и качество, так что, как даже может показаться, феномены и не содержат ничего более. Качества сливаются и переходят одно в другое. Они не обладают самотождественностью, но определяются лишь через подобию или частичную тождественность одно другому. Некоторые из них, как, например, цвета и музыкальные звуки, складываются в хорошо распознаваемые системы. Возможно, если бы наше восприятие их не было столь фрагментарным, между ними вообще бы не существовало никаких сколько-нибудь четких границ. Так или иначе, каждое качество есть то, что оно есть само по себе без участия какого-либо другого. Качества суть единичные, но вместе с тем частичные определенности.

Вторая категория составляющих феномены элементов охватывает действительные факты. Качества, поскольку они суть нечто общее, представляют собой неопределенное (*vague*) и возможное. Случившееся же есть нечто совершенно индивидуальное. Оно случается здесь и сейчас. Повторяющийся (*permanent*) факт не так отчетливо индивидуален, но все же постольку, поскольку он действителен, его повторение (*permanence*) и его природа как общего складывается в его бытии в каждом конкретном случае. Качества вовлекаются в факт, но не служат его причиной. Факт привлекает субъекты, представляющие собой материальные субстанции. Мы понимаем факты не так, как мы понимаем качества, т. е. они не складываются ни собственно в самой возможности, ни в сущности чувства. Мы переживаем факты как сопротивление нашей воле — вот почему говорят, что факты вещь грубая. Простые качества ничему не противостоят и не сопротивляются. Сопротивление оказывает материя. В действительном ощущении присутствует противодействие, простые же качества, если они не актуализированы, не могут оказывать фактического противодействия. Так что заявление — если только оно понимается правильно — о том, что мы непосредственно, т. е. прямо восприни-

маем материю, звучит вполне корректно. Говорить, что мы логически выводим существование материи из ее качеств, значило бы утверждать, что мы знаем действительность только через возможность. С несколько меньшей иронией воспринимается высказывание, что мы знаем возможность только через действительность, логически выводя существование качеств через обобщение нашего перцептивного опыта материи. Я же ограничусь тем, что определяю качество как одну, а факт, действие, действительность как другую составную часть феноменов. Более подробное их рассмотрение мы предпримем ниже.

Третья категория элементов, составляющих феномены, складывается из того, что, будучи рассмотренным только с внешней стороны, известно как «законы». Обратив же внимание на обе стороны медали, мы обычно называем это мыслями. Мысли не являются ни качествами, ни фактами. Они не качества, потому что могут быть произведены и претерпевать развитие, в то время как качества вечны и независимы ни от времени, ни от какой бы то ни было реализации. Кроме того, мысли могут иметь основания, и несомненно их имеют, достаточные или нет. Задаваться же вопросом, почему качество таково, каково оно, почему красное является красным, а не зеленым, было бы чистым безумием. Если бы красное было зеленым, оно не было бы красным, вот и все. Строго говоря, если в вопросе есть хоть малая капля здравомыслия, этим он обязан тому, что задается не по поводу качества, но хотя бы по поводу отношений между двумя качествами, хотя даже последнее есть совершеннейший абсурд. Итак, мысль не является качеством в той же степени, в какой она не является и фактом, ибо мысль есть нечто общее. Я воспринял ее и сообщил ее вам. Она есть общее в указанном смысле, а также за счет того, что ссылается не только на существующее, но и на то, что, возможно, будет существовать. Никакое собрание фактов не может конституировать закон, ибо закон существует помимо совершившихся фактов и определяет, как факты, которые *могли бы*, но *все* из которых никогда не будут иметь место, должны быть охарактеризованы. Трудно возразить на утверждение, по которому закон представляет собой общего характера

факт. Но мы должны отдавать себе при этом отчет, что понятие общего имеет в себе оттенок потенциальности. Поэтому никакая совокупность действий, произведенных здесь и сейчас, не может произвести факт общего характера. Как нечто *общее*, закон (или факт, обладающий всеобщностью) вовлекает в себя потенциальный мир качеств; как *факт*, он затрагивает мир действительного. Как действие нуждается в особом субъекте — материи, чуждой простому качеству, так же и закон требует себе особый субъект — мысль, или *ум*, как такой субъект, который чужд простому индивидуальному действию. Закон, следовательно, есть нечто, настолько же далекое как от качества, так и от действия, насколько последние далеки друг от друга.

3. Манифестации Категорий

Первичность преобладает в идеях новизны (*freshness*), жизни, свободы. Свободное есть то, что не предполагает за собой определяющего его действия другого. Но когда есть идея отрицания другого, есть и идея другого. Такая негативность должна быть определена в качестве предпосылки, иначе мы не можем утверждать преобладания Первичности. Свободное может манифестировать себя только в неограниченном и неконтролируемом разнообразии и множественности, поэтому мы и определяем в них преобладание первого. В том же состоит и главный смысл кантовской идеи «многообразия чувственного». В кантовском понятии синтетического единства преобладает идея Троичности. Это единство приобретенное или достигнутое, и его лучше было бы назвать тотальностью, ибо именно в идее тотальности данная категория себя изначально находит. Первичность преобладает в идее бытия, но не в силу абстрактности этой идеи, а скорее по причине ее самодостаточности. При этом Первичность в большей степени преобладает не в лишенном каких-либо качеств бытии, но в бытии особенного и своеобразного. Она преобладает также в переживании (*feeling*), отличающемся от объективной перцепции, воли и мысли.

<...> Двоичность преобладает в идеях причинности и статической силы. Ибо причина и следствие образуют пару, а статическая сила всегда возникает внутри парного. Двоичность есть принуждение. Во временном потоке сознания прошлое оказывает прямое воздействие на будущее, следствием чего является память; будущее же воздействует на прошлое только посредством третьих (thirds). Феномены такого воздействия, имеющие место во внешнем мире, будут рассмотрены ниже. В чувственности и воле проявляет себя противодействие между *ego* и *non-ego* (каковое *non-ego* может быть осознаваемо напрямую). События воли, ведущие к действию, суть нечто внутреннее, и как волящие мы действуем в большей степени, нежели претерпеваем. События чувственности, предшествующие настоящему не суть наше внутреннее. Кроме того, на объект перцепции (под которым вовсе не следует понимать нечто, непосредственно воздействующее на нервные окончания) воздействие не оказывается. Здесь, следовательно, мы претерпеваем, а не действуем. Двоичность преобладает в идее реальности, ибо реальное есть то, что навязывает себя как нечто *другое* по отношению к тому, что создано умом. (Следует еще учесть, что до того, как французское *second* перешло в английский, слово *другой* представляло собой порядковое числительное, использовавшееся в значении *два*.) Реальное действует, что ясно уловимо, когда мы называем его *действительным*. (Это слово, благодаря аристотелевскому *ἐνέργεια*, действие, используется в значении «существующего» — как того, что противоположно состоянию чистой потенции.) Пропозиции дуалистической философии построены так, как если бы существовали только две альтернативы, не переходящие постепенно одна в другую. Например, мысль о том, что, пытаясь отыскать в феноменах закономерность, я должен связать себя пропозицией об абсолютной власти закона над природой, явным образом отмечена Двоичностью.

Под третьим я имею в виду посредника, или связующее звено между абсолютно первым и последним. Первое есть начало, второе — завершение (the end), третье — середина. Второе — это цель (the end), третье — сред-

ство. Третье — нить жизни, судьба, что обрывает ее — второе. Третье — развилка дорог, оно предполагает три пути; прямой путь, просто соединяющий два места, есть второе, но если это путь, на котором мы встречаем еще другие места, — это третье. Позиция есть первое, скорость или отношение двух последовательных позиций — второе, ускорение или отношение трех последовательных позиций — третье. Скорость, если она постоянна, также вовлекает в себя третье. Постоянство (*continuity*) — почти совершенная репрезентация Троичности. Всякое действие или процесс стремятся к нему. Сдержанность — также разновидность Троичности. Положительная степень прилагательного есть первое, превосходная — второе, сравнительная — третье. Всякое преувеличение в языке: «высочайший», «крайний», «несравненный», «наиважнейший» — привлекает ум, который думает о втором и забывает третье. Действие есть второе, поведение — третье. Закон как действующая сила — второе, порядок — третье. Сострадание, помогающее мне переживать и чувствовать то, что чувствует ближний, — это третье.

Идеи, в которых преобладает Троичность, как можно предположить, сложнее других и в большинстве своем требуют для своего понимания особого рассмотрения. От мысли обычной, поверхностной элемент содержащейся в этих идеях Троичности ускользает, ибо слишком для нее труден, и в подробном прояснении некоторых из них необходимость не отпала до сих пор.

Простейшая из тех, что представляют интерес для философии — это идея знака, или репрезентации. Знак замещает собой нечто, придерживаясь некоторой идеи (*stands for something to the idea*), которую он производит или изменяет. Он представляет собой средство, передающее сознанию нечто извне. [...] Особого внимания, благодаря своей значимости для философии, требуют наиболее известные идеи Троичности: всеобщность, бесконечность, постоянство, рассеивание, приращение, информация.

4. Первичность

[...] Среди фанеронов могут быть названы некоторые качества переживаний, такие как: цвет анилина, запах эфирного масла, звук паровозного свистка, вкус хинина, качество, присущее переживанию, сопровождающему обдумывание математической задачи, или чувству влюбленности и т. д. Я имею в виду не действительный опыт перечисленных переживаний, прямой или полученный посредством памяти или воображения — действительный опыт включает качества переживаний как свой составной элемент, — но качества сами по себе, которые суть чистые, не реализованные возможности. Читатель, возможно, будет со мной не согласен. Если так, следует напомнить: в данном случае нас не интересует ни истинность высказывания, ни даже происходящее в действительности. Должно обратить внимание на то, что слово *красный* означает неопределенное нечто, когда я говорю, что прецессия точек равноденствий настолько же красная, насколько и синяя; и означает то, что означает, когда я сообщаю, что красный анилин имеет красный цвет. Простое *качество* или таковость (*suchness*) сама по себе есть не событие, каковым является наблюдение красного объекта, но чистая возможность. Бытие качества состоит единственно в том, что в фанероне *могло бы* иметь место некоторое обособленное позитивное «так». Когда я называю это качеством, я не имею в виду его «свойственность» субъекту. То есть фанерон есть нечто совершенно особое по отношению к метафизической мысли, не вовлекающейся в чувственное восприятие, а следовательно, и в качество переживания, которое полностью удерживается и вытесняется из действительности чувственного восприятия. Немцы обычно называют эти качества переживаниями, например — переживания *удовольствия или боли*. Мне это кажется просто приверженностью традиции, никогда не подвергавшейся серьезной проверке наблюдением. Я могу представить себе сознание, вся жизнь которого, бодрствует оно, дремлет или крепко спит, не переполнена ничем, кроме фиолетового цвета или вони гнилой капусты. В данном случае все зависит только от моего вооб-

ражения, а не от того, что допускают законы психологии. Тот факт, что я способен это вообразить, показывает отсутствие у такого качества характера *всеобщности* в том смысле, в каком им обладает, скажем, закон тяготения. Ибо никто не смог бы вообразить, что данный закон обладает каким-либо бытием, если существование по крайней мере двух масс материи, или такой вещи как движение, было бы невозможно. Истинно общее не может обладать никаким бытием, если не существует некоторой перспективы его актуализации в некотором факте, который сам по себе не является законом или чем-то подобным закону. Качество переживания, как мне видится, можно вообразить и без привлечения некоторого события. Его бытие-в-возможности вполне обходится без какой-либо реализации.

Под переживанием я имею в виду состояние сознания, не предполагающее никакого анализа, сравнения или развития и не складывающееся в целом или части какого-либо акта, с помощью которого одно усилие сознания отличается от другого. Переживание обладает собственным положительным качеством, которое само по себе таково, что не зависит от чего бы то ни было еще и не заключает в себе ничего иного, кроме себя самого. Так что если переживание длится в течение некоторого времени, оно во всей своей полноте равным образом дано в каждый момент этого времени. Данное описание можно свести к определению: переживание есть пример такого рода элемента сознания, который есть то, что он есть положительно в самом себе, независимо от чего бы то ни было еще.

Значит, переживание не есть никакое событие, случай, нечто происходящее, поскольку происходящее не может происходить, если не существует такого времени, когда оно еще не происходило, так что оно есть не в себе, но относительно прошлого. Переживание есть *состояние*, собранное во всей своей полноте в каждый момент времени, пока оно длится. Но при этом оно не есть единичное состояние, ибо последнее не является точной копией (reproduction) себя самого. Ведь если такая копия находится в том же сознании, она должна иметь

место в другое время. Следовательно, бытие переживания будет соотнесено с конкретным временным отрезком, когда оно имело место, а это уже будет нечто отличающееся от самого переживания. Тем самым нарушается дефиниция переживания как того, что есть то, что оно есть, независимо от чего бы то ни было еще. Если копия одновременна переживанию, то она должна находиться в другом сознании, и таким образом, идентичность переживания должна зависеть от того сознания, в котором оно находится — что опять же противоречит данной дефиниции. Таким образом, всякое переживание должно быть идентично любой своей точной копии (duplicate), а это равносильно тому, чтобы определить переживание как простое качество непосредственного сознания.

Следует заметить, что опыт переживания, передаваемый во внешнем ощущении, может быть репродуцирован в памяти — отрицать это представляется абсолютно бессмысленным. Например, вы воспринимаете некий цвет, соответствующий свинцовому сурику. Он обладает определенным оттенком, яркостью и тоном. Эти три элемента не присутствуют в переживании отчетливо, каждый сам по себе, а следовательно, вообще не присутствуют в переживании, хотя и полагаются в нем, в соответствии с принципами науки о цветах, как выражение результатов определенных экспериментов с цветовым диском или каким-либо другим приспособлением. В этом смысле цветовые ощущения, выводимые в результате наблюдения свинцового сурика, передают определенный оттенок, яркость и тон, которые полностью определяют качество цвета. *Живость* <или ясность восприятия> цвета тем не менее независима ни от какого из трех указанных элементов и через четверть секунды после действительного восприятия существенно отличается в памяти от того, как она проявила себя в самом этом восприятии, хотя память при этом правильно передает оттенок, яркость и тон, истинность которых конституирует точную копию целого качества переживания.

Отсюда, *живость* <*ясность*> переживания, или, более точно — сознания переживания — независима от любого из компонентов качества этого сознания, а сле-

довательно, независимо от результирующего тех компонентов, чье качество-результат есть само переживание. Таким образом мы узнаём, чем ясность не является, и остается только выяснить, что же она такое.

Для настоящей цели будет полезным сделать две ремарки. Во-первых: всему, что бы ни находилось в уме, соответствует его непосредственное сознание, а следовательно, и переживание. Доказательство данной пропозиции очень поучительно в том, что касается природы переживания. Оно показывает, что если под психологией мы понимаем позитивную, основанную на наблюдении науку, изучающую ум или сознание, тогда — если согласиться с тем, что сознание как целое в любой момент времени есть не что иное, как переживание, — психология ничему не может нас научить о природе переживания, и мы не можем получить знание о каком-либо переживании путем интроспекции. Переживание совершенно недоступно для интроспекции именно потому, что представляет собой непосредственное сознание. Возможно, именно эту истину безуспешно пытался ухватить Эмерсон, когда писал:

*The old Sphinx bit her thick lip —
Said, «Who taught thee me to name?
I am thy spirit, yoke-fellow,
Of thine eye I am eyebeam.*

*«Thou art the unanswered question;
Couldst see thy proper eye,
Always it asketh, asketh;
And each answer is a lie».¹*

Но что бы он ни хотел сказать, ясно одно: непосредственно данное есть все, что находится в сознании в настоящий момент. Вся жизнь сознания — в его настоя-

¹ <Древняя Сфинкс, прикусив свою пухлую губу,/ спросила: «Кто открыл тебе мое имя? Я дух твой, смертный,/ я — ока твоего мгновенный свет./ Ты — вопрос, остающийся без ответа./ Если бы только твой подлинный глаз мог видеть,/ но он все спрашивает, спрашивает,/ и всякий ответ оборачивается ложью».>

щем. Но если задаться вопросом о содержании настоящего, вопрос всегда приходит с опозданием. Настоящее уходит, и все, что остается от него, — неузнаваемо изменено. Человек может, правда, осознать, что в тот или иной момент времени, например, смотрел на образчик красного сурика и должен был видеть цвет, который, как это теперь выясняется, есть нечто положительное, *sui generis* и имеет природу переживания. Однако непосредственное сознание, если только человек не находится в полусне, не может быть без остатка заполнено ощущением цвета. И если переживание есть нечто абсолютно простое и не имеет частей — каковым оно, очевидно, и является, — оно есть то, что оно есть, независимо от чего бы то ни было еще, а значит, и от какой-либо части, которая была бы чем-то отличным от целого. Следовательно, если восприятие красного цвета не является целым переживания настоящего, оно не имеет ничего общего собственно с переживанием момента настоящего. Конечно, хотя переживание представляет собой непосредственное сознание, т. е. все, что может для сознания непосредственно присутствовать, все же сознание в нем отсутствует, ибо переживание не длится. Ведь мы уже видели, что переживание есть не что иное, как качество, т. е. нечто помимо сознания, а именно — простая возможность. Правда, мы можем определить, что представляет собой переживание в общем и целом, что, к примеру, это или то красное есть переживание. Мы можем с легкостью предположить, что некто должен иметь данный цвет как целое своего сознания на протяжении некоторого времени, и поэтому в каждый отдельный момент этого времени. Но тогда этот некто никогда бы не знал ничего о своем сознании и не был бы способен мыслить ничего, что можно было бы выразить в виде пропозиции. У него не могло бы возникнуть соответствующей идеи, так как он был бы ограничен только переживанием цвета. Если вы осознаёте, что должны были в тот или иной момент смотреть на данный образчик свинцового сурика, вы осознаёте, что указанный цвет имеет некоторое сходство с вашим переживанием в тот момент. Но это означает ни больше ни меньше, как только то, что когда переживание уступает место сравнению, воз-

никает сходство (*resemblance*). В самом переживании не присутствует никакого сходства, ибо переживание есть положительно то, что оно есть, независимо от чего бы то ни было еще, а сходство находит себя в сравнении с чем-то другим. [...]

Всякая сколь угодно сложная деятельность сознания имеет свое абсолютно простое переживание, или эмоцию *tout ensemble*. Это вторичное переживание или ощущение, возникает в сознании так же, как качества внешнего чувства вызываются извне в соответствии с некими психическими законами. На первый взгляд кажется необъяснимым, что едва уловимая разница в скорости вибрации вызывает такое заметное различие качеств, как, например, различие между темной киноварью и фиолетово-голубым. Но не следует забывать, что именно в силу несовершенства нашего знания об этих вибрациях мы и представляем их абстрактно, как различающиеся только количественно. В поведении электронов уже можно уловить намеки, что низкая и высокая скорости имеют различия, которые нами не осознаются. Многие удивляются, как мертвая материя может вызывать переживания в сознании. Я же, со своей стороны, вместо того, чтобы удивляться, как это может быть, склонен вовсе отрицать, что это возможно. Новые открытия лишней раз напоминают нам, насколько мало мы знаем о том, как устроена материя. Моя точка зрения состоит в том, что психическое переживание красного вне нас возбуждает симпатическое переживание красного в наших чувствах.

Что же есть *качество*?

Отвечая на этот вопрос, прежде необходимо определить, чем оно не является. Оно не есть нечто зависимое в своем бытии от сознания, будь то в форме чувственного восприятия или мысли, а также и от того факта, что некоторые материальные вещи им обладают. То, что концептуалисты признают зависимость качества от чувственного восприятия, является их большой ошибкой, равно как непростительной оплошностью всех номиналистических школ является признание его зависимости от субъекта, в котором оно находит свою реализацию. Качество есть чистая абстрактная потенциальность. Про-

счет всех перечисленных направлений — в убеждении, что потенциальное или возможное есть лишь то, чем делает его действительное. Неверно полагать, что только целое есть нечто, а его составляющие, как бы ни были они для него существенны, суть ничто. Опровержение данной позиции основывается на доказательстве того, что никто находящийся в здравом уме ее последовательным образом не придерживается и не может придерживаться. В тот момент, когда пальба прекращается и туман полемики рассеивается, все участники бегут с поля битвы, стремясь поскорее вооружиться какой-нибудь другой теорией. Во-первых, если качество красного цвета зависит от кого угодно, кто действительно видит нечто красное, то красное не является таковым в темноте, что противоречит здравому смыслу. Я спрашиваю концептуалиста: «Действительно ли Вы отрицаете, что в темноте красные тела способны передавать свет в низких областях спектра? Правда ли Вы полагаете, что кусок железа, не находящийся под прессом, теряет способность сопротивляться давлению? Если так, Вы либо должны считать, что данные тела в указанных обстоятельствах изменяют свойства на противоположные, либо придерживаться мнения, что таковые в подобном случае вовсе теряют всякую определенность. Если Вы утверждаете, что красное тело в темноте приобретает способность поглощать длинные волны спектра, а железо при небольшом давлении — уплотняться, тогда, даже учитывая то обстоятельство, что Вы принимаете такую точку зрения, не заботясь о подтверждающих ее фактах, Вы все равно соглашаетесь тем самым, что качества существуют даже не будучи воспринимаемыми, при этом распространяя данное убеждение на качества, для убеждения в существовании которых нет никаких оснований. Если Вы, так или иначе, считаете, что тела теряют определенность в отношении качеств, которые не воспринимаются как им принадлежащие, то — поскольку в любой момент времени с восприятием дело и обстоит именно таким образом в отношении огромного большинства качеств любого тела — Вы должны признавать существование универсалий. Другими словами, Вы отрицаете конкретное и не только убеждены в существовании качеств, или,

что то же — универсалий, но полагаете, что только из них и состоит весь универсум. Необходимость быть последовательным обязывает Вас утверждать, что красное тело красное (или что оно имеет некоторый цвет) в темноте, а твердое тело обладает определенной степенью твердости, когда на него не оказывается давление. Если Вы пытаетесь избежать неприятностей, проводя различие между реальными, а именно — механическими, и нереальными или ощутимыми качествами, — пусть так, ибо не допустили противоречий в существенном. В то же время, для любого современного психолога подобное определение неприемлемо. Далее, Вы, возможно, забыли, что реалист полностью согласен с тем, что чувственное качество есть только лишь возможность восприятия, но вместе с тем он полагает, что возможность остается возможной, даже когда она не актуализирована. Восприятие необходимо для ее схватывания (*apprehension*), но никакое восприятие или способность чувствовать не является необходимым для возможности, если таковая есть бытие качества. Давайте не будем ставить телегу впереди лошади, а развернутую действительность впереди возможности, как если бы последняя *вовлекала* (*involved*) то, что на деле только *разворачивает* (*evolves*). То же может быть сказано и в адрес других номиналистов. Невозможно быть последовательным, утверждая, что качество существует, только когда принадлежит телу. Если бы так обстояло дело, ничто кроме единичных фактов нельзя было бы признать истинным. Законы следовало бы счесть фикциями. Номиналисты и правда возражают против слова «закон», предпочитая говорить «единообразие», ибо убеждены, что, поскольку закон выражает лишь то, что *могло бы* произойти, но не происходит, само понятие бесполезно и недействительно. Если не существует иных законов кроме поддерживающих действительные факты, будущее совершенно неопределенно и, следовательно, по своему характеру есть нечто в высшей степени общее. В таком случае не существовало бы ничего, кроме мгновенного состояния, тогда как очень просто показать, что, если мы собираемся настолько свободно объявлять те или иные элементы фикциями, мгновенное будет первым, что мы должны будем объявить одной из

них. Должен признаться, что не хотел бы предпринимать особых усилий для разоблачения доктрины столь чудовищной и только теперь теряющей былую популярность.

О том, чем качество не является, сказано достаточно. Теперь о том, что оно *есть*. Мы не станем ориентироваться на те значения, которые приписывает данному слову то или иное употребление его в языке. Мы уяснили для себя, что элементы феноменов подразумевают три категории: качество, факт и мысль. Теперь необходимо рассмотреть, как следует определить качества, чтобы наше определение соответствовало сути установленной классификации. Чтобы удостовериться ее, мы должны выяснить, как качества схватываются в сознании, с какой точки зрения они находят свое выражение в мысли и что будет и должно быть раскрыто в данном способе схватывания.

Существует точка зрения, по которой весь универсум феноменов состоит исключительно из воспринимаемых качеств. Что в данном случае имеется в виду? Мы следуем за каждой частью целого, как она является в себе, в своей таковости, обделив вниманием то, что связывает части друг с другом. Красное, кислое, зубная боль — каждое есть *sui generis* и недоступно для описания. Они суть в себе, и это все, что мы можем о них сказать. Вообразим одновременно сильнейшую зубную и разрывающую на части головную боль, раздробленный палец, ноющую мозоль на ноге, ожог и колики, но не обязательно мучающие нас одновременно — мы можем дать здесь место неопределенности, — и проследи м не за каждой отдельной частью воображаемого, но за результирующим целое впечатлением. Это даст нам идею общего качества боли. Мы видим, что идея качества есть идея феномена (или неполного феномена), рассматриваемого как монада. При этом отсутствует какая-либо ссылка на ее части, компоненты или что-либо еще. Нас не должно интересовать, существует она или только воображается, так как существование зависит от своего субъекта, имеющего место в общей системе универсума. Элемент, отделенный от всего остального и находящий себя нигде более, как только в себе самом, может быть, если мы подверг-

нем рефлексии его изоляцию, определен как чисто потенциальное нечто. Но мы не должны при этом обращать внимание на любое определенное отсутствие чего-либо другого, так как имеем в качестве предмета рассмотрения лишь тотальность как таковую. Мы можем терминологически определить данную особенность феномена как его *монадический* аспект. Качество есть то, что дает себя в *монадическом* аспекте.

Феномен может иметь какую угодно сложную и гетерогенную структуру. Но это обстоятельство не внесет в качество никакого особенного различия, наоборот, оно сделает его более общим. При этом одно качество в себе, в своем монадическом аспекте, не является более общим, чем другое. Результирующее его действие не имеет частей, качество в себе неразложимо и есть нечто *sui generis*. Когда мы говорим, что качество имеет общий характер, что оно есть неполная определенность, чистая потенциальность и т. д., мы выражаем то, что истинно о качествах, но не имеет никакого отношения к качественной составляющей опыта.

Опыт есть течение жизни, мир же есть то, что насаждается опытом. Качество представляет собой монадический элемент мира. Что бы то ни было, какой угодно степени сложности, имеет свое качество *sui generis*, предполагает возможность его восприятия, если только чувства наши к таковому способны.

5. Двоичность

Мы живем в двух мирах: мире фактов и мире фантазий. Каждый из нас привычно полагает себя творцом собственного воображаемого мира. Он считает, что в этом мире вещи существуют по его желанию, которое не требует усилия и которому ничто не может сопротивляться. И хотя такое убеждение слишком далеко от истины, чтобы я не усомнился в том, что большая часть читательского труда тратится теперь именно на фантазии, все же для первого приближения к истине достанет и этого. Мы называем мир фантазии внутренним миром, мир факта для

нас — нечто внешнее. И в этом последнем каждый из нас хозяин своих произвольных мышц и ничего более. Но человек изобретателен и стремится извлечь из того, чем он обладает, больше, нежели может показаться необходимым. Защищаясь от упрямых фактов, он делает мир для себя привычным и полным удобств. Не стремись он приобрести привычки, он бы всякий раз вынужден был обнаружить, что его внутренний мир потревожен, а его желания обращены в ничто грубыми вторжениями извне. Я объясняю такие вынужденные изменения способов мышления влиянием мира фактов, или *опыта*. Привычки подобны одежде, которую человек латает, пытаясь выяснить природу и причины этих внешних вторжений и изгоняя из своего внутреннего мира те идеи, которые приносят ему беспокойство. Вместо того, чтобы ждать, когда опыт застигнет его врасплох, он, не причиняя себе вреда, провоцирует его сам и в соответствии с результатами изменяет установки своего внутреннего мира.

Некоторые авторы настаивают на том, что опыт целиком состоит из чувственного восприятия. Возможно, что всякая составляющая опыта и правда в первый момент обращена к внешнему объекту. Тот, кто утром, к примеру, встал не с той ноги, обвиняет в этом все, что только попадает на глаза. В этом и состоит опыт, сопутствующий его плохому расположению духа. Однако было бы неправильным утверждать, что он *воспринимает* порочность, которую он несправедливо приписывает внешним объектам.

Мы воспринимаем внешние нам объекты, но то, что мы действительно получаем опытным путем — то, к чему слово «опыт» гораздо более применимо, — есть событие. При этом нельзя считать событие в точности объектом нашего восприятия, ибо это потребует от нас того, что Кант называл «синтезом схватывания», хотя в данном случае мы ни в коем случае не ставим себе задачей в точности следовать его определению. Мимо меня стремительно проносится локомотив со включенным свистком. Когда он минует то место, где я стою, звук, как это и должно быть, изменяет тон на более низкий. Я вос-

принимаю свисток. У меня есть ощущение звука свистка. Но я не могу сказать, что ощущаю изменение тона — у меня есть ощущение низкого тона свистка. Знание об изменении есть знание в большей степени интеллектуальное. Его я скорее познаю на опыте, нежели воспринимаю. С событиями, с изменениями восприятия нас сближает именно опыт. Внезапные изменения восприятия мы можем предельно точно охарактеризовать как *шок*. Шок представляет собой феномен воли. Долгий свисток приближающегося локомотива, как бы он ни был мне неприятен, вызывает во мне определенного рода инерцию, так что внезапное понижение тона встречает определенного рода сопротивление. Так складывается факт. Ибо если бы сопротивление не оказывалось, во время изменения тона не происходил бы шок. Шок есть нечто безошибочное, и слово «опыт» мы используем, когда речь идет именно об изменениях и контрастах в восприятии. Опытным путем мы узнаем превратности перемен (*vicissitudes*). Мы не можем иметь опыт этих превратностей без опыта восприятия, претерпевающего изменения, однако понятие *опыта* шире понятия *восприятия* и включает в себе многое из того, что не является, в точном смысле этого слова, объектом восприятия. Опыт конституирует скрывающее нас принуждение, которое заставляет нас изменять ход наших мыслей. Принуждение не существует без сопротивления, сопротивление же есть попытка противостоять изменениям. Поэтому опыт должен включать в себя элемент усилия, который всякий раз придает ему особенный характер. Но мы, как только вполне определили этот характер, всякий раз расположены уступить влиянию, так что чрезвычайно трудно убедить себя в том, что хоть какое-то сопротивление имеет место. Мы, можно сказать, едва знаем о нем, разве что благодаря аксиоме, по которой никакая сила не может действовать там, где отсутствует сопротивление или инерция. У того, кто со мной не согласен, есть право самому исследовать проблему. Возможно, ему и удастся определить природу феномена сопротивления в опыте и его отношение к воле лучше, чем это сделано мной. Но я вполне уверен, что основным результатом его исследования неизбежно ста-

нет сам факт присутствия в опыте элемента сопротивления, не столь уж легко логически отделимого от воли.

Вторая категория, [...] <которую нам следует рассмотреть>, есть элемент борьбы (struggle). Она находит себя даже в такой рудиментарной составляющей опыта, как простое переживание, ибо переживание всегда обладает той или иной степенью ясности или живости. Живость представляет собой взаимообразное движение, возникающее в результате столкновения действия и противодействия между нашей душой и стимулом. Даже если, пытаясь отыскать идею, не содержащую в себе элемент борьбы, мы вообразим универсум, состоящий из единственного качества, всегда остающегося неизменным, наше воображение все равно должно обладать той или иной степенью устойчивости, иначе мы не могли бы думать или задаваться вопросом о существовании объекта, имеющего некоторую положительную таковость. Устойчивость гипотезы, позволяющая нам думать о ней, или, более точно — манипулировать ей в нашем сознании, ибо обдумывание гипотезы действительно состоит в том, что, учитывая ее, мы производим некоторый мысленный эксперимент, — заключается в том, что если наши умственные манипуляции достаточно настойчивы, гипотеза будет сопротивляться своему возможному изменению. Далее, там, где не проявляет себя никакое силовое воздействие или сопротивление, не может идти речи и о борьбе или о каком-либо силовом воздействии. Под борьбой я имею в виду взаимодействие между двумя вещами, происходящее вне зависимости от любого рода третьего или посредника, в особенности от способного управлять действием закона.

Неудивительно, если находятся такие, кто предполагает, что идея закона играет существенную роль в идее взаимодействия между двумя вещами. Однако данное предположение совершенно неверно. Мы должны учесть простую вещь: ни один из тех, кто привык смотреть на мир с позиций детерминизма, еще никогда не оказывался в силах отучить себя от идеи о том, что он при любых обстоятельствах способен выполнить абсолютно любой волевой акт. Это один из ярчайших примеров того, как

предвзятая теория может сделать человека слепым по отношению к фактам — ведь как полагают многие детерминисты, никто в действительности не верит в свободу воли, — и тем не менее, высказывающий подобную точку зрения начинает в нее верить, как только прекращает теоретизировать. Так или иначе, данная проблема слишком незначительна, чтобы уделять ей еще больше внимания. Оставайтесь детерминистом, если это себя оправдывает. И все же, думаю, Вы должны принять, что ни один из законов природы не может заставить камень упасть, лейденскую банку — опустошиться, а паровую машину — начать работать.

[...] Что есть *факт*?

Как уже отмечалось, мы заинтересованы не в способах употребления слова «факт» в языке. Наша задача в том, чтобы найти определение понятию факта, которое бы не только доказывало истинность установленного нами разделения составляющих феномены элементов на качество, факт и закон, но и демонстрировало бы реальную значимость этого разделения, как соответствующего всем тем характеристикам, которые присущи феноменальному миру в целом. Для начала нам необходимо отметить то, что не входит в данную категорию. Таково общее, а вместе с ним постоянное, вечное (ибо постоянство есть род всеобщности) и условное (которое также подразумевает всеобщность). Всеобщность может обладать либо негативностью, о которой мы говорим, когда имеем в виду чистую потенциальность как таковую и которая составляет особенность категории качества, либо позитивностью, к которой мы обращаемся в разговоре об условной необходимости, и в этом смысле имеется в виду категория закона. Данные исключения ограничивают категорию факта, во-первых, тем, что логики называют *случайным* (contingent), т. е. непредумышленно действительным, и, во-вторых, безусловно необходимым, т. е. силой, не управляемой законом или разумом, *грубой* силой.

Кто-то может возразить, что в универсуме не существует таких феноменов, как грубая сила и свобода воли, или ничто не происходит случайно. Я не присоединяюсь

ни к одной из указанных точек зрения. Однако, если даже принять обе, то при рассмотрении сингулярного действия в себе, вне зависимости от всякого другого действия, а следовательно, и от их возможного единообразия, мы видим, что оно само по себе грубо, проявляется при этом грубая *сила* или нет. Теперь следует показать, в каком смысле действию сопутствует проявление силы. То, что феномен в *каком-то* смысле указывает на проявление силы, не обнаруживая при этом связь с каким-либо из элементов закона, на самом деле известно каждому — именно такого рода указание мы часто склонны обнаруживать в собственных волевых усилиях. Подобным же образом, если мы рассмотрим любую индивидуальную вещь, оставляя при этом в стороне остальные — перед нами феномен, который действителен, но *в себе* не необходим. Мы отнюдь не считаем, что называемое в данном случае фактом исчерпывает феномен. Он представляет собой элемент последнего — настолько, насколько принадлежит определенному месту и времени. И я полностью согласен с тем, что когда в расчет принимается нечто большее, наблюдатель в каждом случае попадает в сферу закона.

6. Троичность

[...] Для создания полного представления о том, что мы называем мыслью, двух рассмотренных категорий [Первичности и Двоичности] недостаточно. Мы можем теперь сказать, что основу нами уже сделанного составляет Двоичность, или, лучше сказать, Двоичность представляет собой главное свойство проделанной работы. Непосредственно данное, если бы мы могли ухватить его, имело бы своим единственным свойством Первичность. Я не имею в виду, что непосредственное сознание (которое представляет собой чистую фикцию) есть собственно Первичность. Я хочу сказать, что Первичность есть не являющееся фикцией *качество* непосредственно нами сознаваемого. Но мысль наша обращена в будущее. Далее, в соответствии с нашей концепцией, то, что мысль полагает как наше будущее, никогда не может целиком

стать прошлым, иными словами, то, что мы называем *значениями*, — неисчерпаемо. Мы привыкли не находить никакой связи между тем, что некто <намеревается или> *назначает себе* (means) сделать и *значением* (meaning) слова. Или же считаем, что эти два значения слова «значение» связаны только ссылкой на одну и ту же умственную операцию. Профессор Ройс в своем труде «Мир и индивид» с успехом опровергает данную точку зрения. Единственное различие на деле состоит в следующем: когда человек *назначает себе* сделать то-то и то-то, он пребывает в состоянии, вследствие которого грубое противодействие между вещами должно смениться приведением их отношений к соответствию друг с другом, так, чтобы это соответствие имело ту форму, которую имеет сознание самого этого человека; в то время как значение слова состоит в том способе, которым, заняв правильное положение в выражающей убеждение пропозиции, оно могло бы помочь привести поведение человека в соответствие той форме, которую имеет оно само.¹ Значение всегда, с той или иной степенью успеха, в конечном счете сводит противодействие внешнего к собственной форме. Более того, только в силу выполнения этой функции оно и может быть названо значением. Поэтому я называю данный элемент феномена, или объекта мысли, Троичностью. Последняя есть то, что она есть, благодаря тому, что приписывает качество возможному будущему противодействию.

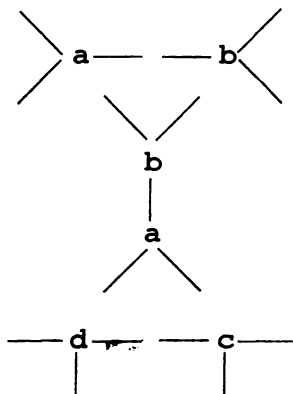
Я кратко изложу доказательство того, что идея значения несводима только к идеям качества и противодействия. Оно основывается на двух посылках: (1) всякое подлинно триадическое отношение подразумевает значение в силу того, что последнее само по себе и есть триадическое отношение; (2) триадическое отношение непе-

¹ <Намерение *выплавляет* (moulds) форму соответствия между вещами, а значение способствует или *контролирует* приведение в соответствие с этой формой (tends to mould) поведения. Таким образом, значение понятия, весь объем которого занимают гипотетические практические результаты, исполняет роль эффективного посредника между внутренней мотивацией и позицией действия.>

редаваемо посредством только диадических отношений. Истинность первой из двух указанных посылок, которая утверждает, что всякое триадическое отношение вовлекает значение, становится ясной далеко не сразу. Данное положение может быть исследовано двояко. Во-первых, физическая сила всегда присутствует там, где есть пары частиц. Об этом писал в своей работе «О сохранении сил» (*On the Conservation of forces*) Гельмгольц. Возьмем любой пример триадических отношений — т. е. факт, определяемый только через одновременную референцию к каждой из составляющих некоторой триады, — в физике. Какой бы пример вы не выбрали, у вас не будет недостатка в свидетельствах в пользу того, что такое отношение никогда не складывается при участии сил, действующих на основании только диадических отношений. Так, вашей правой рукой будет та, что с *восточной* стороны, если вы стоите лицом на *север* и головой к *зениту*. Восток, запад и зенит организуют факт различия между правым и левым. Если обратиться к химии, субстанции, вращающие плоскость поляризации вправо или влево, могут быть произведены только [подобными им] активными субстанциями. Их общая организация настолько сложна, что они не могли существовать, когда температура Земли была еще очень высока, и как возникла первая из них — для нас неизвестно. Ясно лишь то, что это не могло произойти под действием грубых сил. Во-вторых, вам необходимо будет проанализировать отношения, начав с тех, чей триадический характер очевиден, и затем постепенно перейти к остальным. Так вы сможете убедиться, что всякое подлинное триадическое отношение затрагивает мысль или *значение*. Возьмем, к примеру, отношение *дарения*. А *дарит* предмет В некоему С. Эти отношения не сводятся к тому, что А выбрасывает В, который случайно попадает к С, как финиковая косточка джинну в глаз. Если бы дело обстояло таким образом, отношение не имело бы подлинно триадический характер, но представляло бы собой простую последовательность двух диадических отношений, в которых отсутствовал бы сам акт дарения. Дарение есть передача прав собственности. Право руководствуется законом, а закон управляется мыслью и обладает значени-

ем. Здесь я оставляю предмет на ваше собственное усмотрение и добавлю только, что хотя я и использовал слово «подлинный», оно в данном случае не так уж необходимо, ибо полагаю даже вырожденные триадические отношения затрагивающими нечто подобное мысли.

Вторая из приведенных предпосылок, утверждающая, что подлинные триадические отношения никогда не могут быть составлены из диадических отношений и качеств, становится ясна на примере экзистенциальных графов. Пятно с одной дугой —X репрезентирует каче-

ство, пятно с двумя дугами —R— репрезентирует диадическое отношение. Соединение концов двух дуг также дает диадическое отношение. Но при помощи такого соединения вы никогда не сможете получить граф с тремя дугами. Вы можете считать, что узел, соединяющий три линии тождества Y, не является триадической идеей. Однако анализ показывает, что это действительно так. В понедельник я вижу какого-то человека. Во вторник я также сталкиваюсь с неким человеком и замечаю: «Это *тот самый* человек, которого я видел в понедельник». Можно с полным основанием утверждать, что в данном случае имел место опыт идентификации. В среду мне встречается какой-то человек, и я говорю: «Это тот человек, с которым я встретился во вторник, а значит, его же я видел и в понедельник». Теперь мы имеем уже триадически выстроенную идентификацию. При этом о ней можно говорить только как о результате вывода из двух

посылок, который сам по себе есть триадическое отношение. Если я вижу двух человек одновременно, я не могу иметь прямой опыт идентификации их обоих с человеком, которого я видел до этого. Я способен это сделать, только если рассматриваю их не в качестве *тех же самых*, но как две различные манифестации одного и того же человека. Но идея *манифестации* — это идея знака. Знак же есть некоторое А, осуществляющее денотацию некоторого факта или объекта В для некоторой интерпретирующей мысли С.

Интересно отметить, что если граф с тремя дугами не может быть получен из графов, имеющих одну или две дуги, то из сочетаний графов, каждый из которых имеет три дуги, может быть построен граф с любым количеством дуг, превышающим три.

Подробный разбор показывает, что всякое четверичное, пятеричное или имеющее еще сколь угодно большее количество коррелятов отношение сводится к совокупности триадических отношений. Поэтому организующие такое отношение Первичность, Двоичность и Троичность являются элементарными составляющими феномена.

7. Категории и сознание

Идеи первого, второго и третьего суть неизменные составляющие нашего знания. И либо они непрерывно даны нам в чувственном опыте, либо же ум особым образом вплетает их в наши мысли. Было бы ошибкой считать их материалом, поставляемым чувствами — первое, второе и третье не являются ощущениями. Они могут быть даны в чувственном восприятии только посредством вещей, которые мы наделяем именами первого, второго и третьего — именами, которые обычно не даются вещам. Поэтому они должны иметь психологическое происхождение. Нужно быть бескомпромиссным приверженцем теории *tabula rasa*, чтобы отрицать, что идеи первого, второго и третьего обусловлены врожденными наклонностями ума. Так что в моем суждении нет ничего, что отличало бы его от многого из того, что было

сказано на этот счет Кантом. Я, однако, склонен не останавливаться на этом и попробовать найти подтверждение полученному заключению, обратившись к независимым фактам психологии. Тем самым я хочу выяснить, можем ли мы обнаружить какие-либо следы существования трех частей, способностей души, или модусов сознания, подтверждающих полученный нами результат.

Три области проявления жизни сознания, принимаемые после Канта к рассмотрению большинством философов как само собой разумеющиеся, это: Переживание [удовольствия или боли], Знание и Воление. Единодушие, с которым всегда принимается данное разделение, довольно удивительно. Оно вовсе не берет свое начало собственно в идеях Канта, напротив — оно заимствуется им из догматической философии. Принимая его, Кант совершенно очевидно делает догматизму уступку, против которой ничего не возражает даже психология. Между тем основным учением последней такое разделение совершенно противоречит.

В этом смысле психология открыта для целого ряда возражений, находящих свои основания как раз в том, на чем держится само разделение. Во-первых, желание содержит в себе элемент удовольствия в той же степени, что и элемент воли. Желание не то же, что воление. Оно представляет собой его умозрительную (*speculative*) разновидность, смешанную с умозрительным предожиданием удовольствия. Поэтому в определении третьей способности, продолжая учитывать волевой акт, мы должны отказаться принимать в расчет желание. Но волевой акт без желания не будет собственно желаемым (<осознанно волевым>; *not voluntary*), в этом случае он есть чистая активность. Следовательно, всякая активность, желаемая она или нет, должна быть отнесена к третьей категории. Так, внимание представляет собой род активности, который иногда желаем, а иногда и нет. Во-вторых, удовольствие и боль не являются истинными переживаниями и могут быть распознаны как таковые только в суждении — как приписываемые переживаниям общие предикаты. Остающееся же чистое пассивное чувство, которое не действует, не судит и, обладая всеми качествами, эти качества никак не обнаруживает — ибо ничего не

анализирует и ничто ни с чем не сравнивает, — является таким элементом всякого сознания, который как раз нуждается в отличающем его от других названии. В-третьих, всякий феномен нашей сознательной жизни в той или иной степени есть познание, равно как и всякая эмоция, игра страстей, проявление воли. Но похожие модификации сознания должны иметь общую составляющую. Поэтому познание не имеет в себе никаких различий и не может быть признано основополагающей способностью. Если мы зададимся вопросом, существует ли в сознании элемент, который не является ни переживанием, ни чувством, ни активностью, то мы все же обнаружим нечто — способность к приращению знаний, восприятию, памяти, способность к логическому выводу и синтезу. В-четвертых, еще раз обратившись к рассмотрению активности, мы убеждаемся в том, что ее осознание возможно для нас только благодаря ощущению сопротивления. Сталкиваясь с препятствием, мы осознаем, что воздействуем на нечто, или что нечто воздействует на нас. Но происходит ли активность извне или внутри, мы узнаем не благодаря изначальной способности распознавать факт, а только по вторичным признакам.

Итак, остается признать, что истинными категориями сознания являются: первое, или переживание — сознание, которое может быть полностью заключено в том или ином моменте времени, пассивное качественное состояние, не осознаваемое и не поддающееся анализу; второе — ощущение сознанием вмешательства в его собственное поле, ощущение сопротивления, встреча с внешним фактом, с чем-то иным; третье — синтетическое сознание, связанный временной поток, приращение знаний, мысль.

Если мы принимаем эти категории и рассматриваем их как основополагающие простейшие модусы сознания, они допускают психологическое обоснование трех логических концепций: качества, отношения и синтеза (или опосредования). Понятие абсолютно простого в себе, но проявляющего себя через свои отношения качества необходимо, когда объектом рассмотрения становится переживание, или сингулярное сознание. Понятие отношения берет начало в идее двойственного сознания или

ощущении действия и противодействия. Понятие опосредования возникает из рассмотрения множественного сознания или ощущения прибавления знания.

[...] Мы запоминаем это [ощущение], т. е. имеем другое знание о нем, которое ответственно за его воспроизводство. Но мы знаем, что между содержанием памяти и ощущением не может возникать сходства. Во-первых, ничто не может иметь сходство с непосредственным переживанием, ибо сходство подразумевает расчленение и перестановку, которые совершенно невозможно произвести с непосредственным. Во-вторых, память представляет собой различаемую в своих частях совокупность и результат перестановок, бесконечно и неизмеримо отличающийся от переживания. Взгляните на красную поверхность и попытайтесь проникнуться этим ощущением, затем закройте глаза и вспомните то, что видели. Безусловно, память разных людей работает по-разному, и в некоторых случаях мы получим прямо противоположные друг другу результаты. Я, к примеру, не нахожу в своей памяти ничего похожего на визуальное восприятие красного цвета. Когда красная поверхность не находится у меня перед глазами, я ее вовсе не вижу. Некоторые утверждают, что могут ее очень смутно различить — это наиболее неудобный тип памяти, которая может воспроизвести ярко-красный как бледный или тусклый. Я помню цвета с необычайной точностью, так как долгое время упражнялся в наблюдении различных оттенков, но память моя не содержит никаких визуальных впечатлений. Она подчиняется привычке, помогающей мне распознать цвет, который либо похож, либо не похож на тот, что я видел ранее. Но даже если память некоторых людей по природе своей склонна производить галлюцинации, остается еще немало доводов в пользу того, что непосредственное сознание, или переживание, есть нечто абсолютно ни с чем не сравнимое.

Существуют очень веские причины для возражений против того, чтобы ограничивать третье сознание единственно волей. Один крупный психолог сказал, что воля есть не что иное, как сильнейшее желание. Я бы не стал полагаться на эту точку зрения, ибо она упускает из виду факт, дающий о себе знать с навязчивостью, превосходя-

щей всякий другой из наблюдаемых нами фактов, а именно — наличие существенного различия между мечтой и реальным положением дел. Данное различие не упирается в определение опытного знания, но заключено в способе, которым мы отмечаем то, что познаем посредством опыта. Если же некто позволяет себе смешивать желание и реальное действие — он очевидно грезит наяву. Так или иначе, кажется достаточно очевидным, что сознание воления не отличается — а если и отличается, то весьма незначительно — от ощущения. Ощущение, которое мы испытываем, когда воздействуем на нечто, очень похоже на ощущение, испытываемое нами при оказании воздействия на нас, поэтому оба эти ощущения следует отнести к одному и тому же классу. Общим элементом в них является действительность происходящего, ощущение реального действия и противодействия. Этот тип опыта характеризуется сильным чувством реальности, жестким размежеванием субъекта и объекта. Я спокойно сижу в темноте, и вдруг включается яркий свет. В этот момент я сознаю не процесс происходящего изменения, но нечто едва превышающее содержание самого момента. Я испытываю ощущение переворота, ощущение того, что данный момент имеет две стороны. Сносное описание тому, что со мной происходит, может дать понятие полярности. Итак, волю, как один из наиболее значимых типов сознания, мы заменяем ощущением полярности.

Но наиболее запутанным и неопределенным из трех членов рассматриваемого нами разделения в его обычной формулировке является Познание. Во-первых, в познании участвует абсолютно всякий тип сознания. Переживания — в той степени, в которой они принимаются в качестве одной из значимых частей феномена — формируют подоснову и саму текстуру познания. Даже в том вызывающем возражения смысле, в котором они предстают как переживания удовольствия и боли, они все равно суть непрменные составляющие познания. Воля в форме внимания также непрерывно участвует в познании, равно как и чувство реальности или объективности, т. е. то, что, как мы выяснили, должно при рассмотрении сознания занять место воли — и даже в более значи-

тельной степени. Но есть еще один элемент познания, не являющийся ни переживанием, ни ощущением полярности. Это сознание развития или приращения знания, восприятия, умственного совершенствования, которое представляет собой важнейшую из характеристик сознания. Это тип сознания, которое не может быть непосредственным. Оно требует времени, и не только лишь в силу того, что длится, переходя от одного момента времени к другому, но и потому еще, что не может целиком содержаться в ни в одном из них. Оно отличается от непосредственного сознания подобно тому, как мелодия отличается от длящейся ноты, равно как не исчерпывается и двусторонним сознанием внезапного события в его индивидуальной реальности. Это сознание синтеза, связующее звено нашей жизни.

Итак, мы имеем три радикально отличающиеся друг от друга элемента сознания, только эти, и никакие более. Они очевидным образом связаны с идеей простой последовательности чисел один, два и три. Непосредственное переживание есть сознание первого, ощущение полярности есть сознание второго, синтетическое сознание есть сознание третьего (или опосредования).

Взаимосвязанность категорий

Возможно, было бы неправильным рассматривать данные категории в качестве понятий. Они настолько неуловимы, что скорее представляют собой тона или оттенки понятий. Когда я только еще начинал работу над списком, я выделил три уровня отличия идей друг от друга. Первый уровень составляют идеи, имеющие друг с другом настолько мало общего, что одна из них может быть представлена сознанию в образе, который вовсе не содержит другую. В этом смысле мы можем вообразить нечто *красное*, не представляя при этом ничего голубого, и наоборот. Мы можем вообразить звук без мелодии, но при этом, воображая мелодию, не можем обходиться без звука. Данный тип разделения я называю *диссоциацией*. Второй уровень описывает случаи, когда два поня-

тия не могут быть четко отделены одно от другого в воображении, но при этом мы часто способны полагать одно из них, не полагая другого, т. е. мы можем вообразить факты, которые должны привести нас к убеждению в возможности такого положения вещей, при котором одно из них отделено от другого. Так, мы можем думать о пространстве, не имеющем цвета, хотя и не можем на деле диссоциировать пространство от цвета. Такой тип разделения я называю *отвлечением* (*prescission*). Третий уровень описывает случаи, когда при том, что полагание одного элемента без другого абсолютно невозможно, они все же могут быть отделены друг от друга. Так, мы не можем ни вообразить, ни допустить мысли о более высоком без более низкого и все же четко отличаем одно от другого. Такой способ разделения я называю *дистинкцией*. Итак, категории не могут быть диссоциированы в воображении ни от остальных идей, ни друг от друга. Первое может быть отделено от второго и третьего, а также второе от третьего через отвлечение. При этом второе не может быть отделено от первого, а третье — от второго тем же путем. Всякая категория может быть отделена через отвлечение от любого другого понятия, но не от нескольких понятий или элементов. Невозможно полагать первое, пока первое не будет чем-то определенным и более или менее определенно полагаемым. Наконец, хотя не составляет труда отличить все три категории одну от другой, чрезвычайно трудно четко и безошибочно выделить каждую из других понятий в ее чистоте, так, чтобы она при этом не утратила всей полноты своего значения.

GRAMMATICA SPECULATIVA¹

Глава первая

Этика терминологии²

1. Чтобы сделать более понятной используемую мной терминологию, систему условных обозначений (notations) и т. д., я объясню правила, которые диктует мне в этом использовании сам ход моей мысли. Причем так, что если бы, с одной стороны, я имел хоть малейшее намерение навязать в указанном смысле свою точку зрения другим, я неминуемо вошел бы в противоречие с первым из означенных правил. Но если, с другой, мной руководило бы лишь желание раскрыть основания, сила которых для меня самого очевидна, то, я полагаю, они имели бы вес и для остальных.

2. Эти основания в первую голову включают в себя то соображение, что подоснова и сама текстура всякой мысли и всякого исследования суть символы и что жизнь мысли и самой науки неотделима от символов. Было бы неверным поэтому утверждать, что хороший язык просто *важен* для хорошей мысли, ибо таковой есть само ее существо. Следующим значимым моментом будет положение о возрастающей ценности, которую в продвижении мысли обретает ее точность. В-третьих, прогресс науки не может иметь достаточный успех без сотрудничества,

¹ <Перевод по изданию: *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1931–1935, 2. 219–445.>

² [*Syllabus of Certain Topics of Logic* (1903), P. 10–14, Alfred Mudge & Son, Boston. См. также: CP. 5.413, 5.502 и т. V, Appendix § 4.]

или, говоря более точно, никакое отдельно взятое сознание не может ничего достичь без помощи других сознаний. В-четвертых, здоровье научного сообщества требует абсолютной свободы ума. К несчастью, научный и философский миры буквально наводнены доктринерами и педантами, которые пытаются опутать мышление сетью прописных истин. Поэтому одной из первейших обязанностей того, кто отдает себе отчет в таком положении дел, становится оказание неустанного сопротивления произвольному диктату в науке, и прежде всего в том, что касается использования терминов и условных обозначений. В то же время совершенно необходимо и некоторое общее (*general*) соглашение — не слишком жесткое, но при этом имеющее достаточно широкое влияние — принятое среди большинства сотрудничающих относительно правил использования основных символов, так, чтобы последние были организованы в небольшое количество различных систем выражения, которых следовало бы в дальнейшем придерживаться. Соответственно, поскольку таковое соглашение не может быть установлено по чьему-либо произвольному предписанию, оно должно быть принято властью рациональных принципов, управляющих человеческим поведением.

3. Каковы же те рациональные принципы, которые способны в точности определить, в каком случае и какие термины и условные обозначения следует использовать, а также какие из них обладают властью, достаточной для того, чтобы оказывать влияние на человека, обладающего достаточной способностью к размышлению?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо для начала поразмыслить над тем, каков должен быть характер идеальной философской терминологии и системы логических символов; а во-вторых, исследовать опыт тех отраслей науки, в которых было найдено решение всех проблем, связанных с терминологией и т. д., на предмет принципов, доказавших свою действенность в указанном смысле, а также методов достижения номенклатурного единообразия, оказавшихся неудачными.

4. Что касается идеала, к которому должно стремиться, то он состоит, во-первых, в том, что для всякой науки желательно иметь словарь, в который были бы включе-

ны семьи <однокоренных или> близких друг другу слов для каждого *научного* понятия. При этом каждое отдельное слово должно обладать единственным точным значением, за исключением тех случаев, когда различные его значения соотносятся с объектами различных категорий, которые никогда не могут быть перепутаны друг с другом. Понятно, что данное требование может быть понято и таким образом, что это сделает его совершенно невыполнимым. Ибо всякий символ есть нечто живое в самом прямом смысле, т. е. нечто, являющееся чем-то большим, нежели просто фигура речи. Тело символа изменяется медленно, значение же его неизбежно развивается, растет, принимает в себя новые элементы и отбрасывает старые. Следует, однако, совместным усилием удерживать в его неизменности и точности само *существо* всякого научного термина, и если не в абсолютной точности, то хотя бы в возможно более близкой к таковой. Всякий символ в своем истоке есть либо образ некоторой идеи, либо смутное воспоминание о индивидуальном событии, человеке или вещи, связанное с их значением, либо метафора. Мы видим, что термины, использованные в первом и третьем случаях, применимы к самым различным понятиям. Однако если указанные понятия в основных моментах своих значений объединены отношением строгой аналогии, то это не вредит, но, наоборот, только помогает делу, при том условии, конечно, что эти значения достаточно далеки одно от другого как сами по себе, так и в различных частных случаях своего проявления. Наука постоянно вырабатывает новые понятия, и всякое новое *научное* понятие должно получить для себя новое слово, или, еще лучше, семью <близких или> однокоренных слов. Обязанность подбора таких слов естественным образом возлагается на того, кто вводит новое понятие. Но обязанность эту не следует слишком торопиться брать на себя, не обладая достаточным знанием принципов и широкой осведомленностью в деталях и истории специальной терминологии в той области, к которой имеет отношение вводимое понятие, а также принципов словообразования данного естественного языка. Кроме того, необходимо досконально изучить общие законы символов. В зависимости от обстоя-

тельств наличие двух различных терминов одинаковой научной значимости может быть, а может и не быть неприемлемым. В принципе же сосуществование различных систем выражения часто оборачивается огромным преимуществом.

5. Идеальная терминология для разных наук будет до некоторой степени различаться. Особое место в этом отношении занимает философия, так как ей положительно необходимы обычные слова в их общеупотребительных смыслах, но не для включения их в ее собственный язык (ибо она и без того пользуется этими словами слишком часто), а лишь в качестве объектов изучения. В связи с этим она испытывает особую необходимость в языке возможно более строгом и далеком от обыденной речи, таком, который развивали Аристотель, схоластики и Кант и который в свою очередь пытался разрушить Гегель. Для философии всегда крайне полезно обеспечить себя словарем настолько необычным, чтобы те, кто не привык мыслить строго, не имели соблазна заимствовать из него какие-либо слова. Кантовские термины «объективный» и «субъективный» оказались в этом смысле лишь отчасти, но вовсе недостаточно отстраненными, сохраняя за собой прежние значения даже в тех случаях, когда в этом не было особой необходимости. Первое правило хорошего стиля — использовать слова, значения которых не будут неверно истолкованы. И если читатель не знаком со значениями используемых слов, лучше сделать так, чтобы он был точно уверен в том, что он их не знает. В особенности это справедливо в отношении логики, которая, можно сказать, фактически единственной своей заботой имеет именно точность мысли.

6. С наибольшими трудностями в выборе терминологии безусловно пришлось столкнуться классифицирующим наукам: физике, химии и биологии. Номенклатура химии в целом вполне хороша. В случаях крайней необходимости химики всегда созывали конгресс, на котором принимали некоторые правила образования имен для различных субстанций. Однако, несмотря на то, что имена эти хорошо известны, они крайне редко используются. Почему так? Потому что химики никогда не были психологами и не знали, что конгресс — одно из самых бес-

полезных предприятий, и организация его является делом бесполезным даже в гораздо большей степени, нежели обращение к словарю. Проблемы, возникающие перед систематизаторами в биологии, куда более трудны, но они всегда находили для них (за некоторыми незначительными исключениями) блестящее решение. Как им это удавалось? Не через апелляцию к власти конгресса, но через обращение к идеям должного (right) и неправомерного (wrong). Ибо только откройте для человека возможность *реально видеть*, что определенная линия поведения неправомерна, и он немедленно *предпримет* энергичную попытку поступить должным образом, неважно, был ли он до этого вором, карточным шулером или философом, изучающим логику или этику. Биологи просто вели друг с другом живой диалог, который открывал им возможность видеть, что когда ученый вводит в науку новое понятие, определение соответствующего этому понятию научного выражения становится как его привилегией, так и его первой обязанностью. Вместе с тем это помогало им понять, что когда имя присвоено некоторому понятию тем ученым, которому наука этим самым понятием собственно обязана, принять его имя, если только оно не таково, что его принятие окажется для науки бесполезным — есть всеобщая обязанность перед этим исследователем и перед наукой в целом. Если же исследователь оказался неспособен выполнить свою обязанность, либо не определив для нового понятия никакого имени, либо дав совершенно неподходящее, то, по прошествии некоторого времени, любой, у кого будет возможность назначить для такового подходящее имя, должен так и поступить. Другие же должны за ним в этом последовать. При этом тот, кто умышленно использует слово или другой символ в любом значении, отличающемся от того, которое было присвоено ему его единственным действительным создателем, тем самым наносит последнему и науке в целом тягчайшее оскорбление, и обязанностью остальных становится отнестись к данному действию с презрением и негодованием.

7. Так скоро, как только философы, изучающие различные науки, сумеют воспитать в себе подлинную лю-

бовь к научной истине в той же степени, в какой признали ее доктора схоластики, высказанные выше предписания укажут сами на себя, что впоследствии должно привести к формированию технической терминологии. Что касается логики, то именно от схоластиков она унаследовала терминологию, которую можно считать более чем сносной. Схоластическая терминология в гораздо большей степени, нежели другими языками, была воспринята английским, что сделало его наиболее логически точным из всех. Однако это сопровождалось тем обстоятельством, что значительное число слов и оборотов научной логики стало использоваться с неточностью поистине поразительной. Кто, к примеру, среди дилеров из Куинси Холл, говорящих о «предметах *первой необходимости*», смог бы сказать, каково точное значение фразы «первая необходимость»? Никто из них наверняка не смог бы подыскать термин более подходящий для области своих занятий, и существуют еще многие десятки других неточных выражений похожего характера.

Дав, таким образом, некоторое представление о природе оснований, которые имеют для меня вес, я теперь изложу правила, которые нахожу необходимыми в области терминологии.

8. Первое. Всеми средствами стараться избегать возможности следовать случайным советам в том, что касается использования философской терминологии.

Второе. Избегать использования просторечных слов и оборотов в качестве терминов философии.

Третье. Использовать для философских понятий термины схоластики в их англизированных формах, но лишь постольку, поскольку они не искажают точных значений этих понятий.

Четвертое. В том, что касается философских понятий античности, воспринятых схоластикой, передавать настолько точно, насколько это возможно, их изначальный смысл.

Пятое. Для точных философских понятий, используемых в философии начиная со средних веков, использовать их максимально близкие англизированные формы, если только таковые очевидно пригодны, в их точных изначальных значениях.

Шестое. Для философских понятий, хоть на волос отличающихся от тех, которым уже присвоены принятые термины, вводить новые термины, уделяя должное внимание существующим правилам использования философской терминологии и правилам использования слов в английском языке, но при этом подходить к вопросу строго технически. Перед тем как предложить новый термин, условное обозначение или какой-либо другой символ, со всем тщанием рассмотреть, подходит ли он в точности данному понятию и будет ли удовлетворять каждому конкретному случаю. Следует выяснить, не вступает ли он в противоречие с каким-либо из уже существующих терминов, а также не существует ли вероятность того, что его использование повлечет за собой какое-либо затруднение, связанное с тем, что он пересекается с выражением некоторого понятия, которое может быть введено в философии в дальнейшем.

Седьмое. Рассматривать как необходимость введение новых систем выражения, в которых образуются новые связи между понятиями и которые могут тем или иным образом служить целям философии.

Глава вторая

Типы знаков

§ 1. Основание, объект и интерпретант¹

9. Логика — думаю, мне удалось показать это достаточно ясным образом — в своем общем понятии есть не что иное, как другое название *семиотики* (*σημειωτική*) — квазинеобходимой или формальной науки о знаках. Говоря о ней как о квазинеобходимой или формальной, я имею в виду тот факт, что мы наблюдаем характеры таковых знаков как они нам известны и, исходя из этих наблюдений, посредством процесса, который полагаю вполне правильным назвать Абстрагированием, прихо-

¹ <Из недатированного отрывка. 1897.>

дим к утверждениям, совершенным образом погрешимым, и поэтому, с одной стороны — во всем, что имеет отношение к тому, каковы *должны быть* свойства всех знаков, используемых неким «научным» интеллектом, то есть интеллектом, способным извлекать знания из опыта — ни в коем случае не необходимым. Что же касается собственно процесса абстрагирования, то он сам по себе есть некоторый род наблюдения. Способность, называемая мной абстрагирующим наблюдением, есть способность, которая хорошо известна обычным людям, но для рассмотрения которой философы зачастую почти совсем не оставляют места. Каждому вполне свойственно желать чего-то, что находится далеко за гранью достижимого теми средствами, которыми он на данный момент располагает, сопровождая при этом свое желание вопросом: «Оставалось ли бы мое желание тем же самым, если бы я имел все необходимое для его осуществления?». В поисках ответа вопрошающий обращается к собственному сердцу и тем самым производит то, что я именую абстрагирующим наблюдением. В своем воображении он представляет себе нечто вроде контурного, схематического наброска себя самого. Он рассматривает, внесения каких изменений потребует гипотетическое положение вещей на этом наброске, и затем исследует полученную картину, то есть *наблюдает* то, что нарисовало ему его воображение, с тем, чтобы определить, различимо ли там его прежнее желание. Посредством такого наблюдения, по сути очень напоминающего математическое доказательство, мы можем прийти к заключениям о том, что *являлось бы* истинным для знаков во всех случаях при том условии, что метод их использования был бы научным. Образ мысли Бога, обладающего способностью интуитивного всеведения, недоступного человеческому разуму, остается в нашем случае вне рассмотрения. Итак, процесс развития подобных формулировок в целом в рамках сообщества ученых путем абстрактного наблюдения и обоснования истинных положений, которые *должны* оставаться справедливыми в отношении всех знаков, используемых научным методом, представляет собой науку, основанную, как и всякая другая позитивная наука, на наблюдении, несмотря на

ее разительное отличие от всех остальных специальных наук, которое заключается в ее стремлении выяснить, каков *должен быть*, а не просто каковым *является* реальный мир.

10. Знак, или *репрезентамен*, есть нечто, что замещает (*stands for*) собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве. Он адресуется кому-то, то есть создает в уме этого человека эквивалентный знак, или, возможно, более развитый знак. Знак, который он создает, я называю *интерпретантом* первого знака. Знак замещает собой нечто — свой *объект*. Он замещает этот объект не во всех отношениях, но лишь отсылая (*in reference*) к некоторой идее, которую я иногда называю *основанием* (*ground*) репрезентамена. «Идею» в данном случае следует понимать в платоновском смысле, близком к тому, что вкладывает в это слово повседневная речь. Я имею в виду тот случай, когда мы говорим, что один человек схватывает идею, высказанную другим; или если мы говорим, что когда некто вспоминает о том, что он думал в тот или иной момент в прошлом, он воскрешает в памяти ту же идею; или тот случай, когда некто продолжает размышлять о чем-то, даже самое короткое время, поскольку длящаяся мысль в течение всего этого времени находится в согласии с самой собой, то есть имеет *подобное* содержание, он имеет в виду ту же идею, а не новую всякий момент указанного временного отрезка.

11. В силу того, что каждый репрезентамен таким образом связан с тремя вещами — основанием, объектом и интерпретантом, — наука семиотика имеет собой три раздела. Первому еще Дунс Скот дал название *grammatica speculativa*. Мы можем поименовать ее *чистой грамматикой*. Ее задачей является определение того, что должно быть истинно для репрезентаменов, используемых научным методом, чтобы они могли актуализировать некоторое *значение*. Второй раздел есть логика в собственном смысле слова. Это наука о том, что квази-необходимым образом истинно для репрезентаменов, используемых научным методом, чтобы они могли удерживать свои *объекты*, т. е. быть истинными. Иными словами, собственно логика есть формальная наука об условиях истинности репрезентации. Третий раздел, вслед за Кан-

том стремясь в поиске номенклатуры для новых понятий сохранить ассоциации прежней терминологии, я называю *чистой риторикой*. Ее задачей является установление законов, в соответствии с которыми в каждом научном интеллекте один знак порождает другой и одна мысль влечет за собой следующую.

§ 2. Знаки и их объекты¹

12. Слово «Знак» будет использоваться мной для денотации Объектов воспринимаемых, воображаемых, или даже тех, которые в каком-то смысле нельзя вообразить. К примеру, являющееся Знаком слово *fast* невозможно сделать объектом воображения, потому что записано на бумаге или произнесено может быть не *само это слово*, но *частный случай* его, при этом, будучи записано или произнесено, оно тем не менее остается тем же самым словом. Кроме того, в значении «быстрый» это одно слово, в значении «устойчивый» — другое, и третье, когда отсылает к <посту или> воздержанию. Для того, чтобы нечто действовало как Знак, это нечто должно «репрезентировать» нечто другое, называемое его *Объектом*. Хотя условие, в соответствии с которым Знак должен быть чем-то другим, нежели его Объект, возможно, и не носит обязательного характера, поскольку, если мы все же сочтем нужным его придерживаться, мы по крайней мере должны сделать исключение для Знака, который является частью Знака. Так, ничто не мешает актеру, исполняющему роль в исторической драме, использовать исторически подлинную реликвию вместо предмета театрального реквизита, предназначенного таковую только репрезентировать. К примеру, распятие, которое в знак вызова поднимает булверовский Ришелье. На карте некоторого острова, если ее разложить где-либо на земле самого этого острова, должно существовать некоторое место, некоторая точка, отмечена она или нет, которая, являясь *в качестве* (qua) места на карте, репрезентрует это же место *в качестве* места на острове. Знак может

¹ [Из эссе «Значение» (Meaning). 1910.]

иметь больше одного Объекта. Так, выполняющее функцию Знака предложение «Каин убил Авеля» отсылает к Авелю в той же степени, что и к Каину, даже если не принимать (хотя это и необходимо) к рассмотрению *убийство* в качестве третьего Объекта. При этом ничто не препятствует нам рассматривать совокупность объектов в качестве одного сложного Объекта. В нижеследующем, а также в других работах, дабы избежать излишних затруднений, Знаки будут трактоваться как имеющие только один объект каждый. Если Знак есть нечто другое, нежели его Объект, то некоторая мысль или выражение должны содержать пояснение, довод или контекст, показывающие, как, т. е. в соответствии с какой системой или на каком основании Знак репрезентирует Объект или совокупность Объектов. Знак и Пояснение вместе составляют другой Знак, и поскольку пояснение должно действовать как Знак, то оно потребует себе дополнительного пояснения, которое, объединившись со Знаком, уже расширившимся за счет первого пояснения, создаст еще более расширенный Знак. Продолжая в том же духе, в конечном итоге мы получим или должны будем получить Знак, Объектом которого будет являться он сам (*Sign of itself*) и который будет иметь в себе собственное пояснение, а также пояснения всех своих значимых частей. Всякая его часть, сообразуясь со своим пояснением, должна иметь другую часть в качестве своего Объекта. Отсюда, всякий Знак, в действительности или виртуально, обладает тем, что мы можем назвать *Предписанием* (*Precept*) к пояснению, в соответствии с которым Знак следует понимать как своего рода эманацию его Объекта. (Если речь идет об Иконе, схоласт мог бы сказать, что «*вид*» Объекта, исходящий (*emanating*) от него, осуществил себя в Иконическом знаке. Если это Индекс, мы можем рассматривать его в качестве фрагмента, оторванного от Объекта, причем означенная пара в своем Существовании есть одно целое или часть некоторого целого. Если мы имеем дело с Символом, то о последнем можно сказать, что он воплощает «*ratio*» или основание Объекта, от него исходящего. Все это, конечно, не более чем фигуры речи, что, однако, не делает их вовсе бесполезными.)

13. Знак может только репрезентировать Объект и сообщать о нем. Он не может организовать знакомство (*furnish acquaintance*) с Объектом и составить о нем первое представление. В данном случае имеется в виду, что Объект Знака представляет собой нечто, с чем Знак уже предполагает предварительное знакомство для передачи о нем дальнейшей информации. Несомненно, среди читателей найдутся такие, которые скажут, что это противоречит здравому смыслу. По их мнению, Знаку нет необходимости быть связанным с тем, что известно каким-либо иным образом. И утверждение, что каждый знак должен быть связан с таким Объектом, они находят несостоятельным. Но если бы даже и существовало нечто, сообщающее информацию, но при этом не имеющее абсолютно никакого отношения и никак не ссылающееся ни на что из того, с чем тот, кому сообщается информация, хотя бы поверхностно, в тот момент, когда он постигает смысл этой информации, прямо или косвенно не был бы знаком — да и что за странного качества была бы эта информация? — носитель такого рода информации в рамках данной работы никак не мог бы быть назван Знаком.

14. Два человека стоят на морском берегу, наблюдая за горизонтом. Один из них говорит другому: «Вон на том судне совсем нет никаких грузов, а только пассажиры». Для другого же, кто сам не замечает вдалеке никакого судна, первое, что извлекается из сообщения, имеет своим Объектом ту часть моря, которую он не видит, и сообщает ему, что человек, обладающий более острым зрением, или же зрением, более тренированным для таких наблюдений, видит вдалеке судно; получив, таким образом, предварительное представление о судне, он готов воспринять информацию о том, что оно перевозит исключительно пассажиров. Однако предложение как целое имеет для этого человека никакой иной Объект, как только тот, с которым оно находит его уже имеющим представление. Объекты — а Знак может иметь их сколь угодно большое количество — могут каждый быть: известной существующей единичной вещью, или вещью, в существовании которой в прошлом вполне убеждены, или, по крайней мере, предполагается, что вещь суще-

ствовала, или коллекция таких вещей, или известное качество, или отношение, или факт чего-то, что само по себе может быть разбито на части, причем содержанием этого факта будет только целое этих частей; или же он (Объект) имеет иной способ существования, как, например, возможный акт, чей статус определяется нами как такой, что мы допускаем существование акта, ему противоположного; или же это нечто общего характера желаемое, требуемое, или неизменно обнаруживаемое при некоторых общих условиях.

§ 3. Типы триадических отношений¹

15. Благодаря феноменологическим принципам и аналогиям мы можем в некотором приближении описать, каковы должны быть типы триадических отношений. Однако, пока мы не познакомились с теми или иными типами *a posteriori* и не классифицировали их по степени важности, априорные описания будут иметь лишь некоторую, но не слишком большую значимость. Даже после того, как мы идентифицируем те или иные множества знаков, определенные *a priori* с теми, в определении важности которых мы руководствовались опытом рефлексии, потребуется еще затратить немало труда, чтобы обрести окончательную уверенность в том, что классификация, проведенная нами *a posteriori*, в точности соответствует той, что была предсказана априорно. В большинстве случаев мы обнаруживаем, что совпадение не абсолютно, причиной чему является ограниченность нашего рефлексивного опыта. Только дальнейший кропотливый анализ позволит нам систематизировать понятия, к которым мы пришли опытным путем. В случае с триадическими отношениями ни одна из означенных ступеней работы не была до сих пор выполнена сколько-нибудь удовлетворительным образом, за исключением разве что наиболее важной категории три-

¹ [§ 3–10 из статьи «Терминология и типы триадических отношений, насколько они определены» (Nomenclature and Divisions of Triadic Relations, as far as they are determined) — рукописи, продолжающей *Syllabus*, 1903.]

адических отношений, т. е. отношений знаков (или репрезентаменов) к своим объектам и интерпретантам.

16. Мы можем предпринять предварительное и весьма грубое разделение триадических отношений, которое, однако, несомненно имеет, несмотря на приблизительность, ряд важных достоинств, на:

Триадические отношения сравнения,

Триадические отношения представления (*performance*) и

Триадические отношения мысли.

Триадические отношения Сравнения суть отношения, обладающие природой логически понимаемых возможностей.

Триадические отношения Представления суть отношения, обладающие природой действительных фактов.

Триадические отношения Мысли суть отношения, обладающие природой законов.

17. Мы должны четко различать Первое, Второе и Третье Соотносящее (*Correlate*) каждого триадического отношения.

Первое Соотносящее есть то из трех, которое, если таковое только одно, следует рассматривать как обладающее наименее сложной природой, представляя собой простую возможность, но никак не закон. При этом последнее при том условии, что указанной природой не обладают все три Соотносящих.¹

18. Третье Соотносящее есть то из трех, которое, если таковое только одно, следует рассматривать как обладающее наиболее сложной природой, представляя собой закон, но никак не простую возможность. При этом последнее при том условии, что указанной природой не обладают все три Соотносящих.

¹ [Если следовать принципу Пирса, по которому возможности могут определять только возможности, а законы, в свою очередь, определяются только законами, термины «Первое Соотносящее» и «Третье Соотносящее», упоминающиеся в п. 17–20 (2.235–38), следует заменить один на другой. Избежав, таким образом, разногласий с другими работами, мы можем сохранить от противоречий список из десяти категорий, упомянутый в п. 20 (2.238). Категории расположены в следующем порядке:

19. Второе Соотносящее есть то из трех, природа которого обладает средней степенью сложности, так что если любые два суть одной и той же природы и оба являются либо простыми возможностями, либо действительными существованиями, либо законами, то Второе соотносящее обладает той же природой, что и эти два. Если же природа всех трех различна, Второе Соотносящее будет действительным Существованием.

20. Триадиические отношения классифицируются тро-яко.¹ Основаниями для классификации могут быть Пер-вое, Второе и Третье Соотносящие как простая возмож-ность, действительное существование и закон соответ-ственно. Полученные три трихотомии, взятые в совокуп-ности, служат основанием разделения всех триадиических отношений на десять категорий [см. прим. к п. 17]. Эти

Если Третье Соотносящее есть возможность, тогда:

	<i>Первое</i>	<i>Второе</i>	<i>Третье</i>
(I) 1.	Возможность	Возможность	Возможность
(II) 2.	Существование	Возможность	Возможность
(III) 3.	Существование	Существование	Возможность
(V) 4.	Закон	Возможность	Возможность
(VI) 5.	Закон	Существование	Возможность
(VIII) 6.	Закон	Закон	Возможность

Если Второй есть существование, тогда также:

(IV) 7.	Существование	Существование	Существование
(VI) 8.	Закон	Существование	Существование

Если Первое есть Закон, тогда:

(IX) 9.	Закон	Закон	Существование
(X) 10.	Закон	Закон	Закон

В п. 24 и 56 <2.242 и 2.274> Репрезентамен, Объект и Интер-претант суть первое, второе и третье соотносящие соответствен-но, в то время как в § 4 репрезентамен в себе, в отношении к своему объекту и в качестве интерпретируемого есть соответ-ственно первое, второе и третье соотносящее. Первая класси-фикация составляет 10 трихотомий и 66 категорий знаков, последняя — три трихотомии и десять категорий знаков.

Римские цифры в скобках в приведенной выше таблице обозна-чают порядок описания в § 7 и обозначения в таблице в п. 46 <2.264>. См. также прим. к п. 25 <2.243n>.]

¹ [Три указанных способа подразделения даны в сн. к п. 25 <2.243n>.]

десять категорий, в свою очередь, также могут быть разбиты на подразделы в зависимости от типа существующих соотносящих (*existent correlates*) или типа соотносящих, выступающих в качестве законов. Первые могут быть индивидуальными субъектами или индивидуальными фактами, вторые — общими субъектами, общими модусами факта или общими модусами закона.

21. Должно иметь место также еще одно разделение триадических отношений на десять категорий, подобное первому, по основанию диадических отношений, которые они конституируют либо между Первым и Вторым, либо между Первым и Третьим, либо между Вторым и Третьим Соотносящими. Такие диадические отношения могут обладать природой возможностей, фактов или законов. Из указанных десяти категорий также могут быть выведены подразделы по самым различным основаниям.¹

¹ [Хотя Пирс и определил в качестве условия, что для того, чтобы диадическое отношение было существованием, оба его соотносящих также должны быть существованиями (ср. п. 65 <2.283>), он, кажется, нигде не оговаривает условий определения диадических отношений в качестве законов. Его обычная точка зрения состоит в том, что таких диадических отношений не существует. Как бы то ни было в данном случае, возможно, имеется в виду, что диадическое отношение обладает природой закона при том условии, что оба его соотносящих также являются законами. Если, в дополнение к этому, мы еще примем два нигде не высказываемые Пирсом в явной форме положения, что диадическое отношение представляет собой возможность, если одно его соотносящее также является возможностью, и существованием, если одно из его соотносящих является существованием, а другое законом, мы получим следующую таблицу:

Если по крайней мере одно диадическое отношение обладает природой возможности:

	<i>Первое</i>	<i>Второе</i>	<i>Третье</i>
1.	Возможность	Возможность	Возможность
2.	Существование	Возможность	Возможность
3.	Существование.....2....	Существование	Возможность
4.	Закон	Возможность	Возможность
5.	Закон.....2....	Существование	Возможность
6.	Закон.....3....	Закон	Возможность

22. Для удобства можно объединить десять категорий в любом из вариантов в три группы в соответствии с тем, обладают ли, как это может случиться, все три Соотносящих или все три диадических отношения различной, или одной и той же природой, или же одно обладает природой, отличной от той, которой обладают два других.¹

23. В любом подлинном Триадиическом Отношении Первое Соотносящее в некотором аспекте определяет Третье. Так что триадиические отношения могут быть классифицированы в зависимости от того, отмечает ли данное определение у Третьего Соотносящего некоторое качество, вводит ли его в отношение существования ко Второму Соотносящему или же определяет его в мыслимом отношении ко Второму для чего-то еще.²

24. *Репрезентамен* есть Первое Соотносящее триадиического отношения, Вторым Соотносящим которого является его *Объект*, а возможным Третьим — его *Интерпретант*. Такое триадиическое отношение определя-

Если имеются по крайней мере два существующих диадических отношения:

7. Существование ————— Существование — Существование

8. Закон ————— Существование — Существование

9. Закон.....З.....Закон ————— Существование

Если все диадические отношения суть законы:

10. Закон ————— Закон ————— Существование

Непрерывные линии между соотносящими отмечают наличие точно установленного отношения. «...2...» и «...3...» замещают отношения существования и рациональные диадические отношения соответственно.]

¹ [Т. е. все соотносящие V категории обладают различной природой; таковые I, VII и X обладают одной и той же природой; в остальных два и только два Соотносящих обладают одной природой. При этом диадические отношения I, II, IV, VII, X обладают одной и той же природой, а в категориях III, V, VI, VIII, IX таковы лишь два диадических отношения.]

² [В категориях I–VI третье соотносящее определяется первым как имеющее некоторое качество, в категориях VII–IX оно определяется как состоящее в отношении существования ко второму, и в X — как имеющее мыслимое отношение ко второму для другого соотносящего.]

ет Интерпретант в качестве Первого Соотносящего того же триадического отношения к тому же Объекту для некоторого другого возможного Интерпретанта. *Знак* есть репрезентамен, один из интерпретантов которого есть познавательная способность ума. Знаки суть единственный достаточно изученный вид репрезентаменов.

§ 4. Первая трихотомия знаков

25. Знаки подразделяемы на три трихотомии.¹ Первая характеризует знак сам по себе соответственно: как простое качество, как действительное существование или как общее правило. Вторая рассматривает отношение знака к своему объекту: как состоящее в том, что знак обладает некоторым качеством самим по себе; как некоторое наличное (existential) отношение к этому объекту; как отношение знака к интерпретанту. Третья рассматривает знак в зависимости от того, как его Интерпретант репрезентирует его: как знак возможности, знак факта или знак умозаключения.²

26. В соответствии с первым подразделением, Знак может быть назван *Квалисигнумом* (Qualisign), *Синсигнумом* (Sinsign) или *Легисигнумом* (Legisign).

¹ [Позднее <...> Пирс описал 10 трихотомий и 66 категорий знаков. Анализ этой дополнительной классификации никогда не был им удовлетворительным образом завершен. Наиболее удачное описание этих категорий можно найти в его переписке с леди Уэлби (CP, vol. 9) — <см. т. 2>. Настоящая работа, по всеобщему признанию, включает в себя большинство из наиболее законченных и авторитетных работ Пирса о знаках. Десять категорий знаков, полученные из представленных здесь трех трихотомий, представлены Пирсом в виде диаграммы в п. 46 <2.264>. Если «Репрезентамен», «Репрезентамен как относящийся к объекту» и «Интерпретированный Репрезентамен» заменить на первое, второе и третье соотносящее соответственно, таблицы в прим к п. 17 <2.235n> и 21 <2.239n> могут быть полезным пояснением к § 4–7. Настоящий раздел имеет предметом первичность, двоичность и троичность *Репрезентамена*.]

² [Т. е. три группы из прим. к п. 23 <2.241n>: 1–6, 7–9 и 10 (I, II, III, V, VI, VIII; IV, VII, IX; X).]

Квалисигнум есть качество, которое является Знаком. Он не может вести себя как знак, пока не будет актуализирован (*embodied*), но его актуализация не имеет никакого отношения к тому факту, что он все же является знаком.

27. *Синсигнум* (где *силлабл* *sin* используется в значении «случившийся только однажды», как в словах *единичный* (*single*), *простой* (*simple*), латинском *semel* и т. д.) есть реально существующая вещь или событие, которое является Знаком. Он может быть таковым только благодаря собственным качествам, так что заключает в себе особого рода квалисигнум, или даже несколько квалисигнумов, отличающихся тем, что через их актуализацию знак только получает форму.

28. *Легисигнум* есть закон, являющийся Знаком. Этот закон обычно устанавливается человеком. Всякий конвенциональный знак есть легисигнум (но не наоборот). Это не единичный объект, но общий тип, о котором договорились, что он обладает некоторой значимостью. Каждый легисигнум означает (*signifies*) нечто благодаря конкретному случаю его применения, который называется его *Репликой*. Так, артикль *the* встречается от пятнадцати до двадцати пяти раз на страницу. Всякий раз это одно и то же слово, один и тот же легисигнум. Каждый новый случай его применения есть Реплика. Реплика является Синсигнумом. Таким образом, каждый Легисигнум требует Синсигнумов. Однако это не обычные Синсигнумы, каковыми являются особые случаи, признанные значимыми. Равно и Реплика не будет ничего значить, если за ней не будет стоять закон, ее санкционирующий.

§ 5. Вторая трихотомия знаков

29. В соответствии со второй трихотомией знак может быть назван *Иконой* (*Icon*), *Индексом* (*Index*) или *Символом*.

Икона есть Знак, отсылающий к Объекту, который он денотирует просто посредством присущих ему характеристик, которыми он обладает вне зависимости от того, существует таковой Объект в действительности или нет.

Истинно, что пока не существует такого Объекта, Икона не может действовать как знак, но это не имеет никакого отношения к тому факту, что она все же является знаком. Что бы то ни было, будь то качество, индивидуальное существование или закон, является Иконой чего угодно при том условии, что он подобен этой вещи и используется как ее знак.

30. *Индекс* есть знак, отсылающий к Объекту, который он денотирует, находясь под реальным влиянием (being really affected by) этого Объекта. Он не может поэтому быть Квалисигнумом, ибо качества суть то, что они суть, независимо от чего бы то ни было еще. Поскольку Индекс находится под влиянием Объекта, он с необходимостью имеет некоторое общее (common) с этим Объектом Качество, и именно в последнем причина того, что он отсылает к Объекту. В силу этого он включает в себя особого рода Икону. Индекс не характеризуется простым подобием со своим Объектом даже в тех отношениях, которые делают подобие знаком. Он представляет из себя действительное изменение этого подобия, производимое Объектом.

31. *Символ* есть знак, отсылающий к Объекту, который он денотирует посредством закона, обычно — соединения некоторых общих идей, которое действует таким образом, что становится причиной интерпретации Символа, как отсылающего к указанному Объекту. Можно заключить, что он сам по себе есть некий общий тип, или закон, то есть Легисигнум. Как таковой он действует через Реплику. Не только он сам представляет собой общее правило, но и Объект, к которому он отсылает, по природе своей также есть нечто общее. Общее же обретает свое бытие в тех случаях, которые им будут определяться. Таким образом, должны существовать некоторые случаи того, что денотирует Символ. При этом под «существованием» мы должны здесь понимать существование в возможном воображаемом универсуме, к которому отсылает Символ. Символ непрямо, через ассоциацию или другой закон, испытывает влияние этих случаев, а следовательно, включает в себя особого рода Индекс. Как бы то ни было, ни в коем случае нельзя признать истинным положение, что даже незначительный эффект,

оказываемый на Символ упомянутыми случаями, имеет какое-либо отношение к значимому характеру Символа.

§ 6. Третья трихотомия знаков

32. В соответствии с третьей трихотомией Знак может быть назван *Ремой* (Rheme), *Дицисигнумом* (Dicisign), т. е. пропозицией или квазипропозицией и *Аргументом* (Argument).

Рема <Слово> это Знак, который для своего Интерпретанта есть Знак качественной Возможности, то есть понимается как репрезентирующий такого-то и такого-то рода возможный Объект. Всякая Рема, вероятно, может предоставить некоторую информацию, но в таковой своей возможности не интерпретируется.

33. *Дицисигнум* это Знак, который для своего Интерпретанта есть Знак действительного существования. Он не может поэтому быть Иконой, так как та не имеет основания для интерпретации его как ссылающегося на действительное существование. Дицисигнум с необходимостью в качестве своей части включает в себя особого рода Рему, чтобы тем самым описать факт, в качестве указывающего (indicating) на который Дицисигнум интерпретируется. Поскольку такая Рема представляет собой существенную составляющую Дицисигнума, он никоим образом не определяет ее как таковую.

34. *Аргумент* это Знак, который для своего Интерпретанта есть Знак закона. Можно сказать, что Рема это знак, понимаемый как репрезентация своего Объекта исключительно в собственных характерах; что Дицисигнум это знак, понимаемый как репрезентация своего объекта с точки зрения его действительного существования; и что Аргумент это Знак, понимаемый как репрезентация своего Объекта в качестве Знака. Поскольку данные определения в настоящее время касаются проблем, вызывающих споры, ситуация требует внесения некоторой ясности. Вопрос, которым в связи с этим часто задаются, таков: «В чем состоит сущность Суждения?» Суждение есть умственная операция, при помощи которой выносящий суждение хочет запечатлеть в сознании истину пропозиции. Это почти то же, что акт отстаива-

ния собственной точки зрения на пропозицию, или визит к нотариусу с целью официально закрепить за собой ответственность за ее истинность, за исключением, правда, того факта, что в последних двух случаях действие направляемо желанием оказать влияние на других, в то время как суждение в своем действии направлено на себя. Так или иначе, логику не интересно, какова может быть психологическая природа акта суждения. Для него вопрос в следующем: «Какова природа такого знака, основным составляющим элементом которого является пропозиция, т. е. предмет, к которому обращен акт вынесения суждения?» Пропозиция сама не нуждается в том, чтобы ее утверждали или выносили по ее поводу суждение. Она лишь может быть рассмотрена в качестве знака, способного к тому, чтобы быть утверждаемым или отрицаемым. Сам по себе этот знак удерживает всю полноту своего значения независимо от того, будет он утвержден в суждении или нет.¹ Поэтому специфическая особенность его состоит в том способе, которым он интерпретируется, иными словами, в характере его отношения к своему интерпретанту. Пропозиция предъявляет себя реальному влиянию действительного существования или реального закона, на который она ссылается. К тому же стремится и аргумент, но это стремление для аргумента не носит принципиального характера. Относительно Ремы это правило не действует вовсе.

35. Интерпретант Аргумента репрезентирует его как некоторый случай общей категории Аргументов, каковая категория в целом всегда определяет верный путь к истине. Именно к соблюдению этого закона, в некоторой его форме, понуждается аргумент, и такое «понуждение» (*urging*) есть модус репрезентации, свойственный вообще Аргументам. Поэтому Аргумент должен быть Символом или Знаком, чей Объект представляет собой Общее Правило или Тип. Он должен вовлекать Дици-Символ (*Dicent Symbol*) или Пропозицию, которая является его *Посылкой* (*Premiss*). Ведь Аргумент может понуждаться к закону, только привлекая частный случай этого закона. Такого рода Посылка, во-первых, существенно отли-

¹ См. п. 97 <2.315>.

чается по силе (т. е. по способу отношения к своему интерпретанту) от обычной, голословно утверждаемой (merely asserted) пропозиции, а во-вторых — никогда не может быть целым Аргументом. Что касается другой часто встречаемой пропозиции, называемой Заключением, которая может потребоваться для завершения Аргумента, то она ясным образом репрезентирует Интерпретант, а также обладает особой, присущей только ей силой (т. е. присущим только ей отношением к Интерпретанту). Среди логиков имеются разногласия относительно того, входит ли такая пропозиция в Аргумент в качестве его части. И хотя оба мнения вовсе не опираются на результаты точного анализа существа Аргумента, оба они имеют определенный вес. Автор данной работы, не будучи, впрочем, абсолютно в этом уверен, склонен считать Заключение — хотя оно и репрезентирует Интерпретант — существенным моментом полного выражения Аргумента. Обычно логики предпочитают говорить не о Посылке, а о Посылках Аргумента. Но если Аргумент имеет более чем одну Посылку, в качестве первого шага аргументации должно связать их в одну Соединительную (Copulative) Пропозицию так, чтобы единственный простой Аргумент двух Посылок стал Связующим Аргументом (the Argument of Colligation). Но даже в этом случае посылок, по сути, не две. Ибо в любой момент, когда сознание готово предъявить пропозицию Р, оно также готово предъявить пропозицию О, для которой новая пропозиция Р служит лишь в качестве дальнейшего определения. Поэтому пропозиция, которую сознание готово предъявить, есть не просто Р, но ОР. В указанном смысле такой вещи, как Связующий Аргумент, не существует. Отрицать это — значит полагать, что всякое суждение является заключением аргумента. И даже если так — что, в общем, допустимо, — то такое заключение будет заключением совершенно другого рода суждения, нежели Связующий Аргумент. Таким образом, Связующий Аргумент есть форма Аргумента, вводимая в логику только во избежание необходимости рассмотрения истинной природы Аргумента, дериватом которого является Соединительная Пропозиция. Поэтому более правильным представляется в общем говорить о «Посылке», а не о «Посылках» Ар-

гумента. Что касается слова *Посылка* (в латыни XIII века — *praemissa*), то, используя его во множественном числе, его часто путают с совершенно другим словом, имеющим хождение в юриспруденции — *premisses*, т. е. параграфы или пункты описи и т. п., например, дома, перечисляемые в договоре об аренде. Произносить *premiss* как *premise*, — совершенно противоречит нормальному английскому. Это произношение, распространенностью которого мы, по крайней мере отчасти, обязаны настоянию лорда Бругхэма (Brougham), разоблачает незнание истории логики, которое обнаруживают даже такие известные авторы, как Уэйтли (Whately), Уоттс (Watts) и др.

§ 7. Десять категорий знаков

36. На основании трех трихотомий Знаки подразделяются на *десять категорий*, из которых могут быть образованы различные подразделы. Список категорий имеет следующий вид:

Первая: Квалисигнум [например, переживание «красного цвета»], т. е. всякое качество постольку, поскольку оно является знаком. Качество есть то, что оно есть определенное в самом себе, поэтому оно может только денотировать объект посредством некоторого общего с ним элемента или подобия. Поэтому Квалисигнум с необходимостью является Иконой. Далее, поскольку качество представляет собой простую логическую возможность, оно может быть интерпретировано только как знак сущности, т. е. Рема.

37. Вторая: Иконический Синсигнум [например, некоторая индивидуальная схема], т. е. любой объект опытного знания при том условии, что какое-либо его качество делает его способным к определению идеи объекта. Являясь Иконой, а следовательно, знаком благодаря чистому подобию с чем угодно, что может быть подобно, он может интерпретироваться также только как знак сущности, т. е. Рема, и ведет к актуализации Квалисигнума.

38. Третья: Индексальный Рема-Синсигнум [например произвольный вскрик], т. е. объект прямого опытного знания при том условии, что он направляет внимание на Объект, которым вызвано его наличие. Он с необ-

ходимостью содержит в себе особого рода Иконический Синсигнум. Его особенностью является то, что он принуждает интерпретатора сосредоточить внимание на самом Объекте денотации.

39. Четвертая: Дици-Синсигнум [например, флюгер], т. е. объект прямого опытного знания при том условии, что он является знаком и в качестве такового доставляет информацию о своем Объекте. Последнее возможно только в силу того, что он подвергается реальному воздействию своего Объекта, поэтому он также представляет собой Индекс. Единственного рода информация, им доставляемая, есть таковая о действительных фактах. Такой Знак для актуализации информации должен содержать в себе Иконический Синсигнум, а также Индексальный Рема-Синсигнум, указывающий на Объект, на который ссылается информация. При этом способ сочетания или *Синтаксис* двух последних также должен иметь значимый характер.

40. Пятая: Иконический Легисигнум [например, Схема (diagram) вообще], т. е. общее правило или вид при том условии, что он требует конкретного примера для актуализации того или иного определенного качества, с помощью которого он вызывает в уме идею подобия. Являясь Иконой, он обладает свойствами Ремы. Вместе с тем он представляет собой также Легисигнум, управляющий единичными Репликами, каждая из которых проявляет себя в виде особого рода Иконического Синсигнума.

41. Шестая: Индексальный Рема-Легисигнум [например, указательное местоимение], т. е. любой общий тип или закон, тем или иным образом учрежденный, каждый конкретный пример которого должен иметь свой Объект, влияющий на этот пример путем привлечения внимания к его Объекту. Каждая его Реплика будет особого рода Индексальным Рема-Синсигнумом. Интерпретант Индексального Рема-Легисигнума репрезентирует его в качестве Иконического Легисигнума и в некотором, весьма ограниченном смысле, сам является таковым.

42. Седьмая: Индексальный Дици-Легисигнум [например, выклики уличных торговцев], т. е. любой общий тип или закон, тем или иным образом учрежденный, каждый конкретный пример которого должен иметь свой

Объект, влияющий на этот пример таким образом, чтобы передать об этом Объекте конкретную информацию. Чтобы означить (to signify) эту информацию, он должен включать в себя Иконический Легисигнум, а также Индексальный Рема-Легисигнум для денотации субъекта информации. Каждая его Реплика будет особого рода Дици-Синсигнумом.

43. Восьмая: Рема-Символ, или Символическая Рема [например, имя собственное], т. е. знак, связанный со своим Объектом через ассоциацию общих идей таким образом, что его Реплика вызывает в уме образ, который, благодаря определенным привычкам и склонностям этого ума, способствует образованию общего понятия. При этом Реплика интерпретируется как Знак Объекта, являющегося примером данного понятия. Таким образом, Рема-Символ представляет собой то, что логики называют Общим Термином. Подобно любому другому Символу, Рема-Символ сам по себе с необходимостью есть нечто общее, т. е. он также является Легисигнумом. Его Реплика представляет собой особого рода Индексальный Рема-Синсигнум. Образ, сообщаемый посредством него сознанию и действующий при этом от имени уже имеющегося в сознании Символа, способствует образованию общего понятия. В этом состоит его отличие от других Индексальных Рема-Синсигнумов, включая те, которые являются Репликами Индексальных Рема-Легисигнумов. Так, указательное местоимение «тот» есть Легисигнум, представляющий собой общее правило. Однако он не является Символом, поскольку не означает общее понятие. Его Реплика способствует привлечению внимания к некоторому единичному Объекту и представляет собой Индексальный Рема-Синсигнум. Например, Реплика слова «верблюд» есть такой Индексальный Рема-Синсигнум. Благодаря тому, что говорящий и слушающий обладают знанием о верблюдах вообще, он подвергается воздействию Объекта (реального верблюда), который им денотируется. Даже если слушающий никогда не сталкивался с данным конкретным верблюдом, это приводит к образованию реальной связи, благодаря которой слово «верблюд» вызывает идею верблюда. То же истинно и относительно слова «феникс». Ибо несмотря

на то, что феникс реально не существует, говорящему и слушающему хорошо известны его реальные описания. Таким образом слово вступает в реальную связь с денотируемым Объектом. При этом наряду с Репликами Рема-Символов существенными отличиями от Индексальных Рема-Синсигнумов обладают также Реплики Индексальных Рема-Легисигнумов. Объект, денотируемый местоимением «тот», не оказывает столь прямого и непосредственного влияния на реплику самого слова «тот», как, к примеру, человек, набравший номер — на раздающийся с другого конца провода телефонный звонок. Интерпретант Рема-Символа часто репрезентирует его как Иконический Легисигнум, но чаще в качестве Индексального Рема-Легисигнума и имеет нечто от природы и того и другого.

44. Девятая: Дици-Символ, или обычная Пропозиция. Знак, связанный со своим Объектом через ассоциацию общих идей. Действует подобно Рема-Символу. Его отличие от последнего состоит в том, что подразумеваемый (*intended*) им интерпретант, в отношении того, что означает Дици-Символом, репрезентирует его как находящийся под реальным влиянием своего Объекта, так что существование или закон, который он делает значимым для сознания, вступает в реальную связь с Объектом, на который делается указание. Подразумеваемый Дици-Символом Интерпретант интерпретирует его как Индексальный Дици-Легисигнум и, если последнее верно, обладает частью его природы, хотя этим не исчерпывает своей собственной. Подобно Рема-Символу, он также представляет собой Легисигнум и, как и Дици-Синсигнум, имеет составную природу постольку, поскольку с необходимостью вовлекает Рема-Символ (в результате чего его Интерпретант интерпретирует его как Иконический Легисигнум), чтобы передать информацию, и Индексальный Рема-Легисигнум, чтобы осуществить указание на субъект этой информации. Причем Синтаксис того и другого имеет значимый характер. Реплика Дици-Символа представляет собой особого рода Дици-Синсигнум. Что последнее справедливо, становится особенно очевидным, когда информация, передаваемая Дици-Символом, сообщает некий действительный факт.

В том случае, когда информация передает реально действующий закон, данное положение в равной степени ложно, ибо Дици-Синсигнум не способен к передаче информации, содержащей общее правило. Таким образом, истинность суждения по поводу Реплики Дици-Символа зависит от того, имеет ли указанный закон конкретные примеры своего применения.

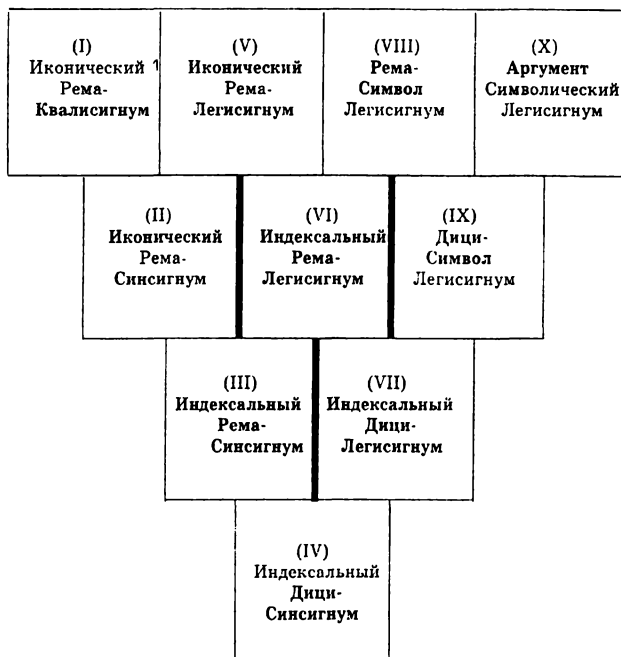
45. Десятая: Аргумент, т. е. знак, чей интерпретант репрезентирует его объект в качестве будущего (*ulterior*) знака благодаря закону, в соответствии с которым такие-то и такие-то умозаклучения, следуя за такими-то и такими-то предпосылками, оказываются истинными. Поэтому его объект очевидно должен представлять собой нечто общее, т. е. Аргумент должен являться Символом и, следовательно, Легисигнумом, а его Реплика — Дици-Синсигнумом.

46. Структурное сходство десяти перечисленных категорий наиболее ясно можно представить, расположив их названия в виде треугольной таблицы, приведенной ниже. Смежные друг другу квадраты, границы между которыми выделены жирной линией, содержат имена категорий, подобных только в каком-либо одном отношении. Все остальные смежные квадраты содержат имена категорий, подобных друг другу двояким образом. Несмежные квадраты содержат имена категорий, подобных только в каком-либо одном отношении, за исключением тех трех, что расположены в каждой из вершин треугольника. Эти квадраты занимают имена категорий, не совпадающих с теми, которые вписаны в четыре квадрата противоположной данной вершине стороны, ни в одном из трех указанных отношений. Имена, не выделенные жирным, имеют дополнительный характер.

§ 8. Вырожденные знаки

47. Данные выше описания категорий содержат прямые и косвенные ссылки на подразделы некоторых из них. А именно, помимо обычного типа Синсигнумов, Индексов и Дицисигнумов существуют другие, представляющие собой Реплики соответственно Легисигнумов,

Символов и Аргументов. Равным образом помимо обычного типа Квалисигнумов, Иконических знаков и Рем имеют место две серии других знаков: тех, что непосредственно включены в Синсигнумы, Индексы и Дицисигнумы; и

тех, что опосредованно включены в Легисигнумы, Символы и Аргументы. Так, в качестве примера обычного Дици-Синсигнума (Dicent Sinsign) можно привести флюгер, указывающий направление ветра, или фотографию. Тот факт, что последняя известна как результат определенного излучения со стороны некоторого объекта также сообщает ей свойства Индекса, обладающего высокой степенью информативности. Другая разновидность Дици-Синсигнума представлена Репликой Индексального Дици-Легисигнума (Dicent Indexical Legisign). Так, выклик

¹ [См. сноски к п. 17 и 25.]

уличного торговца, поскольку его тональность и тема идентифицируют товар и владельца, является не символом, а Индексальным Легисигнумом (Indexical Legisign). И каждый частный пример ее есть Реплика, т. е. Дици-Синсигнум. Его третьей разновидностью является Реплика Пропозиции, четвертой — Реплика Аргумента. Кроме обычного типа Индексального Дици-Легисигнума, примером которого служит выклик уличного торговца, существует также другой. Это пропозиция, которая в качестве своего предиката содержит имя какой-либо хорошо известной личности. Как если бы кто-то спросил: «Кому посвящен этот памятник?», и получил ответ: «Это памятник Фаррагуту». Значением ответа в данном случае и является Индексальный Дици-Легисигнум. Примером еще одной разновидности Индексального Дици-Легисигнума может служить посылка аргумента. Обычная пропозиция в качестве посылки Аргумента приобретает новую силу и становится второй разновидностью Дици-Символа. Перечисление всех возможных вариантов было бы утомительно, так что ограничимся рассмотрением еще только одной категории. Возьмем Индексальный Рема-Легисигнум. Примером обычного типа Индексального Рема-Легисигнума может служить возглас «Алло!» — не какой-либо конкретный, но подобный возглас вообще. Его второй разновидностью будет элемент, являющийся составной частью Индексального Дици-Легисигнума. Например, слово «это» во фразе «это памятник Фаррагуту». Третья разновидность — частный случай Рема-Символа. Например, восклицание «Эй!». Четвертая и пятая разновидность — главный термин, играющий особо значимую роль в пропозиции или аргументе. Возможно, некоторые разновидности здесь упущены. Зачастую довольно затруднительно четко определить, к какой категории принадлежит тот или иной знак, так как для этого необходимо учесть все обстоятельства, сопутствующие конкретному случаю. К тому же в абсолютной точности в большинстве из них просто нет необходимости. Ибо если иногда и нельзя добиться полного описания знака, то всегда можно с легкостью описать его с точностью вполне достаточной для обычных целей науки логики.

§ 9. Трихотомия Аргументов

48. Существуют и другие подразделы по крайней мере некоторых из десяти категорий, которые обладают чрезвычайно большой значимостью для логики. Аргумент всегда понимается через его Интерпретант, принадлежащий к общей категории аналогичных ему аргументов, каковая категория в целом всегда определяет верный путь к истине. Это определение может происходить трояко, что позволяет нам составить трихотомию всех простых аргументов, элементами которой будут Дедукция, Индукция и Абдукция.

49. Дедукция есть Аргумент, Интерпретант которого репрезентирует его принадлежность к общей категории возможных аргументов, между которыми установлено отношение точной аналогии. Аргументы данной категории таковы, что накопленный в конечном счете опыт позволит большей части тех из них, которые имеют истинные посылки, повлечь истинные заключения. Дедукции подразделяются на *Необходимые* (Necessary) и *Вероятные* (Probable). Первые суть те, что сами (или через свои Интерпретанты) претендуют на то, чтобы из истинных посылок неизменно вести к истинным заключениям, хотя указанный результат не определен для них никаким конкретным частотным коэффициентом. Необходимая Дедукция есть схематический метод производства Дици-Символов. Она может быть *Сводящей* (Corollarial) или *Теорематической* (Theorematic). Сводящая Дедукция схематически репрезентирует условия заключения и, исходя из наблюдения данной схемы как таковой, определяет истинность заключения. Теорематическая Дедукция, осуществив схематическую репрезентацию условий заключения, производит оригинальный эксперимент, вносящий в схему определенные изменения, и затем, исходя из наблюдения полученной схемы, удостоверяет истинность заключения.

50. Вероятные Дедукции, или, более точно, Дедукции Вероятности, суть те, Интерпретанты которых репрезентируют их связь с частотными коэффициентами. Дедукции Вероятности бывают либо *Статистическими*, либо *Вероятными Дедукциями* в собственном смысле. Стати-

стическая Дедукция есть такая, Интерпретант которой репрезентирует ее для точного определения коэффициента вероятности. Вероятная Дедукция в собственном смысле такова, что ее Интерпретант репрезентирует не несомненность заключения, но тот факт, что в точности аналогичные рассуждения из истинных посылок должны бы в большинстве случаев привести в конечном итоге к истинным заключениям.

51. *Индукция* есть метод формирования Дици-Символов с целью решения того или иного определенного вопроса. Интерпретант любого из таких Дици-Символов не репрезентирует тот факт, что в большинстве случаев опыт применения указанного метода в конечном итоге позволит нам из истинных посылок получить в некотором приближении истинный результат. Он репрезентирует, что если мы будем достаточно настойчивы в применении этого метода, он в конечном счете приведет нас к истине или к результату, бесконечно близкому к истине в решении любого вопроса. Индукция может быть *Отрицающим Аргументом*, *Экспериментальной Верификацией общего Предсказания* или Аргументом, основанным на *Случайном Событии*. Отрицающий Аргумент представляет собой метод, который состоит в отрицании того факта, что хотя бы одно из событий определенного характера может когда-либо произойти при тех условиях, при которых оно до этого никогда не происходило. Обоснование (justification) этого правила заключается в том, что если его стойко придерживаться в каждом конкретном случае, оно будет в конечном счете скорректировано обстоятельствами, которые вступят с ним в противоречие, и таким образом позволит в конце концов прийти к истинному заключению. Верификация общего предсказания есть метод, который состоит в отыскании условий данного предсказания или подведении его под некоторое основание и в выведении заключения, что оно будет верифицировано приблизительно с такой частотой, которую обнаруживает предшествующий опыт его верификации. Обоснование этого метода заключается в том, что если, с одной стороны, Предсказание не имеет тенденции быть верифицированным в конечном счете в неко-

тором, приблизительно определенном пропорционально ко всем, количеству случаев, то эксперимент должен в конечном счете это подтвердить. И с другой стороны, если Предсказание в конечном счете будет верифицировано в некотором количестве случаев, хотя бы приблизительно определимом в его пропорции к общему числу, эксперимент должен в конечном счете приблизительно определить пропорцию. Аргумент, основанный на случайном событии, представляет собой метод (1) удостоверения пропорционального количества членов определенного конечного класса, которые обладают некоторым предуказанным качеством, путем отбора частных случаев этого класса таким образом, чтобы в конечном счете каждый случай оказался результатом выбора такое же количество раз, как и любой другой; и (2) выведения заключения о том, что найденное для указанного события *ratio* в конечном счете останется неизменным. Его обоснование очевидно.

52. *Абдукция* есть метод формирования общего предсказания без какого-либо положительного свидетельства в пользу того, что оно сбудется при некоторых обычных или даже совершенно особых обстоятельствах. Обоснование метода Абдукции состоит в том, что применение его дает нам единственно возможную надежду рационально управлять нашим будущим поведением и что Индуктивное обобщение уже имеющегося у нас опыта дает нам силы рассчитывать на успех в будущем.

§ 10. Виды пропозиций

53. Дици-Символ, или общая пропозиция, может быть либо *Частным*, либо *Общим* (Universal). Интерпретант Частного Дици-Символа репрезентирует его в качестве указания на факт существования. Например, «Некий лебедь черен», т. е. существует черный лебедь. Интерпретант Общего Дици-Символа репрезентирует его в качестве указания на реальный закон. Например, «Ни один лебедь не черен», т. е. никакое сколь угодно долгое исследование *никогда не приведет* к открытию факта существования среди лебедей хотя бы одного черного. Дици-

Символы также делятся на *Безотносительные* и *Соотносительные*. Безотносительный Дици-Символ вовлекает идентификацию не более чем одного индивидуально-го объекта. Однако это следует понимать особым образом, а именно, что пропозиция сперва имеет вид некоего примера. Так, пропозиция «Ни один лебедь не черен» вовлекает идентификацию всех лебедей и всех черных объектов, но при этом рассматривается в следующей форме: любой из объектов универсума либо не является лебедем, либо не есть нечто черное. Соотносительный Дици-Символ вовлекает идентификацию более, чем одного, или того, что может быть более чем одним индивидуальным объектом, и выражается в соответствующем примере типа: «Возьмем любой индивидуальный объект А, для которого может быть найден индивидуальный объект В, такой, что если А — город с более чем стотысячным населением, то В будет соответствующим ему местом на данной карте». Рассматривается ли пропозиция как соотносительная или как безотносительная, зависит от того, каким образом она используется в аргументе. Отсюда, однако, вовсе не следует, что данная дистинкция имеет всего лишь внешний характер, так как в зависимости от того, каким образом и где используется пропозиция, она имеет различную силу. В целях соблюдения терминологической строгости (в соответствии с правилами, изложенными во второй [опубликованной] части данного конспекта¹) здесь следует отметить, что *Гипотетической Пропозицией* называется любая пропозиция, в свою очередь состоящая из пропозиций. Прежнее учение разделяет гипотетические пропозиции на условные, соединительные и дизъюнктивные. Однако условная пропозиция есть в точности пропозиция дизъюнктивная. Некоторые пропозиции могут быть рассмотрены и как соединительные, и как дизъюнктивные. Так, одновременно либо Туллий, либо не Цицерон, и либо Цицерон, либо не Туллий есть то же, что и либо одновременно Туллий и Цицерон, либо не Туллий и не Цицерон. В качестве такого рода пропозиции может быть рассмотрена любая

¹ См. гл. 1.

из дефиниций, поэтому подобные пропозиции следовало бы называть *Различающими* (Definitory), или *Дефиниформными* (Definiform). Соединительная пропозиция естественным образом связана с частной пропозицией, а дизъюнктивная — с общей.

54. Уберем некоторые части пропозиции, оставив на их месте *пробелы*. Если эти пробелы таковы, что, будь каждый из них заполнен именем собственным, в результате мы получили бы некую пропозицию, тогда пустая форма пропозиции, изначально составленная указанными пробелами, является тем, что мы называем *ремой*. В соответствии с количеством пробелов в реме — 0, 1, 2, 3 и т. д. — она представляет собой *медаду* (от *μηδέν*, ничто), монаду, диаду, триаду и т. д.

§ 11. Репрезентировать¹

55. Замещать (to stand for) означает состоять в таком отношении к другому, что сознание, преследуя в этом некоторую цель, обращается с этим другим так, как если бы оно было тем, что замещается.

Так, чей-либо представитель, депутат, поверенный, посредник, наместник, схема, симптом, счетная единица, описание, концепт, посылка, показания свидетеля — тем или иным способом репрезентируют нечто другое сознанию, которое рассматривает их сообразно указанным способам репрезентации. Смотри раздел «Знак». Если возникает необходимость различить то, что репрезентирует и акт или отношение репрезентирования, первое может быть названо «репрезентаменом», а последнее — «репрезентацией».

¹ [Dictionary of Philosophy and Psychology. Vol.2. P. 464.]

Глава третья

Икона, Индекс и Символ

§1. Иконы и Гипоиконы¹

56. *Знак*, или *Репрезентамен*, есть Первое, которое находится в таком подлинно триадическом отношении ко Второму, называемому его *Объектом*, что это определяет наличие у Третьего, называемого его *Интерпретантом*, такого же отношения к его Объекту, в каком он сам находится к тому же Объекту. Триадическое отношение *исходно*, то есть три его члена связаны вместе таким образом, что оно не сводится ни к какой совокупности диадических отношений. По этой причине Интерпретант, или Третье, не может находиться в диадическом отношении к Объекту, но должен состоять с ним в таком же отношении, в каком находится сам Репрезентамен. Вместе с тем триадическое отношение для Третьего не может быть просто подобным таковому для Первого, так как это сделает отношение Третьего к Первому не чем иным, как только вырожденной Двоичностью. Отношение Третьего к Первому действительно должно быть собственным для Третьего так, чтобы это последнее было способно обусловить свое собственное Третье, но, кроме того, оно должно еще иметь второе триадическое отношение, в котором Репрезентаменом, или, скорее, его отношением к Объекту будет его собственный (Третьего) Объект, а также должно быть способно обусловить Третье этого отношения. То же должно быть равным образом истинно для Третьих Третьего и так далее до бесконечности. Все только что сказанное относительно Интерпретанта, и возможное продолжение, включено в идею

¹ [56–9, 65–6 и 74–6 из *Syllabus*, 1902. 60–62 из статьи «О том, что категорические и гипотетические пропозиции суть одно, с некоторыми дополнениями касательно данного вопроса» (That Categorical and Hypothetical Propositions are one in essence, with some connected matters, 1895). 111, 63, 67, 79–84 из главы 2 «Искусства Рассуждения» (The Art of Reasoning, 1895). 64, 68–73 и 77–8 из «Краткой логики» (The Short Logic, 1893).]

Знака. Постольку же, поскольку здесь использовано понятие Репрезентамена, вышесказанным исчерпывается также все, что в определении данной идеи может быть сказано и о нем. *Знак* есть Репрезентамен с производимым в уме Интерпретантом. Не исключено и существование Репрезентаменов, не являющихся Знаками. Так, если подсолнух, всегда обращающий свой цветок к солнцу, посредством самого этого действия становится способным без каких-либо дополнительных условий воспроизводить подсолнух, в точности соответствующим образом также поворачивающий свой цветок к солнцу, и делать это, сохраняя воспроизводящую способность неизменной, то подсолнух может стать Репрезентаменом солнца. Однако *мысль* есть главный, если не единственный, способ репрезентации.

57. [...] Наиболее фундаментальным <представляется разделение знаков> на *Иконы*, *Индексы* и *Символы*. Никакой Репрезентамен не действует как таковой, пока им действительным образом не определяется некоторый Интерпретант, но при этом он является Репрезентаменом постольку, поскольку вполне к этому способен. Так что его Репрезентативное Качество не зависит необходимым образом ни от того, определяет ли он в действительности какой-либо Интерпретант, ни от того, имеет ли он Объект.

58. *Икона* это Репрезентамен, Репрезентативное Качество которого есть его Первичность (Firstness) как Первого. Иными словами, качество, которым он обладает в качестве (qua) вещи, наделяет его способностью быть репрезентаменом. Благодаря этому все что угодно может служить *Заменой* всему что угодно на основании подобия. (Понятие «замены» предполагает таковое причины, а следовательно, и подлинной Троичности.) Вопрос о том, имеются ли еще другие виды замен, требует дальнейшего рассмотрения. Благодаря одной Первичности Репрезентамен только и может что иметь Объект как подобие. Знак, образующий Противопоставление, денотирует Объект уже в силу противопоставления двух качеств, или Двоичности. Благодаря Первичности знак есть образ своего объекта и, выражаясь более строго, может быть не чем иным, как только *идеей* — он должен произвести идею Интерпретанта, а внешний объект — вызвать идею,

воздействуя на мозг. Но в самом строгом смысле даже идея, кроме случаев, когда она понимается как возможность (или Первичность), не может быть Иконой. Только возможность есть Икона исключительно в силу своего качества; объектом же ее может быть только Первичность. Знак, однако, может быть *иконичным* (iconic), т. е. может репрезентировать свой объект главным образом через подобие, вне зависимости от способа его существования. Если для иконичного репрезентатива потребуются особый субстантивированный термин, пусть им будет *гипоикона* (hypoicon).

59. Гипоиконы могут быть приблизительно классифицированы по форме их причастности к Первичности. Те, что причастны к простым качествам, или к Первому Первичности, суть *образы*; те, что репрезентируют в основном диадические, или признаваемые таковыми отношения между частями объекта через аналогичные отношения между их собственными частями, суть *схемы*; те, что репрезентируют репрезентативный характер репрезентатива через репрезентацию параллелизма в чем-то ином, суть *метафоры*.

60. Единственный способ прямой передачи идеи — при помощи иконы; любой метод косвенной передачи идеи зависит от основания, определяющего способ использования иконы. Отсюда, любое утверждение должно содержать в себе икону, или набор либо икон, либо знаков, чье значение эксплицируемо только посредством икон. Идея, которую означает некоторый набор содержащихся в утверждении икон (или его эквивалент), называется *предикатом* утверждения.

61. Итак, существует такой тип репрезентации, как икона, в пользу чего могут быть приведены примеры. Любое изображение (как бы оно ни было условно) по сути представляет собой указанного рода репрезентацию. Такова всякая схема, так как даже при полном отсутствии внешнего сходства между ней и ее объектом существует аналогия в отношениях между частями того и другого. Особого внимания заслуживают иконы, в которых подобие установлено конвенциональными правилами. Так, алгебраическая формула является иконой, определяемой как таковая через замещение, ассоциацию и

распределение символов. Причисление алгебраической формулы к разряду иконических знаков, на первый взгляд, может показаться спорным. Кажется, что она также, и даже с большей степенью вероятности, может быть рассмотрена как сложный конвенциональный знак. Но это не так. Ведь главной отличительной чертой иконы является то, что ее прямое наблюдение открывает иные истины относительно ее объекта помимо собственно тех, что определяют саму ее конструкцию. Так, к примеру, при помощи двух фотографий может быть изготовлена карта и т. п. Чтобы дедуцировать иную истину об объекте данного конвенционального или другого общего типа знака, чем та, что им эксплицитно высказывается, во всех случаях необходимо заменить этот знак иконой. В проявлении такой способности обнаруживать некоторую неожиданную истину как раз и состоит назначение алгебраической формулы, что и доказывает ее иконический характер.

62. То, что иконы алгебраического типа — как правило, предельно простые — существуют во всех обычных грамматических пропозициях, есть одна из философских истин, которые раскрывает перед нами логика Буля. Во всех примитивных типах письменности — какова, к примеру, египетская иероглифика — существуют иконы нелогического характера, а именно — идеограммы. На ранних стадиях развития языка, в речи, возможно, значительную роль играл элемент мимикрии. Но во всех ныне известных языках такого рода репрезентации заменены конвенциональными речевыми знаками. Последние тем не менее таковы, что могут быть объяснены только посредством икон. В синтаксисе же любого языка неизменно существуют логические иконические знаки, в которых подобие установлено конвенциональными правилами. [...]

63. Фотографии, в особенности моментальные — пример очень показательный, так как мы знаем, что в некоторых отношениях они в точности похожи на те объекты, которые репрезентируют. Этим сходством они, однако, обязаны тому, что их изготовление обусловлено физическим процессом, благодаря которому достигается детальное соответствие между изображением и приро-

дой. Следовательно, в этом своем аспекте они принадлежат ко второму классу знаков — тех, что суть знаки благодаря физическому взаимодействию. По-другому дело обстоит, если я, к примеру, высказываю предположение, что зебры суть упрямые и неприветливые животные, так как они внешне чем-то похожи на ослов, а своеволие последних хорошо известно. В данном случае осел выступает в качестве возможного подобия зебры. Мы предполагаем, что сходство имеет свою физическую причину — общую обоим наследственность. Но тогда это родство по наследственности само по себе будет только выводом, сделанным на основании внешнего сходства между двумя животными, и у нас нет (как в случае с фотографиями) никакого независимого знания обстоятельств происхождения обоих видов. Другой пример подобия — проект художника, задумавшего статую, живописное полотно, архитектурный ансамбль или фрагмент декорации, размышляя над которым он решает, будет ли его воплощение достойным во всех отношениях произведением искусства. Поставленный вопрос неизбежно получает почти точный ответ, так как он зависит от вовлеченности самого художника. Математические доказательства также в основном зависят от использования подобия, олицетворяющего собой самые петли, на которых держатся ворота этой науки. Подобие для математиков есть сама возможность открытия новых аспектов предполагаемых гипотез. [...]

64. Многие схемы обнаруживают подобие своим объектам вовсе не благодаря внешнему сходству; это подобие устанавливается только во взаимоотношениях между составляющими их частями. Так, мы можем продемонстрировать отношение между разными типами знаков при помощи фигурной скобки:

Знаки: { Иконы,
Индексы,
Символы.

Это пример иконического знака. Но единственное отношение, в котором он служит подобием своему объекту, состоит в том, что скобка показывает, каковы реаль-

ные общие отношения икон, индексов и символов друг к другу и к общему классу знаков. Когда мы пишем алгебраические уравнения одно под другим в определенном правилами порядке, особенно если при этом мы пользуемся одинаковыми буквами для обозначения соотносимых коэффициентов, порядок написанного нами представляет из себя икону. Например:

$$\begin{aligned} a_1x + b_1y &= n_1, \\ a_2x + b_2y &= n_2. \end{aligned}$$

Это иконический знак, поскольку в данном случае установлено отношение подобия между величинами, аналогичным друг другу образом связанными с самой задачей. Каждое алгебраическое уравнение есть икона постольку, поскольку оно посредством алгебраических знаков (которые сами по себе не являются иконическими знаками) *показывает* отношения между данными величинами.

Можно задаться вопросом, истинно ли, что все иконы суть подобия. Например, если подвыпивший человек изображается как противопоставление умеренности с целью показать ее предпочтительность, то это, очевидно, есть икона, но невозможно со всей уверенностью утверждать, имеем ли мы в данном примере дело именно с подобием. Сама постановка вопроса кажется во многом ограниченной.

§ 2. Подлинные и вырожденные Индексы

65. *Индексом*, или *Семой*¹ (σημα), называется Репрезентаме́н, Репрезентативный характер которого состоит в его бытии индивидуальным вторым. Если Двоичность представлена отношением существования, Индекс является *подлинным*. Если Двоичность представлена ссылкой (reference), Индекс является *вырожденным*. Подлинный Индекс и его Объект должны быть существующими индивидуальными объектами (предметами или фактами), такой же характер должен иметь и его непосредствен-

¹ [Термин «Сема» обычно применяется <Пирсом> к индексальному дицисигнуму, который является только подклассом индексов.]

ный Интерпретант (immediate Interpretant). Но поскольку всякий индивидуальный объект должен обладать некоторыми свойствами, подлинный Индекс может содержать в себе Первичность, а следовательно, и Икону как свою составную часть. Всякий индивидуальный объект есть вырожденный Индекс своих собственных характеров.

66. *Подиндексы*, или *Гипосемы*, суть знаки, являющиеся таковыми благодаря действительной связи со своими объектами. Так, имя собственное, личное указательное или относительное местоимения, буквы, применяемые в схемах, денотируют нечто за счет реальной связи со своими объектами, но ничто из перечисленного не есть Индекс постольку, поскольку не является индивидуальным объектом.

67. Рассмотрим некоторые примеры индексов. Я вижу идущего человека, походка у которого несколько вразвалку. Это — возможное указание (indication) на то, что он моряк. Я вижу кривоногого человека в вельветовых бриджах, гольфах и жакетке. Его одежда — возможное указание на то, что он жокей или что-то в этом роде. Солнечные часы *указывают* на время суток. Геометры отмечают различные части своих чертежей буквами и затем используют эти буквы как знаки частей. Различными буквенными обозначениями пользуются в своих целях юристы и другие. Так, мы можем сказать: если А и В состоят в браке, С — их ребенок, а D — брат А, тогда D является дядей С. Здесь А, В, С и D выполняют функцию относительных местоимений, но более удобны в условном обозначении, так как служат заменой определенным словам. Стук в дверь является индексом. Все, что фокусирует внимание на чем-либо, представляет собой индекс. Все, что пугает нас, есть индекс, поскольку он отмечает собой границу между двумя моментами опыта.

68. [...] Низкий столбик барометра и влажный воздух — индексальный знак дождя; то есть мы предполагаем, что силы природы устанавливают возможную зависимость между величиной ртутного столбика барометра, влажным воздухом и близящимся дождем. Флюгер является индексальным знаком направления ветра. Во-первых, он поворачивается в том же направлении, в котором дует ветер, так что между ними устанавливается

связь. А во-вторых, мы так устроены, что когда флюгер показывает то или иное направление, он привлекает наше внимание, и когда мы видим, как он вращается, изменяя свое положение под действием порывов ветра, правило, установленное нашим разумом, заставляет нас полагать, что положение флюгера связано с направлением ветра. Полярная звезда есть индексальный знак, так как она показывает нам, в каком направлении по отношению к нам находится север. Ватерпас, или линия отвеса — индексальный знак вертикали. Измерительная метровая рулетка, как может показаться, служит иконой длины в один метр; так оно и было бы, если бы она была предназначена всего лишь показывать этот отрезок длины настолько, насколько он может быть явлен глазу. Но цель использования рулетки состоит в том, чтобы отмерять данный отрезок в соответствии с эталоном метра, изготовленным с помощью точных механических измерений и хранящимся в Лондоне. Таким образом, в этом случае существует реальная связь между двумя предметами, которая дает рулетке возможность выступать в качестве репрезентатива; поэтому она является *индексальным*, а не *иконическим* знаком.

69. Когда водитель, чтобы привлечь внимание зазевавшегося на дороге пешехода, выкрикивает «эй!», это, как станет ясно из дальнейшего рассмотрения, нечто большее, чем просто индекс; но, поскольку цель выкрика — воздействовать на нервную систему того, кому он адресован, чтобы он успел отбежать в сторону и не попал под колеса, он является индексом, так как предназначен установить реальную связь пешехода со своим объектом, который в данной ситуации соотносится им с приближающейся запряженной лошадью повозкой. Предположим, два человека встретились на проселочной дороге, и один говорит другому: «В том доме неподалеку затоплена печь». Тот, оглядевшись, замечает дом с зелеными шторами на окнах и верандой, из трубы которого идет дым. Пройдя после этого еще несколько миль, он встречает еще одного прохожего. Словно Саймон-простак вторя первому встречному, он сообщает ему: «В том доме неподалеку затоплена печь». «В каком доме?» — спрашивает его прохожий. «В том, что с зелеными шторами на окнах и

верандой», — отвечает он и снова слышит вопрос: «Где находится этот дом?» Его собеседнику нужен *указатель*, который бы соединил его способность представления с домом, о котором идет речь. Только при помощи слов сделать это невозможно. Указательные местоимения «этот» и «тот» суть индексы тогда, когда они призывают слушающего сосредоточить свою наблюдательную способность таким образом, чтобы он мог установить реальную связь между своим разумом и объектом; если указательное местоимение выполняет это условие (без которого его значение никак не может быть понято), связь устанавливается, и оно становится индексом. Относительные местоимения *кто* и *который* равным образом требуют активизации внимания — они делают необходимым сосредоточение этого внимания на предшествующих словах. Юристы используют алфавит как эффективную замену относительных местоимений. Чтобы показать, насколько он эффективен, мы можем сослаться на господ Аллена и Грино, которые в своей замечательной (хотя в издании 1877 [?] года, чересчур краткой) «Латинской грамматике» пишут, что никакой синтаксис не в силах полностью справиться с двусмысленностью предложения: «А заметил В, что, по его мнению, С (его брат) более несправедлив к нему, нежели к его собственному другу». Любой юрист при помощи алфавита записал бы это следующим образом:

А заметил В, что, по его {А, В} мнению, С (его {А, В} брат) более несправедлив к нему {А, В}, нежели к его {А, В, С} собственному другу.¹

¹ В современных грамматиках местоимение определяется как часть речи, используемая вместо имени. В этом все они следуют древней традиции, которая, прекратив свое существование в начале XIII века, не упоминалась в языкознании в течение нескольких столетий. Концепция, пришедшая на смену первой, не выглядела очень ясной и без следа исчезла во времена варварского нашествия на средневековую мысль. Некоторые грамматики последнего времени, такие как грамматика Аллена и Грино, исправили положение дел. Нет никаких причин утверждать, что *я*, *ты*, *то*, *это* — заменители имен существительных, так как они указывают на вещи самым прямым образом, который только возможен. То, к чему отсылает утверждение, невозможно выразить, не прибегая к помощи индексаль-

Окончания, которые во флективных языках присоединяются к словам, «управляемым» другими словами, и которые предназначены показывать, при помощи повторяющихся указующих форм, какое именно слово является управляющим, суть *индексы* того же характера, что и относительные местоимения. Любой образчик латинской поэзии (как, например, известные двенадцать строк в одно предложение, что начинаются с «*Jam satis terris*»)¹ может служить тому иллюстрацией. Как в окончаниях, так и в примере с использованием алфавита повторяющееся воспроизведение подобия формы или буквы предназначено для направления внимания на соответствующий объект. Это, однако, не делает их иконическими знаками, так как здесь неважно, как выглядят буквы А, В и С или что собой представляют окончания. Дело вовсе не в том, что в одном случае использования данная А подобна другой А в предыдущем случае, но в том, что *имеет место понимание того, что подобные друг другу буквы должны замещать собой один и тот же объект*, и оно действует как сила, принуждающая внимание переключаться с одного случая применения А на другой. Притяжательное (possessive) местоимение есть индекс двояким образом: во-первых, оно указывает на обладателя (possessor), а во-

ных знаков. Местоимение представляет собой индексальный знак. Имя, в свою очередь, не *указывает* (indicate) на объект, денотацию которого оно осуществляет. И когда имя используется для того, чтобы показать то, о чем идет речь, решение относительно его указывающей способности целиком зависит от имеющегося у слушателя опыта, вынужденного браться за работу, которую индексальный знак выполняет в один момент. Таким образом, имя служит несовершенным заменителем местоимения, а также как смысловое дополнение для глаголов. Местоимение следует определить как *слово, способное осуществлять указание на нечто, к чему соответствующим образом привязаны первое и второе лицо, привлекая к этому нечто внимание второго лица*. Аллен и Грино пишут: «Местоимения указывают на некое лицо или вещь, не прибегая при этом к именованию или описанию» [Р. 128, ed. of 1884]. Это совершенно корректное, даже обновляюще корректное определение. Разве что лучше было бы определить, что именно они *делают*, а не просто то, к чему они не прибегают.

¹ <Гораций. Оды, I.2.>

вторых, оно может иметь перегласовки, через синтаксические изменения обращающие внимание на слово, денотирующее предмет обладания.

70. Некоторые индексы суть более или менее конкретные указания на то, что должен делать воспринимающий, чтобы через прямой опыт или каким-либо иным путем связать себя с подразумеваемой вещью. Так, Береговая служба выпускает «Заметки для моряков», сообщая в них данные о широте и долготе, четыре или пять пеленгов различных объектов и т. д. и предупреждая о том, что *там* находится подводная скала, мель, буюк или плавающий маяк. Подобные указания содержат в себе и другие элементы, но главным образом они представляют из себя индексы.

71. К той же категории, что и индексирующие указания на то, что необходимо сделать, чтобы отыскать тот или иной объект, следует отнести те, которые можно назвать *селективными* местоимениями [или квантификаторами]. Последние информируют воспринимающего о том, каким образом ему следует выбирать один из подразумеваемых предметов. Грамматисты ввиду неопределенности выполняемого селективными местоимениями обозначения (designation) называют их *неопределенными* местоимениями. Две группы таких местоимений, в частности, играют очень важную роль в логике; в одну входят *универсальные* селективные местоимения, такие как *quivis, quilibet, quisquam, ullus, nullus, nemo, quisque, uterque*,¹ или *любой, каждый, всякий, никакой, какой бы ни, кто бы ни, никто, ничто*. Все они означают тот факт, что воспринимающий свободен выбирать нечто по своему желанию в границах принятого к рассмотрению и что выбранное будет соответствовать условиям выбора. Другую важную с точки зрения группу составляют *обособляющие* селективные местоимения *quis, quispiam, nescio quis, aliquis, quidam*,² или *некоторый, нечто, некто, тот или иной*.

¹ <Какой угодно, который угодно, кто-нибудь, какой-либо, никакой, никто, каждый, и тот и другой. — лат.>

² <Который, кто-нибудь, неизвестно кто, кто-либо, некоторый. — лат.>

Перечисленным выше местоимениям родственны такие выражения, как *единственный из всех, один или два, немного, почти все, всякий другой* и т. д. Наряду с местоимениями могут быть классифицированы наречия места и времени и т. д.

Не так уж не к месту для данного случая словосочетания *первый, последний, седьмой, две третьих от, тысячи из* и т. д.

72. Другой вид слов, выполняющих функцию указания, — это предлоги и предложные словосочетания, такие как «с правой (с левой) стороны от». Правое и левое не могут быть определены никаким общим описанием. Другие предлоги, напротив, означивают отношения, которые вполне могут быть описаны. Но когда они отсылают — что происходит чаще, чем можно предположить — к ситуации, сходной с наблюдаемой, или той, которую принято считать известной на основании опыта, к месту и позиции говорящего в их отношении к таковым слушающего, тогда элементы указывающего (*indexical*) характера в них являются преобладающими.¹

¹ Если бы перед логиком стояла задача сконструировать язык *de novo* — что, вообще говоря, он почти в точности всегда и вынужден делать, — он сразу должен был бы подумать: «Мне необходимы предлоги для выражения временных отношений *до, после* и *одновременно с*, а также предлоги для выражения пространственных отношений прилегания, вмещения, соприкосновения, рядоположенности, близости, удаленности; отношений *слева, справа, над, под, перед, за*. Мне потребуются предлоги для выражения перехода в указанные состояния и положения и выхода из них. С остальным я могу справиться при помощи метафор. И только в том случае, если мой язык предназначен для использования народом, жизнь которого самым непосредственным образом связана с какой-либо имеющей всеобщую значимость географической достопримечательностью вроде горной гряды, моря, широкой реки, было бы желательно, чтобы этот язык имел предлоги, обозначающие ситуации, связанные с этой достопримечательностью — например, *через* или *по направлению к морю* (*seaward*) и т. д.». Но когда мы предпринимаем исследование языков уже существующих, оказывается, что они дополняют или вовсе замещают указанные дистинкции жестами. К примеру, египтяне не пользовались ни предлогами, ни особыми указательными местоимениями, очевидным образом отсылающими к Нилу. Эскимосы же настолько глубоко укутаны в свои медвежьи шку-

73. Иконы и индексы ничего не утверждают. Если бы икона могла быть интерпретирована предложением, это было бы предложение «возможного залога», то есть оно бы просто сообщало: «Предположим, фигура имеет три стороны» и т. п. Будь таким же образом интерпретирован индекс, предложение было бы императивом или восклицанием типа «Смотри, вон там!», или «Берегись!». Знаки же, к рассмотрению которых мы теперь подошли, имеют изъявительное, или, более правильно, *повествовательное* наклонение.¹ Конечно, они могут быть выражены любым другим залогом, поскольку мы можем объявить суждение сомнительным, а также придать ему вопросительную форму или форму императивного требования.

§ 3. Природа Символов

74. *Символом* называется Репрезентамен, чей Репрезентативный характер состоит в том, что он является правилом, которое обусловит его Интерпретант. Все сло-

ры, что используют отдельные, отличающиеся друг от друга местоимения для указания местоположения и движения относительно моря, земли и сторон света. При этом, специально изучая падежные конструкции и предлоги любого из ныне существующих языков, мы встречаем относительное многообразие лишь от случая к случаю.

¹ Терминология грамматики в той же степени, что и терминология логики, черпает свои ресурсы из поздней латыни, перенимая слова и пользуясь префиксами и основами, перешедшими в латынь из греческого. Но если логики выбирали термины с величайшей осторожностью, то грамматисты всегда проявляли в этом смысле крайнюю неразборчивость, и более всех Присциан. Термин *индикатив* — одно из его творений. Совершенно очевидно, что это слово представляет собой попытку перевода аристотелевского *ἀποφαντική*. Но последнее есть точный эквивалент термина *повествовательный* (declarative) как по обозначению, так и в соответствии с правилами перехода, где *de*, как того требует установленный порядок, занимает место *ἀπο*, (как в случае *demonstration* — *ἀπόδειξις* и т. д.), а *clarare* репрезентирует *φαίνειν* в значении «прояснять». Возможно, причиной, по которой Присциан не воспользовался словом *declarativus*, послужило то, что Апулей [см. *Geschichte der Logic* Прантла, I, 581], большой авторитет по части терминологии, использовал его в каком-либо другом смысле.

ва, предложения, тексты книг и другие конвенциональные знаки суть Символы. Мы пишем или произносим слово «человек», но это всего-лишь *реплика*, т. е. актуализация слова, которое произнесено или записано. Слово само по себе не имеет наличного существования, хотя имеет реальное бытие, заключающееся в том факте, что наличное существование *будет* с ним сообразовано. Данный общий вид последовательности из семи звуков или репрезентаменов звуков станет знаком только ввиду того факта, что привычка или известный закон, приведет к тому, что его реплика будет интерпретирована как означающая конкретного человека или человека вообще. Как слово, так и его значение суть общие правила; но только слово предписывает определенные качества своим репликам самим по себе. Иначе «слово» и его «значение» не отличаются друг от друга, если только понятию значения не придастся какой-то совершенно особый смысл.

75. Символ представляет собой закон или регулярность, действие которой распространяется на неопределенное будущее. То же относится к его Интерпретанту, а равно и к полному непосредственному Объекту (*complete immediate Object*) или значению.¹ Но закон необходимым образом управляет, или «актуализируется» в индивидуальных объектах, предписывая им некоторые из их качеств. Отсюда, составляющими Символа может быть как Индекс, так и Икона. Некто, прогуливаясь со своим сыном, поднимает руку в указательном жесте и говорит ему: «Воздушный шар». Вытянутая рука — основная часть символа, без которой последний не передавал бы никакой информации. Но если ребенок реагирует на это вопросом: «А что такое воздушный шар?», а отец отве-

¹ Символ может иметь в качестве Объекта реально Существующую вещь при соблюдении следующих условий. Во-первых, если вещь сообразуется с ним по случайному стечению обстоятельств или благодаря тому, что Символ обретает силу привычки, и во-вторых, если Символ содержит Индексальный знак в качестве одной из своих собственных составляющих. При этом непосредственный объект (*immediate object*) символа сам может быть только символом, и если последний включает в себе еще какой-либо объект другого рода, то имеет место *бесконечный ряд* подобных включений.

чает: «Это нечто вроде большого мыльного пузыря», он делает частью символа некоторый образ. Следовательно, поскольку полный объект символа, то есть его значение, имеет природу закона, он должен *денотировать* индивидуальный объект и *означивать* характер. *Подлинный* символ — это символ, обладающий общим значением. Существует два вида вырожденных символов: *Сингулярный Символ*, Объектом которого является существующий индивидуальный объект и который означает только такие характеры, которые этот индивидуальный объект может реализовать; и *Абстрактный Символ*, чьим единственным Объектом является характер.

76. Хотя непосредственный Интерпретант Индекса сам должен быть Индексом, поскольку его Объектом может быть Объект Индивидуального [Сингулярного] Символа, Индекс может иметь такой Символ в качестве своего косвенного Интерпретанта. Его несовершенным Интерпретантом может быть даже подлинный Символ. Также и *икона* может в качестве своего косвенного Интерпретанта иметь вырожденный Индекс или Абстрактный Символ, а в качестве несовершенного Интерпретанта — подлинный Индекс или Символ.

77. *Символ* это знак, естественным образом декларирующий, что определенный набор объектов, денотируемых каким угодно набором индексов, которые так или иначе могут быть с ним связаны, репрезентируется ассоциирующейся с ним иконой. Чтобы пояснить значение этой сложной для понимания дефиниции, рассмотрим в качестве примера символа слово «любит». С этим словом ассоциируется идея, представляющая из себя созданную в уме икону какого-то человека, влюбленного в другого человека. Слово «любит» должно быть включено в то или иное предложение, ибо то, что оно значит, если вообще что-то значит, само по себе нас не интересует. Пусть предложением будет «Иезекииль любит Хильду». «Иезекииль» и «Хильда» должны быть индексами или содержать таковые — ведь без этого невозможно будет определить, о ком идет речь. Никакое описание не в силах точно выяснить, не являются ли они просто героями баллад; но так это или нет, индексы могут служить их десигнатами. В результате использования слова «любит»

два объекта, денотируемые двумя индексами Иезекииль и Хильда, репрезентируются иконой, или образом влюбленного и его любимой, имеющимся в нашем сознании.

78. То же одинаково истинно для любого глагола изъявительного наклонения и вообще для любого глагола, так как остальные наклонения суть изъявления факта, лишь чем-то отличающегося от того, который выражен в изъявительном наклонении. Что касается имени существительного — относительно той роли, которую оно имеет в предложении, а не как нечто само по себе, — оно с наибольшим правом может быть признано частью символа. Так, предложение «Каждый мужчина любит женщину» эквивалентно высказыванию «Из всего, что любит мужчина, нечто определенно является женщиной». Здесь «из всего» — универсальный селективный индекс, «мужчина» — символ, «любит» — символ, «нечто, что» — обособляющий селективный индекс, и «является женщиной» — символ. [...]

79. Слово *Символ* имеет столько значений, что было бы несправедливым по отношению к языку добавлять к ним еще одно. Я думаю, значение, которое я придаю ему, называя его конвенциональным знаком или знаком, зависящим от привычки (приобретенной или врожденной), есть не столько нововведение, сколько возврат к оригиналу. Этимологически это слово означает собранную, сведенную воедино вещь, подобно тому как *ἐμβολον* (embolum) означает вещь, вставленную во что-то, засов, задвижку; *παράβολον* (parabolum) означает вещь, временно отложенную, дополнительное обеспечение; *ἀπόβολον* (hupobolum) — вещь, подложенную подо что-то, свадебный подарок. Считается, что в слове *символ* «свести воедино» следует понимать как «восстановить» (to conjecture); но если и посчитать это за правду, мы должны найти хотя бы несколько случаев, которые могли бы это подтвердить, в надежде на каковой результат можно перерыть горы литературы, и все будет напрасно. Греки же часто использовали выражение «свести воедино» (*συμβάλλειν*) для означивания сделки или соглашения. Действительно, можно найти массу примеров использования слова «символ» (*σύμβολον*), начиная с древнейших времен, в

значении сделки или соглашения. Еще Аристотель называл имя существительное «символом», т. е. конвенциональным знаком.¹ У греков «символом» или средством оповещения, применявшимся по определенному соглашению, назывался сигнальный костер; штандарт или инсигния также были «символами», «символом» являлся пароль, знак отличия называли «символом»; вера в богов именовалась «символом», так как обозначала определенный образ мыслей и манеру поведения; «символом» называли театральный билет, и вообще всякий билет или ярлык, дающий право на получение чего-либо считался символом. «Символом», более того, называли любое выражение чувств. Таковы были основные значения слова в родном этому слову языке. Читатель пусть сам рассудит, не искажает ли их и соответствует ли им то значение, которым его наделяю я сам.

80. Любое обычное слово, например — «дарить», «птица», «свадьба», — пример символа. Он *применим к чему угодно, что может служить основанием понимания связи некоторой идеи и соответствующего слова*. Сам по себе он не идентифицирует эту вещь, он не показывает нам птицу, не воспроизводит перед нашим взором акт дарения или свадьбу, но предполагает своим условием, что мы способны вообразить себе эти вещи, уже владея ассоциирующимися с ними словами.

81. Тремя знаковыми порядками — Иконой, Индексом и Символом — может быть отмечена простая последовательность чисел один, два и три. Икона не имеет динамической связи с объектом, который она репрезентирует, просто случается так, что ее качества имеют сходство с таковыми ее объекта и возбуждают аналогичные ощущения в уме, для которого она — подобие объекта. Она, однако, остается при этом с ними никак не соединена. Индекс физически связан со своим объектом, они образуют органически согласованную пару, но интерпретирующий ум не имеет с этим соединением ничего общего — он лишь отмечает его после того, как оно установлено. Символ соединен со своим объектом посредством

¹ [De Interpretatione, II, 16a, 12.]

идеи оперирующего символами ума, без которого такой связи никогда не могло бы существовать.

82. Всякая физическая сила проявляет себя во взаимоотношениях пары частиц, каждая из которых может служить индексом другой. Однако мы обнаруживаем, что всякая интеллектуальная операция подразумевает триаду символов.

83. Символ, как мы уже убедились, не может указать на какую-либо конкретную вещь — он денотирует некоторый тип вещей. При этом он сам является не единичной вещью, но общим типом. Вы можете написать слово «звезда», но это не сделает вас его создателем, и если вы сотрете написанное, вы не разрушите само слово. Слово живет в умах тех, кто его использует. Даже если все пользователи спят, оно продолжает существовать в их памяти. Итак, мы можем, если только проблема вообще стоит внимания, заметить, что общности суть просто слова, не утверждая при этом, что, как полагал Оккам, слова суть реальные индивидуальные объекты.

84. Символы увеличиваются числом. Они развиваются из других знаков, в особенности иконических, или смешанных знаков, разделяющих природу икон и символов. Мы думаем только при помощи знаков. Эти создаваемые в уме знаки имеют смешанную природу, их символические составляющие называются понятиями. Если человек производит новый символ, это происходит посредством мыслей, включающих в себя понятия. Таким образом, новые символы могут вырастать только из символов. *Отпне symbolum de symbolo.*¹ Символ, однажды появившись, распространяется между людьми. За счет нового опыта его использования объем его значения возрастает. Такие слова, как *сила, закон, богатство, свадьба* имеют для нас иное значение, нежели они имели для наших предков-варваров. Символ, вместе с эмерсоновским Сфинксом как бы говорит человеку:

Я — ока твоего мгновенный свет.

¹ <Всякий знак от (иного) знака. — лат.>

§ 4. Знак¹

85. [Знаком может быть] что угодно, что определяет нечто другое (свой *интерпретант*) как отсылающее к объекту, к которому подобным же образом отсылает оно само. При этом Интерпретант также в свою очередь становится знаком и так далее *ad infinitum*.

Всякое наделенное разумом сознание несомненно должно следовать этому пути. Если последовательность успешных действующих интерпретантов завершается, знак, в конечном итоге остается незавершенным. Если идея интерпретанта, получив определение в том или ином индивидуальном сознании, более не определяет для знака никакого другого внешнего ему знака, т. е. сознание исчезло, потеряло способность помнить или какую-либо другую способность, существенную с точки зрения знаковой активности, становится совершенно невозможным определить, имела ли данная идея когда-либо место в данном сознании. Мы не можем придать этому факту форму высказывания, а значит, произвести интерпретант этой идеи, так как в этом случае становится трудно понять, каким образом идея могла иметь какое-либо значение.

86. Знак может быть либо *иконой*, либо *индексом*, либо *символом*. *Икона* есть знак, который обладал бы качеством, наделяющим его значимостью даже при том условии, что его объект не существует. Такова проведенная грифелем черта, репрезентирующая геометрическую линию. *Индекс* есть знак, который немедленно потерял бы качество, делающее его знаком, с исчезновением своего объекта, но не потерял бы это качество при отсутствии интерпретанта. Такова, к примеру, мульда с отверстием, проделанным пулей, как знак выстрела; ибо без выстрела не было бы отверстия, но оно есть, приписывает ли кто-либо его появление выстрелу или нет. *Символ* есть знак, который потерял бы качество, делающее его знаком, при условии отсутствия интерпретанта. Таково любое речевое высказывание, которое означает то, что означает, исключительно благодаря тому, что понимается как имеющее данное обозначение (*signification*).

² [Dictionary of Philosophy and Psychology. Vol. 2. P. 527.]

§ 5. Индекс¹

87. [Индексальный знак это] знак или репрезентация, отсылающая к своему объекту не столько в силу установленного между ними отношения подобия или аналогии, и не по причине наличия ассоциативной связи с общей природы качествами, которыми данному объекту случается обладать, сколько в силу существования динамической (включая пространственную) связи с индивидуальным объектом, с одной стороны, и с чувственностью или памятью того, кому он служит знаком, — с другой.

Ни одна проблема не может быть поставлена без привлечения некоторого знака, выполняющего функцию указания. Если А скажет В: «Пожар!», В спросит: «Где?», после чего А вынужден будет прибегнуть к индексу, даже если он всего лишь имеет в виду событие, которое вообще может иметь место где-либо в реальном универсуме прошлого или будущего. Иначе бы он только упомянул о существовании такой идеи, как идея пожара, что само по себе не несло бы никакой информации, ибо если бы идея не была уже некоторым образом известна, слово «пожар» ровным счетом ничего бы не значило. Если А указывает рукой на место пожара, его рука обретает динамическую связь с пожаром с тем же эффектом, как если бы направление было указано автоматической пожарной сиреной, и в то же время привлекает в том же направлении взгляд В, приковывая к пожару его внимание и вызывая в нем осознание того, что ответ на его вопрос получен. Если бы ответом А было: «В пределах тысячи ярдов отсюда», слово «отсюда» служило бы индексом, так как обладало бы в точности той же силой, что и выразительный жест, указывающий на пространство между А и В. Более того, слово «ярд», несмотря на то что оно замещает объект общего класса, также представляет собой косвенный индекс. Ведь измерительные линейки в один ярд сами по себе являются знаками Парламентского стандарта, но вовсе не потому, что все они имеют подобные качества, а свойства короткой металли-

¹ [Ibid. Vol. I. P. 531–2.]

ческой полосы, насколько мы способны их воспринять, подобны свойствам полосы длинной. Причина в том, что каждая из них, выполняя ряд динамических операций, в действительности или виртуально соотносится с одним и тем же установленным прототипом. Сознание же, когда мы видим одну из них, благодаря довлеющей ему ассоциативной связи получает различного рода опыт, объединяя который, мы склонны рассматривать их как связанные с чем-то, что обладает строго фиксированной длиной, хотя, возможно, мы и не отдаем при этом себе отчет в том, что указанный стандарт представляет собой материальную вещь. Ввиду вышеизложенного читатель может прийти к предположению, что индексы отсылают исключительно к объектам опыта и не представляют собой никакой ценности для математики, которая имеет дело с идеальными предметами, безотносительно к тому, реализуются они в чем-либо или нет. Однако как воображаемые построения математика, так и сновидения приближены к реальности достаточно для того, чтобы обладать определенной степенью устойчивости, вследствие которой они могут быть распознаны и идентифицированы в качестве индивидуальных объектов. Говоря вкратце — если слово «наблюдение» использовать в его полном значении как подразумевающее некоторую степень устойчивости и квазиреальности в объекте, которому соответствует его направленность, — существует вырожденная форма наблюдения, направленного на предметы, созданные нашим умом. Соответственно этому, мы обнаруживаем, что индексы абсолютно неизбежно присутствуют в математике. До тех пор, пока это обстоятельство не учитывается, все попытки свести логику как триадических, так и более сложных отношений к некоторому правилу оканчиваются неудачей. Но как только оно берется в расчет, проблема оказывается решена. Обычные буквенные обозначения, используемые в алгебре, суть индексы. Индексами также являются буквы, которыми обозначаются геометрические фигуры. Юристы и вообще всякий, кому необходимо дать точное решение сложной проблемы, прибегают к буквенным обозначениям для различения индивидуальных объектов. Буквы, используемые подобным образом, суть не что иное, как усовершен-

ствованные относительные местоимения. Так, если личные и указательные местоимения в их обычном употреблении представляют из себя «подлинные индексы», то относительные местоимения суть «вырожденные индексы»; ибо, хотя они и могут в силу случая и опосредованно ссылаться на некоторую наличную вещь, они все же непосредственно ссылаются на образы, созданные в уме предшествующими им словами.

88. Индексы имеют три характерные особенности, которые отличают их от других знаков или репрезентаций: во-первых, они не имеют сколько-нибудь значимого сходства со своими объектами; во-вторых, они ссылаются на индивидуальные объекты, единичные предметы, единичные совокупности предметов или единичные длительности; в-третьих, они привлекают внимание к своим объектам слепым принуждением. Однако было бы чрезвычайно трудно, если вообще не невозможно, привести пример чистого индекса или, напротив, знака, абсолютно лишенного индексальности. С точки зрения психологии, действие индексальных знаков зависит от ассоциации по смежности, а не от ассоциации по сходству или операций с понятиями. [...]

§ 6. Символ¹

89. <Символ это> Знак, который конституирован как знак просто, или главным образом благодаря тому факту, что он используется и понимается как таковой — имеет ли привычка его использования и понимания естественный или конвенциональный характер — безотносительно к мотивации, обусловившей его выбор.

Несколько раз *σύμβολον* используется в этом значении Аристотелем в *Peri hermeneias*, в *Sophistici Elenchi* и кое-где еще.

90. *Тема* (thema)²: термин впервые использован в 1635г. Бургерсдайком (Burgersdyk) в его *Логике* (I., ii., § 1), для того, «quod intellectui cognoscendum proponi potest».³

¹ [Ibid. Vol. 2. P. 640.]

² [Ibid. Vol. 2. P. 691–2.]

³ <Что может быть представлено интеллекту для познания. — лат.>

Кажется, он имел в виду как раз то, что Аристотель иногда без особых разъяснений обозначает как *λόγος*, непосредственный (immediate) объект мысли, значение.

Тема обладает природой знака, причем такого, значимый характер которого обусловлен свойством, которое придает ему тот факт, что он будет интерпретирован как знак. Безусловно, что вообще ничто не может быть названо знаком, если не интерпретируется в качестве такового. Однако свойство, которое является причиной интерпретации нечто как отсылающего к своему объекту, может быть таково, что это нечто обладает им безотносительно к своему объекту и несмотря на то, что такой объект вообще никогда не имел места. Или же нечто может состоять в таком отношении к своему объекту, которое бы осталось неизменным независимо от того, было ли бы оно интерпретировано в качестве знака или нет. *Тема* Бургерсдайка на первый взгляд представляется знаком, который связан со своим объектом либо, как и всякое слово, благодаря конвенции, предписывающей ему быть понятым так, а не иначе, либо вследствие естественного инстинкта или акта сознания, делающего из него репрезентант своего объекта. Причем в последнем случае не имеет места никакое действие, необходимое для установления между знаком и объектом фактической связи. Если этим значение термина Бургерсдайка исчерпывается, его *тема* представляет собой то же самое, что и описываемый автором в настоящей работе «символ» (см. гл. «Знак»).

Глава четвертая

Пропозиции¹

§1. Характеристики Дицисигнумов

91. Из трех категорий [третьей] трихотомии репрезентаменов — простых или подстановочных знаков, т. е. *сумисигнумов* [рем]; двойственных или информационных

¹ [§ 1–4 из *Syllabus*.]

знаков, т. е. квази-пропозиций, или *дицисигнумов*; тройственных или рационально-мотивационных знаков, т. е. *аргументов*, или *свадисигнумов* — во всех отношениях наиболее простой для понимания природой обладает категория квази-пропозиций. И это невзирая на тот факт, что наиболее горячо обсуждаемым вопросом в логической теории на сегодняшний день является вопрос о сущностной природе «суждения». Истинно, что *все* перечисленные категории — крайне сложной природы. Однако проблема, вызывающая сегодня всеобщий интерес, излишне усложняется как раз тем, что внимание большинства логиков приковано не к пропозиции вообще, но к «суждению» или акту принятия пропозиции. Между тем означенный акт не только вовлекает в рассмотрение характеры, имеющие дополнительный характер по отношению к тем, которыми обладает пропозиция в собственном смысле — характеры, необходимые для того, чтобы дифференцировать суждения как пропозиции, обладающие некоторой индивидуальной особенностью, — но и, кроме собственно создаваемой в уме пропозиции, также указывает на особую инстанцию ее принятия. Проблема приобретает достаточную сложность уже тогда, когда мы приступаем к общему рассмотрению сущностной природы *Дицисигнума*, т. е. такого рода знака, который <передает или> *сообщает* информацию, в отличие от знака, из которого информация может быть извлечена.¹

92. Наиболее просто выясняется, представляет собой некоторый знак Дицисигнум или нет, если мы можем определить его истинность или ложность, но при этом сам он прямо не предоставляет для такого определения никаких оснований. Это показывает, что Дицисигнум должен заявлять о своей способности отсылать или соотноситься с чем-то как имеющим реальное бытие, независимо от репрезентации его в указанном качестве; и что эта отсылка или отношение должны выказывать себя не

¹ Объяснять суждение в терминах «пропозиции» — значит объяснять его посредством того, что уместимо (intelligible) по существу. Объяснять пропозицию в терминах «суждения» — значит объяснять постижимое из себя самого (self-intelligible), прибегая к рассмотрению психического акта, т. е. феномена или факта, наименее ясного из всех.

как нечто рациональное, но как слепая Двоичность. При этом знаком, объектом которого с необходимостью является нечто существующее, может быть только подлинный Индекс. Последний может, конечно, также являться и частью Символа, однако в таком случае отношение к объекту будет подчиняться рациональным законам. Следовательно, Дицисигнум с необходимостью репрезентирует себя как подлинный Индекс, и только. В связи с этим нам следует, отбросив все другие соображения, рассмотреть, что должен представлять собой знак, который во всех отношениях репрезентирует себя в качестве подлинного Индекса своего Объекта, и только. Заменяя «репрезентирует себя в качестве» на более ясное определение, получим утверждение, что Интерпретант Дицисигнума репрезентирует тождественность Дицисигнума и подлинного Индекса реального Объекта Дицисигнума. Иными словами, этот Интерпретант репрезентирует реальное отношение существования или отношение подлинной Двоичности, установленное между Дицисигнумом и его реальным Объектом. Однако Интерпретант Знака не может репрезентировать никакой другой Объект, как только Объект самого Знака. Отсюда, то же отношение существования само должно быть Объектом Дицисигнума, если последний вообще имеет какой-либо реальный Объект. Являясь Объектом Дицисигнума, это репрезентируемое отношение существования также делает указанный реальный Объект, представляющий собой его соотносящее (correlate), Объектом Дицисигнума.

93. Этот последний объект может быть выделен особо как *Основной Объект* (Primary Object), а другой может быть назван *Вторичным Объектом* (Secondary Object). Дицисигнум, поскольку он является относящим (relate) отношения существования или Вторичного Объекта Дицисигнума, с очевидностью сам не может быть полным Дицисигнумом. Он одновременно есть часть Объекта и часть Интерпретанта Дицисигнума. Поскольку Дицисигнум репрезентируется в своем Интерпретанте как Индекс некоторого собрания (collection)¹ объектов как та-

¹ <О значении термина «collection» у Пирса см. статью настоящего издания «Прологомены к апологии Прагматицизма», глава «Собрания».>

кового, он должен также быть репрезентирован в том же Интерпретанте как состоящий из двух частей, соответствующих его Объекту и ему самому. Иными словами, для понимания Дицисигнума его непременно следует рассмотреть как состоящий из двух указанных элементов, независимо от того, содержит он реально в себе такие элементы или нет. Необходимость такого рассмотрения Дицисигнума плохо понятна, если только он в действительности не имеет двух составляющих, однако рассмотрение возможно и при невыполнении последнего условия. Рассмотрим эти две репрезентируемые части каждую в отдельности. Та, что репрезентируется для репрезентации Основного Объекта — поскольку Дицисигнум репрезентируется в качестве Индекса своего Объекта, — должна в свою очередь быть репрезентирована для этого также в качестве Индекса или какого-либо репрезентамена Индекса Основного Объекта. Та часть, которая репрезентируется для репрезентации собственно составляющей Дицисигнума, репрезентируется для этого одновременно как составляющая Интерпретанта и составляющая Объекта. Она должна поэтому репрезентироваться в качестве такого или репрезентировать такой род Репрезентамена, Объект и Интерпретант которого суть одно. Теперь, Символ не может иметь себя своим собственным Объектом, так как представляет собой закон, управляющий этим Объектом. К примеру, если я говорю: «Эта пропозиция сообщает информацию о себе самой», или: «Пусть термин „сфинкс“ будет общим термином для денотации чего угодно, что обладает природой символа, который применим ко всякому „сфинксу“ и ни к чему более», — я говорю чистейший нонсенс. Но Репрезентамен посредничает между Интерпретантом и его Объектом, и то, что не может быть объектом Репрезентамена, не может быть и Объектом Интерпретанта. Отсюда, *a fortiori*¹ невозможно, чтобы Символ имел свой Объект в качестве своего Интерпретанта. Индекс может

¹ <«Исходя из более весомого». — лат. Логическое правило: если нечто доказано в отношении более частного или менее очевидного, то это имеет силу и в отношении более общего или очевидного.>

репрезентировать себя в очень отчетливой форме. Так, всякое целое число может быть удвоено. Таким образом, полное собрание четных чисел есть Индекс полного собрания целых чисел, поэтому собрание целых чисел содержит в себе Индекс себя самого. Но при этом Индекс не может быть своим собственным Интерпретантом, поскольку он есть не что иное, как индивидуальное существование в Двоичности с чем-либо еще и приобретает качества Индекса только благодаря способности быть репрезентированным некоторым Репрезентаменом как состоящий в указанном отношении. Если бы Индекс был своим собственным Интерпретантом, не существовало бы никакой разницы между Индексом и Вторым. Икона есть в прямом смысле возможность, которая подразумевает возможность. Таким образом, возможность для нее быть репрезентированной в качестве возможности есть возможность подразумеваемой возможности. Поэтому только в такого рода Репрезентамене Интерпретант может быть Объектом. Следовательно, тот конституэнт Дицисигнума, который репрезентируется в Интерпретанте в качестве составляющей Объекта, должен быть репрезентирован Иконой или каким-либо Репрезентаменом Иконы. Дицисигнум должен непременно рассматриваться как содержащий в себе две указанные составляющие. При этом он репрезентируется как Индекс Объекта за счет того, что последний подразумевает нечто соответствующее двум данным составляющим. И именно в этом и состоит Двоичность, Индексом которой предстает в результате репрезентации Дицисигнум. Отсюда, Дицисигнум всегда должен обнаруживать связь между двумя своими составляющими, а равно репрезентировать соответствие этой связи той, что в самом объекте соединяет Второй Основной Объект [т. е. основной объект постольку, поскольку он имеет диадическую структуру] и Первичность [или качество основного объекта], на которое указывает часть [Второго Основного Объекта, соответствующая] Дицисигнуму.

94. Итак, если нам удалось не заблудиться в этом лабиринте абстракций, мы приходим к заключению, что Дицисигнум следует определить как Репрезентамен, чей Интерпретант репрезентирует его как Индекс своего Объекта, имеющий следующие свойства:

Первое: чтобы он стал понятен, его должно рассмотреть как состоящий из двух частей. Из них первая, *которая может быть названа Субъектом*, является Индексом Второго или репрезентирует таковой. Причем Второе существует безотносительно к тому, репрезентируется оно или нет. Вторая часть, *которая может быть названа Предикатом*, является Иконой Первичности [т. е. качеством или сущностью], или репрезентирует таковую. Второе: означенные две части должны быть репрезентированы как связанные друг с другом, причем таким образом, что если Дицисигнум имеет какой-либо Объект, он [Дицисигнум] должен быть Индексом Двоичности, которая обретается между Реальным Объектом, репрезентируемым в одной репрезентируемой составляющей Дицисигнума как в том, на что осуществляется указание, и Первичностью, репрезентируемой в другой репрезентируемой составляющей Дицисигнума как в том, что иконизируется.

95. Теперь проверим, применимы ли сделанные нами выводы и предположения, послужившие для них отправной точкой, ко всем знакам, которые обнаруживают в себе способность сообщать информацию, не предоставляя при этом никакого основания для рациональной к тому мотивации (*persuasion*); а также точно ли они не соответствуют всем знакам, не сообщающим информацию, равно как и всем тем, которые предоставляют свидетельства своей истинности или основания для убежденности в таковой. Если проведенный нами анализ выдержит проверку, мы сможем с полным основанием заключить, что дефиниция Дицисигнума, на которую сделанные нами выводы — по крайней мере, в области знаков — в конечном счете опираются, имеет силу и за пределами этой сферы.

96. В соответствии с нашей дефиницией, Икона никак не может быть Дицисигнумом, поскольку собственный Интерпретант Иконы не может репрезентировать ее в качестве Индекса, природа которого более сложна, нежели природа первой. Поэтому среди Икон не может быть знаков информационных. На деле мы обнаруживаем, что они могут быть чрезвычайно эффективны в накоплении информации, например в геометрии. Но все же Икона не способна сама по себе сообщать информа-

цию, так как ее Объект есть любое нечто, подобное Иконе, и является ее Объектом ровно в той мере, в которой оно ей подобно.

§ 2. Субъекты и предикаты

97. Все пропозиции суть информационные Символы. Сделанные нами выводы не препятствуют тому, чтобы Дицисигнумы могли обладать природой Символов, но прежде чем приступить к рассмотрению данного вопроса, нам следует сперва выяснить, применима ли полученная нами дефиниция и означенные выводы к пропозициям обычного рода. Дабы закрепить уже достигнутое, рассмотрим некоторую пропозицию, например: «У Туллия на носу бородавка». Это — пропозиция, независимо от того, истинна она или нет, утверждает или принимает ее кто-либо или нет. Ибо если имеется некая сформулированная пропозиция, акт ее утверждения предполагает, что некто совершает действие, налагающее на этого некто ответственность перед социальным или моральным законом, который предусматривает взыскание в том случае, если пропозиция не является истинной, если только принявший ее не предоставит оправдание, достаточное для того, чтобы освободить его от ответственности. Акт же принятия пропозиции есть сознательное действие, посредством которого некто старается запечатлеть в уме значения пропозиции таким образом, чтобы привести их в соответствие со своими намерениями, которые должны управлять поведением вообще и в том числе мыслимым поведением этого человека. Причем установившаяся вследствие этого привычка, при обнаружении достаточных на то оснований, всегда готова к тому, чтобы прекратить свое действие. Однако в любом из перечисленных действий пропозиция исполняется как таковая вне зависимости ни от того, ни от другого. И тот факт, что пропозиция всегда понимается как то, что *могло бы* быть утверждено или принято,¹ в данном случае не мо-

¹ Если все же предпочтение отдается той форме анализа, которая наделяет большей значимостью тот неоспоримый факт, что пропозиция есть нечто, способное к тому, чтобы быть утверж-

жет служить достаточно веским основанием для возражения. Данная нами дефиниция Дицисигнума делает это более чем очевидным, ибо содержит то положение, что (если считать пропозицию Дицисигнумом) его Интерпретант (т. е. имеющая место в уме репрезентация или мысль, которую он стремится определить) репрезентирует пропозицию как подлинный Индекс Реального Объекта, не зависящего от собственно репрезентации. Ведь Индекс необходимым образом подразумевает существование своего Объекта, а в соответствии с дефиницией [Дицисигнума] этот Объект также есть Двоичность, или реальный факт. Последнее, а именно то, что значением репрезентации пропозиции является некоторый факт, безусловно истинно для обычных «амплиативных» пропозиций, но может быть подвергнуто сомнению в случае пропозиций экспликативных, и в особенности дефиниций. Если дефиницию понимать как нечто, вводящее *definitum* в значении «Пусть то-то и то-то (*definitum*) значит то-то и то-то (дефиниция)», тогда это пропозиция в повелительном наклонении, а следовательно — никакая не пропозиция, так как последняя всегда эквивалентна предложению в изъявительном (*indicative*) наклонении. Дефиниция, таким образом, является пропозицией только в том случае, если ее *definitum* уже известно интерпретатору. Однако в таком случае дефиниция ясным образом сообщает информацию относительно характера данного *definitum*, т. е. относительно его фактичности. Возьмем «аналитическую», т. е. экспликативную пропозицию, и пусть для начала это будет формула «А есть А». Если мы использовали ее, чтобы утверждать нечто о реальных вещах, то она звучит довольно невнятно. Поэтому ее следует понимать как сообщающую нечто относительно символов. Несомненно, что субстантивный глагол «есть» выражает одно из тех отношений, в которых всякое нечто состоит с самим собой, например «любит все, что может быть им любимо». Понимаемая таким образом, эта форму-

денным или принятым, то я не склонен выдвигать против этого никаких возражений. Мой собственный анализ не делает на указанной способности сколько-нибудь заметного удара.

ла сообщает информацию о некотором символе. Правда, что символ не есть нечто индивидуальное. Однако любая информация о символе есть информация о каждой из его реплик, а всякая реплика есть нечто индивидуальное в прямом смысле. Какого рода информацию, стало быть, пропозиция «А есть А» предоставляет для данной реплики? Эта информация состоит в том, что если реплику видоизменять таким образом, чтобы мы всякий раз до и после нее получали одно и то же имя, то в результате мы получим реплику пропозиции, которая никогда не будет противоречить никакому факту. Но сказать, что нечто *никогда* не будет иметь места — не значит констатировать некий реальный факт, и до тех пор, пока не будет получен некоторый внешний или воображаемый опыт, который способен вступить в противоречие с рассматриваемой нами пропозицией, таковая, по нашему мнению, не будет репрезентировать никакой действительной Двоичности. С другой стороны, так скоро, как только опыт получен, пропозиция соотносится с появляющейся тогда единичной репликой и единичным опытом и описывает возникшее между ними отношение. То же справедливо для любой экспликативной пропозиции. Пропозиция «Всякий феникс, возрождаясь из пепла, поет „Yankee Doodle“», можно быть уверенным, никогда не вступит в противоречие ни с каким опытом. И если так, она совершенно истинна. «Всякий четырехсторонний треугольник имеет темно-синий цвет» — с необходимостью истинно, так как совершенно невозможно, чтобы этому противоречил какой-либо опыт.¹ Однако обе пропозиции абсолютно бессмысленны. Равным образом будет лишена смысла любая экспликативная пропозиция, если только она не рассматривается как пропозиция о некоторого рода символе, реплика которого имеет место в действи-

¹ [Если бы для указания на существование объекта квантификации мы выбрали определение «некоторые», пропозиции I и O для несуществующих объектов оказались бы ложными. В соответствии с логическим квадратом, E и A в этом случае должны быть истинны, так что все универсалии, как утвердительные, так и отрицательные, истинны в отношении несуществующих объектов. См. также п. 106, 109 и 151 <2.324, 327 и 369>.]

тельности. Если за экспликативную пропозицию принять выражение «Человек есть двуногое животное», оно будет лишено всякого значения до тех пор, пока не обнаружит себя случай, которому соответствовало бы слово «человек». Если такой случай имеет место, то пропозиция сообщает, что к данному событию индивидуального существования может быть применено определение «двуногое животное». Другими словами, случай, которому соответствует данное определение, никогда не войдет в противоречие ни с каким опытом, реальным или воображаемым. Таким образом, всякая пропозиция либо бессмысленна, либо имеет своим объектом реальную Двоичность. Этот факт должен учитывать всякий, кто изучает философию, при подведении любой пропозиции, выраженной в абстрактной форме, к ее точному значению, отсылающему к некоторому индивидуальному опыту. Система экзистенциальных графов,¹ способная выразить всякую пропозицию настолько аналитически, насколько это вообще возможно, выражает утверждение, прикрепляя индивидуальную реплику к соответствующей индивидуальной таблице — в точности такое же приведение в соответствие Интерпретант пропозиции репрезентирует до того, как пропозиция утверждается.

98. Теперь сопоставим выводы, полученные нами из абстрактной дефиниции Дицисигнума, с тем, что нам известно о пропозициях. Первый вывод состоит в том, что всякая пропозиция имеет *Субъект* и *Предикат*, причем последний репрезентирует или сам является Индексом Основного Объекта или, другими словами, Соотносящим репрезентируемого отношения, которое, в свою очередь, репрезентирует или само в том или ином отношении является Иконой Дицисигнума. Перед тем как приступить к выяснению того, действительно ли всякая пропозиция содержит указанные элементы, разберем — допустив, что так оно и есть, — в достаточной ли степени точны данные этим элементам описания. Пропозиция «Каин убил Авеля» имеет два субъекта — «Каин» и

¹ <См. *СР*, vol. IV, bk. II, ст. «Прологомены к апологии Прагматизма» и «Принципы Феноменологии».>

«Авель» и соотносится с реальным Объектом одного из них ровно в той же степени, что и другого. Однако мы можем также рассматривать ее как прежде всего соотносящуюся с Диадой, составленной из Каина и Авеля в качестве ее первого и второго членов. Эта Пара представляет собой единичный индивидуальный объект, включающий оба указанных отношения к Каину и к Авелю, так что его существование *состоит* в существовании Каина и существовании Авеля и ни в чем более. Несмотря на то что ее существование зависит от такового Каина и Авеля, данная Пара существует в той же степени, в какой каждый из них в отдельности. *Диада* не есть в точности Пара, это создаваемая в уме Схема, включающая в себя два образных представления двух объектов. Один связан отношением существования с одним членом пары, другой — с другим. Тот, который прикреплен к ней как репрезентирующий ее, есть некоторый Символ в значении «Первого», другой же есть Символ в значении «Второго». Таким образом, указанная Схема или Диада репрезентирует Индексальные знаки Каина и Авеля соответственно, так что субъект не противоречит данным нами определениям. Теперь рассмотрим субъект пропозиции «Всякий человек — дитя двух родителей». Он, как и в первом случае, подразумевает схему пары, составляющим которой соответствуют «Первое» и «Второе» (или, вернее, символы таковых в качестве специально выбранных для них эквивалентов). Но вместо двух элементов Схемы, рассматриваемых в качестве Индексов существующих индивидуальных объектов, Интерпретант данной схемы репрезентирует, что если интерпретатор пропозиции посредством некоторой умственной операции приведет один из элементов схемы в действительное соответствие с каким-либо конкретным человеком, то будет иметь место отношение существования, прикрепляющее другой элемент к некоторой паре индивидуумов, и если интерпретатор целой пропозиции прикрепит один из этих индивидуальных объектов к этой составляющей в особенности, то предикат будет истинно сказываться об этой индивидуальной Диаде в порядке членов данной пропозиции. Конечно, это вовсе не значит, что некто, достаточно хорошо понимающий схему,

действительно последовательным образом и во всех деталях следует описанному движению мысли. Это лишь в существенных моментах показывает, что должно быть сделано, чтобы полностью и точно понять смысл пропозиции. Что дело обстоит именно таким образом, можно убедиться, если начертить соответствующий пропозиции граф. Здесь, как и в первом случае, Субъект репрезентирует индивидуальную Диадy, Символом которой является пропозиция, как репрезентируемую посредством Иконического знака. Если пропозиция имеет абстрактный субъект, как, скажем, «краснота» или «справедливость», ее можно трактовать на схоластический манер как *открытую для истолкования* (exponibile), т. е. как пропозицию, чье реальное содержание завуалировано риторической фигурой; или же, если данный термин не вполне проясняет дело — такая пропозиция повествует об универсуме, который включает в себя по одной реплике от каждого из собраний возможных символов, в том или ином смысле неопределенных, но при этом содержит все, которые следует принять во внимание. Мы не можем сказать «все, что уместны», ибо ни одно собрание не может исчерпать все возможные уместные ситуации символы. В случае с *условной* пропозицией,¹ напри-

¹ Если следовать правилам моей Этики Философской Терминологии, правильным названием будет именно *условные*, а не *гипотетические*. Значение греческого *ὑποθετικός* не вполне ясно, но в конце концов это слово, кажется, стало применяться в качестве названия всякой сложносочиненной пропозиции. Апулей во времена Нерона использует в качестве перевода термин *conditionalis*. Он пишет: «Propositionum igitur, perinde ut ipsarum conclusionum, duae species sunt: altera praedicativa, quae etiam simplex est; ut si dicamus, *qui regnat, beatus est*: altera substitutiva, vel conditionalis, quae etiam composita est; ut si aias: *qui regnat, si sapit, beatus est*. Substituimus enim conditionem, qua, nisi sapiens est, non sit beatus». <Пропозиций, таким образом, точно так же, как и их собственных следствий, имеется два вида: одни предикативные, которые просты, как, например, «кто царствует — счастлив»; другие же субститутивные или же условные (кондициональные), которые суть сложные, как, например, «кто царствует, счастлив, если разумеет». Субституируется же условие, ибо, если кто не разумен, то и не счастлив.> [См. *Geschichte der Logik* Прант-

мер, «Если вечером будет мороз, ваши розы погибнут», любая из реплик пропозиции «Сегодня вечером будет мороз», которая может быть истинной, сосуществует с истинной репликой пропозиции «Ваши розы погибнут». Это подразумевает репрезентацию Индекса в той же степени, что и субъект пропозиции «Всякая роза погибнет».

99. Теперь мы переходим к рассмотрению понятия предиката. Ясно, что последняя пропозиция, как и вообще любая того же рода, сообщает свое полное значение (signification), вызывая в сознании некоторый образ или, так сказать, комбинированную фотографию нескольких образов, подобно тому, как это происходит в упомянутой нами Первичности. Как бы то ни было, ничто не обязывает нас искать ответ на прямой вопрос о том, что именно происходит при этом в уме. Нас косвенно интересует, как предикат репрезентирует Первичность, которую он означает (signifies).¹ Предикат с необходимостью есть

ла, I, 58—81]. Но ко времени Боэция и Кассиодора, т. е. около 500 г. н. э., сложносочиненные пропозиции стали обозначать словом *hypothetica*, а *conditionalis* приобрело значение пропозиции, утверждающей нечто одно, если выполняется условие, поставленное в самостоятельном предложении. Последний вариант стал общепризнанным и оставался таковым в течение всего Средневековья. *Гипотетические* пропозиции следовало бы разделять на *дизъюнктивные* и *соединительные*. Обычно их делили на условные, дизъюнктивные и соединительные, однако условные пропозиции на деле есть только особый вид *дизъюнктивных*. Сказать «Если вечером будет мороз, ваши розы погибнут» — то же, что сказать «Либо погода не будет морозной, либо сегодня вечером ваши розы погибнут». Дизъюнктивная пропозиция не исключает истинности обеих альтернатив одновременно [ср. п. 127—9, 2. 345—7].

¹ *Коннотировать* — термин, используемый Миллем, — не вполне точен. Коннотировать означает косвенным образом денотировать наряду с чем-либо еще. Так, «убийца» коннотирует с живым существом, которое было убито. Когда схоластики говорят, что прилагательное *коннотирует*, они имеют в виду, что оно коннотирует определенную абстракцию посредством соответствующего ему абстрактного имени существительного. Обычное же использование прилагательного не вовлекает никакой отсылки к какой-либо абстракции. Слово *означивать* использовалось в качестве постоянного технического термина начиная с XII века, когда Джон Солсберийский (*Metalogicus*,

Иконический Сумисигнум [Рема] (что не всегда истинно относительно субъекта) и как таковой — что становится ясным из полного анализа Сумисигнума — по существу означает нечто через репрезентацию себя для репрезентации объекта в качестве Иконы. Хотя в отсутствие анализа Сумисигнума данное положение остается не вполне проясненным.

100. Теперь мы подошли к вопросу о том, действительно ли всякая пропозиция имеет Субъект и Предикат. Выше было показано, что это справедливо для случая с Условными пропозициями. Легко заметить, что то же может быть сказано и о любой из Дизъюнктивных. При этом обычного рода Дизъюнктив обладает таким строением, что один способ анализа его хорош ровно настолько же, насколько и другой. То есть высказывание «Истинно либо А, либо В» эквивалентно высказыванию «„Реплика Символа истинна“ — ложно, если никакая реплика А и никакая реплика В равно неистинны», или «Если реплика А не истинна, реплика В истинна», или же «Если реплика В не истинна, реплика А истинна». Мы приходим к одному и тому же, как в случае с «Некоторые Х суть Y», «Некоторые Y суть X» и «Нечто есть как X, так и Y». Наиболее подробный анализ переносит все содержание Дицисигнума в Предикат. Соединительная (copulative) пропозиция также имеет Субъект и предикат, что еще более очевидно. Она осуществляет предикацию подлинного Триадического отношения *тройственного сосуществования* (tricoexistence) «Р, Q и R сосуществуют». Ибо говорить, что А и В одновременно истинны — значит утверждать, что существует нечто, тро-

II, xx) сказал «quod fere in omnium ore celebre est, aliud scilicet esse quod appellatiua (т. е. прилагательные) *significant*, et aliud esse quod *nominant*. Nominatur singularia (т. е. существующий единичные объекты и факты), sed universalialia (т. е. Первичность) *significantur*». <ибо это почти у всех на устах, что (имена) нарицательно означают, разумеется, одно, а именуют другое. Именуются (вещи) единичные, означаются же универсалии.> См. мои записи от 13 ноября 1867 г. [следующая глава], к которым я теперь [в 1902 г.] могу добавить множество примеров в доказательство того, что сказано здесь относительно терминов «*коннотировать*» и «*означивать*».

яко *существующее* с истинными репликами А и В. Некоторые логики настолько тенденциозны и слепы, что считают такие латинские предложения, как *fulget* и *lucet* пропозициями без субъекта. Но всем понятно, что данные слова вовсе не сообщают никакой информации без ссылки (которая обычно носит Индексальный характер, где Индекс — <общая среда или> окружение участников коммуникации) на обстоятельства, при которых, как утверждается, имеют место означиваемые ими Первичности.

101. Пропозиция должна иметь действительный *Синтаксис*, репрезентируемый в качестве Индекса тех элементов репрезентируемого факта, которые соответствуют Субъекту и Предикату. Это очевидно для всякой пропозиции. Со времен Абеяра вошло в обычай рассматривать этот Синтаксис в качестве третьей части пропозиции, называемой «Связка». Исторической причиной появления этого понятия в XII веке послужил, несомненно, тот факт, что латынь того времени не позволяла пропускать глагол *est*, который обычно, но не всегда, пропускался в греческом и довольно часто в латыни классической. В большинстве языков этот глагол отсутствует. Но ясно, что невозможно отбросить Синтаксис, рассматривая Связку в качестве третьей части пропозиции. Проще было бы сказать, что Синтаксис может принимать акцидентальную форму.

102. Таким образом, нами было ясно показано, что все пропозиции подпадают под дефиницию Дицисигнума и соответствуют всем ее следствиям. Говоря короче, пропозиция есть Дицисигнум, являющийся Символом. Но Дицисигнумом может также быть и Индекс. Портрет некоего человека, подписанный его именем, представляет собой пропозицию в строгом смысле, хотя ее синтаксис не есть таковой речи, и указанный портрет не только репрезентирует, но и сам является Гипоиконой. Имя собственное настолько близко природе Индекса, что этого может оказаться достаточно, чтобы дать идею информационного Индекса. В качестве еще более удачного примера может служить фотография. Фотографический отпечаток сам по себе не сообщает никакой информации. Но тот факт, что он представляет собой поперечное сечение световых лучей, отраженных от объекта, *известного каким-то*

ным образом, делает его Дицисигнумом. Как показывает система Экзистенциальных графов, всякий Дицисигну́м есть дальнейшее, более распространенное определение уже известного знака в отношении одного и того же объекта. В настоящей статье этот момент, возможно, освещен недостаточно. Отметим, что связь фотографического отпечатка, который является квази-предикатом фотографии, с поперечным сечением лучей, представляющих собой квазисубъект, составляет, собственно, Синтаксис Дицисигну́ма. Подобно Синтаксису пропозиции, он есть *факт*, имеющий отношение к Дицисигну́му, рассматриваемый как Первое, то есть нечто в себе, безотносительно к своей знаковой природе. Всякий информационный знак, таким образом, вовлекает Факт, выполняющий роль его Синтаксиса. Поэтому очевидно, что Индексальные Дицисигну́мы также соответствуют дефиниции и ее следствиям.

103. Следует отметить, что данное соответствие, как для пропозиций, так и для информационных Дицисигну́мов, установлено безотносительно к их принятию или утверждению. Проводимый до сих пор анализ предполагал, что если бы утверждение или в том или ином смысле принятие пропозиции в расчет не бралось, то пропозиция была бы неотличима от общего составного термина, т. е. «Некий человек высок» было бы редуцировано к «высокий человек». Поэтому в данном случае важно определить, может или нет дефиниция Дицисигну́ма, применимая к первому высказыванию (даже в том случае, если оно не выносится как суждение), быть равным образом применима и ко второму. Ответ дать довольно легко. Чтобы полностью понять и усвоить символ «высокий человек», нет никакой необходимости полагать его состоящим или способным состоять в отношении к какому-либо реальному Объекту. Его Интерпретант не репрезентирует его в качестве подлинного Индекса, поэтому дефиниция Дицисигну́ма к нему не применима. Мы не можем достоверно установить, достаточно ли данного анализа для того, чтобы провести четкое различие между пропозициями и аргументами. Но он позволяет увидеть, что пропозиция нацелена (*purports to untend*) на то, чтобы принудить свой Интерпретант осуществить

референцию к своему реальному Объекту, то есть репрезентирует себя в качестве Индекса. Аргумент же нацелен не на принуждение, а на осуществление воздействия посредством умопостигаемых общностей (*generals*), т. е. репрезентирует свой символический характер.

104. Приведенное выше представляет собой наилучший анализ Дицисигнума, который может быть представлен автором на настоящий момент. Убедительно или нет звучат его основные положения, они не могут быть окончательно приняты без более или менее значительных поправок, хотя и может показаться, что он не иначе как предельно точно отражает истинное положение дел. Может быть и так, что он не применим в полной мере ко всем без исключения типам пропозиций. Дефиниция Дицисигнума может повлечь за собой естественное предположение, что Сумисигнум есть всякий Репрезентамен, Интерпретант которого репрезентирует его в качестве Символа. Тщательная проверка убеждает ученого в том, что это очень похоже на правду, но с течением времени у него могут возникнуть сомнения, что этим вопрос полностью исчерпан. [...]

§ 3. Дихотомии Пропозиций

105. Индексальный Дицисигнум, как кажется, не имеет сколько-нибудь значимых разновидностей. Пропозиции же могут быть подразделяемы по различным основаниям, образуя главным образом дихотомии. В первую голову в отношении *Модальности*, или *Модуса*, пропозиция является либо *de inesse*¹ (словосочетание, встречающееся в *Summulae*² [р. 71B]), либо *модальной*.

¹ <По внутренней присущности. — лат.>

² *Summulae Logicales* Петра Испанского. Прантл, [*Geschichte der Logik*, II, 266ff] автор не слишком самостоятельный, но весьма сведущий, чья не лишенная пользы история Логики полна ошибок, неверных интерпретаций и бессмысленного теоретизирования, и чья площадная лексика оправдывает любую из возможных оценок его работы, делает абсурдное предположение, что указанный труд по существу является переводом с греческого, в то время как совершенно очевидно, что это был трактат, изначально написанный по-латыни. *Summulae* Петра

Пропозиция *de inesse* соотносится только с существующим — т. е. существующим в логическом дискурсивном универсуме¹ — положением вещей. Модальная пропозиция охватывает собой всю область возможного. В зависимости от того, утверждает ли она нечто как истинное или как ложное для указанной области во всех отношениях, она может быть либо *необходимой*, либо *невозможной*. В зависимости от того, утверждает ли она нечто как истинное или как ложное в пределах области возможного, (неявно включая или исключая существующее положение вещей), она может быть *возможной* или *контингентной* (все термины взяты из Бозция).

106. Субъект пропозиции может быть либо *Сингулярным*, либо *Общим*, либо *Абстрактным*. Он есть некоторая сингулярность, если указывает на нечто индивидуальное, что известно каким-либо иным образом. Он есть нечто общее, если описывает критерий, в соответствии с которым выбирается данный индивидуальный объект. Неединичный (*general*) субъект может (как это признано всеми) быть либо *Общим* (*Universal*), либо *Частным* (и *Неопределенным*.) (Последние три термина взяты из Апулея,² жившего при Нероне. Однако бессмысленное различие неопределенного и частного современными авторами осталось незамеченным). В некоторых трудах можно найти весьма сложное учение о значении этих терминов, выделяющее некоторые типы универсалий как утверждающие существование своих субъектов. Для автора данной работы все универсалии объединены тем, что этого не утверждают. *Общий* субъект есть такой субъект, который указывает на то, что пропозиция применима к любому индивидуальному нечто, имеющему

Испанского почти в точности воспроизводят некоторые другие работы того времени и ясным образом обнаруживают учение, основы которого преподавались в учебных заведениях начиная с 1200 г. По оценкам современных авторов, он является величайшим авторитетом в области терминологии после Бозция.

¹ [Иными словами, она может быть сформулирована в терминах материальной или филонианской импликации. См. сн. к п. 130 <2.348n>.]

² [Prantl, op. cit., I. 581.]

или *могущему* иметь место в универсуме, не сообщая при этом, что таковой действительно имеет место. *Частный* субъект есть такой субъект, который не указывает, какое именно индивидуальное нечто имеется в виду, и способен самое большее дать общее его описание, но при этом претендует на то, чтобы осуществлять указание некоторого существующего индивидуального нечто. Порядок, в котором располагаются *Общий* и *Частный* субъекты, есть порядок материальный. Возьмем пропозицию «Некая женщина обожаема всяким испанцем из тех, которые существуют». Ее первый субъект, «некая женщина», представляет собой индивидуальное нечто, второй же — «всякий испанец из тех, которые существуют» — универсалию. Но «Всякий испанец из тех, которые существуют, обожает некую женщину» имеет те же субъекты, расположенные в обратном порядке, и соответственно другое значение. Понятно, что субъект может быть описан таким образом, чтобы не быть ни *Общим*, ни *Частным* — как в *исключениях* (exceptives; *Summulae*) типа «Все люди суть грешники кроме одного». То же относится ко всем типам исчисляющих пропозиций, например, «Любое насекомое имеет четное число лапок». Но эти субъекты могут быть рассмотрены как *Частные Собирательные Субъекты*. Примером *Общего Собирательного субъекта* может служить пропозиция «Любые два человека, пытающиеся перекричать один другого, поссорятся». Любое собрание чего-либо с логической точки зрения есть нечто индивидуальное. Различение субъектов на *Общие* и *Частные* имеет материальное, а не просто формальное основание. Оно представляется (и признавалось таковым в средние века) обладающим той же природой, что и различие между *Необходимой* и *Возможной* пропозициями.

107. Различение между *Гипотетической*, *Категорической* и *Относительной* пропозициями также имеет важное значение. В любом случае, последняя имеет ряд значимых отличий от двух остальных.

108. Различение пропозиций на *Утвердительные* и *Отрицательные* в применении к обычного рода категорическим пропозициям имеет чисто формальный характер. Процесс, названный *инфинитацией* (термин, ис-

пользованный Абеляром в *Opera hactenus Inedita*, p. 225, и с тех пор вплоть до сего дня имеющий постоянное хождение во всех западных языках), состоящий в добавлении к термину префикса *не-*, превращает *негативную* пропозицию в *утвердительную* или так называемую [Неличную или] *Инфинитную*, (*Infinite*) пропозицию. Различие между отрицательной и инфинитной пропозициями не затрагивает их значения и не более велико, нежели различие между *non est* и *est non* в латыни. «*Socrates non est mortalis*» — обычная форма, но «*Socrates est non mortalis*» также возможно.¹ Не следует забывать, что логика всегда привлекала и порой продолжает привлекать к себе незрелые умы.

109. Наконец, всякая пропозиция либо *истинна*, либо *ложна*. Она ложна, если из нее может быть законным образом дедуцирована любая пропозиция без помощи ложных пропозиций, которые могут вступить в противоречие с прямым суждением восприятия, если таковое имеется. Пропозиция истинна, если она не ложна. Отсюда, не несущая никакого смысла форма пропозиции, если ее называть пропозицией, принадлежит к категории истинных пропозиций.

§ 4. Прагматическая интерпретация логического субъекта

110. Любой символ, способный быть прямым конституэнтном пропозиции, называется *термином* (*terminus*

¹ <Берущее свое начало в средневековой логике разведение отрицания предиката и отрицания связки *est* (*copula*). Так, «*Socrates non est mortalis*» — норма латинского языка — может быть переведено и как «Сократ не есть смертный», и как «Сократ не смертен». «*Socrates est non mortalis*» могло бы рассматриваться как риторический прием или усиление отрицания *non*, однако здесь и в других местах (ср. далее «*Socrates non est stultus*» и «*Socrates est non stultus*») — специфическое употребление этих оборотов: «*Socrates non est mortalis*» «Сократ не есть смертный» (отрицание относится к связке) «*Socrates est non mortalis*» и «Сократ есть не смертный» (отрицание относится к предикату). Начиная с Аристотеля, примеры с именем Сократ вошли в широкое употребление.>

Боеция).¹ Логики обычно говорят, что категорическая пропозиция имеет «два термина» — *субъект* и *предикат*, и, проявляя таким образом небрежность в выражении, или же копируя Аристотеля,² спотыкаются об истину. Обычно они придерживаются *доктрины* (хотя часто не сформулированной отчетливо в одном предложении), в соответствии с которой такого рода пропозиция включает в себя три термина: субъект, предикат и *связка* (copula Абеляра).³ Если следовать данной доктрине, корректным десигнатом для субъекта и предиката будет термин *экстремум*, который представляет собой эквивалент греческого *ὅρος* (term). Обычно принято считать связку глаголом, а все остальные термины именами собственными или общими именами некоторого класса. Автор настоящей работы считает глагол *есть* (is) неотторжимой частью имени класса, так как это позволяет дать наиболее простой и удовлетворительный отчет о пропозиции.⁴ В подавляющем большинстве языков не существует прилагательных и общих имен классов, которые не понимаются как являющиеся частью того или иного глагола (даже когда на деле такой глагол не имеет места), и следовательно, в таких языках не требуется ничего, что должно было бы выполнять роль связки в предложении. Автор (не претендуя, впрочем, на то, чтобы называть себя лингвистом) исследовал грамматические системы многих языков с целью выяснить, существует ли вообще такой язык, структура которого совпадала бы со структурой мышления всякого человека в том виде, в котором ее всеми силами пытаются представить логики (ибо таковые попытки не имеют на деле никакого отношения к логике). Единственным таким языком, который автору удалось отыскать, оказался баскский, в котором есть два или три глагола, а все остальные имеющие принци-

¹ [Prantl, op. cit., I, 696.]

² [*Ὅρον δὲ καλῶ εἰς ὃν διαλύεται ἡ πρότασις, οἷον τὸ τε κατηγορούμενον καὶ τὸ καθὴ οὗ κατηγορεῖται*, 24b.16.] <термином я называю то, на что распадается посылка, то есть то, что сказывается, и то, о чем оно сказывается. — лат.>

³ [Prantl, op. cit., II, 197.]

⁴ [См. также *CP*, 3.459.]

пиальное значение слова понимаются как существительные. Во всяком языке должны быть имена собственные, а в таковых нет ничего от глагола. Поэтому в них, как кажется, мы находим прямое указание на имя нарицательное или прилагательное. Однако, несмотря на это указание, практически в любом сообществе людей слова, обозначающие общие понятия, принято считать частью глагола. А это, по всей видимости, идет вразрез с построениями логиков.

111. То или иное имя собственное, когда некто узнает о нем впервые, связано отношением существования с некоторым результатом перцепции или эквивалентным ему индивидуальным знанием того индивидуального объекта, который оно именуется. Тогда и только тогда оно представляет собой подлинный Индекс. Когда этот некто встречается это имя во второй раз, он рассматривает его как Икону данного Индекса. Когда знакомство с ним приобретает характер привычки, оно становится Символом, Интерпретант которого репрезентирует его в качестве Иконы Индекса именуемого индивидуального объекта.

112. Если поискать в учебнике по химии дефиницию *лития*, то мы обнаружим, что это элемент с атомным весом, очень близким к семи. Но обладай автор учебника большей склонностью к логике, он сказал бы, что если попытаться найти среди минералов, которые стекловидны, прозрачны, серого или белого цвета, обладают большой твердостью, ломки и труднорастворимы, такой, который придает неяркому пламени легкий малиновый оттенок; будучи растерт в порошок и перемешан с известью или крысиным ядом и затем расплавлен, частично растворяется в муриатической кислоте; когда же полученный раствор испарен и с помощью серной кислоты извлечен осадок, из этого осадка, если его подвергнуть тщательной очистке, может быть обычным методом получен хлорид; а хлорид, приведенный в твердое состояние, расплавленный и подвергнутый электролизу при помощи полдюжины элементов, превратится в шарик розовато-серебристого металла, которая будет держаться на плаву в газолине, — то материал *этого* шарика будет представлять собой образчик лития. Особенность данной дефиниции — или скорее предписания, ибо оно

более пригодно для нас, нежели дефиниция — состоит в том, что оно раскрывает смысл, денотируемый словом *литий*, предписывая *действие*, которое нужно совершить, чтобы получить знание об объекте слова через восприятие. Всякий субъект пропозиции, если только это не Индекс (например, общая для участников коммуникации среда или окружение, или же привлекающее внимание в этом окружении нечто, на которое указывает говорящий) или Подиндекс (например, имя собственное, личное или указательное местоимение), должен выполнять функцию *Предписания*, или Символа, не только предоставляющего для Интерпретатора описание того, что должно быть предпринято им, другими или всеми для того, чтобы получить Индекс индивидуального объекта (предмета или отдельно взятого набора предметов), соответствующая которому пропозиция репрезентируется как истинная, но также закрепляющего за указанным индивидуальным объектом некоторый десигнат, или, если это набор индивидуальных объектов, за каждым входящим в набор объектом. До тех пор пока не найдено лучшего десигната, такой термин может быть назван Предписанием. Так, Субъект пропозиции «Всякий испанец из тех, которые существуют, обожает некую женщину», наилучшим образом может быть рассмотрен в следующей форме: «Если мы возьмем любой индивидуальный объект универсума, А, тогда в универсуме существует некоторый индивидуальный объект В, такой, что А и В указанным образом формируют диаду, следующее из которой истинно». Предикат будет иметь вид «___ есть либо не испанец, либо обожает женщину, которая является ___».

113. Всякий термин, способный стать субъектом пропозиции, может быть назван *Оной*. Категорематическим (Дунс Скот, но возможно ранее) называется любой термин, способный стать субъектом или предикатом некоторой пропозиции. *Синкатегорематическим* термином или *Синкатегоремой* (*Summulae*),¹ называется Символ, способный образовать *Категорематический* Термин.

¹ [См. Prantl, op. cit., II, 272.]

Связка же, похоже, оказывается между двух стульев, ибо не является ни *синкатегорематической*, ни *категорематической*. [...]

§ 5. Природа утверждения¹

114. Теперь рассмотрим, в чем состоит существо *утверждения* (assertion). Здесь я могу лишь в более развернутом виде переформулировать учение, изложенное мной в *grammatica speculativa* и опубликованное впервые в 1867 г.² С этого времени мои занятия философией полдюжины или более раз подводили меня к необходимости поставить данное учение под вопрос и подвергнуть его тщательной и строгой перепроверке. Каждая такая перепроверка, приводя к более или менее значительным изменениям своего предмета, всякий раз все же оправдывала его в основном. Теперь я вполне убежден, что могу дать такую его формулировку, которая уже не будет оставлять желать лучшего. Вместе с тем я также воспользуюсь случаем для выявления и прояснения сути ошибок, допущенных мной в предшествующих формулировках.

115. Предстоящий нам анализ утверждения предполагает применение двух типов логического рассуждения. С одной стороны, мы можем осуществлять прямое наблюдение того, что близко нашему опыту утверждения и кажется от него неотделимым. Профессор Шредер называет такой опыт *риторическим* свидетельством. Данный десигнат крайне удачен, так как указанное логическое рассуждение обладает характеристиками выводов, называвшихся прежними логиками *риторическими*. Этот термин также соответствует моему названию наиболее важного и интересного раздела логики — *спекулятивная риторика*. Что касается меня лично, указанный десиг-

¹ [§ 5–6 из статьи «О том, что категорические и гипотетические пропозиции по сути одно и то же, с некоторыми дополнениями касательно данного вопроса» (That Categorical and Hypothetical Propositions are one in essence, with some connected matters, 1895).]

² [On a New List of Categories, vol. 1, bk. III, ch. 6.]

нат, возможно, приносит того рода удовлетворение, что столь многие школы находят в заимствовании названий, которые были изобретены, но недооценены их оппонентами. Ибо хотя профессор Шредер и не может не признать необходимость в такого рода логическом рассуждении и его значимость, все же может показаться, что к его в общем положительному мнению о нем примешивается легкая тень сомнения в его безусловном формальном совершенстве. Для меня же это самое несовершенство отмечает данный тип рассуждения как выведенный напрямую из тех источников наблюдения, из которых и должно вытекать всякое истинное логическое рассуждение. И я часто замечал в истории философии, что рассуждения, которые сперва были отмечены темнотой и формальностью подхода, часто на деле оказывались наиболее глубокими. Другой применяемый мной в анализе утверждения тип логического рассуждения состоит в выяснении путем дедукции того, какие конститuentы утверждения должны быть следствиями из теории, которой я придерживаюсь и в соответствии с которой истина обретает себя в безусловном (definitive) принуждении исследующего интеллекта. Это рассуждение носит систематический характер, но составляет лишь половину всего метода. Ведь опирающиеся на теорию дедукции или квазипредсказания необходимо преобразовать в риторическое свидетельство и проверить, верифицируемы ли они посредством наблюдения. Если мы находим, что это так, не только анализ утверждения приобретает свидетельство в пользу своей окончательной завершенности, но также приобретает большую вероятность собственно теория истины.

116. Для всякого утверждения мы можем выделить говорящего и слушателя. Правда, что существование последнего при этом может только предполагаться, как, например, в случае кораблекрушения, когда описание бедствия запечатывается в бутылку и выбрасывается в море. Предполагаемый «слушатель» может принадлежать той же личности, что и «говорящий». Например, когда мы в уме отмечаем факт суждения, которое следует запомнить. Если имеет место какой-либо акт вынесения суждения, независимый от какой бы то ни было регистра-

ции и в то же время имеющий определенную логическую значимость (что само по себе спорно), мы можем сказать, что в этом случае слушатель становится идентичен говорящему.

117. Утверждение состоит в предоставлении говорящим свидетельства для слушателя в пользу того, что говорящий в чем-то убежден, т. е. что он обнаруживает в некоторой идее при тех или иных обстоятельствах безусловно обязательный характер. В силу этого всякое утверждение должно состоять из трех частей: знака, обнаруживающего факт принуждения, знака привнесенной идеи и знака, свидетельствующего о воздействии принуждения на говорящего в той мере, в какой он отождествляет себя с научным интеллектом.

118. По той причине, что принуждение всегда есть *hic et nunc*, событие принуждения может быть репрезентировано для слушателя только путем понуждения его к опыту того же самого события. Отсюда, необходимо должен иметь место знак, который оказывал бы динамическое воздействие на внимание слушателя и направлял бы его на некоторый объект или событие. Такого рода знак я называю Индексом. Вместо простого знака указанного рода может иметь место предписание, сообщающее слушающему, каким образом он должен действовать, чтобы получить доступ к опыту, с которым соотносится утверждение. Но поскольку данное предписание сообщает ему, что должно предпринять, а также поскольку воздействие и претерпевание воздействия суть одно и то же, а действие также есть *hic et nunc*, то предписание должно само по себе предоставлять некоторый Индекс или собрание Индексов. То, на что индекс направляет внимание, может быть названо субъектом утверждения. [...]

119. Реальный мир невозможно отличить от вымышленного при помощи какого бы то ни было описания. Часто спорят о том, был ли сумасшедшим Гамлет. Это лишний раз доказывает, что если мы подразумеваем реальный мир, нам необходимо *указание* на это подразумевание. Реальность носит динамический, а не качественный характер. Реальность состоит в <действенности как> убедительности (*forcefulness*). И от вымысла ее не может отличить ничто кроме динамического знака. Прав-

да, что ни один язык (насколько мне известно) не имеет такой формы речи, которая была бы способна показать, что дело идет именно о реальном мире. Но в этом и нет необходимости, поскольку тона и внешнего впечатления всегда достаточно, чтобы показать, что говорящий искренен. Тон речи и внешнее впечатление динамически воздействуют на слушателя и принуждают его направлять внимание на реалии. Тон речи, следовательно, есть индексальный знак реального мира. Поэтому не существует категорий утверждения, не содержащих индексальных знаков, если только это не утверждения логического анализа или тождественные пропозиции. Но первые будут неправильно поняты, а последние покажутся абсурдом, если и те и другие не интерпретируются как отсылающие к универсуму терминов и понятий, и этот универсум, как и мир вымысла, также требует себе для того, чтобы быть распознанным, индекс. Итак, в соответствии с нашей теорией, является фактом, что по крайней мере один индекс должен в качестве составной части входить в каждое утверждение.

120. События или объекты, которые денотируются индексами, я называю *субъектами* утверждения. При этом они не совпадают с объектами, денотируемыми грамматическими субъектами. У логиков вошло в привычку рассматривать пропозиции исключительно (или главным образом) после того, как они получили некоторое выражение в форме, соответствующей определенному стандарту или канону. Если же их принимать в том виде, в каком они выражены в том или ином языке (как это делает Хопп <Норре> и некоторые другие), то это превращает логику из философии в филологию. Установленные канонами формы были продиктованы использованием узкой категории языков и направляют философию по ложному пути. То, что называется *субъектом*, есть существительное в номинативе, хотя даже в нашей относительно небольшой семье индоевропейских языков существует несколько, в которых это существительное, в латыни, греческом и языках современной Европы всегда стоящее в номинативе, ставится в косвенный падеж. Примером тому ирландский и гэльский языки. Индекс также часто не обладает природой существительного. Он

может быть, как мы уже видели, просто внешним впечатлением или жестом. Тогда опять же он может быть распознан так, что совершенно невозможно с полной уверенностью определить, индекс ли это вообще. Апелляция к значению утверждения помогает мало, ибо в подобных случаях трудно точно сказать, каково значение. Так, для случая с суждением «Все люди смертны» (All men are mortal),¹ мы можем сказать, что субъектом в нем является *всякий человек* или некоторая группа людей, что *всякий человек* и *некто смертный* суть два субъекта, или что субъектом является *все* (а предикатом в таком случае — «либо не есть человек, либо смертно»), или же что *все*, *человечество* и *смертность* суть три субъекта. Можно еще привести сотни других диспозиций. Но если желательно остановиться на одной постоянной канонической форме, наилучшим было бы использовать отдельный индекс для всего, что индифферентно с точки зрения логики. Иными словами, для данного случая в качестве индексов принять *все*, *человечество* и *смертность*.

121. Всякий субъект, когда на него осуществляется прямое указание — каковы в нашем случае *человечество* и *смертность*, — есть некоторая сингулярность. В ином случае предписание, которое может быть названо его *квантором*, указывает, на основании чего должен быть сделан выбор субъекта из некоторого множества, именуемого его *универсумом*. В логике вероятности кванторы, такие, как «девять из десяти» и т. п., отсылают к предстоящему опыту или к тому, что должно произойти «в конечном счете». Но в логике необходимости такая отсылка к опыту не осуществляется и необходимы только два квантора: квантор *всеобщности* (universal quantifier), позволяющий при любых обстоятельствах выбрать из универсума любой объект, и квантор *существования* (particular quantifier), предписывающий выбор объекта, подходящего данным условиям. Когда имеют место несколько квантифицированных субъектов, а также когда квантификации различны, порядок выбора

¹ <В данном случае более адекватен перевод «Каждый человек есть некто смертный».>

субъектов имеет материальный характер. Свойство квантора *последнего выбранного* субъекта распространяется на пропозицию в целом. (В прежних формулировках этот момент от меня ускользнул). Поскольку никакие другие кванторы кроме двух указанных не являются необходимыми, нечто большее, нежели просто краткость и удобство написания достигается также использованием других двух «хемиологических» (hemiological)¹ кванторов, один из которых позволяет выбрать любой объект универсума, *кроме одного*, а другой ограничивает свободу выбора в пользу одного или другого из двух удовлетворяющих условиям. Универсум логического субъекта до настоящего времени всегда рассматривался как дискретное множество, так что субъект считался *индивидуальным* объектом или событием. Но на деле универсум может быть непрерывен, так что не существует такой его части, из которой всякое нечто непременно должно быть всецело истинным или столь же всецело ложным. Например, невозможно найти часть некоторой поверхности, которая везде одного и того же цвета. Даже точка этой поверхности может принадлежать индифферентно к трем или более различно окрашенным частям. Однако логика непрерывных универсумов еще только ожидает своего исследования. [...]

122. В 1867 году я определил символ как любой репрезентамен, имеющий характер всеобщности, в чем, полагаю, не ошибался. Однако, не остановившись на этом, я вполне в духе традиции разделил символы на *термины*, *пропозиции* и *аргументации*, исходя из того, что «термины» не содержат в себе ассерторической составляющей, и в этом оказался не прав, хотя само разделение не столько ложно, сколько совершенно лишено важности. Далее, заметив, что я отнес естественные симптомы как к индексам, так и к символам, я ограничил символы конвенциональными знаками, что было очередной ошибкой. Дело в том, что записи от 1867 г. оказались наименее удовлетворительны, с точки зрения логики, из всех, что я когда либо написал, и в течение долгого времени

¹ <Дефиницию данного термина см.: *CP*, 1.567.>

большинство изменений, внесенных мной в них, все дальше и дальше уводили меня от истины.

123. Всякий символ как нечто, подразумевающее утверждение или содержащее его рудимент, имеет характер всеобщности в том смысле, в котором мы обычно говорим об общем знаке. То есть предикат есть нечто общее. Даже когда мы говорим: «Боз был Чарльзом Диккенсом», мы имеем в виду, что «Боз был *то же самое*, что и Чарльз Диккенс», и *тождество* (sameness) есть общее, более того — хемиологическое отношение. Ибо предикат обладает идеальной природой и как таковой не может быть простой этоностью (heseity). Фактически в пропозиции «Боз есть Чарльз Диккенс» Субъектами являются Боз и Чарльз Диккенс, а предикатом — «*тождествен с*». С другой стороны, всякий общий знак, включая «термин», по крайней мере в рудиментарной форме вовлекает утверждение. Ибо что подразумевается под «термином» или «именем класса»? Это нечто, означающее или, если использовать спорную терминологию Милля, «коннотирующее» определенные характеры и тем самым осуществляющее денотацию того, что обладает этими характерами. Иными словами, привлекает внимание к идее, ментальной конструкции или схеме чего-то, что обладает этими характерами, и таковое обладание держится на виду для сознания. Что это значит до тех пор, пока слушатель не скажет себе: «То, что есть *здесь* (как объект внимания) обладает такими-то и такими-то характерами»? Это не может быть в полном смысле *пропозицией* или утверждением, ибо если объект внимания в таком случае есть не что иное, как творение ума, слушатель не задается вопросом о том, что такое есть то, что есть «здесь». Это, по крайней мере, не есть суждение о реальном мире, но тем не менее содержит ассерторический элемент, ментальную связку. Когда слушающий слышит термин «свет», он *создает* в уме соответствующий образ, проходя через тот же самый процесс мысли, который приписывается Элохим в первой главе Бытия: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог, что свет хорош», то есть что свет действительно соответствовал тому, создание чего было задумано изначально. Это то же самое, что сказать: «Это свет!» До тех пор, пока та-

ковой процесс не имеет места, имя не вызывает никакого значения в уме слушателя. Но я возражаю против триады *термин-пропозиция-вывод*, если ее наделяют основополагающей важностью для логики. Основанием для этого возражения служит то, что имена нарицательные, которые, со своими эквивалентами, суть то, что имеют в виду термины, являются просто второстепенными грамматическими формами. Последние случайно приобрели такое важное значение в языках, наиболее хорошо нам известных, но вряд ли существуют или, по крайней мере, играют такую уж важную роль в большинстве языков. В них вовсе не возникает необходимость в *Grammatica Speculativa*, и они остаются вне ее границ. Было бы абсурдом возводить эту несущественную часть речи в логическую форму и оставлять в стороне совершенно необходимые предлоги просто потому, что в индоевропейских языках они зачастую присутствуют в форме окончаний.

124. В то же время необходимо отметить, что пропозиция «Пусть *L* будет светом» или, что то же, «*L* есть свет», где *L* не определено каким-либо иным образом, есть просто утверждение о мимолетной идее, гораздо менее развитое, нежели пропозиция «Гамлет был сумасшедшим», которое соотносится с великим творением, более прочным, нежели бронза. Удалите из любой пропозиции знаки, выполняющие роль кванторов, и такое выражение — все, что у вас останется. Удалим квантор из пропозиции «Все люди смертны» или, что то же, «Всё либо не есть человек, либо смертно», и получим «*X* либо не есть человек, либо смертен». Удалив квантор из пропозиции «Все имеет некоторую причину» или, что то же «Пусть *A* будет всем, тогда существует некоторое *B*, такое, что *B* есть причина *A*», и получим «*B* есть причина *A*». Такие рудиментарные утверждения, т. е. утверждения по форме, но лишенные какой-либо субстанции, в точности выражают значения логических *терминов*. В этом смысле мы можем сказать, что всякая пропозиция имеет столько терминов, сколько она имеет квантифицированных субъектов. Сингулярные субъекты в указанном смысле имеют ряд отличий. Всякий термин сингулярен, но не определен. В зависимости от характера своего

предиката он может быть утвердительным или отрицательным.

125. Связка отличается от субъектов и предикатов тем, что она есть нечто чисто формальное и не содержит в себе никакого особенного содержания или сложности. Несомненно, это потому, что мы выбираем части пропозиции, проводя между ними линии таким образом, что связка остается бессодержательной, но для того, чтобы так поступать, у нас есть достаточные основания.

§ 6. Рудиментарные пропозиции и аргументы

126. Завершив таким образом анализ утверждения, я теперь намереваюсь кратко показать, что почти в том же смысле, в котором термин есть рудиментарная пропозиция, последняя, в свою очередь, представляет собой рудиментарную аргументацию. Термин есть пропозиция, субъекты которой лишены действительности. Лишите пропозиции аргументации утвердительной силы и в результате получите утверждение. Так, аргументация

Енох был человеком,
∴ Енох был смертным,

становится, когда пропозиции теряют утвердительную силу:

Если Енох был человеком, значит, Енох был смертным.

Таким образом, по крайней мере обратное истинно, и каждая такая выхолощенная аргументация есть пропозиция.

127. Но здесь мы сталкиваемся с полным собранием немецких логиков, среди которых находим и профессора Шредера, которые заявляют, что гипотетические и категорические пропозиции существенным образом отличаются друг от друга.¹ Под гипотетической пропозицией имеется в виду, в той исторически точной терминологии, которую логика, к своему величайшему счастью, получила в наследство, всякая пропозиция, состоящая из пропозиций. Морган² настолько исчерпывающе опи-

¹ [См. Schröder, *Logic*, § 28.]

² [См. п. 248 <2.366>.]

сал субъект логических комбинаций, что знакомство с его работой позволяет нам сделать заключение о существовании шести разновидностей простых гипотетических пропозиций, объединенных в два родовых собрания. Точка зрения миссис Фабиан [Лэд-] Франклин¹ и ее мужа² показывает, что сложные гипотетические пропозиции, состоящие из двух членов, исчисляются десятками тысяч. Простые разновидности таковы:

*Род I. Отрицательные простые
гипотетические пропозиции*

(не утверждающие и не отрицающие ни один из членов гипотетической пропозиции)

Вид 1 Условные пропозиции.

Если гром гремит, то идет дождь.

Вид 2 Дизъюнктивные пропозиции.

Либо гремит гром, либо идет дождь.

Вид 3 Несовместимостные (Repugnential) пропозиции.

Гром и дождь одновременно не имеют места.

<соответственно: гром не гремит, дождь не идет>

(It does not both thunder and rain).

*Род II. Утвердительные простые
гипотетические пропозиции*

(утверждающие или отрицающие каждый член гипотетической пропозиции)

Вид 1 Независимостные (Independential) пропозиции.

Гром гремит без дождя.

Вид 2 Конъюнктивные пропозиции.

Гремит гром и идет дождь.

Вид 3 Терциальные пропозиции.

Ни гром не гремит, ни дождь не идет.

¹ [См. *Studies in Logic*, ed. by C. S. Peirce, Little, Brown & Co., Boston, 1883. «On the Algebra of Logic», by Christine Ladd, P. 61ff.]

² [Fabian Franklin, «A Point of Logical Notation», Johns Hopkins University Circular. P. 131, April 1881.]

128. Большинство этих простых видов рассматривались средневековыми логиками как гипотетические пропозиции. Но Кант, который пришел к убеждению, что должно существовать три категории пропозиций для каждого логического принципа разделения, изъяв *категорические* пропозиции из одной категории, поместил первые два вида отрицательного рода простых гипотетических пропозиций в другие две из своих категорий. Но он называл условные пропозиции *гипотетическими*, ограничивая этот термин таким образом, каким на тот момент он уже был ограничен некоторыми другими логиками. Кант не обладал всем необходимым, чтобы составить таблицу «Функций Суждения». Даже Ламберт, крупнейший представитель формальной логики того времени, не смог преуспеть в этом деле, и уж конечно, <во исполнение этой задачи> Кант и Ламберт не могли слиться в один гигантский интеллект. Кант не уделил даже достаточно времени для того, чтобы обозначить чрезвычайную важность предмета. В дальнейшем немецкие логики, плывя по течению и будучи лишены какого-либо точного метода во всякое время и относительно всякого вопроса, слишком стадные, официозные и стремящиеся непременно присоединиться в своих мнениях к той или иной партии, приняли триаду, состоящую из *категорических*, *гипотетических* и *дизъюнктивных* пропозиций. Отчасти это произошло по той причине, что к тому склоняла их метафизика, а отчасти по причине отсутствия метода, который бы в обязательном порядке отрицал всякую точку зрения, склонность придерживаться которой была продиктована чисто формальными соображениями. Но профессор Шредер, будучи точным логиком, не мог согласиться с этой триадой. Тем не менее он считает, что категорические пропозиции существенно отличаются от всякой гипотетической, понимаемой в широком смысле. Предпринятый нами ранее анализ термина, поскольку он называет термин пропозицией, делает категорические пропозиции составными, т. е. гипотетическими пропозициями. Но мы не можем пройти мимо основательно продуманной точки зрения такого ума, как Шредер, без того, чтобы со всем тщанием ее не разобрать. [...]

129. Квантифицированный субъект гипотетической пропозиции есть *возможность*, *возможное событие* или *возможное положение вещей*. В изначальном смысле *возможность* есть гипотеза, ложность которой, исходя из информации, известной на данный момент, не может быть установлена или логически выведена. Подразумеваемое положение дел с информацией, известной на данный момент, может совпадать с тем, в котором фактически находится говорящий, а может быть таково, что информация имеет больший или меньший объем. Таким образом, существуют различные виды возможности, которые могут быть сведены к *неизвестной* или *отрицательной* возможности. *Положительная* возможность возникает тогда, когда наше знание таково, что может быть выражено дизъюнктивной пропозицией, исходя из которой А, В, С или D и т. д. истинны. Тогда А, В, С, D и т. д. суть события, возможные в положительном смысле. Так, в игре в триктрак для каждой партии существует 21 возможный результат броска костей. Собрание положительно возможных исходов есть *область* или *универсум* возможности. Высказывающий гипотетическую пропозицию необязательно обладает положительным дизъюнктивным знанием, но так или иначе способен произвести *логическую* дизъюнкцию, которая будет с необходимостью истинна. Квантифицированный субъект может быть либо общим, либо частным. Частная отрицательная и общая утвердительная простые гипотетические пропозиции обладают различными и более простыми характеристиками, нежели те, которыми обладают общая отрицательная и частная утвердительная пропозиции. Это можно проследить по следующей таблице:

Частные отрицательные гипотетические пропозиции

<i>Условная</i>	Может не греметь гром, или же может идти дождь.
<i>Дизъюнктивная</i>	Может греметь гром, или же может идти дождь.
<i>Несовместимостная</i>	Может не греметь гром, или может не идти дождь.

Общие утвердительные гипотетические пропозиции

<i>Независимостная</i>	Должен греметь гром и не может идти дождь.
<i>Конъюнктивная</i>	Должен греметь гром и должен идти дождь.
<i>Терциальная</i>	Не может греметь гром и не может идти дождь.

Общие отрицательные гипотетические пропозиции

<i>Условная</i>	Во всяком возможном случае, когда должен греметь гром, будет идти дождь.
<i>Дизъюнктивная</i>	Во всяком возможном случае либо гремит гром, либо идет дождь.
<i>Несовместимостная</i>	Ни в одном из возможных случаев не будет одновременно греметь гром и идти дождь.

Частные утвердительные гипотетические пропозиции

<i>Независимостная</i>	Может греметь гром без дождя.
<i>Конъюнктивная</i>	Может греметь гром и при этом идти дождь.
<i>Терциальная</i>	Может быть так, что ни гром не гремит, ни дождь не идет.

130. Всякая полностью развернутая гипотетическая пропозиция включает в себя область возможностей, на основании которой может быть выведена ее характеристика. Но филонианцы¹ утверждают (с чем обычно соглашаются также сторонники Диодора), что анализ должен

¹ [Филонианцем может быть назван тот, кто определяет импликацию «по материальному признаку», т. е. тот, кто наделяет «Р подразумевает Q» тем же значением, что и «Не Р или Q». Это отсылает к спору между Филоном из Мегары, Диодором Кронусом и Хрисиппом в *Acad. Quaest.* II, 143 Цицерона. О спо-

начинаться с *consequentia simplex de inesse*,¹ чем условная пропозиция становится для всемогущества (becomes for omnipotence). Иными словами, нам следует начинать со снятия квантификации и рассмотрения *сингулярных* гипотетических пропозиций. Когда это сделано, условная пропозиция (если следовать точке зрения филонианцев) принимает вид: «В этом случае либо не гремит гром, либо идет дождь». Если мы не говорим, в чем состоит данный случай, ничего более того, что это некоторым образом промысленная возможность, сингулярная гипотетическая пропозиция становится термином. «В том случае, если я считаю, что либо не будет греметь гром, либо пойдет дождь» равнозначно «Рассмотрим случай, в котором либо не гремит гром, либо идет дождь» или «Случай, когда либо идет дождь, либо не гремит гром». Последние две пропозиции различны по акцидентальному синтаксису в родственных языках, но имеют одно и то же значение.

131. В своей статье, опубликованной в 1880 г., я дал неполный отчет об алгебре связки. Там я специально упомянул необходимость квантификации возможного случая, к которому отсылает условная или индипендентная пропозиции. Но поскольку в то время мной еще не было предпринято исследование знаков квантификации, в главе по большей части рассматривались простые консеквенты *de inesse*. Профессор Шредер считает это первое эссе вполне удовлетворительным исследованием гипотетических пропозиций и приходит к выводу, в целом противоположному *моему* учению, что возможные случаи, усмотренные в гипотетических пропозициях, не обладают множественным универсумом, что лишает гипотетические пропозиции их наиболее характерного свойства. Это единственное основание, на котором он в разделе 45² отмечает различные точки расхождения между гипотетическими и категорическими пропозициями. В соответствии с его концепцией, гипотетические пропозиции

ре между Филоном и Диодором также упоминает в *Adv. Math.* VIII, 113–17 Секст Эмпирик.]

¹ <Простое следствие из внутренней присущности. — лат.>

² [*Algebra der Logik.*]

отличаются от категорических тем, что представляют собой менее развернутые и более простые утверждения. Это мнение противоположно учению, которого придерживаются те, кто различает две указанные формы утверждения.

132. В нескольких пассажах первого тома профессор Шредер обещает, что вводный раздел 28 следующего тома должен ясно показать различие между гипотетическими и категорическими пропозициями и убедить меня в том, что утверждение следует рассматривать в более узком смысле. Но когда вышел второй том, указанный раздел показался мне крайне неубедительным, учитывая силу и точность, обычно свойственную мысли автора. Он содержит так мало ценного, что он сам по себе дает в корне превратное представление о силе профессора Шредера как логика.

133. Усилия Шредера главным образом направлены на то, чтобы показать необходимость в анализе гипотетической пропозиции принять во внимание временной аспект. Но он не предоставляет никакого доказательства в пользу того, что время действительно *должно* быть принято во внимание, но только показывает, как оно может быть учтено. Никому из тех, кто знаком с логикой относительных единиц (*relatives*), не нужно говорить, что очень просто представить рассмотрение времени, если в этом возникает необходимость. Так или иначе, когда я утверждаю, что категорические пропозиции по сути то же самое, что и гипотетические, я имею в виду, что они тождественны постольку, поскольку и те и другие представляют собой *составные пропозиции*, и для этого мне вовсе не требуется рассматривать идею времени. Очевидно, что вся эта дискуссия вокруг времени не имеет никакого отношения к обсуждаемому теперь вопросу и заключает в себе некий логический дефект.

134. Единственный аргумент, который я могу извлечь из шредеровского раздела 28, состоит в том, что в качестве субъекта и предиката (в прежнем смысле) категорической пропозиции могли бы быть взяты любые два термина, и результат был бы всегда истинным или ложным, в то время как в случае с гипотетической пропозицией результат часто будет вовсе лишен смысла и не

сможет быть признанным ни истинным, ни ложным. Нельзя не заметить, что этот аргумент находится в противоречии с точкой зрения, высказанной в разделе 45. В соответствии с данным разделом гипотетическая пропозиция не имеет существенных отличий от неквантифицированной категорической. В указанном разделе она даже называется им частным случаем категорической пропозиции. Но здесь, [в разделе 28], она оказывается имеющей свойства, которыми не обладает ни одна категорическая пропозиция. Тем не менее я уверен, что тщательная проверка убедит читателя в том, что гипотетическая пропозиция не обладает такими свойствами. Я настаиваю на том, что пропозиция не перестает быть истинной даже тогда, когда она лишена смысла. Пропозиция ложна если и только если ложно то, что в ней либо ясным образом утверждается, либо подразумевается. Всякая же пропозиция, не являющаяся ложной, истинна в соответствии с законом исключенного третьего. Отсюда нечто, не являющееся утверждением, но рассматриваемое в качестве такового, истинно. Поэтому мы можем оставить в стороне вопрос об истинности или ложности и задаться вопросом о том, истинно ли то, что гипотетическая пропозиция может быть лишена смысла, в то время как категорическая нет. На деле, лишенные смысла формы настолько легко становятся категорическими пропозициями, что язык приспособливает их к различным ситуациям и наделяет их значениями. Пропозиции типа «То, что я говорю вам, истинно» и «Человек есть человек» употребимы довольно часто, хотя они в самом прямом смысле лишены всякого смысла. В качестве примера бессмысленной пропозиции профессор Шредер приводит «Данная пропозиция не является истинной». Но довольно легко показать, что данная пропозиция содержит в себе противоречие, т. е. предполагает две противоположные друг другу вещи. Поэтому она предполагает нечто, т. е. несет некоторое значение. Самопротиворечивая пропозиция не является бессмысленной, она, напротив, значит слишком многое.¹ Но если профессор Шредер хочет сказать, что категорическая пропозиция не

¹ [Т. е. значит одновременно *p* и не-*p*. См. п. 165 <2.383>.]

может быть самопротиворечивой, это также неверно. «А не есть А» тому подтверждение.

135. Имена нарицательные в основном используются для денотации «объектов чувственного восприятия», в то время, как <основные и придаточные> предложения гипотетических пропозиций обычно используются для денотации ситуаций, имеющих место время от времени. Одна часть денотирует объект, а другая — привлекающее внимание событие. Они различаются по психологическому признаку. Но логика не терпит дистинкций, которые могут помешать отличить плохую аргументацию от хорошей. Для логики безразлично, какое психологическое действие приводит к привлечению внимания. Если мы в силу необходимости должны произвести анализ непрерывного логического универсума, в результате мы можем прийти к выводу, что логическая дистинкция должна быть проведена между указанным и дискретным типами универсума; при этом, возможно, непрерывный универсум более естественным было бы связать с гипотетической, нежели с категорической пропозицией. Тем не менее во многих случаях универсум гипотетических пропозиций дискретен, а универсум категорических пропозиций непрерывен, как в приведенном выше примере с окрашенной поверхностью.

136. Существует множество языков, в которых простейшие утверждения, которым мы придаем категорическую форму, принимают, насколько мы можем осознанно представить себе психический процесс, формы гипотетических пропозиций. Один из таких языков, поверхностное знание которого — т. е. знание, достаточное, чтобы ученый мог проникнуться самим духом языка — не является такой уж редкостью, есть язык древнеегипетский. В этом языке есть несколько слов, которые совершенно определенно представляют собой имена нарицательные. Всякое общее слово вызывает наглядно-образную идею. Даже для современного ученого наглядно-образная идеограмма становится существенной частью возбуждаемой словом идеи, и влияние иероглифики, способов выражения и т. д. призвано создавать «составные изображения», обладающие особенной выразительностью в представлении передаваемой идеи. Теперь, английский

глагол-связка *есть* (is) обычно выражается в древнеегипетском указательным местоимением. Очевидно, что такое местоимение выполняет в предложении функцию относительной единицы (relative). Где глагол? Мы чувствуем, что он содержится в общих словах. «Человек смертен» в древнеегипетском принимает форму, отражающую следующий психологический процесс мышления. «То, о чем говорится, есть человек, *которое* то, о чем говорится говорится — смертно». Это в точности способ, которым та же идея передается в моей общей алгебре логики, где, обозначая человека как *h*, а нечто смертное как *d*, я записываю выражение следующим образом:

$$\pi_1 h_1 \rightarrow d_1^1$$

Эта форма равным образом годится как для общих категорических пропозиций, так и для условных, и тот факт, что способ соединения *i* с *h* и *d* слегка отличается в двух случаях с точки зрения психологии, не должен оказывать какого-либо влияния на логическую классификацию.

137. Но читатель, даже согласившись со мной в том, что гипотетические пропозиции включают в себя вообще все пропозиции, возразит в том смысле, что я все еще далек от того, чтобы показать, приведет ли наделение членов пропозиции силой утверждения к ее конвертации в процесс *аргументации*. Я показал это, если вообще показал, лишь для случая с общими условными пропозициями, и в этом содержится глубокий логический смысл. Сама идея логики заставляет ученого обратить особое внимание на понятие вывода, вывод же подразумевает идею вывода, обладающего силой необходимости, а последний подразумевает идею общей условной пропозиции.

138. Остается показать, каким образом, как я предполагаю, разворачиваются идеи других форм пропозиций. Это произойдет в главе, дающей пояснения к тому,

¹ [Т. е. для каждого индивидуума утверждается, что если он разумное существо, то он смертен, или же для всех случаев утверждается, что то, что разумно — смертно.]

что я назвал «спекулятивной риторикой». Я начну с того, что отмечу использование мной знака $-<$ для обозначения включения. Думаю, я был первым, кто показал в 1867 г., что алгебра Буля в том виде, в котором она нам известна, не была приспособлена для выражения частных пропозиций. Продвигаясь по этому пути далее, в 1870 г., прежде, чем кто бы то ни было еще, я показал, что в логике нам необходим знак, соответствующий знаку \leq , который неудовлетворителен, так как имплицитует, что данное отношение есть комбинация отношений, выраженных знаками $<$ и $=$, в то время как на самом деле, как это было мной продемонстрировано, он является более простым, чем любой из двух указанных. Поэтому я предложил заменить знак \leq на $-<$, по крайней мере в логике. Предложенное мной обозначение имеет то преимущество, что достаточно легко в наборе, а от руки его можно изобразить буквально двумя штрихами. Итак, предложенный мной знак должен быть сохранен до тех пор, пока его использование не встретит решительных возражений. Применяя его, соответственно

$$h_i -< d_i$$

значит, что в случае i , если идея h навязана сознанию безусловно, то в том же случае идея d навязана сознанию безусловно. С точки зрения филонянцев это то же самое, что сказать, что в случае i либо идея h навязана сознанию безусловно, или в том же случае идея d навязана сознанию безусловно. Из данной гипотезы правила знака $-<$ могут быть дедуцированы математически. Я не привожу их здесь, так как рукописи, в которых записано доказательство, вот уже много месяцев назад одолжил у меня один мой друг, и я все еще не совсем потерял надежду получить их обратно, дабы мне не пришлось тратить время на лишнюю работу.¹ Из опускаемого здесь доказательства следует, что хотя этот знак позволяет нам, используя буквенные обозначения для денотации различных пропозиций, дать выражение многим отношениям,

¹ [Упомянутые рукописи были найдены. В них не содержится ничего, что не было бы легко выводимо из дискуссий в т. III и IV.]

все же, пока мы не используем буквенное обозначение для денотации пропозиции, о которой известно, или предполагается, что она ложна, он никогда не позволит нам выразить ложность какого бы то ни было утверждения. Существуют весьма веские основания принять конвенцию, что

$$a - < b - < c$$

должно значить $a - < (b - < c)$, а не $(a - < b) - < c$. Таким образом, мы поставлены перед необходимостью исследовать, каково должно быть значение

$$a - < a - < a - < a - < a - < a - < a - < a$$

и далее до бесконечности. Эти ряды антецедентов без конечного консеквента, как кажется, представляют собой эквивалент отрицания a .¹ Таким образом, без введения какого-либо иного знака, просто посредством идеи бесконечного ряда, после того, как у нас уже есть идея последовательного ряда, мы получаем идею отрицания. Таким образом, понятия, вовлеченные в аргументацию, производят понятие непринятия аргументации. Отсюда мы приходим к необходимости обобщения нашей идеи аргументации, от восприятия, что одно суждение должно быть принято, потому что принято другое, до вовлечения процесса мысли, приводящего нас к тому, что хотя одно суждение истинно, все же из этого не следует с необходимостью, что другое также истинно. Не изначальное понятие аргументации, но это обобщенное понятие покрывает собой всю область гипотетических пропозиций. Так скоро, как только у нас есть идея абсурдности, мы можем знать, что тот или иной аргумент мог бы логически привести к абсурду. Аргумент, который может привести к абсурду, является ложным. Аргумент же, который ложен, может в некоторых мыслимых обстоятельствах привести к абсурду. Отсюда, так скоро, как только мы принимаем идею абсурдности, мы обязаны включить непринятие аргументации в категорию аргументаций. Таким образом, как мы сказали, пропозиция есть не более и не менее, как аргументация, пропозиции

¹ [Т. е. эквивалент не-а или не-а или не-а ...]

которой потеряли утвердительную силу, равно как термин есть пропозиция, субъекты которой утратили денотативную силу.

§ 7. Субъект¹

139. Имеет или нет всякая пропозиция ведущий (principal) субъект и, если да, может или нет она иметь более чем один субъект, будет рассмотрено ниже. Пропозицию можно определить как знак, самостоятельно указывающий на свой объект. К примеру, портрет с подписанным под ним собственным именем изображенного на нем человека представляет собой пропозицию, утверждающую, что так выглядел оригинал. Если принять такую общую дефиницию пропозиции, то пропозиция необязательно должна представлять собой символ. Так, флюгер «говорит» о направлении ветра посредством реального отношения, которое все равно сохранилось бы, даже если бы он никогда не предназначался для его обозначения и не понимался в качестве указателя направления ветра. Он самостоятельно указывает направление ветра, потому что его *конструкция* такова, что он должен быть направлен туда, откуда дует ветер, и таковая конструкция независима от его *позиции* в тот или иной конкретный момент времени. Но обычно мы имеем в виду под пропозицией или суждением символическую пропозицию или *символ*, самостоятельно указывающий на свой объект. Всякий субъект имеет нечто от природы индекса, так как его функция представляет собой характерную функцию указателя, т. е. функцию привлечения внимания к объекту. При этом субъект символической пропозиции не может быть индексом в строгом смысле. Когда ребенок, показывая на цветок, говорит «красивый», это символическая пропозиция, так как слово «красивый» репрезентирует свой объект исключительно посредством отношения к нему, в котором оно не могло бы состоять, если бы не подразумевалось и понималось в качестве знака. Вытянутая в указующем жесте рука, которая явля-

¹ [Dictionary of Philosophy and Psychology. Vol.2, P. 609–10.]

ется субъектом этой пропозиции, обычно указывает на свой объект исключительно посредством отношения к этому объекту, который так или иначе все равно существовал бы, даже если не подразумевался и не понимался бы в качестве знака. Но когда он входит в пропозицию в качестве ее субъекта, то указывает на свой объект иным образом, так как не может быть субъектом этой символической пропозиции до тех пор, пока не будет подразумеваться и пониматься как таковой. Просто быть индексом цветка для него недостаточно. Он становится субъектом пропозиции только в силу того, что тот факт, что он является индексом цветка, свидетельствует о том, что он *подразумевался* как таковой. Подобным же образом все обычные пропозиции отсылают к реальному универсуму, и обычно к ближайшему окружению. Так, если некто врывается в комнату и кричит: «Случился большой пожар!», мы знаем, что он говорит о каком-то близлежащем месте, а не о мире сказок «Тысячи и одной ночи». Именно обстоятельства, при которых пропозиция произносится или пишется, указывает на среду как то, к чему производится отсылка. Но они делают так не просто в качестве индекса среды, но как свидетельство интенционального отношения речи к своему объекту, в каком-то отношении эта речь не могла бы состоять, если бы она не использовалась намеренно в качестве знака. Субъект обычной пропозиции наиболее близок природе индекса, когда он выражен именем собственным, которое, хотя его связь со своим объектом носит чисто интенциональный характер, все же никак причинно не обусловлена (или, по крайней мере, никакая причина не предполагается), кроме просто желательности дать десигнацию знакомому предмету. Среди или наряду с именами собственными мы можем поместить абстракции, которые суть имена вымышленных индивидуальных вещей, или, более точно, индивидуумов, чье бытие состоит в способе бытия чего-то еще. Индивидуальные собрания также представляют собой род абстракции, например такие, как «народ Германии». Когда субъект не является именем собственным или какой-либо другой десигнацией некоторой индивидуальной вещи в рамках опыта (близко опосредованного или отстоящего) говорящего и

слушателя, место такой десигнации занимает виртуальное предписание, указывающее, как слушателю должно действовать в дальнейшем, чтобы обнаружить объект, к которому пропозиция, как подразумевается, отсылает. Если этот процесс не вовлекает некоторую регулярную опытную проверку, все случаи могут быть сведены к двум типам с их вариантами. Эти два типа случая таковы: первый, в котором слушатель должен выбрать любой объект, соответствующий данному описанию, причем то, что он выберет, зависит только от него самого; и второй случай, в котором утверждается, что соответствующий объект может быть обнаружен в некотором порядке опыта или среди существующих индивидуальных вещей определенного класса. Первый дает *распределенный* субъект *общей* пропозиции типа «Всякий василиск откладывает яйца». Пропозиция не утверждает, что какой-либо василиск существует, но только говорит, что если слушатель обнаружит какого-либо василиска, то подразумевается, что к нему применим указанный предикат. Другой случай дает *нераспределенный* субъект *частной* пропозиции, например, «Некоторый негр-альбинос красив». Это подразумевает, что существует по крайней мере один негр-альбинос. Среди вариантов этих типов мы можем обнаружить такие субъекты, как субъект пропозиции «Всякая неподвижная звезда, кроме одной, слишком далека, чтобы можно было увидеть диск» и «Существует по крайней мере две точки, общие для всякой окружности, пересекающей любую данную кривую». Субъект общей пропозиции можно принять в виде «Любой объект универсума, который может быть выбран». Так, пропозиция о василиске могла бы иметь следующую форму: «Если взять любой объект универсума, он либо не будет василиском, либо будет откладывать яйца». В этом смысле существование объекта не утверждается, но принимается как хорошо известный факт, ибо универсум должен пониматься как знакомый говорящему и слушателю, в ином случае между ними не может иметь места никакая коммуникация, так как универсум известен только благодаря опыту. Частная пропозиция более естественным образом может быть выражена так: «В универсуме существует нечто, что является негром-альбиносом, который

красив». Между этими способами констатирования факта несомненно существуют грамматические различия, но формальная логика не гарантирует предоставление более нежели одного способа выражения одного и того же факта, если только другой способ не требуется для того, чтобы дать выражение для выводов. Последний, в целом, более предпочтителен. Пропозиция может иметь несколько субъектов. Так, что касается проективной геометрии, мы можем привести следующий пример истинной пропозиции: «Для любых индивидуальных объектов А, В, С и D существуют индивидуальные объекты Е и F, такие, что каков бы ни был индивидуальный объект G, существует индивидуальный объект H и индивидуальный объект I, которые таковы, что если А, В, С и D все являются прямыми линиями, тогда Е и F прямые, каждая из которых пересекает А, В, С и D, причем Е и F не совпадают; и если G является прямой линией, не совпадающей с Е и с F и пересекающей А, В и С, то она не пересекает D, если только H не является гиперболоидом с одной поверхностью, для которого А, В, С и D являются осями, а J — собранием осей H, в которое входят А, В, С и D». Или же, выражаясь обычным языком, любые четыре линии в пространстве пересекаются только двумя разными прямыми линиями, если только эти четыре не принадлежат к одному собранию осей вращения гиперболоида с одной поверхностью. Такая пропозиция называется относительной. Порядок, в котором осуществляется выбор индивидуальных объектов, является материальным, когда акты выбора отличаются в отношении распределения. Пропозиция может соотноситься с частотой, с которой происходящее в течение опыта событие может быть отнесено к тому или иному определенному виду. Морган (DeMorgan) хочет включить ее в общий тип пропозиций.¹ Но это значит проглядеть жизненно важную дистинкцию между вероятностью и тем, что утверждается в общей пропозиции. Сказать, что вероятность того, что теленок не будет иметь более шести ног, равна единице — значит сказать, что в конечном счете, если телят принимать к рассмотрению так, как

¹ [Formal Logic, ch. 8.]

они собственно присутствуют в опыте, соотношение числа тех из них, у которых не более шести ног, к общему числу телят будет равно единице. Но это не исключает возможности существования некоторого конечного числа телят с количеством ног более шести, при том условии, что в конечном счете, т. е. вплоть до некоторого неопределенно далекого момента будущего опыта, их число останется ограниченным и не будет возрастать до бесконечности. С другой стороны, общая пропозиция утверждает, к примеру, что всякий возможно существующий теленок без исключения принадлежит к классу позвоночных животных. Общая пропозиция высказывается об опыте распределительно (*distributively*); вероятностная или статистическая пропозиция высказывается об опыте собирательно (*collectively*).

§ 8. Предикат¹

140. Здесь будет предпринято краткое рассмотрение точки зрения, которой придерживается относительно предиката прагматическая логика и которая представляет собой следствие высказываемого этой логикой предположения, что конечная цель всякой дедукции состоит в определении необходимых условий истинности знаков, не принимая при этом во внимание особенности индоевропейской грамматики. Ср. гл. «Отрицание».²

Пусть некоторые части любой пропозиции, т. е. любого утверждения, которое должно быть либо истинным, либо ложным, будут изъяты таким образом, чтобы оставшееся уже не было пропозицией, но было бы таково, что становится пропозицией, когда каждый пробел заполняется именем собственным. Пропуски делаются не чисто механически, но с такими изменениями, которые могут оказаться необходимыми для частичного сохранения смысла фрагмента. Полученный остаток называется *предикатом*. Та же самая пропозиция может быть изменена множеством способов, так что в качестве предикатов бу-

¹ [Dictionary of Philosophy and Psychology. Vol. 2. P. 325-6.]

² [См. п. 160-162. <2. 378-80.>]

дут выступать самые различные фрагменты. Возьмем пропозицию «Всякий мужчина благоговеет перед некоей женщиной». Среди прочих она имеет следующие предикаты:

«... благоговеет перед некоей женщиной».

«... есть либо не мужчина, либо благоговеет перед некоей женщиной».

«Всякий предварительно отобранный мужчина благоговеет ...».

«Всякий предварительно отобранный мужчина есть ...».

§ 9. Предикация¹

141. В логике <предикацией называется> присоединение предиката к субъекту пропозиции таким образом, чтобы это привело к расширению логического познания без умаления его логической глубины.

142. Последнее определение все же оставляет место для различных интерпретаций предикации в соответствии с концепцией, разбивающей пропозицию на субъект и предикат. В настоящее время остается все еще актуальным вопрос, является ли предикация основной функцией пропозиции. Некоторые придерживаются того мнения, что пропозиция «Идет дождь» (it rains) не вовлекает никакой предикации. Но если данная пропозиция представляет собой утверждение, то таковое не означает, что дождь идет где-то в долине фей. Напротив, самый акт говорения чего-либо, сопровождаемый указанием на присутствие в высказывании некоторого значения, есть Индекс,² понуждающий адресата оглядеться в поисках объекта, к которому отсылает высказывание. «Дождит» (rains) вызывает в его сознании образ тонких перпендикулярных линий в поле его видения, и он выглядывает в окно, вполне осознавая, что видимая среда указана как субъект, где должны быть видны линии падающих капель. Подобным же образом существует предикация в условной или какой-либо другой пропозиции, отсылающая в том же смысле к некоторому осознаваемому порядку опыта или мысли.

¹ [Ibid. Vol. 2. P. 326–9.]

² [П. 87–8, <2.305–5>.]

143. Приведем некоторые из наиболее часто встречающихся схоластических определений.

[...] *Аналогическая предикация*. Одно из излюбленных определений Аквината: предикация, в которой предикат не берется ни в своем прямом смысле, ни в отвлеченном, но в особом смысле, для которого существует достаточное основание, как когда о статуе говорят, что «это мужчина».

[...] *Деноминативная предикация*. Предикация, в которой то, чьей природе соответствует быть субъектом, берется как субъект, а то, чьей природе соответствует быть предикатом, берется как предикат; предикация акцидента субстанции. (Об этом хорошо писал Скот, *In univ. Porph.*, 9.16, «*Utrum haec sit vera, homo est animal*»,¹ где, как и в большинстве схоластических сочинений, заключение известно заранее, и интерес состоит собственно в непроходимых [внутренних] трудностях и том, какое для них может быть найдено решение). Деноминативная предикация в собственном смысле есть предикация акцидентального конкретного термина своему собственному субъекту. В широком смысле это предикация любого конкретного *suppositum*'а или любого субъекта меньшей широты (*breadth*). В самом общем смысле это предикация любого предиката любому субъекту. Деноминативная предикация может быть *апостериорной* или *априорной*, как, например, *homo est albus, rationale est substantia, homo est animal*.²

[...] *Диалектическая предикация*. В определении Аристотеля (I. *Тор.*, x): предикация общего термина в пропозиции, которая может быть результатом аргумента в том или ином возможном месте и которая несводится к чему-либо из предшествующего.

Прямая предикация. Предикация в обычном смысле репрезентации того, что широта субъекта принадлежит предикату, а глубина (*depth*) предиката — субъекту. Или, на языке схоластики, предикация высшего (*higher*) тер-

¹ <Является ли это истинным: человек есть живое существо. — лат.>

² <Человек есть белый, рациональное есть субстанция, человек есть живое существо. — лат.>

мина низшему (lower), влечения субъекту, акцидента субъекту, модуса сущему, отличия роду.

[...] *Сущностная предикация*. Здесь предикат полностью заключен в сущности субъекта. Поэтому она, в кантовском смысле, представляет собой аналитическое суждение. Но ни Кант, ни схоластики не дают никакого объяснения тому факту, что из предельно простой дефиниции может зачастую быть получена пропозиция совершенно неопределенной сложности, очень далекая от того, чтобы сообщать нечто очевидное. Таковая пропозиция может быть либо дедуцирована математическим путем, либо выведена посредством необходимой дедукции или метода логики относительных единиц, без полагания какой бы то ни было гипотезы (каковое полагание, вне сомнения, могло только упростить дедукцию). И указанная пропозиция может содержать в себе множество определений (notions), которые нельзя с очевидностью обнаружить в самой дефиниции. Это может быть проиллюстрировано следующим примером: Человек есть разумное животное; отсюда, все, что не является человеком, либо, с одной стороны, не обладает разумом, будучи в то же время или животным, или же чем-то, что действует на благо только таким объектам, которые не любят ничего, кроме фей; либо, с другой, не есть животное, или обладая при этом разумом, или находясь с любой из фей, которые могут существовать, в таком отношении, что действует на благо любящего их нечто. Теперь, если считать это аналитическим суждением или сущностной предикацией, то ни одна из схоластических, ни кантовская дефиниции не будут адекватны. Если же не считать это сущностной предикацией или аналитическим суждением, тогда необходимым, но не вполне ясного содержания консеквентом простой дефиниции будут акцидентальная предикация или синтетическое суждение. Причем дефиниция будет в корне противоположной той, которую предполагали и на которой основывались Кант и схоластики. Ср. Скот (*In univ. Porph.*, 9.12). У него сущностная предикация есть таковая рода, вида или отличия.

Осуществленная (exercised) предикация. Дистинкция между осуществленной и сигнативной (signate) предика-

кациями принадлежит Скоту (пассаж, который Прантл приписывает Антонию Андреасу (Antonius Andreas),¹ представляет собой цитату *verbatim* из Скота, что, впрочем, происходит в прантловской *Geschichte* довольно часто). *Сигнативная* предикация есть такая, которая *считается* выполненной, *осуществленная* предикация есть такая, которая *действительно* выполнена. Скот пишет: «A praedicari signato ad praedicari exercitum, [sive ad esse,] non tenet consequentia per se in eisdem terminis».² Он дает следующие примеры дистинкции, где осуществленной предикации соответствует обозначение Е, а сигнативной — S: S, *Genus praedicatur de specie* <род сказывается о видах>; Е, *Homo est animal* <человек есть живое существо>. (Лионский текст в этом месте меняет порядок терминов, который мы воспроизводим в соответствии с оригиналом). S, *nego* <отрицаю>; Е, *non* <не>. Е, *tantum* <такое>; S, *excludo* <исключаю>. Абстрактная дефиниция Скота такова: «*Esse in rebus primae intentionis, illud exercet, quod praedicari signat in secundis intentionibus*».³ Осуществленная предикация разделяется на *praedicatio de proprio supposito* и *praedicatio de subiecto*;⁴ первая сущностная, вторая акцидентальная.

Формальная предикация. Предикация, где предикат входит в идею субъекта, который независим от какой-либо внешней причины частного обстоятельства *in qua*. Различие между формальной и сущностной предикацией несколько запутанно и в общем тривиально.

[...] *Естественная предикация.* Здесь субъект и предикат должны состоять в установленном отношении друг к другу в соответствии с их собственной природой. Вот суть дефиниции, которую дает большинство трактатов. Однако эта дефиниция не дает никакой идеи о том, в

¹ [См. Prantl, op. cit. III, 279.]

² <От самого сигнативного сказывания к выполнению сказывания (или к бытию) не следует заключать из него самого в его собственных границах (терминах). — лат.> [*Super Universalia Porphyrii*, qu. XIV.]

³ <Что есть в отношении первой интенции, выполняет то, что означает как сказуемое во вторых интенциях. — лат.> [Ibid.]

⁴ <Предикация от присущих суппозиций и предикация от субъекта. — лат.>

каких случаях следует использовать данное выражение. Естественная предикация всегда делится на тождественную и прямую. Не-естественная предикация может быть либо *не-прямой*, т. е. *contra naturam*, либо *praeter naturam*, т. е. *per accidens*.¹ Примеры косвенной предикации, где субъект относится к предикату как форма к материи: *alba est nix, animal est homo*.² Примеры *предикации praeter naturam*, где субъект и предикат соотносятся с неким третьим термином как форма к материи: *album est dulce, dulce est album*.³ Примеры прямой предикации: *nix est alba, homo est animal*.⁴ Примеры тождественной предикации: *gladius est ensis, Plato est Plato*⁵ (Конимбрийцы (Conimbricenses) в *Praef. Porph.*, q. i. art. 4) [...]

§ 10. Количество⁶

144. (В логике и математике). (1) Любой Акцидент, посредством которого субстанция имеет часть вне части. Ср. «Количество» (2).

Это прежняя дефиниция, и она верно передает прежнее значение слова, репрезентируя количество гораздо более точно, чем его современная концепция. Количество (см. *Praedicamenta*, vi Аристотеля) может быть либо дискретным, либо непрерывным. Непрерывное количество есть либо величина, либо время. Прежняя дефиниция математики как науки о количестве понимается неверно, если количество берется в том смысле, как его понимает современность. Имелось в виду лишь то, что с позиций математики акциденты имеют число, величину или дли-

¹ <Вопреки природе ... против природы, т. е. через привходящий (признак). — лат.>

² <Белый есть снег, одушевленное существо есть человек. — лат.>

³ <Белое есть приятное, приятное есть белое. — лат.>

⁴ <Снег есть белый, человек есть одушевленное существо. — лат.>

⁵ <Меч есть клинок (в латинском *gladius* и *ensis* являются синонимами), Платон есть Платон>

⁶ [Dictionary of Philosophy and Psychology. Vol.2. P. 410–12.]

тельность (duration). Поэтому существовала математика музыки.

145. (2) Как его в общем и целом понимают сегодня, количество есть система последовательных (serial) отношений.

Различие между последовательным и транзитивным типами отношений есть не более чем таковое в точках зрения на одно и то же и (столь тесно связаны между собой эти точки зрения) вряд ли в чем-то большем, нежели в способах выражения. Теперь, транзитивное отношение можно проследить вплоть до включения. Отсюда, количество может быть определено как система включений, рассматриваемая в качестве последовательного ряда. Очень важно понимать, что количество есть просто система сравнительных порядковых отношений, расположенных в линейной последовательности. Каждое законченное определение (determination) количества в данной системе есть некоторая «значимость» (value).

Количество либо измеряется, либо подсчитывается. Подсчитанное количество может иметь конечное множество значимостей. Из всех систем счетного множества простейшей является система целых чисел. Единственной другой привычно используемой является система рациональных дробей. Эти дроби могут быть упорядочены различными способами по их количеству при помощи простого счета.

146. (3) Концепты, или термины, в логике имеют *субъективные части*, т. е. термины более узкого значения, на которые они могут быть разделены, и *дефинитивные части*, т. е. высшие термины, из которых составлены их дефиниции или описания: указанные отношения конституируют «количество».

Данный двойственный способ рассматривать термины классов как целое, состоящее из частей, отмечен еще Аристотелем (например, *Met.*, Δ. ххv. 1023 b 22). Этот способ был знаком логикам всех времен. Так, Скот Эригена называет логику «*ars illa quae diuidit genera in species et species in genera resoluit*». ¹ Иоанн Солсберийский пишет:

¹ <То искусство, которое разделяет роды на виды и возвращает виды к родам. — лат. Примечание: один из краеугольных

«quod fere in omnium ore celebre est, aliud scilicet esse quod appellatiua [т. е. прилагательные и т. п.] *significant*, et aliud esse quod *nominant*. Nominatur singularia, sed universalia significantur».¹ Что касается Уильяма Овернского см.: Прантл, III, 77. Автор располагает довольно большим списком похожих цитат. Аристотелианцы особое значение придавали исследованию различных типов предикации, настаивая на том, что отличия (*differences*) разных родов разнятся, и таким образом исключая накладывающиеся друг на друга различия. Арно в *L'Art de penser* рассматривает все предикаты, или все сущностные предикаты как подобные, не проводя различий между *genus* и *differentia*. Перед тем как перейти к предикабиям, он посвящает короткую главу (vi) *l'étendue* и *la compréhension*. Однако его заслуги в данном вопросе крайне преувеличены. На деле, кажется, именно Кант и никто другой первым применил эти идеи к логике и ясно обозначил их как количества. Но сама идея довольно стара. Архиепископ Томпсон,² У. Д. Уилсон³ и Ч. С. Пирс⁴ попытались ввести третий тип количества для терминов. Последний называет третий тип количества «информацией», определяя его как «сумму синтетических пропо-

каменной метода Эригены. Производя две операции: деление, разделение (*divisio*) и анализ (греч. *ana-lusis*, у Эригены лат. *re-solutio*) логик следует тем самым путем, которым следуют и сами вещи, во множестве исходя от Бога и иерархически выстраиваясь в стремлении обратно к Нему. Понятие «разделения» в названии основного произведения Эригены «О разделении природы» следует понимать именно таким образом. Такой логический метод, именуемый Эригеной «диалектика», соответствует у него структуре реальности. Имеется связь между построениями Эригены и «Ареопагитиками», в первую очередь с понятиями иерархии, а также катафатического и апофатического богословия (нисходящее от Бога и восходящее к Нему богословие).> [*De divisione naturae* IV, 4.]

¹ <Ибо это почти у всех на устах, что (имена) нарицательно означают, разумеется, одно, а именуют другое. Именуются (вещи) единичные, означаются же универсалии. — лат.> [*Metalogicus* II, хх.]

² [*An Outline of the Necessary Laws of Thought* (1842), § 52, 54, 80.]

³ [*An Elementary Treatise on Logic*, (1856), I, ii, § 5.]

⁴ [п. 200 (CP, 2.418).]

зиций, в которых символом является субъект или предикат», антецедент или консеквент. Слово «символ» применяется здесь потому, что этот логик рассматривает количества как принадлежащие как пропозициям, так и аргументам, а равно и терминам. Дистинкция между *экстенсивной* и *охватной* (comprehensive) *отчетливостью* принадлежит Скоту (*Opus Oхоп.*, I, ii, 3) и звучит следующим образом: обычное воздействие на термин прибавления информации приведет либо к увеличению его широты без умаления его глубины, либо к увеличению его глубины без умаления его широты. Однако воздействие также может показать, что субъекты, относительно которых уже известно, что термин к ним может быть применен, целиком включают в себя широту другого термина, о котором не было прежде известно, что он в них включен. В этом случае первый термин приобретает *экстенсивную отчетливость*. Или же воздействие может прояснить тот факт, что метки (marks), о которых уже известно, что они могут сказываться (known to be predicable) о термине, включают всю глубину другого термина, о котором прежде не было известно, что он может быть в них включен, таким образом повышая *охватную отчетливость* первого термина. Перемещение мысли с более широкого на более узкий концепт без какого-либо изменения положения дел с информацией, и следовательно, с увеличением глубины, называется *понижением* (descent), а обратное перемещение — *повышением* (ascent). В силу различных причин мы часто представляем, что владеем меньшим [объемом] информации, чем это есть на самом деле. Когда в результате это уменьшает широту термина без повышения его глубины, изменение называется *ограничением*. Когда же, благодаря повышению реальной информации, термин приобретает ширину, не теряя в глубине, он, как говорят, приобретает большее расширение (extension). Подобный результат, к примеру, обычно достигается посредством *индукции*. Полученный в этом случае эффект называется обобщением. Снижение [объема] предполагаемой информации может привести к убавлению глубины термина без приращения [объема] информации. Такой эффект часто именуют *абстракцией*, хотя гораздо лучше было бы назвать

его *отвлечением*, так как слово *абстракция* требуется для обозначения даже куда более важной процедуры, посредством которой транзитивный элемент мысли обращается в субстантивный, как это происходит при грамматическом изменении прилагательного в абстрактное существительное. Отвлечение можно считать основным двигателем математической мысли. Когда приращение [объема] реальной информации ведет к увеличению глубины термина без уменьшения его широты, правильным наименованием этого процесса было бы *амплификация*. В обычном языке, сталкиваясь с такого рода прибавлением информации, мы, не слишком задумываясь, говорим *специфицировать* вместо *амплифицировать*. Указанным эффектом, который может в таком случае быть назван *суппозицией*, часто обладает логическая операция формирования гипотезы. Почти любое приращение глубины может быть названо *детерминацией*.

(4) Силлогистика иногда рассматривается как математика системы количеств, состоящей только из двух значимостей: *истинности* и *ложности*.

(5) Количество пропозиции есть тот аспект, в котором общая пропозиция рассматривается как утверждающая нечто большее, нежели соответствующая ей частная пропозиция. Общепризнано, что количество бывает Общее, Частное, Сингулярное и — противоположное таковым как «определенным» — Неопределенное. Термин *Quantitas* в этом смысле использует Апулей.¹

147. *Квантификация Предиката*. Этим именем обозначается прикрепление знаков пропозиционального количества к предикатам простых пропозиций. *Dictum de omni*² определяет отношение субъекта и предиката, так что «Всякое А есть В» понимается в значении «К чему бы ни было применимо А, применимо и В». Но эта дефиниция должна быть изменена, чтобы дать место квантификации предиката. Если мы возьмем *все* и *некоторые* в их собственном распределительном, а не в собирательном смысле, сказать, что «всякий человек есть всякое животное», было бы, как отмечает Аристотель, чистым

¹ [См. Prantl, op. cit., I, 581.]

² <Сказанное обо всем. — лат.>

абсурдом, если только не имеется в виду, что существует только один человек и только одно животное и что этот человек идентичен этому животному. Такой системы никто никогда не придерживался. Но Гамильтон¹ и его последователи Т. С. Бэйнс (Т. S. Baynes)² и Кальдервуд (Calderwood) говорят о количестве в собирательном смысле. Таким образом, они считают [предложение] «Некоторые люди не есть некоторые животные» пропозициональной формой, которая представляет собой прямое отрицание [предложения] «Всякий человек есть всякое животное» в распределительном смысле. Эта система в свое время находила некоторый отклик.

148. Система Пропозиций Де Моргана.³ Она позволяет ретенцию *dictum de omni* просто за счет применения пропозиционального количества к субъекту. Таким образом мы получаем следующие восемь форм пропозиции:

- К чему бы не было применимо А, применимо и В.
- К чему бы не было неприменимо А, применимо В.
- К чему бы не было применимо А, неприменимо В.
- К чему бы не было неприменимо А, неприменимо и В,

т. е.:

- К чему бы не было применимо В, применимо и А.
- К нечто, к которому применимо А, применимо и В.
- К нечто, к которому применимо А, неприменимо В.
- К нечто, к которому неприменимо А, применимо В,

т. е.:

- К нечто, к которому применимо В, неприменимо А.
- К нечто, к которому неприменимо А, неприменимо и В.

Приведенное выше представляет собой основу для одной из деморгановских форм утверждения (*statement*), которая у него называется ониматической.⁴ Система эта не вызывает особых возражений, но характеризуется

¹ [Lectures on Logic, XIII, P. 243–48.]

² [An Essay on the new Analytic of Logical Forms, (1850).]

³ [Syllabus of a Proposed System of Logic (1860). § 21ff. См. также: СР, 2.568.]

⁴ [Ibid. § 165.]

совершенно ничем неоправданной запутанностью форм, что не делает нас способными предпринять рассмотрение какого-либо модуса *вы вода*, который бы не был уже включен в прежнюю систему. Кроме того, она не принимает в расчет фигуры силлогизма. Но каковы бы ни были заслуги и упущения системы, все же Де Морган разработал ее с логической элегантностью.

§ 11. Универсалия¹

149. (1) Это слово использовалось в средние века там, где нам не следует использовать слово «Общее» (General). Синонимом его является слово *praedicabile*: «*Praedicabile est quod aptum natum est praedicari de pluribus*», пишет Петр Испанский.² Альберт Великий говорит: «*Universale est quod cum sit in uno aptum natum est esse in pluribus*».³ Бургерсдайк, буквально переводя Аристотеля, пишет: «*Universale (τὸ καθ' ὅλου) apello, quod de pluribus suapte natura praedicari aptum est*»,⁴ т. е. ὁ ἐπὶ πλείονων πέφυκε κατηγορεῖσθαι.⁵ Когда об универсалиях говорят схоластики, они имеют в виду просто общие термины (которые принято называть *простыми универсалиями*). Но при этом делают следующие исключения.

150. (2) Пять терминов второй интенции, или, точнее, пять категорий предикатов: *род*, *вид*, *отличие*, *свойство* и *акцидент* назывались в средние века (и называются в настоящее время) «*предикабиями*». Но поскольку предикабия также означает способность быть предикатом, таким образом являясь почти точным синонимом универсалии в первом смысле, то к пяти предикабиям часто отсылали как к «*универсалиям*».

¹ [Dictionary of Philosophy and Psychology. Vol. 2. P. 737–40.]

² <Предикабия есть то, что прирождено способным сказываться о многом. — лат.> [Summulae, Tractatus II, p. 87C.]

³ <Универсалия есть то, что, хотя и пребывает в одном, прирождено способным быть во многом. — лат.> [De Praedicab.]

⁴ <Универсалией... я называю то, что по собственной природе способно сказываться о многом. — лат.>

⁵ <Общим я называю то, что может по природе сказываться о многом, единичным же называю то, что не может этого. — гр. (Об истолк., 17а. 40).>

151. (3) Сказываемое (predicated) или утверждаемое в пропозиции *de omni*; то, что принято считать истинным без какого-либо исключения, что бы ни было тем, о чем субъектный термин может сказываться. См. гл. «Количество».

Так, «Всякий феникс восстает из пепла» есть общая пропозиция. Это называется *сложным* смыслом универсалии. Субъект должен быть взят в распределительном, а не в собирательном смысле. Так, «все человечество есть все искупившие грехи»,¹ суммарно-суммирующая (total-total) пропозиция Гамильтона,² не есть общая пропозиция или утверждение *de omni* в том смысле, который Аристотель закрепил за *dictum de omni*, ибо она означает то, что собрание людей идентично собранию искупивших грехи, а не то, что каждый человек без исключения есть полностью искупивший все грехи (all redeemed). Лейбниц справедливо настаивает на том, что общая пропозиция не утверждает и не подразумевает существование своего субъекта.³ Первой причиной тому — ее соответствие дефиниции, т. е. *dictum de omni*, или тому, о чем говорят, что оно универсально утверждается (asserted universally) о субъекте, который считается способным сказываться о чем угодно, о чем этот субъект может сказываться. Ибо это может быть сделано и без утверждения о том, что субъект может сказываться о чем бы то ни было в универсуме. Вторая причина в том, что термин *общая пропозиция* есть термин формальной логики. Главная, или по крайней мере наиболее существенная задача формальной логики — так сформулировать прямой силлогизм, чтобы не репрезентировать его как требующий более или менее того, что он реально требует. Большая посылка прямого силлогизма должна быть общей, но в ней не обязательно должно подразумеваться существование чего бы то ни было, о чем должен сказываться субъект. Отсюда, форма общей пропозиции, не утверждающей существование субъекта, имеет необхо-

¹ <Английская фраза «All man is all redeemed» также позволяет перевод «Все человечество есть искупившее все грехи».>

² [Lectures on Logic, App.V (d), (3).]

³ [См. *Nouveaux Essais*, bk. IV, ch. 9.]

димый характер. Итак, понятно, что никакой второй разновидности всеобщей пропозиции не требуется. Третья причина в том, что необходимо, чтобы в формальной логике имелась форма пропозиции, которая бы представляла собой прямое отрицание всякой пропозиции, принимающей каждую из ее простых форм. Теперь, если общая пропозиция, утверждающая существование своего субъекта, рассматривается как простая форма пропозиции — например, «Марс населяют некие существа, каждое из которых без исключения имеет рыжие волосы», — ее точным отрицанием была бы частная пропозиция, не утверждающая существование субъекта, которая была бы в наиболее сингулярной (*most singular*) формой, вряд ли необходимой и показательно сложной. Например, «Либо Марс не населяют никакие существа, либо, если населяют, то по крайней мере у одного из них не рыжие волосы». Очевидно, что гораздо лучше использовать простую частную пропозицию, утверждающую существование своего субъекта: «Существует житель Марса, у которого рыжие волосы», вместо общей формы, не делающей подобного утверждения или подразумевания: «Все, кто бы ни населял Марс, без исключения должны иметь рыжие волосы». Если каждая частная пропозиция утверждает существование своего субъекта, то аффирмативная частная пропозиция также *подразумева-ет* существование своего предиката. Было бы терминологическим противоречием говорить, что пропозиция *утверждает* существование своего предиката, поскольку то, о чем пропозиция *утверждает* нечто, является ее субъектом, а не ее предикатом. Но было бы, возможно, не совсем точным сказать, что пропозиция существования *утверждает* существование своего субъекта. В любом случае, это не следует понимать так, как если бы в таком утверждении *существование* было бы предикатом, не подразумеваемым в пропозиции, которая не делает этого утверждения (см.: Kant, *Krit. d. reinen Vernunft*, 1st ed., 599).

Всякая пропозиция отсылает к некоторому индексу: общие пропозиции отсылают к универсуму через <окружение или> среду, общую для говорящего и слушателя, которая выполняет роль индекса того, о чем говорится.

Но частная пропозиция утверждает, что, при наличии достаточных средств, в этом универсуме был бы обнаружен объект, к которому был бы применим субъектный термин и к которому, как докажет дальнейшая проверка, также применим образ, вызванный в сознании предикатом. Когда это установлено, речь идет о *непосредственном*, хотя и не точно *утверждаемом* в пропозиции, *выводе* о том, что существует некоторый *обнаружимый* (indicable) объект (т. е. некоторое *существование*), к которому приложим данный предикат, так что предикат также может быть рассмотрен как отсылающий к индексу. Конечно, совершенно законно и по ряду причин предпочтительно формулировать частную пропозицию таким образом: «Нечто одновременно есть житель Марса и обладатель рыжих волос», а общую пропозицию так: «Все, что существует в универсуме, есть, если оно является жителем Марса, также обладатель рыжих волос». В этом случае Общая пропозиция не *утверждает* ничего о существовании, поскольку между говорящим и слушателем должно уже существовать понимание того, что универсум *там*. Частная пропозиция в новой форме утверждает существование смутного нечего, к которому она объявляет приложимыми «житель Марса» и «обладатель рыжих волос».

Общая пропозиция должна пониматься как строго исключающая любое сингулярное допущение. Так, она отличается от пропозиции: «Соотношение числа объектов А к тем из них, которые суть объекты В, выражается 1:1», не просто тем, что является распределительной, а не собирательной по форме, но также и тем, что утверждает нечто большее. Так, соотношение множества всех действительных чисел с множеством иррациональных равно 1:1, но это не противоречит ни существованию делимых чисел, ни бесконечности их множества. Если бы даже было доказано, что соотношение частоты всех событий вообще к частоте тех из них, которые произошли благодаря естественной причине, равно 1:1, это не могло бы стать аргументом против существования чудес, хотя могло бы (или не могло бы, в зависимости от обстоятельств) стать аргументом против объяснения всякого данного события как чудесного, если таковая гипотеза может

рассматриваться в качестве объяснения. Теперь, индукция может заключить, что соотношение частоты специфического события к родовому равно 1:1 в том же приблизительном смысле, в котором вообще может быть принято всякое индуктивное заключение. Конечно, соотношения 1:1 и 0:1 могут быть индуктивно получены с большей уверенностью в их точности, чем любое другое соотношение, полученное путем индукции. Но индукция ни при каких обстоятельствах не может учредить точность или приблизительную точность строго общей пропозиции или того, что любой данный последовательный ряд феноменальных событий есть в собственном смысле нечто общее (и поэтому репрезентирует возможно бесконечный класс), или даже нечто приблизительно общее. Такие пропозиции, если не касаться математики (понимая это слово так, чтобы оно подразумевало все дефиниции и индуктивные выводы из них), должны либо быть совершенно ничем не гарантированы, либо получать свой гарант из некоторого другого источника, нежели наблюдение и эксперимент. Такой гарант может предположительно быть установлен посредством некоторого свидетельства, к примеру, благодаря обещанию определенного рода воздействия возможного бессмертного существа на всякий определенного рода случай. Таким образом, подобному обещанию не будет необходимости принимать форму *априорного* суждения.

152. (4) [...] Декарт, Лейбниц, Кант и другие апеллируют к универсальности некоторых истин как доказывающих, что они не получены из наблюдения, прямого или путем установленного правилами возможного вывода. У Декарта можно встретить только один такого рода пассаж, и даже Лейбниц, хотя он часто, против мнения Локка, определяет некоторые истины как *необходимые* (т. е. приписывает им форму обладающих необходимостью пропозиций), все же только в одном месте (*Avant-Propos* в *Nouveaux Essais*) дает отчетливое определение критерия универсальности. Декарт, Лейбниц и Кант более или менее явно утверждают, что то, что, как они говорят, не может быть получено из наблюдения или посредством установленного правилами возможного вывода из наблюдения, есть общая пропозиция в смысле (3), т. е.

суждение, распространяющееся на всякий член некоторого общего класса без исключения. Декарт (*Письмо хсіх*) заявляет, что никакой установленный правилами вывод не может перейти от внешних феноменов к пропозиции типа «Вещи, равные одному и тому же, равны друг другу», поскольку это значило бы вывести «общую» форму из «частной». Лейбниц говорит почти теми же словами:

«D'où il nait une autre question, savior, si toutes les vérités dépendent de l'expérience, c'est-à-dire de l'induction et des exemples, ou s'il y a un autre fondement ... Or, tous les exemples qui confirment une vérité générale, de quelque nombre qu'ils soient, ne suffisent pas pour établir la nécessité universelle de sette même vérité: car il ne suit pas que ce qui est arrivé arrivera toujours de même».¹

Кант выражается еще более ясно (*Krit. d. reinen Vernunft*, 2d ed., Einleitung, ii):

«Erfahrung giebt niemals ihren Urtheilen wahre und strenge, sondern nur angenommene und comparative Allgemeinheit (durch Induction), so dass es eigentlich heissen muss: so viel wir bisher wahrgenommen haben, findet sich von dieser oder jener Regel keine Ausnahme. Wird also ein Urtheil in strenger Allgemeinheit gedacht, d. i. so, dass gar keine Ausnahme als möglich verstattet wird, so ist es nicht von der Erfahrung abgeleitet, sondern schlechterdings *a priori* gültig. Die empirische Allgemeinheit ist also nur eine willkührliche Steigerung der Gültigkeit, von der, welche in den meisten Fällen, zu der, die in allen gilt, wie z. B. in dem Satze: alle Körper sind schwer; wo dagegen strenge Allgemeinheit zu einem Urtheile wesentlich gehört, da zeigt diese auf einem besonderen Erkenntnissqell

¹ <Это приводит к другому вопросу, а именно к вопросу о том, все ли истины зависят от опыта, т. е. от индукции и примеров, или же имеются истины, покоящиеся на другой основе. ... Но как бы многочисленны ни были примеры, подтверждающие какую-нибудь общую истину, их недостаточно, чтобы установить всеобщую необходимость этой самой истины; ведь из того, что нечто произошло, не следует вовсе, что оно всегда будет происходить таким же образом. — цит. по: *Лейбниц Г. В. Соч.:* в 4-х т. М., 1983. Т. 2. С. 49.>

derselben, nämlich ein Vermögen des Erkenntnisses *a priori*. Nothwendigkeit und strenge Allgemeinheit sind also sichere Kennzeichen einer Erkenntniss *a priori*, und gehören auch unzertrennlich zu einander».¹

В целом логика этих авторов, особенно Канта, требует, чтобы слово «универсалия» понималось в указанном смысле. Но несмотря на это, в работах каждого из них есть пассажи, в той или иной степени извиняющие по сути нелепые ошибки некоторых интерпретаторов, по мнению которых под необходимостью у этих авторов имеется в виду непреодолимая физическая сила, с которой пропозиция требует нашего согласия с ней, а под универсальностью — всеобщность (*catholicity*), т. е. всеобъемлющее принятие ее *semper, ubique, et ab omnibus*.² Декарт в особенности, в некоторой мере Лейбниц и, возможно, даже Кант (хотя с его стороны это было бы совершенно нелогично) действительно придавали более или менее значительный вес неотразимому очевидному свидетельству и, до некоторой степени, всеобъемлющему принятию пропозиций как тому, что имеет тенденцию навязать нам истину пропозиций, не предоставляя ни-

¹ <... Опыт никогда не дает своим суждениям истинной или строгой всеобщности, он сообщает им только условную и сравнительную всеобщность (посредством индукции), так что это должно, собственно, означать следующее: насколько нам до сих пор известно, исключений из того или иного правила не встречается. Следовательно, если какое-нибудь суждение мыслится как строго всеобщее, т. е. так, что не допускается возможность исключения, то оно не выведено из опыта, но есть безусловно априорное суждение. Стало быть, эмпирическая всеобщность есть лишь произвольное повышение значимости суждения с той степени, когда оно имеет силу для большинства случаев, на ту степень, когда оно имеет силу для всех случаев, как, например, в положении *все тела имеют тяжесть*. Наоборот, там, где строгая всеобщность принадлежит суждению по существу, она указывает на особый познавательный источник суждения, а именно на способность к априорному знанию. Итак, необходимость и строгая всеобщность суть верные признаки априорного знания и неразрывно связаны друг с другом. (Цит. по: Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 33).>

² <Всегда, повсюду и всяким. — лат.>

какого критерия их происхождения. Так или иначе, можно заметить, что ложные интерпретаторы Канта использовали слово «универсалия» в смысле того, что «принято всеми людьми» — в смысле *κοινός* в выражении *κοιναὶ ἔννοιαι*.¹

153. Слова «универсалия» и «универсальность» различным образом используются в специальной терминологии:

[...] *Естественная универсалия*. Естественный знак, который может сказываться о некоторой множественности вещей, например — дым есть знак огня. Номинализм утверждает, что ничего из того, что порождено умом, не является всеобщим в указанном смысле. См.: Оккам, *Logica*, I. xiv *ad fin.*

[...] Универсальная сила (validity). По мнению некоторых логиков, это есть сила таких логических рассуждений, которые «рассчитаны на распространение убеждения на всякое способное к логическому рассуждению сознание» (Гамильтон, *Lect. on Logic*, xxvi). Если бы он опустил выражение «способный к логическому рассуждению», сказав «рассчитаны сообщать убеждение всякому сознанию», это бы вообще не доказывало, имеют ли они какую-либо силу, ибо сила логического рассуждения зависит от того, действительно ли рассуждение ведет к истине, а не от того, убеждены ли в том, что оно именно таково. Таким образом, фраза «способный к логическому рассуждению» — единственное существенное слово в дефиниции. Но на деле такого разделения логической силы на универсальную и частную не существует. ...

§ 12. Частность²

154. Вне специального языка [этот термин] применяется как обозначение единичных случаев, подпадающих под общее правило и имеющих место или полагаемых в опыте. В указанном смысле это также субстантив (a substantive). Частности суть известные из опыта обстоя-

¹ <«Общий» (во всех смыслах) ... общее рассуждение. — *гр.*>

² [*Dictionary of Philosophy and Psychology*. Vol.2. P. 265–6.]

тельства общей природы, но обнаруживающие себя в некотором индивидуальном случае.

155. Частная пропозиция есть такая пропозиция, которая дает общее описание объекта и утверждает, что объект, к которому применимо данное описание, имеет место в универсуме дискурса, не утверждая при этом, что это описание применимо ко всему универсуму или ко всему в универсуме, что обладает точно установленным общим описанием, например: «Некоторые драконы извергают огонь». Если мы считаем, что частная пропозиция утверждает существование нечего, тогда строгое отрицание его не утверждает существование чего бы то ни было; например: «Ни один дракон, извергающий пламя, не существует». Поэтому ложно, что из такого строгого отрицания следует какая-либо частная пропозиция, например: «Некий дракон не извергает пламя». Ибо, если не существует дракона, который не извергает пламя, эта пропозиция ложна, хотя то, что не существует дракона, который извергает пламя, может быть истинно.

Например, из частной пропозиции «Некая женщина (some woman) обожаема всеми католиками» следует, что «Всякий католик из тех, которые, возможно, существуют, обожает женщину (a woman)», т. е. «Не существует католика, который не обожал бы женщину», что есть строгое отрицание пропозиции «Некий католик не-обожает¹ (non-adores) всех женщин», которая является пропозицией существования. Из этого, в свою очередь, следует, что женщина, обожаемая всеми католиками, не существует, а это строгое отрицание первой пропозиции «Некоторая женщина обожаема всеми католиками». То же будет истинным для всякой пропозиции существования. Так, если «Некая ворона бела», то «Нет такого неизбежного следствия белизны, которого недоставало бы во всех воронах», а это строгое отрицание частной пропозиции «Некоторого следствия белизны недостает во всех воронах». Таким образом, из всякой частной про-

¹ <В данном случае, несмотря на то что это противоречит грамматическим правилам, необходимо написание глагола и отрицательной частицы через дефис по причинам, которые станут ясны из нижеследующего (см. п. 161).>

позиции может быть получено строгое отрицание частной пропозиции, но никакая частная пропозиция не может быть получена из строгого отрицания частной пропозиции. Однако это не распространяется на *простую* частную пропозицию, такую как «Нечто есть белое», поскольку сказать «Нечто есть не-существующее (non-existent)» (каковая пропозиция получится в результате аналогичного рассмотрения) будет абсурдом, и это высказывание не следует вовсе рассматривать как пропозицию.

§ 13. Качество¹

156. (В грамматике и логике). (1) Возьмем предложение, в котором прилагательное или имя нарицательное сказывается об имени собственном, и представим, что в реальности существует нечто, соответствующее форме данной пропозиции. Затем представим, что указанная форма факта состоит в отношении объективного субъекта или субстанции к одному существу, которое есть одно и то же соотносящее для всех случаев, в которых то же имя существительное или прилагательное сказывается в том же смысле. Тогда это воображаемое бытие, рассматриваемое либо как реальное, либо просто как пригодное (*convenient*) для мысли, есть *качество*. Так, если нечто красиво, бело или непостижимо, это сущее состоит в обладании нечто качеством красоты, белизны или непостижимости.

157. (2) Но в более точном смысле термин «качество» неприменим, когда за означающее отношения принимается прилагательное типа *непостижимый*. Так, белизна будет в данном узком смысле качеством лишь постольку, поскольку объекты полагаются как белые независимо от чего бы то ни было еще, но когда это понимается как отношение к глазу, белизна есть качество только в более свободном смысле. Локк² определяет качество как способность (*power*) производить идею, что вполне согласуется с приведенным выше объяснением.

¹ [Ibid. Vol. 2. P. 408–9.]

² [Essay. II, viii, 8.]

Qualitas, со временем неуклонно теряя ясность относительно тех случаев, когда оно должно быть использовано, уже в римских школах принималось как десигнат почти любого характера, для которого не находилось на данный момент другого подходящего названия. Так возникло большое разнообразие смыслов. К примеру, в грамматике различие между именами, которые имеют форму множественного числа, и теми, которые ее не имеют, было названо различием в качестве, подобно тому, как было определено различие между личными местоимениями и *qui, quis* <кто, который> и т. д.

158. (3) В логике абсолютно все от Апулея, во втором веке нашей эры до наших современников, называли дистинкцию между утвердительной и отрицательной пропозицией дистинкцией качеств в пропозициях.

Кант, дабы завершить триаду, добавил третье качество, называемое «ограничением», как в «*Socrates est non homo*», в отличие от «*Socrates non est homo*». Это не выдерживает критики, но авторитет Канта и сила традиции способствовали сохранению этого различия. Поскольку универсум характеров неограничен, очевидно, что любое собрание объектов имеет некий предикат, общий для них и отличающий их от других объектов. Если дело обстоит таким образом, как это и признается молчаливо в силлогистике, дистинкция между утвердительными и отрицательными пропозициями относится исключительно к частному предикату. Многие логики несомненно полагали, что отрицательные пропозиции отличаются от обычных утвердительных тем, что в них не подразумевается реальность субъекта. Но каково тогда значение пропозиции «Некий патриарх не умирает»? Кроме этого, все признают, что пропозиции *per se primo modo*¹ не подразумевают существования субъекта, даже если и являются утвердительными. В любом случае, результаты такого хода мысли если и последовательны, то тем не менее вызывают большие возражения. Если, так или иначе, универсум характеров ограничен, как он ограничен в обычной речи, где мы говорим, что логическая непоследовательность и плод мандаринового

¹ <Через самого себя первым образом. — лат.>

дерева никак между собой не соотносятся, тогда необходимая система формальной логики будет простым случаем логики относительных единиц. Но если дистинкция между отрицательными и утвердительными пропозициями станет материальной или абсолютной, тогда простая категорическая пропозиция будет иметь следующие формы:

любое A обладает каждым из характеров группы β ,
 любое A лишено каждого из характеров группы β ,
 любое A обладает некоторым характером группы β ,
 любое A лишено некоторого характера группы β ,
 некоторое A обладает каждым из характеров группы β

и т. д.

159. (4) Качество, даже у Аристотеля, специально предназначено денотировать характеры, которые конституируют преимущества (merits) или недостатки (demerits). Это слово вообще выделяется большим разнообразием специализированных значений. Со времен Канта его применяли для десигнации дистинкции ясного и смутного, отчетливого и нечетливого и т. д. См. предыдущую топику.

Качество определяют как первичное, вторичное, вторично-первичное, сущностное и субстанциональное, акцидентальное, явное, тайное, примитивное, изначальное, простейшее, первое, производное, реальное, интенциональное, приписанное, ощущаемое, логическое, пропозициональное, активное, приводящее к изменению, аффективное, категориальное и т. д.

§ 14. Отрицание¹

160. Отрицание используется (1) логически, (2) метафизически. В логическом смысле оно может быть использовано (a) относительно и (b) абсолютно. Используемое относительно, будучи примененным в пропозиции, оно может быть понято (a) как отрицающее пропозицию или (b) как отрицающее предикат.

161. (1) В логическом смысле отрицание противоположно утверждению, хотя, когда оно используется отно-

¹ [Dictionary of Philosophy and Psychology. Vol. 2. P. 146-7.]

сительно, это, возможно, не вполне подходящий противоположный термин. В метафизическом смысле отрицательное противоположно положительному (факт и т. д.).

Понятие отрицания, рассмотренное объективно, есть одно из наиболее важных логических отношений; но рассмотренное субъективно — есть вовсе не термин логики, но до-логический термин. Иными словами, это одна из тех идей, которые должны быть полностью развернуты и преодолены (*mastered*) прежде, чем может приобрести некоторую силу идея логического рассуждения.

Изучение понятия отрицания может дать хорошую иллюстрацию результатов применения в логике принципа Прагматизма. Прагматист в исследовании логических проблем имеет в виду вполне определенную цель. Он хочет определить общие условия истины. Теперь, не пытаясь представить здесь развитие мысли в целом, мы определенно можем сказать, что первым шагом должно стать выяснение того, как две пропозиции могут быть соотнесены друг с другом таким образом, что при любых обстоятельствах

истинность одной влечет за собой истинность другой,
истинность одной влечет за собой ложность другой,
ложность одной влечет за собой истинность другой,
ложность одной влечет за собой ложность другой.

Выполнение этой задачи должно быть первой частью логики, а именно, дедуктивной логики, или (если называть ее по ее главному результату) силлогистики. Во все времена этот раздел логики признавался необходимым предварением дальнейшего исследования. Дедуктивная и индуктивная, или методологическая, логики всегда различались, и первая в общем всегда сохраняла за собой данное название.

Дабы проследить указанные отношения между пропозициями, необходимо эти пропозиции до некоторой степени критически анатомировать. Существуют различные способы, которыми пропозиции могут быть подвергнуты критическому анатомированию. Некоторые из них никак не приводят в решению стоящей перед нами проблемы, и на этой стадии исследования прагматист будет стремиться их избежать. Таков, например, тот способ,

который выделяет связку в качестве отчетливой части пропозиции. Вполне допустимо, что существуют самые различные способы действительно полезного для нас критического анатомирования, но обычный, который единственно достаточно хорошо изучен, может быть описан следующим образом:

Рассматривая какую угодно пропозицию, например,

«Всякий священник сочетает браком некоторую женщину с некоторым мужчиной»,

мы замечаем, что определенные части могут быть удалены, так что на их месте останутся пробелы, которые, если их заполнить именами собственными (индивидуальными объектами, о которых известно, что они существуют), составят целое пропозиции (как бы ни была она бессмысленна и ложна). Такие пустые формы в нашем случае имеют вид:

Всякий священник сочетает браком некоторую женщину с _____,

_____ сочетает браком _____ с некоторым мужчиной,

_____ сочетает браком _____ с _____.

Можно допустить, что существует язык, в котором пробелы в таких формах не могут быть заполнены именами собственными таким образом, чтобы целое имело вид пропозиции, так как предложения, содержащие имена собственные, могут иметь особый синтаксис. Но грамматические правила не имеют значения.

Последняя из приведенных выше пустых форм отличается тем, что не содержит ни одного слова, выполняющего селективную функцию типа «некоторый», «каждый», «любой», или выражения, которое могло бы служить его эквивалентом. Таковую форму можно назвать Предикатом, или *ῥῆμα*. Имеет место еще другой предикат, соответствующий каждому этого типа, такой, что если все пробелы в обоих были бы заполнены одним и тем же набором имен собственных (индивидуальных объектов, о которых известно, что они существуют), то одна из двух получившихся в результате пропозиций будет истинна, а другая ложна. Например:

Хризостом сочетает браком Елену с Константином;

Хризостом не-сочетает (non-marries) браком Елену и Константина.

Правда, что в последнем случае грамматика не слишком хороша, но это равным счетом ничего не меняет. О двух таких пропозициях говорят, что они находятся друг с другом в противоречии, и два предиката должны быть отрицаниями один другого, т. е. каждый получается из отрицания другого. Две пропозиции, содержащие слова, выполняющие селективную функцию, могут противоречить друг другу, но для этого всякое такое слово должно быть изменено так, чтобы оно указывало не на *подходящий случаю выбор*, но на *любой выбор, который может быть сделан*, или наоборот. Так, две следующие пропозиции являются взаимоисключающими:

Всякий священник сочетает браком некую женщину со всяким мужчиной;

Некий священник не-сочетает браком всякую женщину с неким мужчиной.

Очень удобно выражать отрицание предиката, просто присоединяя к нему частицу *non-*. Если мы принимаем этот способ, *не-не-сочетает браком* (non-non-marries) должно рассматривать в качестве эквивалента *сочетает браком*. Как в латыни, так и в английском данная конвенция иногда согласуется с нормами пользования языком. Возможно, что в очень и очень немногих из вообще существующих на земле языков данное искусственное правило распространено в достаточной степени. Итак, из двух взаимопротиворечащих пропозиций каждая получается из *отрицания* другой.

Отношение отрицания может быть принято как определенное законами противоречия и исключенного третьего. См. «Законы мышления» (Laws of Thought) [кн. III, гл. 4, §15]. Это приемлемая, но вовсе не необходимая точка зрения. Из понятий не-относительной (non-relative) дедуктивной логики, таких, как следование, сосуществование или соположенность, собрание, несовозможность (incompossibility), отрицание и т. д., необходимо выбрать только два, и при этом почти любые два, чтобы получить материал, необходимый для определения других. Какие именно нужно выбрать — вопрос, решение кото-

рого выходит за рамки этого раздела логики. Здесь отмечу непреходящую ценность введенных миссис Франклин восьми знаков-связок, представленных ею в виде скоординированного формального ряда.¹ Но с указанной точки зрения они не суть в собственном смысле связки или утверждения отношения между несколькими индивидуальными субъектами и предикатом, но просто суть знаки логических отношений между различными составляющими предиката. Для прагматистской теории связанное с этими знаками логическое учение имеет большую важность.

[...] *Negant*, или *отрицательное отрицание*, есть отрицание, получающееся в результате присоединения отрицательной частицы к связке в обычной латинской фразе: «*Socrates non est stultus*»,² в противоположность *бесконечному* (*infinite*, *ἄβριστη*)³ или *инфиницированному* (*infinitant*) *отрицанию*, получающемуся в результате присоединения отрицательной частицы к предикату: «*Socrates est non stultus*».

Кант вновь ввел данную дистинкцию в обращение, чтобы, получив триаду, сообщить симметрию своему списку категорий; и с того времени эта дистинкция остается одним из наиболее излюбленных и глубоко исследуемых предметов немецкой логики. Ни одна идея по своему существу не дуалистична и ясным образом не триадична в большей степени, нежели отрицание. *Не-А = другое, нежели А = вторая вещь по отношению к А*. Язык хранит множество следов этого различия. *Dubius* есть нечто между двумя альтернативами, «да» и «нет».

162. (2) В метафизическом смысле отрицание есть просто отсутствие характера или отношения, которое рассматривается как положительное. Отрицание отли-

¹ См. *Dictionary of Philosophy and Psychology*. Vol. 2. P. 369ff.

² <Сократ не есть глупый. — лат.>

³ <«Бес-предельное, неопределенное по границам». — лат. Чаще всего это слово употребляется в значении «земля, не имеющая рубежей», грамматической категории времени аорист и вообще «нечто неопределенного». Калькой этого слова является латинское *in-finitum*, очень близкое по значению, которое чаще всего переводят как «бесконечное», но также и «неопределенное».>

чается от лишения (privation) тем, что не подразумевает ничего сверх того.

Знаменитое высказывание Спинозы, которому столь многим обязаны Шеллинги: «*Omnis determinatio est negatio*»,¹ имеет по крайней мере то основание, что *determinatio* к одной альтернативе исключает нас из другой. Та же великая истина запечатлена в известном наизидании молодым «Невозможно съесть пирог и в то же время обладать им».

§ 15. Ограничение²

163. (1) [Термин «ограничение»] применяется к третьему качеству суждений, помимо утвердительного и отрицательного. Идея такого третьего качества возникла у римлян, которые выводили ее из различия между «*homo non est bonus*» и «*homo est non bonus*»,³ где ограничение представлено в последнем. ...

Это один из тех многочисленных случаев, когда имеющие место в языке случайности оказывают влияние на общепринятые логические формы без какой-либо видимой на то причины. Боэций⁴ и другие применяли инфинитацию (*infitation*) также и к субъектам, что, как показывает Морган,⁵ является для логики весьма значимым добавлением. Как бы то ни было, Вольф (Wolff)⁶ ограничивал модификацию только предикатом, ничем, однако, свое решение не обосновывая. Кант принял эту идею, потому что она позволила ему завершить триаду категорий качества. Основанием к тому, как сообщает Йаше (Jäsche), послужило то, что отрицание исключает субъект из области предиката, в то время как *unendliche*, ограничение или бесконечное суждение, помещает его в бесконечную область вне предиката. Следует отметить,

¹ <Любое определение (или ограничение) есть отрицание. — *лат.*>

² [Ibid. Vol. 2, P. 6–7.]

³ <«Человек не есть хорош» и «Человек есть не хорош». — *лат.*>

⁴ [Prantl, op. cit., I, 693.]

⁵ [См.: *Formal Logic*, p. 37ff.]

⁶ [Но см.: Wolff, *Logica*, § 208ff.]

что Кант рассматривает положительную метку (*mark*) как *per se* отличающуюся от отрицательной и, в частности, как имеющую меньшее расширение. Как и большинство логиков прошлого, он виртуально ограничил универсум меток таким образом, чтобы в него входили только те, что останавливают на себе (*arrest*) наше внимание. Если бы такое ограничение было ясно и последовательно доведено до конца, это привело бы к возникновению интересной частной логики (*particular logic*), в которой имело бы место материальное, а не просто формальное различие между утвердительными и отрицательными фактами. Возможно, Кант также считал, что утвердительная пропозиция утверждает существование своего объекта, если отрицательная этого не сделала; так что «Некоторые фениксы не возрождаются из пепла» было бы истинным, а «Все фениксы возрождаются из пепла» было бы ложным. Ограничительное суждение в этом отношении находилось бы в согласии с утвердительным. Возможно, он имел в виду именно это, и он не учитывал, что его пример ограничительного суждения «Человеческая душа бессмертна» (*is immortal, nichtsterblich*) может быть истолкован как эквивалент конъюнктивного суждения «Человеческая душа не есть смертная (*is not mortal*), и это есть человеческая душа». Несомненно, Кант заметил бы огромную разницу между этими двумя утверждениями. В таком случае он должен был бы ввести еще четвертое качество для «Человеческая душа не бессмертна».

§ 16. Модальность¹

164. Среди логиков существуют разногласия по поводу того, в чем состоит модальность; это есть логическая характеристика пропозиции или ее связи или, соответственно, характеристика факта или его формы, выражаемая посредством модусов *возможный, невозможный, contingens, necessarium*.

Любая из характеристик предикации представляет собой некоторый модус. Гамильтон пишет (*Lect. on Logic*,

¹ [*Dictionary of Philosophy and Psychology*. Vol. 2. P. 89–93.]

xiv), что «все логики» называют любую из пропозиций, испытывающую воздействие некоторого модуса, модальной пропозицией. Это, так или иначе, чересчур сильное заявление, ибо данный термин со времен Абеяра, когда он впервые появился,¹ и до сего дня был ограничен в своем применении на практике пропозициями, характеризующимися четырьмя модусами: «возможная», «невозможная», «необходимая» и «случайная», лишь в редких случаях распространяясь на какие-либо другие, и положительные свидетельства тому весьма изобильны.

Простейшее рассмотрение модальности в схоластике, в соответствии с которым необходимая (или невозможная) пропозиция есть некоторый вид общей пропозиции; возможная (или случайная в смысле отсутствия необходимости) пропозиция есть некоторый вид частной пропозиции. Иными словами, утверждать, что «А должно быть истинно», значит утверждать, что не только данное А истинно, но что *все* пропозиции, аналогичные А, истинны. Утверждать, что «А может быть истинно», значит утверждать, что только *некоторая* пропозиция, аналогичная А, истинна. Если потребуется уточнить, что, в данном случае, имеется в виду под аналогичными пропозициями, ответом будет — все пропозиции определенного класса, который логическое рассуждение учреждает как пригодный. Можно также сказать, что пропозиции, аналогичные А, суть такие, которые в некотором предположительном состоянии незнания были бы неотличимы от А. Возможность ошибки мы в данном случае оставляем вне рассмотрения, учитывая только незнание. Таковое незнание будет состоять в неспособности его субъекта отрицать некоторые потенциальные гипотетические состояния универсума, каждое из которых абсолютно определено во всех отношениях, но все из которых на деле ложны. Собрание этих не отвергнутых ложных положений дел конституирует «область возможного» или, лучше сказать «область незнания». Там, где нет незнания, это собрание будет сведено к нулю. Состояние предполагаемого знания в необходимых пропозициях, как правило, фиктивно, в возможных пропозици-

¹ [Prantl, op. cit. II, 158f.]

ях чаще всего это действительное состояние говорящего. Необходимая пропозиция утверждает, что в предполагаемом состоянии знания не существует случая во всей области незнания, в котором пропозиция ложна. В этом смысле можно сказать, что невозможность лежит в основе всякой необходимости. Возможная пропозиция утверждает, что существует случай, в котором она истинна.

В изучении модальности мы сталкиваемся со многими тонкостями. Так, когда собственное состояние знания мыслящего таково, что область незнания не проявлена, суждения «А истинно» и «А должно быть истинно» логически не эквивалентны, ибо последнее утверждает факт, которое первое не утверждает, хотя бы таковой факт и допускал прямое и убедительное свидетельство своей истинности. Первое и второе аналогичны «А истинно» и «А истинно, и я настаиваю на этом», которые не являются логически эквивалентными, как легко установить через отрицание каждого, в результате чего мы получаем «А ложно» и «Если А истинно, я не настаиваю на этом».

В необходимой частной пропозиции и возможной общей пропозиции иногда обнаруживает себя дистинкция между «сложными» и «разделенным» смыслами. Пропозиция «Некоторое S должно быть Р», взятая в сложном смысле, значит, что во всей области незнания не существует случая, для которого некое S или другое не есть Р; но, взятая в разделенном смысле, значит, что существует некое S, которое, будучи все тем же самым S, остается Р во всей области незнания. Далее, пропозиция «Какое бы S не имело место, оно может быть Р», взятая в сложном смысле, означает, что в области незнания имеет место некоторое гипотетическое положение вещей (или это может быть неопределимое точно истинное положение, хотя последнее вряд ли может быть единственным таким положением), в котором либо не имеет место никакое S, либо всякое S из тех, которые имеют место, есть Р; в то время как в разделенном смысле эта пропозиция означает, что в каком угодно гипотетическом положении вещей не имеет место вообще никакое S, а все то, что имеет место в некотором или каком-либо другом гипотетическом положении вещей, есть Р. Когда имеет место любая подобная дистинкция, необходимые част-

ные пропозиции в разделенном смысле утверждают нечто большее, а возможные общие пропозиции — меньшее, нежели в сложном. Но в большинстве случаев индивидуальные объекты не идентифицируемы по всей области возможного, когда дистинкция доходит до самого основания (*falls to the ground*). Она никогда не применяется к необходимым общим пропозициям или к возможным частным пропозициям.

165. Некоторые логики говорят, что «S может быть Р» вообще не является пропозицией, ибо ничего не утверждает. Но если бы она ничего не утверждала, никакое положение дел не могло бы ее опровергнуть, и, следовательно, ее отрицание было бы абсурдом. Теперь, пусть S будет «некая самопротиворечивая пропозиция», а Р будет «истинно». Тогда возможная пропозиция будет иметь следующий вид: «Некая самопротиворечивая пропозиция может быть истинной», а ее отрицание: «Никакая самопротиворечивая пропозиция не может быть истинной», что вряд ли можно посчитать абсурдом. Правда, что логики обычно рассматривают форму «S может быть Р» в соединительном (*copulative*) смысле «S может быть Р, и S может не быть Р», но это приводит к тому только, что пропозиция утверждает *больше*, а не *меньше*. Следовательно, возможная пропозиция является пропозицией. Ее не только следует признать одной из логических форм, если таковые адекватны для репрезентации всех логических фактов, но она также играет особенно важную роль в научной теории. См. «Научный метод» [*Scientific Method*]. Vol. VII]. В то же время, в соответствии с точкой зрения на модальность, о которой в нашем случае идет речь, необходимые и возможные пропозиции равноценны некоторым ассерторическим пропозициям. При этом они отличаются от последних, но не так, как общие и частные пропозиции отличаются одна от другой, но, скорее, в том же смысле, в котором отличаются друг от друга гипотетическая (т. е. условная, соединительная и дизъюнктивная), категорическая и относительная пропозиции; возможно, в несколько меньшей степени.

В соответствии с этой точкой зрения, логически необходимые и возможные пропозиции соотносятся с тем,

что может быть известно помимо какого бы то ни было знания об универсуме дискурса, — при этом подразумевается только совершенно четкое понимание значений слов; геометрически необходимые и возможные пропозиции — с тем, что исключает или не исключает знание свойств пространства; физическая необходимость соотносится с тем, что исключает или не исключает знание определенных законов физики и т. д. Но когда мы говорим, что из двух собраний одно должно быть соответственно больше, нежели другое, но каждое из них не может быть больше, нежели другое, нам неизвестно, какое объяснение должен получить, исходя из указанных законов, этот вид необходимости.

166. Наиболее ранняя теория модальности принадлежит Аристотелю, философия которого, вне сомнения, как раз и состоит в основном в теории модальности. Изучающий Аристотеля обычно начинает с Категорий, и первое, что поражает его, — это то, что данный автор не отдает себе никакого отчета в различии между грамматикой и метафизикой, между модусами означивания и модусами бытия. Когда он доходит до *Метафизики*, то находит, что это не столько недосмотр, сколько нечто, принятое за аксиому, и что в целом эта философия рассматривает существующий универсум как разворачивание (*performance*), берущее начало в предшествующей ему способности. Только в особых случаях Аристотель разводит возможность и способность, необходимость и принуждение. В этом он, возможно, ближе к истине, чем та система равноценностей, которая представлена выше.

167. Кант, кажется, был первым, кто пролил свет на этот предмет. К прежней дистинкции между логической и реальной возможностью и необходимостью он применил две новые пары терминов: аналитическое–синтетическое и субъективное–объективное. Следующие дефиниции (в которых тщательно продумано каждое слово), безусловно, в большой степени поспособствовали прояснению данного предмета:

1. Was mit den formalen Bedingungen der Erfahrung (der Anschauung und den Begriffen nach) übereinkommt, ist *möglich*.

2. Was mit den materialen Bedingungen der Erfahrung (der Empfindung) zusammenhängt, ist *wirklich*.

3. Dessen Zusammenhang mit dem Wirklichen nach allgemeinen Bedingungen der Erfahrung bestimmt ist, ist (existirt) *nothwendich*» (*Krit d. reinen Vernunft*, 1st ed., 219).¹

По мнению Канта, все общие метафизические понятия, применимые к опыту, могут быть репрезентированы в виде схемы посредством идеи времени. Такие схемы он называет «*schemata*». Схему возможного он делает фигурой чего-либо в какой-нибудь момент времени. Схема необходимости есть фигура чего-либо, что существует во всякое время (*ibid.*, 144, 145).² Далее он утверждает (*ibid.*, 74f;³ Jäsche, *Logic*, Einl. ix, и в других местах), что возможная пропозиция постигается, но не может выноситься в качестве суждения, представляя собой работу рассудка (*Verstand*); что ассерторическая пропозиция может выноситься в качестве суждения и поэтому представляет собой работу [способности] суждения; и что необходимая пропозиция репрезентруется как определенная законом, а следовательно, представляет собой работу разума (*Vernunft*). Как он полагает, его дедукция категорий показывает, что, и каким образом, понятия, изначально применимые к пропозициям, могут быть распространены на модусы бытия — конститутивно, на бытие, отсылающее к возможному опыту; регулятивно — на бытие за рамками возможного опыта.

168. Гегель считает силлогизм фундаментальной формой реального бытия. Как бы то ни было, он не предпринимает в свете данной идеи никаких попыток собственного фундаментального исследования того, что принято называть логикой, которая, с его точки зрения, обречена

¹ <1. То, что согласно с формальными условиями опыта (если иметь в виду созерцание и понятия), *возможно*.

2. То, что связано с материальными условиями опыта (ощущения), *действительно*.

3. То, связь чего с действительным определена согласно общим условиям опыта, существует *необходимо*.

(Цит. по: *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994, С. 170).>

² <См. там же. С. 123 и далее.>

³ <См. там же. С. 83 и прим.>

всегда становится логикой субъективной. Он просто принимает кантовский список функций суждения, совершая тем самым один из самых необдуманных поступков за всю историю философии. Поэтому то, что Гегель говорит о данном предмете, не должно рассматривать как нечто, в истинном свете репрезентирующее его общую позицию. И последователи его не были компетентны продвинуться сколько-нибудь дальше. По мнению Розенкранца, (Rosenkranz) (*Wissenschaft d. logischen Idee*¹), модальность репрезентирует замещение (superseding) формы суждения и представляет собой подготовку таковой силлогизма. В последней формулировке § 178–80 *Encyclopädie* нам сообщается, что суждение о понятии (*Begriff*) имеет своим содержанием тотальность (или, скажем, сообразованность с идеалом). В первом примере субъект сингулярен, а предикат есть рефлексия частного объекта на универсалию. То есть тот или иной объект, навязанный нам опытом, в суждении сообразовывается с нечто из сферы идей. Но когда эта сообразованность подвергается сомнению, поскольку субъект в себе не вовлекает никакой отсылку к идеальному миру, мы имеем «возможное» суждение, или суждение сомнения. А когда субъект отсылается к своему роду, мы получаем аподиктическое суждение. Но Гегель уже развернул идеи возможности и необходимости как категории сущности (*Wesen*) в объективной логике. В *Encyclopädie* он рассуждает следующим образом: действительность (*Wirklichkeit*) есть нечто, модус бытия которого состоит в само-манифестации. Как тождество в целом (тождество <Бытия> *Sein* и <Существования> *Existenz*), она есть в первом случае возможность. Иными словами, очевидно, чистая возможность, любая фантазия, проецируемая и рассматриваемая как факт. Возможно, к примеру, что нынешний султан станет следующим папой. Но во втором движении возникают понятия «случайного» (*Zufällig*), «внешнего» (*Äusserlichkeit*) и «условия». *Zufällig* есть нечто, распознаваемое как чистая возможность: «А может быть, но А может и не быть», но предмет этого понятия также описывается Гегелем как то, что имеет основание (*Grund*) или антецедент своего

¹ [Bd. II. S. 127.]

бытия в чем-то ином, нежели он сам. *Äusserlichkeit*, кажется, имеет бытие вне основания своего бытия — идея, принятая в силу причуды. То, что *Äusserlichkeit* полагает вне себя как антецедент своего бытия, есть предполагаемое ему условие. Третье движение дает в первом случае «реальную возможность». Здесь мы сталкиваемся с понятиями «факта» (*Sache*), «деятельности» (*Tätigkeit*) и «необходимости».

169. Лотце и Тренделенбург репрезентируют первые попытки борьбы немецкой мысли против гегельянства. Наиболее примечательной характеристикой мысли Лотце является то, что он не только не видит нужды в единстве понятия в философии, но и считает, что такое единство неизбежно повлечет за собой ложность.¹ Для него суждение есть средство схватывания становления, в противоположность концепту как средству схватывания бытия. Но он говорит, что задача суждения — поставить цементирующий материал для построения концептов. Соответственно, у него нет учения о модальности как целом, он просто рассматривает три случая, между которыми не прослеживает никакой связи. Необходимость может возникнуть либо из общего аналитического, условного или дизъюнктивного суждения. Под суждением у него имеется в виду значение пропозиции. Лотце считает, что значение аналитического суждения нелогично, поскольку оно отождествляет противоположности. Как бы то ни было, значение этого значения обосновывается тем, что оно предназначено для того, чтобы означать тождественность не терминов, а только объектов, денотируемых этими терминами. Поэтому аналитическая пропозиция допустима, ибо она практически предназначена для того, чтобы означать частную пропозицию, т. е. такую, в которой предикат утверждается для всех соответствующих частных. И обоснование пропозиции, назначением которой было связать элементы, составляющие термины, состоит в том, что поскольку эта пропозиция берется не в своем собственном значении, а значении, которое ей хотят придать (*meant not as it is meant, but as it is meant to be meant*), эти элементы тождествен-

¹ [См. *Logic I. 1*, § 33–35.]

ны и не нуждаются в том, чтобы быть связанными. Таким образом Лотце отстаивает необходимость аналитической категорической пропозиции. Переходя к рассмотрению условных пропозиций, он рассуждает подобным же образом и находит, что, предполагая «когерентность» универсума реальных интеллигибельных объектов, мы можем иметь основания утверждать, что введение условия X в субъект S приводит к появлению предиката P как аналитической необходимости. В этом смысле, когда вся процедура один раз доведена до конца, не имеет значения, сохраняется последовательность полагания когерентности или исчезает. Лотце, следуя в этом за Гегелем, рассматривает дизъюнктивную пропозицию последней, как если бы она обладала наибольшей значимостью. Но то, что было простительно для Гегеля, в меньшей степени простительно для Лотце, поскольку он сам указывал на значимость безличных пропозиций типа «идет дождь» (*it rains*), «гремит гром» (*it thunders*), «сверкает молния» (*it lightens*), единственным субъектом которых является универсум. Теперь, если существует какая-либо разница между «Если сверкает молния, то гремит гром» и «Либо не сверкает молния, либо гремит гром», то она состоит в том, что последнее обращено только к действительному положению вещей, а первое — ко всей области других возможностей. Так или иначе, Лотце в последнюю очередь рассматривает пропозициональную форму « S есть P_1 , P_2 или P_3 ». Собственно, это не дизъюнктивная пропозиция, но лишь пропозиция с дизъюнктивным предикатом. Лотце выделяет ее как особую форму, так как она не может быть репрезентирована в схеме Эйлера, что элементарно является ошибкой. Необходимость, которую она порождает, должна поэтому быть либо подобна условной необходимости, либо отличаться от нее большей простотой. О других весомых возражениях по поводу теории Лотце см. *Logische Studien*, ii Ланге.

170. Тренделенбург (*Logische Untersuch.*, xiii) утверждает, что возможность и необходимость могут быть определены только в терминах antecedента (*Grund*), хотя он, возможно, возразил бы на перевод *Grund* таким чисто формальным словом, как «antecedent», несмотря на его соответствие Аристотелю. Если определены все условия,

и факт понимается из целого своего *Grund*, так что мысль пропитывает собой бытие — фраза, нечто вроде которой Тренделенбург всегда стремился подыскать, — мы имеем «необходимость». Если, с другой стороны, определены лишь некоторые условия, но то, чего недостает в *Grund*, находит себя в мысли, мы имеем «возможность». В себе яйцо есть не более чем яйцо, но для мысли оно может стать птицей. Поэтому Тренделенбург никогда не согласится ни с тем, что, как полагал Кант, модальность изначально есть вопрос некоторой расположенности сознания, ни с тем, что, как считал Гегель, которого он весьма проницательно критикует, она изначально есть нечто объективное.

171. Зигварт, который считает, что логические проблемы должны находить окончательное разрешение в непосредственном переживании и что немецкий язык есть наилучшее свидетельство того, что представляет собой это переживание, в принципе отрицает, что возможная пропозиция собственно является пропозицией, ибо в ней ничего не утверждается.¹ Он упускает из виду, что если пропозиция ничего не утверждает, отрицание ее должно оборачиваться полной бессмыслицей, поскольку в этом случае должна отрицаться всякая возможность. Отрицанием пропозиции «Я знаю только то, что А может быть истинным» является «Я знаю, что А не истинно», и это вряд ли можно назвать бессмыслицей. Зигварт, это правда, в соответствии с принятым словоупотреблением, понимает «А может быть истинным» в том смысле, который прежние логики называли *sensus usualis*,² т. е. принимает ее за соединительную пропозицию «А может быть истинным, и, кроме того, А может не быть истинным». Но из этого не следует, что «А может быть истинным» утверждает меньше — наоборот, больше, чем приведенная специальная форма. В отношении необходимой пропозиции Зигварт, следуя избранному им критерию — принятому словоупотреблению, — считает, что «А должно быть истинным» утверждает меньше, чем «А истинно», так что первое следует из последнего, а последнее не вы-

¹ [Logic, § 31.]

² <Обычный, общеупотребительный смысл. — лат.>

водимо целиком из первого. Это может быть истинным для немецкого языка — точно так же как в нашем <английском> языке такие фразы, как «без всякой тени сомнения», «без каких-либо вопросов» и т. п. подразумевают тот факт, что имеется некто, не только сомневающийся, но решительно отрицающий пропозицию, в которую включены эти выражения. С этим «сенсационным» (sensational) открытием Зигварта также соглашается Брэдли.¹

172. Ланге (loc. cit.) полагает, что проблема может быть освещена наилучшим образом при помощи логических схем, которые приписывают Эйлеру, но на деле обнаруживаемых уже у Вивеса (Vives). «Поэтому, здесь мы снова наблюдаем, — говорит он, — как пространственная интуиция, как в геометрии, верифицирует (*begrundet*) априорность и необходимость».

Глава 5

Термины²

§ 1. О том, что данные понятия не столь современны, как это обычно представляется

173. Историческое объяснение, которое обычно дается охвату (*comprehension*) и расширению (*extension*), таково: «Это различие, хотя оно встречается в общих терминах у Аристотеля³ и ясно (*explicitly*), с научной

¹ [*Logic*, (1883), ch.7.]

² [§ 1–6 это статья «О логических охвате и расширении» («Upon Logical Comprehension and Extension», *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences*, vol. 7, November 13, 1867), P. 416–32) с дополнениями и исправлениями ок. 1870 и 1893г.; она была предназначена стать Очерком III книги «Разыскание Метода» (*Search for a Method*) и гл. 15 «Большой логики» (*Grand Logic*).]

³ Аристотель замечает в нескольких местах, например в 5-й кн. Метафизики (1023b, 22), что роды и отличия (*differences*) могут рассматриваться как части видов, а виды — как в рав-

точностью, заявлено по крайней мере у одного из его греческих комментаторов, все же ускользнуло от необычайной проницательности схоластиков и оставалось в полном небрежении и забвении вплоть до публикации «Логики Пор-Рояля».¹ Я хотел бы предложить на суд читателя нижеследующие соображения, показывающие, что такое истолкование истории не вполне соответствует истине. В первую очередь было сказано, что между этими атрибутами было проведено различие — как будто прежде они рассматривались как нечто единое. Но это совершенно ниоткуда не явствует с очевидностью. Один немецкий логик,² и правда, благодаря некоторому недопониманию с его стороны, рассматривал расширение как вид охвата, однако для взявшего на себя труд задуматься над этим ничто с самого начала не может показаться более несходным, чем два указанные представления (notions). Настоящим умственным достижением стало вовсе не разделение их, а установление между ними отношения, в результате чего появилось понятие их как факторов, создающих содержание (import) термина. Во-вторых, было верно замечено, что учение пор-роялистов в главных своих моментах изложено в труде одного греческого комментатора. И поскольку этот труд есть не что иное, как «Введение» Порфирия,³ то было бы удивительно, если бы данное учение, и правда, ускользнуло от схоластиков — ибо была их проницательность столь необычайной, как о том сообщает Гамильтон, или нет, они, несомненно, изучали данный комментарий с прилежанием не меньшим, нежели Библию.⁴ Дерево Порфирия,

ной мере части родов. Комментатор, о котором идет речь, это, вероятно, Александр Афродизийский... — 1893.

¹ Цитата из <предисловия> Бейнса (Baynes) (Port Royal Logic, 2d ed. p. xxxiii), добавляющего, что он обязан этими сведениями сэру Уильяму Гамильтону.

² Лотце. — 1893.

³ Порфирий, как можно увидеть, говорит о древности этого учения. [Гл. 1].

⁴ Столь же прилежно они изучали и Боэция, у которого сказано: (*Opera*, p. 645) «Genus in divisione totum est, in diffinitione pars». <В разделение род (входит) весь, в определение только (его) часть. — лат.>

как кажется, и правда включает в себя все учение об охвате и расширении, за исключением имен. Однако свои названия для этих количеств имелись и у схоластиков. Ими часто противопоставляются *partes subjectives* и *partes essentielles*,¹ а несколько синонимов приводятся у конимбрицийцев (the Conimbricenses). Поскольку признается наличие у Порфирия всего этого учения целиком, должно быть также признано, что отрывок, в котором оно излагается, был полностью рассмотрен и получил надлежащее объяснение у средневековых комментаторов. Итак, мы имеем право лишь на то, чтобы сказать, что учение о расширении и охвате в средневековой мысли не играло первостепенной роли.² [Предметом же проповеди пор-

¹ <Части субъективные и части существенные. — лат.>

² Автор *De Generibus et Speciebus* противопоставляет *integral* и *diffinitive* целое. Иоанн Солсберийский говорит об охвате и расширении, как о чем-то, «quod fere in omnium ore celebre est, aliud scilicet esse quod appellativa *significant*, et aliud esse quod nominant. Nominantur singularia, sed universalia significantur». <см. выше.> (*Metalogicus*, lib. 2, cap. 20. Изд. 1620. С. 111.) [Под *appellativa* он имеет в виду прилагательные и т. п. — 1893.]

У Винцента Белловацийского (Vincentius Bellovacensis) (*Speculum Doctrinale*, Lib. III, cap. xi) встречаем следующее: «Si vero quæritur utrum hoc universale 'homo' sit in quolibet homine secundum se totum an secundum partem, dicendum est quod secundum se totum, id est secundum quamlibet sui partem diffinitivam. ..., non autem secundum quamlibet partem subjectivam. ...» <Если же спрашивается, каким образом такая универсалия, как «человек», содержится в каком-либо имени, соответственно ли себе целиком или соответственно [только своей] части, то отвечать следует, что соответственно себе целиком, то есть соответственно какой-либо своей дефинитивной части, ... но не согласно какой-либо подлежащей части. — лат.> Вильгельм Овернский (Прантлева *Geshichte*, т. 3. С. 77) говорит о «totalitatem istam, quæ est ex partibus rationis seu diffinitionis, et hae partes sunt genus et differentij; alio modo partes speciei individua sunt, quoniam ipsam speciem, cum de eis prjudicatur, sibi invicem quodammodo partiunter». <Та самая целостность, которая состоит из частей довода или определения, и этими частями являются род и видовое отличие; иначе, частями вида являются индивидуумы, поскольку тот самый вид, о котором сказываются, между собой некото-

роялистов и — позднее — еще более решительной проповеди кантианцев была равносильность логического характера всех существенных предикатов. Но тогда как для них роды и отличия слитны, Порфирий, вслед за Аристотелем, всегда стремится разносить разные предикаты — 1893.]

174. В похожее заблуждение часто впадают и относительно другой темы данной статьи — темы, наиболее близко связанной с темой охвата и расширения, как минимум, в той мере, в какой они обе основаны на понятии термина как составного целого. Я имею в виду различие ясного и отчетливого. Гамильтон говорит нам, что «осуществлением этого разделения мы обязаны проницательности великого Лейбница. Хотя картезианцами такое различие не рассматривалось, авторы «Логики Пор-Рояля» подошли к нему столь близко, что нам остается только удивляться, почему им не удалось его развернуть» (*Lectures on Logic*; Lecture IX). Фактически, тем не менее, сказанное в «Логике» по этому вопросу¹ взято у Декарта,² и отклонения пор-роялистов от словесных формулировок последнего приводят их лишь к смешению того, что у него было достаточно отчетливо. Что касается Лейбница, он сам ясно высказывается на тот счет, что декартово различие тождественно его собственному.³ Как бы то ни было, у Лейбница оно гораздо более ясно, нежели у Декарта. Любое философское различие осознается лишь постепенно — в истории нет момента, до которого оно совершенно не признается и после которого оно становится совершенно явным. До Декарта различие между смешанным и отчетливым было тщательно проработано, однако разница между отчетливостью и ясностью неизменно упускалась из виду. Дунс Скот различает между «мыслить смешанно» и «мыслить смешанное», а поскольку любое неясное понятие необ-

рым образом разделяют. — *лат.*> [См. также: Дунс Скот, *Opera* I, 137.] Перейдя к более поздним авторам, мы потеряли бы счет примерам. См. любой комментарий в Физике, кн. 1.

¹ Часть I, гл. 9.

² «Первоначала...», Часть I, § 45 *et seq.*

³ Восьмое [девятое?] письмо Бернету. Изд. Герхардта (Gerhardt). Т. 3. С. 224.

ходимо включает больше, чем собственный для него объект, в неясно мыслимом всегда будет присутствовать нечто смешанное; однако ближе этого к декартовско-лейбницевскому различению схоласты не подошли.

§ 2. О разных терминах, применяемых к количествам расширения и охвата

175. Расширение и охват это именно те термины, которые употреблялись пор-роялистами. Благодаря влиянию Гамильтона, вместо охвата теперь часто используется *интенсия* (*intension*);¹ однако поскольку это слово очень легко спутать с интенсивностью (*intensity*), его нельзя назвать удовлетворительным. Оно было образовано от однокоренных ему слов, употреблявшихся Кайетаном и другими ранними авторами. В прошлом многими кантианцами употреблялись также термины *внешнее* и *внутреннее качество*. Морган предложил *объем* (*scope*) и *силу* (*force*). Хотя *объем* в обыденном языке и выражает расширение, все же *силой* выражается не столько охват, сколько способность (*power*) создавать живую репрезентацию в уме человека, к которому обращены слово или речь. М-р Дж. С. Милль ввел два полезных глагола *денотировать* (*denote*) и *коннотировать* (*connote*), которые приобрели широкое распространение. На самом деле, по мнению всех изучавших логику четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого столетий, *коннотация* рассматривалась в то время исключительно как отсылка ко второму обозначаемому — то есть (приблизительно) как отсылка относительного термина (вроде *отец*, *ярче* и т. д.) к корреляту денотируемого им объекта (относительным термином) в первую очередь, — но никоим образом не в миллевском смысле отсылки термина к существенным свойствам, подразумеваемым (*implied in*) в его (термина) определении.² Как бы то ни было, м-р

¹ Однако слово *intension* употреблялось уже лейбницианцами, в том же смысле. — 1893.

² Ср.: Морен (Morin), *Dictionnaire*. Т. I, col. 684 [685?]; Шовен (Chauvin), *Lexicon*, оба издания; Евстахий, *Summa*, Часть I, Tr. I, qu. 6. [Aquinas, sentent 1, d. 8, q. 1, art 1.]

Милль посчитал себя вправе отрицать это, подкрепляя свою решимость только собственным высказыванием и не приведя цитаты ни из одного автора того времени.¹ После объяснения, в каком смысле он берет термин *коннотировать*, Милль говорит: «Схоластики, которым мы обязаны большей частью нашего словарного запаса в логике, оставили нам также и его <слово *коннотировать*>, наделив этим же самым смыслом. В некоторых общих выражениях это слово вроде бы употребляется ими в том расширенном и более смутном смысле, в котором оно берется м-ром [Джеймсом] Миллем. Но все же, когда схоластикам было необходимо определить его особо и закрепить его значение как технического термина, они, со всегда характерной для их определений восхитительной точностью, ясно объясняли, что ни о чем другом нельзя говорить как о коннотируемом, кроме *форм*, каковое слово может вообще в их сочинениях считаться синонимом *атрибутов*».² Поскольку обычно говорят, что Оккам был последним схоластом, вышесказанное подразумевает, что слово *коннотировать* широко употреблялось уже более ранними авторами. Тем не менее знаменитый Прантл³ как раз считает, что наличие в одном месте из *Summa* Оккама упоминания о слове *connatative* как об уже широко употребляемом, исчерпывающе доказывает его (места) подложность.⁴ Далее, о пассаже из Дунса Скота, в котором обнаруживается *connotatum*, он говорит, что это понятие встречается здесь впервые.⁵ Термин этот, однако, впервые встречается у Александра Гэльского,⁶ который уравнивает *nomen connotans* и *appellatio relativa* и

¹ И вот какова смиренность последователей Милля: ни один из них не осмелился воспротивиться этому заявлению, подрывающему, несомненно, его же собственный авторитет. — 1893.

² [Logic, bk. I, ch. 2, § 5, note.]

³ Насколько я его понял, ибо он здесь выражается в своем привычном энигматическом стиле. — 1870.

⁴ Прантл, *Geschichte*, т. 3, с. 364.

⁵ Там же, с. 134 прим. Дунс Скот также употребляет этот термин. Цит. соч., вопрос 13, раздел 4.

⁶ *Summa Theologica*, часть I, вопрос 53. [Этот труд был несомненно написан до 1280 г. Роджер Бэкон ссылается на него, упоминая в то же время, что Альберт Великий еще жив. — 1893.]

делает объектом *connotare* само отношение как таковое, говоря, что творец коннотирует отношение творца к со-творенному.¹ В *Summa* Оккама² содержится глава, посвященная различию абсолютных и коннотативных имен. Ее следует прочитать целиком, однако здесь у меня есть возможность, чтобы привести лишь следующее:

«Nomen autem connotativum est illud quod significat aliquid primario et aliquid secundario; et tale nomen proprie habet diffinitionem experimentem quid nominis et frequenter oportet ponere aliquid illius diffinitionis in recto et aliquid in obliquo; sicut est de hoc nomine album, nam habet diffinitionem experimentem quid nominis in qua una dictio ponitur in recto et alia in obliquo. Unde si queratur quid significat hoc nomen album, dices quod idem quod ille oratio tota „aliquid informatum albedinem“ vel „aliquid habens albedinem“ et patet quod una pars orationis istius ponitur in recto et alia in obliquo. ... Huiusmodi autem nomina connativa sunt omnia nomina concreta primo modo dicta, et hoc *quia talia concreta significant unum in recto et alia in obliquo*, hoc est dictu, in diffinitione experiente quid nominis debet poni unus rectus significans unam rem et alius obliquus significans aliam rem, sicut patet de omnibus talibus, iustus, albus, animatus, et sic de aliis. Huiusmodi etiam nomina sunt omnia nomina relatiua, quia semper in eorum diffinitionibus ponuntur diversa idem diuersis modis vel diuersa significantia, sicut patet de hoc nomine simile. Mere autem absoluta sunt illa quae non significant aliquid principaliter et aliquid vel idem secundario, sed quicquid significatur per tale nomen aequae primo significatur sicut patet de hoc nomine animal».³

¹ Учение о *connotare* есть часть учения об *appellatio*, о котором можно справиться у Петра Испанского. — 1893.

² Часть I, гл. 10. (Изд. 1488 г., fol. 6, с.)

³ < Коннотативным именем является такое, которое означает нечто в первую очередь и нечто во вторую; и такое имя в себе имеет наглядную дефиницию имени, и часто следует полагать одну (часть) этой дефиниции прямо, а другую — косвенно; как это имеет место в случае такого имени, как «белый»; ибо оно имеет наглядную дефиницию имени, в которой одна дистринкция полагается прямо, а другая — косвенно; отсюда (следует, что), если спрашивается, что означает имя «белый», отвечай, что то же самое, что и все выражение «нечто в форме

Эккиус (Eckius), комментируя Петра Испанского (Peter Hispanus), также сделал несколько расширенных замечаний относительно значения термина *коннотировать*, которые в главном совпадают с процитированным выше.¹ Из всего этого следует, что историческое замечание м-ра Милля² не может быть принято.

176. Сэр Уильям Гамильтон позаимствовал у некоторых поздних греческих авторов термины *широта* (*breadth*) и *глубина* (*depth*) — для расширения и охвата соответственно.³ Эти слова обладают немалыми достоинствами. Они

белизны» или «нечто имеющее белизну», и здесь ясно, что одна часть такого выражения полагается прямо, а другая — косвенно. Подобно тому, коннативные имена — это все конкретные имена, употребляемые первым (из указанных) способов; и здесь следует сказать, что, поскольку такие конкретные (имена) одно означают прямо, а другое — косвенно, в наглядной дефиниции имени одно должно полагаться как означающее некую вещь прямо, а другое — как означающее иную вещь косвенно, что явствует из таких имен, как «справедливый», «белый», «одушевленный» и других. Таким же образом, все имена являются релятивными, если в их определениях полагается различное, причем различным же образом или в различных значениях, что явствует из таких имен, как «подобное». Абсолютным же (именем) вполне является такое, которое таким вот образом не означает нечто в первую очередь и нечто во вторую; но нечто, означаемое таким именем, означает и в первую очередь, как это явствует из таких имен, как «живое существо». — *лат.*> [Последнее предложение цитируемого отрывка в оригинале стоит почти на полстраницы впереди от остальной части.]

¹ Fol. 23d. См. также Тартарети Эспозито (Tartareti Expositio) в самом конце книги Петр.<а> Исп.<анского>. Изд. 1509 г., fol. 91b.

² ... — просто чепуха. Цивилизация в Англии, по-видимому, не достигла еще той стадии, когда люди стыдятся делать положительные утверждения, базирующиеся на исключительном невежестве. — 1893.

³ *Logic*, p. 100 [т. е. Lect. viii, ¶24]. В приписываемой Аквинату *Summa Logices* мы читаем: «Omnis forma sub se habens multa, idest, quae universaliter sumitur, habet quamdam *latitudinem*; nam invenitur in pluribus, et dictur de pluribus». <Всякая форма, подразумевающая собою многое, то есть такая, которая берется как универсальная, имеет некоторую протяженность, так как встречается во многом и сказывается о многом. — *лат.*> (Tr. 1, с. 3.)

кратки и подходят друг другу; наконец, они широко распространены. Так, «широкое» знание в обычном словоупотреблении есть знание о многом, «глубокое» знание — много знания о чем-то. Я, таким образом, буду отдавать предпочтение именно этим терминам. Расширение также называют *сферой* (*sphere*) и *кругом* (*circuit*), а охват — *материей* (*matter*) и *содержанием* (*content*).

§ 3. О разных смыслах, в которых рассматриваются термины «расширение» и «охват»

177. Разные авторы рассматривают термины *расширение* и *охват* и их синонимы в разных смыслах. Это происходит отчасти благодаря тому факту, что в то время как большинство авторов говорят лишь о расширении и охвате понятий, другие применяют эти термины равно к понятиям и суждениям (Rösling <Реслинг>),¹ а также к умственным репрезентациям (Überweg <Юбервер>² и многие французские авторы), к познанию вообще (Баумгартен),³ к «терминам» (Fowler, Spalding <Фаулер,⁴ Сполдинг⁵>), к именам (Shedden <Шедден>),⁶ к словам (McGregor <МакГрегор>),⁷ к «значениям» (Jevons <Дживонс>);⁸ еще один автор говорит лишь о расширении классов и охвате атрибутов (Морган в Программе своего курса лекций (Syllabus) [§ 131]).

178. Пор-роялисты определяют охват как «те атрибуты, которые она [идея] вовлекает (involves) сама по себе и которые не могут быть отняты от нее без ее разрушения».⁹

Следует напомнить, что метки термина разделяются логиками, во-первых, на необходимые и случайные (accidental), затем необходимые подразделяются на стро-

¹ [Logik (1896), I, II; 1, iii, и ii, 1, iv.]

² [System der Logik (1857), § 50, 53.]

³ [Acroasis Logica, изд. 2 (1773), § 24.]

⁴ [The Elements of Deductive Logic (1867), pt. I, ch. 2.]

⁵ [An Introduction to Logical Science (1857), § 7, 30, 31.]

⁶ [Elements of Logic (1864), p. 10.]

⁷ [A System of Logic (1862), p. 191.]

⁸ [The Principles of Science (1874), bk. I, ch. 2, p. 31.]

⁹ [Перевод Бейнса, I, vi.]

го существенные, то есть содержащиеся в определении, и те, что называются собственными (proper). Так, существенной меткой треугольника будет «иметь три стороны», собственной — «иметь такие углы, что сумма их всех равна сумме двух прямых», а случайной — «быть рассматриваемым Евклидом». Следовательно, по определению пор-роялистов, охват включает все необходимые метки, и существенные и собственные.

179. Пор-роялисты приписывают охват непосредственно идеям — любым идеям. Очень многие логики приписывают его непосредственно лишь понятиям, а так как, согласно их определению, понятие в строгом смысле есть лишь сущность идеи, то они необходимо включают в охват только существенные метки термина. Как бы то ни было, эти логики настолько далеко абстрагируются от реального мира, что нелегко увидеть, почему их существенные метки не могут быть в то же время вообще всеми метками объектов, допустимых с их точки зрения (of the object, as they suppose it).

180. Я полагаю, не может быть сомнений, что у таких авторов, как Герлах (Gerlach)¹ и Зигварт (Sigwart)², охват включает все те необходимые и случайные метки, которые сказываются об объекте понятия универсально.

Далее, хотя большинство немецких авторов рассматривает охват как сумму либо понятий (Drobisch <Дробиш>),³ (Bachmann <Бахманн>)⁴ и т. д., либо элементов интуиции (Trenedelenburg <Тренделенбург>),⁵ многие английские авторы рассматривают его как сумму реальных внешних атрибутов (Шедден,⁶ Сполдинг,⁷ Девей (Devey),⁸ Морган,⁹ Дживонс,¹⁰ МакГрегор,¹¹ Фаулер).¹² Согласно

¹ [*Grundriss der Logik*, 2te Auf. (1822), § 29.]

² [*Logik*, § 42.]

³ [*Neue Darstellung der Logik*, 2te Auf. (1851), § 23.]

⁴ [*System der Logik* (1828), Erster Theil, § 48.]

⁵ [*Logische Untersuchung*, 2te Auf. (1862), xv, 4.]

⁶ [*Elements of Logic* (1864), P. 10, 39ff.]

⁷ [*An Introduction to Logical Science* (1857), § 31.]

⁸ [*Logic, or the Science of Inference* (1854), p. 42.]

⁹ [*Cp. Syllabus*, § 131.]

¹⁰ [*The Principles of Science* (1874), Bk. 1, ch. 2.]

¹¹ [*A System of Logic* (1862), p. 191.]

¹² [*The Elements of Deductive Logic* (1867), part I, ch. 2.]

большинству авторов, охват состоит из (необходимых) атрибутов, которые *мыслятся* (*thought*) присущими объектам. По определению Шеддена, он состоит из всех атрибутов, которые присущи денотируемым вещам.

Далее, большинство логиков считает метками лишь те из них, что сказываются виртуально,¹ некоторые, по всей видимости, — только те, которые действительно мыслятся, и очень немногие включают в их число те, что мыслятся по привычке (*habitually*). Иногда можно встретить автора, который включает в число меток все три атрибута — вне зависимости, мыслятся последние или нет.

Есть также разница и в том, как считать метки. Большинство авторов считают все различаемые метки, некоторые же рассматривают коэкстенсивные (обладающие одним расширением — *coextensive*) метки как одни и те же.

181. Употребление термина «расширение» еще более явно нуждается в определенной конвенции. Пор-Роялисты определяют его как «те *субъекты*, к которым применима идея».² По всей видимости, расширение может включать чистые фикции.

Другие ограничивают этот термин *реальными* видами, в то же время расширяя его до единичных сущих (*single beings*). Мы можем найти это у Уоттса (*Watts*),³ а также у Фридриха Фишера (*Friedrich Fischer*).⁴

¹ Я беру на вооружение превосходное различие Дунса Скота между действительным, приобретенным (привычным — *habitual*) и виртуальным познанием [*Reportatei*, Изд. 1853, т. 1, с. 147а. Это различие возникло в опоре на отчасти аристотелевские, отчасти неоплатонические подсказки. Аристотель, как всем известно, различал действительную и потенциальную мысль. Александр Афродизийский различал материальный интеллект (*νοῦς ὑλικός*), приобретенный интеллект (*νοῦς κατὰ ἐξιν*) и *intellectus adeptus*. Эти два различия имеют между собой мало общего. Тем не менее у арабов они оказались смешанными, и именно это смешанное учение подсказало Дунсу Скоту его блестящее и полностью философское разделение. — 1893.]

² [Перевод Бейнса I, vi.]

³ [*Logick* (1725), Part I, ch. 3, § 3.]

⁴ [*Lehrbuch der Logik* (1838), Drittes Kap., § 37.]

Еще кое-кто особенно настаивает на том, что под расширением имеются в виду *вещи*, а не виды — реальные или воображаемые. Это относится к Бахманну,¹ Эссеру (Esser)² и Шульце (Schultze).³

Некоторые включают в расширение не понятия и не вещи, а единичные репрезентации. Это относится к кантианцам в строгом смысле слова. Имеющееся разнообразие в данном вопросе представит следующий список:

Расширение включает:

Индивидуальные репрезентации, согласно Канту,⁴ Э. Рейнгольду (E. Reinhold)⁵ и др.

Репрезентации, согласно Фрису (Fries),⁶ Юбервергу⁷ и др. Реальные внешние вещи и виды, согласно Уоттсу,⁸ Шеддену⁹ и др.

Реальные внешние индивидуальные объекты, согласно Бахманну,¹⁰ Девею¹¹ и др.

Вещи, согласно Шульце,¹² Боуэну (Bowen)¹³ и др.

Виды, согласно Дробишу,¹⁴ Моргану¹⁵ и др.

Объекты (и репрезентации), согласно Томсону (Thomson)¹⁶ и др.

Индивиды, согласно Мэхену (Mahan).¹⁷

Понятия, согласно Гербарту (Herbart),¹⁸ Форлендеру (Vorländer)¹⁹ и др.

¹ [System der Logik (1828), Erster Theil, § 48.]

² [System der Logik 2te Auf. (1830), Erster Theil, § 34.]

³ [Grundsätze der allgemeinen Logik 5te Auf. (1831), § 29.]

⁴ [Ср. Logik, her. v. G. B. Jdsche (1800), I, i, § 1–7.]

⁵ [Die Logik (1827), S. 115.]

⁶ [System der Logik 3te Auf. (1837), § 20.]

⁷ [System der Logik (1857), § 53.]

⁸ [Logick (1725), Part I, ch. 3, § 3.]

⁹ [Elements of Logic (1864), p. 39, 40.]

¹⁰ [System der Logik (1828), Erster Theil, § 48.]

¹¹ [Logic, or the Science of Inference (1854), p. 42.]

¹² [Grundsätze der allgemeinen Logik 5te Auf. (1831), § 29.]

¹³ [A Treatise on Logic (1864), p. 67.]

¹⁴ [Neue Darstellung der Logik, 2te Auf. (1851), § 23.]

¹⁵ [Formal Logic (1847), p. 234.]

¹⁶ [Outline of the Laws of Thought, 4 ed., p. 99–102.]

¹⁷ [Intellectual Philosophy, 2d ed. (1847), ch. 7, 8.]

¹⁸ [Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie (1813), II, i, § 40.]

¹⁹ [Wissenschaft der Erkenntniss (1847), II, i, 2, b.]

Общие термины, согласно Сполдингу.¹

Физические понятия, согласно Штрюмпеллу (Strümpell).²

Разнообразные (variable) метки, согласно Риттеру (Ritter).³

Далее, между логиками есть разногласие и по следующему вопросу: имеют ли они в виду под расширением понятия, виды, вещи и репрезентации, к которым этот термин применяется по привычке, т. е. в суждении, или всё, к чему он истинно приложим. На последнем настаивают Гербарт, Кизеветтер (Kiesewetter) и др., на первом — Данкан (Duncan), Сполдинг, Форлендер, Юберверг и др.

Некоторые логики под расширением числят лишь *действительные* вещи, репрезентации и т. д. (Бахманн, Фрис, Гербарт), другие распространяют его на те, что лишь возможны (Эссер, Риттер, Герлах).

Наконец, в то время как несколько логиков говорят об обоих количествах как численных, большинство авторов рассматривают их как всего лишь агрегаты разнообразных объектов или меток.

[Дресслер (Dressler), опираясь на Бенеке (Beneke), различает *реальные* и *идеальные* расширение и охват. — 1893.]

§ 4. Несколько опровержений обратной пропорциональности этих количеств и предложений по введению третьего

182. До недавнего времени закон обратной пропорциональности расширения и охвата признавался всеми.⁴ Теперь его на разных основаниях подвергают сомнению.⁵

¹ [An Introduction to Logical Science (1857), § 31.]

² [Entwurf der Logik (1846), 4tes Kap.]

³ [Abriss der Philosophischen Logik (1824), S. 79.]

⁴ В алгебраической формулировке этот закон выглядит следующим образом: если a и b — логические термины, соотнесенные так, что $a = bx$, то будет верно как $b = a + y$, так и обратное. Немало немецких логиков могли бы опровергнуть это. — 1893.

⁵ Гоппе (Норре) переворачивает закон Канта, полагая, что чем шире понятие, тем больше его содержание. Его идея в аристотелевском словоупотреблении будет выглядеть следующим

183. Дробиш¹ говорит о том, что величина охвата изменяется арифметически, а расширения — геометрически. В некотором смысле это так.

184. Лотце — упомянув, что единственное понятие об универсалии, которым мы можем обладать, это способность вообразить подчиненные ей единичности (*singulars*), — говорит, что возможность детерминировать некое понятие соответственно каждой подчиненной ему (понятию) частности (*particular*) есть метка этого понятия, а поэтому широта понятия никак не влияет на количество присущих ему меток. Однако, возражу я, поскольку *эти* метки принадлежат понятию лишь вторично (*in its second intention*) — не будучи присущими всем вещам, к которым это понятие применимо, — они (метки) не будут частью охвата этого понятия. Фактически они суть те самые метки, что составляют его расширение. Никому не приходило в голову отрицать, что расширение есть метка понятия — только дело в том, что оно есть некоторая метка в его вторичности (*a certain mark of its second intention*).

185. Возражение Форлендера² в гораздо большей степени относится к сути дела. Оно заключается в следующем: если мы из какого-либо детерминированного представления (*notion*), например из представления (*notion*) о Наполеоне, абстрагируем все метки, всякую детерми-

образом. Он признает второе из правил, предваряющих сказывание (*the second antepredicamental rule*), — что отличия (*differences*) разных родов суть разные. (Само по себе это значительно разводит его с теми логиками, для которых различие расширения и охвата есть осевое различие логики.) *Негр* это не понятие, образованное соединением двух понятий *человек* и *чернокожий*: собственные для *негра* отличия относятся из всех сущих только к неграм. Естественно, это заставляет его сделать еще один шаг, и он говорит: отличия достаточно, чтобы составить чистое понятие, и поэтому род не будет существенным предикатом. В-третьих, он обнаруживает, что характеры более узкого отличия менее важны (*wirkungsreich*), чем характеры отличия более высокого уровня, и что обладать менее важными следствиями — значит обладать меньшей мерой предикатов. — 1893.

¹ [*Neue Darstellung der Logik*, 2te Auf. (1851), Anhang I.]

² [*Wissenschaft der Erkenntniss* (1847), S. 104–107.]

нацию, то все, что у нас остается, это всего лишь понятие «*нечто*» (*conception something*), расширение которого — не более чем Наполеон. Сфера «*нечто*», значащего эту, ту или другую вещь, недостоверна (*uncertain*), но общего расширения у него («*нечто*») нет, ибо оно значит только <какую-то> одну вещь. Так, перед скачками мы можем сказать, что какая-то (некоторая — *some*) лошадь придет первой, имея в виду эту, ту или другую. Однако под «какой-то» лошадью мы имеем в виду только одну лошадь, и поэтому расширение «какой-то лошади» не будет больше, чем расширение термина, указывающего, какая именно это лошадь — хотя этот последний будет более детерминирован, то есть будет обладать большим охватом. Я не знаю, нашлось ли у приверженцев невидоизмененного кантовского учения чем ответить на это возражение.

186. Юбервег делает следующее замечание:¹ «Поскольку, согласно определению, более высокая репрезентация содержит только те элементы содержания, что равно присущи нескольким более низким репрезентациям, у первого — по сравнению с каждым из вторых — более ограниченное содержание, но более широкий круг. Более низкая репрезентация, напротив, имеет более богатое содержание, но более узкий круг. И однако всякое уменьшение или увеличение данного содержания никоим образом не увеличивает или уменьшает круг, и так же не всякое увеличение или уменьшение данного круга уменьшает или увеличивает содержание». Мне странно, что он не поясняет далее свою мысль об этом предмете — развернуть который есть принципиальная цель настоящей статьи.

187. Морган говорит:² «Согласно знакомым мне постулатам, представление (*notion*) „человек, живущий в Европе, находящийся к северу от экватора, наблюдающий восходы раньше американцев“ будет более интенсивно квантифицировано <т. е. это сказывание будет обладать большей интенсивией>, нежели представление (*notion*) „человек, живущий в Европе“ — но несомнен-

¹ *System der Logik*, 2te Aufl., §54.

² *Formal Logic*, p. 234. Его учение по-иному дано в программе его лекций.

но, не менее экстенсивно (расширенно — *extensive*), ибо третий и четвертый элементы первого должны относиться к тем же людям, к которым относятся первый и второй его элементы».

188. Насколько я помню, лишь два логика, архиепископ Томсон¹ и д-р Уилсон (*Dr. W. D. Wilson*),² признавая, по всей видимости, закон Канта, высказывают намерение ввести для понятий еще одно, третье количество. Ни один из них не определяет свое третье количество, как, впрочем, и не формулирует отношения последнего к двум остальным. Томсон называет его Деноминацией. Она, кажется, тождественна рассмотренному особым образом Расширению. Д-р Уилсон именует свое новое количество Протенсией (*Protension*); оно отчасти связано со временем и, кажется, в общем независимо от двух остальных. На самом деле ясно, что если закон Канта выполняется и если логические количества могут лишь сравниваться как большие или меньшие, а не прямо измеряться, то третье качество должно быть прямо пропорционально какому-то одному из двух известных количеств и поэтому служить для измерения того же самого, что и это последнее, — либо же оно должно быть независимо от обоих и, поэтому, полностью не связанным с ними.

§ 5. Три принципиальных смысла, в которых охват и расширение будут рассматриваться в этой статье³

189. Вместо расширения и охвата я соответственно буду употреблять термины Гамильтона *широта* и *глубина*, причем употреблять в нескольких смыслах, различию которых послужат разные прилагательные.

Под *информационной (informed) широтой* термина⁴ я буду иметь в виду все реальные вещи, о которых он

¹ *Laws of Thought*, 4th ed., § 52, 80. [Cf. §54.]

² *Logic*, Part I, ch. 2, § 5.

³ [В оригинале этот и предыдущий раздел оба были помещены, как § 4.]

⁴ Я ограничил себя терминами, потому что во время написания этой статьи (1867), я не еще отметил для себя, что учение

сказывается — сказывается в целом логически истинно в допускаемом (supposed) состоянии информации.¹ Фразой «в целом» я указываю на то, что в расчет должна браться вся имеющаяся информация, и что только вещи, относительно которых в целом есть основание быть убежденным в истинном сказывании о них некоего термина, могут считаться частью широты последнего.

Если Т это термин, сказывающийся только об S', S'' и S''', то все S', все S'' и все S''' будут составлять информационную широту Т. Если вместе с тем S' и S'' суть субъекты, о которых может сказываться только еще один термин Т', и если неизвестно, что все S''' суть либо S', либо S'', то о Т будет говориться, что он имеет большую информационную широту, чем Т'. Если известно, что не все S''' суть либо S' или S'', то этот избыток широты может быть назван *достоверным* а если это неизвестно, то *сомнительным*. Если известно, что есть такие S''', относительно которых неизвестно, суть ли они S' или S'', то о Т будет говориться, что он обладает большей *действительной* широтой, чем Т'; если же неизвестно ни о каких S''', кроме тех, о которых известно, что они суть S' или S'' (хотя могут быть и другие S'''), то о Т будет говориться, что оно обладает большей *потенциальной* широтой, чем Т'. Если Т и Т' суть понятия в разных умах или в разных состояниях одного ума, и если уму, мыслящему Т, известно, что все S''' суть либо S', либо S'', то о Т будет говориться, что оно более *экстенсивно отчетливо*, чем Т'.²

о широте и глубине целиком применимо к пропозициям и аргументам. Широта пропозиции есть агрегат возможных состояний вещей, в которых она истинна; широта аргумента есть агрегат возможных случаев, к которым он применим. Глубина пропозиции — это совокупность фактов (the total of fact), утверждаемых ею о том состоянии вещей, к которому она применима; глубина аргумента это важность (importance) заключений, к которым он приводит. Фактически же всякая пропозиция и всякий аргумент могут рассматриваться как термины. — 1893.

¹ Введение вероятностей, как кажется, было бы лишь ненужным усложнением данного учения, а потому вся информация здесь *допускается* (supposed to be) как принимаемая (accepted) абсолютно. — 1893.

² Относительно различения экстенсивной и интенсивной отчетливости см. Дунс Скот, i, dist. 2, qu. 3.

190. Под информационной глубиной термина я имею в виду все реальные характеры (в отличие от просто имен), которые могут о нем¹ сказываться (в целом логически истинно) в допускаемом состоянии информации — причем если в допускаемом состоянии информации ни один характер не будет заведомо считаться дважды. Глубина, как и широта, может быть достоверной или сомнительной, действительной или потенциальной. Имеет место также охватная (comprehensive) отчетливость, соответствующая экстенсивной отчетливости.

191. Информационная широта и глубина предполагают состояние информации, которое находится где-то между двух воображаемых экстремумов. Последние же суть, во-первых, состояние, в котором не будет известен ни один факт, но лишь значение терминов; и, во-вторых, состояние, в котором информация будет равносильна абсолютному интуитивному знанию (intuition) всего, что есть, причем известные нам качества будут самими конкретными формами. Эти два состояния информации предполагают две других разновидности широты и глубины, которые я буду называть, соответственно, *существенной*² и *субстанциальной* широтой и глубиной.

192. Под *существенной глубиной* термина я имею в виду реально мыслимые (понятийно схватываемые — conceivable) качества, которые сказываются о нем в его определении.

193. Определенный термин может и не сказываться ни об одном реальном объекте. Пусть, например, определение термина Т будет

Любой Т есть вместе (both) Р' и Р'' и Р'''.

Данная формула будет исчерпывать все значение этого термина; поскольку же может быть неизвестно, существует ли вообще такая вещь, как Р', значение Т не будет подразумевать, что Т существует. С другой стороны, мы знаем, что ни Р', ни Р'', ни Р''' не будут коэкстен-

¹ То есть о всех вещах, к которым он применим.

² *Сущность (essence)* вещи есть идея этой вещи, закон ее бытия, делающий ее *той* вещью (the kind of thing), какова она есть, и необходимо выражаемый в определении этой *тойности* (kind). — 1893.

сивны всей сфере бытия, ибо они суть детерминированные качества, а значение бытия есть то, что не детерминировано, то есть более экстенсивно, нежели любой детерминированный термин. Фактически же, например, P' есть реальное представление (*notion*), обладать которым мы не могли бы иначе, чем через посредство противопоставления его чему-то еще. Следовательно, мы должны знать, что

Любое не- P' есть не- T ,
любое не- P'' есть не- T и
любое не- P''' есть не- T .

194. Так, если мы определяем *существенную широту* термина как <совокупность> тех реальных вещей, о которых этот термин, по самому его определению, сказывается, то не- T обладает существенной широтой. Следовательно, мы можем разделить все термины на два класса, существенно утвердительные, или положительные, и существенно отрицательные — первые имеют существенную глубину, но не имеют существенной широты, вторые имеют существенную широту, но не имеют существенной глубины.¹ Тем не менее необходимо отметить, что это деление не тождественно похожему на него языковому делению. Тогда как, например, *бытие*, согласно сказанному, есть существенно отрицательный термин — он значит то, что может сказываться о чем угодно, и поэтому обладает существенной широтой, — *ничто* есть существенно положительный термин — он значит то, о чем вы вольны сказывать что угодно, и поэтому он обладает существенной глубиной. Существенные субъекты бытия не могут быть перечислены, как, впрочем, и существенные предикаты ничто.

195. Никакие два термина не могут быть равны по существенной широте или глубине; если так, два термина имели бы одно значение и поэтому с точки зрения логики были бы одним и тем же термином. В аспекте

¹ Негативные термины логики называют *бесконечными* (или, с недавних пор, *инфинитативными* (*infinitated*)). Этот термин — перевод Аристотелева *ἀόριστος* [Об истолковании, 3, 16b, 14.], которое в действительности означает «без определения», *ᾠρισμός*. — 1893.

этих двух количеств два термина могут относиться друг к другу неизвестным образом, если один или другой не мыслится отчетливо.

196. *Субстанциальная широта* есть агрегат реальных субстанций, о которых термин только и может сказываться с абсолютной истинностью. Реальная же конкретная форма, которая принадлежит всему, о чем термин сказывается с абсолютной истинностью, есть его *субстанциальная глубина*.

197. Общие термины денотируют отдельные вещи. Каждая из них сама по себе не имеет качеств, а имеет только некоторую конкретную форму, принадлежащую единственно ей самой. Именно в этом заключался один из моментов, возникших в результате спора о природе универсалий.¹ Как говорит сэр Уильям Гамильтон [«Рассуждения» (*Discussions*), амер. изд., с. 630], не только человечность Лейбница не принадлежит Ньютону, но есть и другая человечность. Лишь благодаря абстракции, поверхностному взгляду (*oversight*) о двух вещах можно сказать, что им присущи одни и те же свойства. Следовательно, общий термин не имеет *субстанциальной глубины*. С другой стороны, частные термины, имеющие *субстанциальную глубину* — ибо каждая из вещей, та или иная из которых сказывается о них, имеет конкретную форму, — не имеют *субстанциальной широты*, ибо нет такого агрегата вещей, к которому они (частные термины) единственно применимы. Дабы со всей ясностью осветить это вопрос, я должен заметить, что вместе с большинством логиков я считаю связку (*copula*) знаком атрибуции, а не знаком равенства расширения или охвата, как то делает Гамильтон. Он формулирует пропозицию «Человек есть животное» так:

Расширение человека	<i>Субъект</i>
равняется	<i>Связка</i>
части или целому расширения животного	<i>Предикат</i>

Таким образом, у него предикат становится частным. Другие интерпретируют ту же пропозицию так:

¹ См., например, *De Generibus et Speciebus*, с. 548.

Всякий человек *Субъект*
 имеет все атрибуты, присущие *Связка*
 всякому животному *Предикат*

В настоящей статье связка рассматривается именно в этом последнем смысле. Что же касается частного термина, то он, как уже говорилось, есть *посменный (alternative)* субъект. Так, если S' , S'' и S''' суть единичные S , то «Некоторое S есть M » значит, что «либо S' , либо S'' , либо S''' имеет все атрибуты, принадлежащие M ». Частный термин, таким образом, обладает субстанциальной глубиной, потому что может обладать предикатом, который будет абсолютно конкретным — как в пропозиции «Некоторый человек есть Наполеон». Однако если мы вставим частный термин в предикат, то получим пропозицию, подобную этой: « M обладает всеми атрибутами, принадлежащими S' , либо всеми, принадлежащими S'' , либо всеми, принадлежащими S''' ». И это не может быть истинно, если M — не единичный индивид. Но ведь единичная индивидуальная субстанция это не то что атом — мельчайшая часть атома, то есть вообще ничто. Поэтому частный термин и не может иметь *субстанциальной широты*. Теперь возьмем общий термин « S ». Мы можем сказать «Любое S есть M » — но только не в том случае, если M — реальное конкретное качество. Мы не можем, к примеру, сказать «Любой человек есть Наполеон». С другой стороны, мы можем сказать «Любое M есть S » — даже если M есть реальная субстанция или агрегат субстанций. Следовательно, общий термин не имеет *субстанциальной глубины*, но имеет *субстанциальную широту*. Таким образом, мы можем разделить все термины на субстанциальные общие и субстанциальные частные.

198. Два термина могут быть равны по субстанциальной широте и глубине и разниться в существенной широте и глубине. Однако два термина не могут соотноситься по субстанциальной широте и глубине так, что это их соотношение будет неизвестно в допускаемом состоянии информации — ибо в таком состоянии информации известно все.

199. По информационной широте и глубине два термина могут быть как равны, так и неизвестным образом соотносены. Любой термин, утвердительный или отри-

пательный, общий или частный, может обладать информационной широтой и глубиной.

*§ 6. Понятия качества, отношения и репрезентации
в их применении к данному предмету*

200. В работе, представленной мной в Академию в прошлом мае,¹ я попытался показать, что три понятия: отсылка к основанию (ground), отсылка к корреляту и отсылка к интерпретанту — суть те, с которыми логика принципиально должна иметь дело. В ней я также ввел термин «символ», который включал бы в себя и понятие, и слово. Логика трактует отсылку символов вообще к их объектам. Символ же отправляет к своему объекту тройко:

во-первых, он прямо отправляет к своему объекту или к реальным вещам, которые он (символ) репрезентирует;

во-вторых, через посредство своего объекта он отправляет к своему основанию, или к присущим такого рода объектам свойствам;

в-третьих, через посредство своего объекта он отправляет к своему интерпретанту или ко всем фактам, известным о его объекте.

То, к чему таким образом отправляет символ, есть, насколько они известны:

во-первых, информационная широта символа;

во-вторых, информационная глубина символа;

в-третьих, сумма синтетических пропозиций, в которых символ оказывается субъектом или предикатом, т. е. информация о символе.²

¹ [On a New List of Categories, CP, vol. 1, bk. III, ch. 6, § 1.]

² Как явствует из сказанного, я во многом отхожу от обычного употребления этого слова в значении частным образом полученного свидетельства. Так как в метафизике информация (оформленность — information) есть связь формы и материи, в логике она надлежащим образом может быть взята в значении меры сказывания. — 1893.

201. Под широтой и глубиной без прилагательного далее я буду иметь в виду информационную широту и глубину.

Ясно, что широта и глубина символа в той мере, в какой они *не* существенные, измеряют имеющуюся о нем *информацию*, то есть синтетические пропозиции, субъектом или предикатом которых он служит. Это прямо следует из определений широты, глубины и информации. Далее следует:

во-первых, что если информация остается постоянной, то чем больше широта, тем меньше глубина;

во-вторых, что всякое увеличение информации сопровождается увеличением глубины или широты, независимо от того, что происходит с другим количеством;

в-третьих, что в отсутствие всякой информации нет либо глубины, либо широты, причем верно и обратное.

Таковы истинные и очевидные взаимные отношения широты и глубины. Их формулировка естественно напрашивается, если мы назовем информацию *областью* (*area*) и напишем:

$$\text{Широта} \times \text{Глубина} = \text{Область}.$$

[В природе есть явление, аналогичное увеличению информации в нас, — развитие (*development*), — посредством которого множество вещей обретают множество свойств, вовлеченных в немногие свойства немногих вещей. — 1893.]

202. Если мы узнаём, что *S* есть *P*, то, в согласии с общим правилом, глубина *S* увеличивается без какого-либо уменьшения широты, а широта *P* увеличивается без какого-либо уменьшения глубины. И то и другое увеличение может быть *достоверным* или *сомнительным*.

Может случиться так, что либо одно из этих увеличений не будет иметь места, либо оба. Если *P* это отрицательный термин, он может не иметь глубины, а поэтому — ничего не добавлять к глубине *S*. Если *S* это частный термин, он может не иметь широты, а поэтому — ничего не добавлять к широте *P*. Последнее часто случается в метафизике, производя — благодаря тому, что об

С сказываются как не-Р, так и Р — видимость противоречия там, где в реальности никакого противоречия нет; ибо противоречие состоит в наделении противоречащих терминов некоторой широтой, присущей обоим, а если субъект, о котором они оба сказываются, не обладает реальной широтой, то имеется лишь словесное, но не реальное противоречие. Например, не будет реально противоречивым сказать, что граница лежит и внутри и вовне того, что она ограничивает. Есть также еще один важный случай, когда мы можем узнать, что «S есть Р», ничего не добавив тем самым ни к глубине S, ни к широте Р. Это происходит тогда, когда самым актом узнавания, что S есть Р, мы также узнаём, что Р скрыто содержалось в известной нам до этого глубине S и что, следовательно, S было частью известной нам до этого широты Р. В этом случае Р приобретает в экстенсивной отчетливости, а S — в охватной.

203. Теперь мы в состоянии проверить возражение Форлендера против обратной пропорциональности расширения и охвата. Форлендер требует от нас мысленно отделить от объекта все его качества: это значит, конечно же, не мыслить объект, как не имеющий своих качеств, но мыслить его отдельно от них. Как мы можем это сделать? Только допустив, что мы не знаем, обладает ли объект качествами или нет, то есть уменьшив допускаемую информацию — в каком случае, мы уже видели, глубина может уменьшаться без увеличения широты. Тем же способом мы можем допустить, что не знаем, существует или нет более одного американца, — уменьшить широту без увеличения глубины.

204. Именно благодаря отсутствию различий между <мыслительным> движением, сопровождающимся изменением информации, и движением, не сопровождающимся таким изменением, люди способны спутать обобщение, индукцию и абстракцию. *Обобщение* есть увеличение широты и уменьшение глубины без изменения информации. *Индукция* есть некоторое увеличение широты без изменения глубины — посредством увеличения информации, в которой убеждены (believed information). *Абстракция* есть уменьшение глубины без изменения широты — посредством уменьшения мыслимой (поня-

тийно схватываемой — *conceived*) информации. *Спецификация* есть термин, обычно (и, должен сказать, к сожалению) употребляемый в значении увеличения глубины без изменения широты — посредством увеличения утверждаемой информации. *Суппозиция* употребляется в значении того же процесса, но в том случае, когда он происходит лишь посредством мыслимого (*conceived*) увеличения информации. *Детерминация* — в значении любого увеличения глубины. *Ограничение* (*restriction*) — в значении любого уменьшения широты; но особенно в значении уменьшения широты без изменения глубины — посредством допускаемого уменьшения информации. *Понижение* (*descent*) — для уменьшения широты и увеличения глубины без изменения информации.¹

¹ *Повышение* (*ascent*) есть наиболее недвусмысленный термин, денотирующий переход от более широкого и менее глубокого понятия без перемены информации, — для того же употребляются и другие слова со сходным буквальным значением. Прямо, конечно же, выражается здесь лишь уменьшение глубины, а увеличение широты предполагается. *Расширение*, прямо выражающее увеличение широты, имеет несколько иное значение. Этот термин применяется для того открытия (посредством увеличения информации), что предикат применим — *mutatis mutandis* — к субъектам, к которым мы раньше не догадывались его применить. Это не подразумевает уменьшения глубины. Так, Герберт Спенсер [*«The Genesis of Science»*, *British Quarterly Review*, July, 1854] говорит, что изобретение барометра позволило нам *расширить* принципы механики так, чтобы их можно было применять в исследовании атмосферы. Математики часто говорят о расширении теоремы. Так, видоизменение теоремы об отношениях плоскостных кривых в сторону ее применения ко всем пространственным кривым будет называться расширением этой теоремы. Расширенная теорема утверждает все, что утверждалось в изначальной, но также и что-то еще. *Обобщение* в строгом смысле значит открытие посредством размышления о каком-то количестве случаев применимого к ним всем общего описания. Это то мыслительное движение, которое я в другом месте [291] назвал формальной гипотезой, или рассуждением от определения к определяемому. Таким образом понятое, оно оказывается не увеличением широты, а увеличением глубины. Например, сегодня я получил несколько книг на английском,

205. Рассмотрим теперь действие, которое оказывают разные виды рассуждения на широту, глубину и область обоих входящих в заключение терминов.

В случае дедуктивного рассуждения будет при необходимости легко показать, что произойдет только увеличение экстенсивной отчетливости большего термина и охватной отчетливости меньшего термина — без какого-либо изменения информации. Конечно, если заключение будет отрицательной или частной пропозицией, то даже указанное действие не будет иметь места.

206. Индукция заслуживает более пристального внимания. Возьмем следующий пример:

напечатанных индусами из Калькутты. Их изделия, не отличаясь изяществом, тем не менее доставляют глазу своеобразное удовольствие. Вспоминая другие виденные мной индийские изделия, я получаю более определенное понятие о том, что характерно для индийского вкуса. А поскольку эта идея получается в результате сравнения некоторого числа объектов, то она будет называться *обобщением*. И тем не менее она будет не расширением уже имевшейся идеи, но, наоборот, увеличением определенности понятий, которые я применяю к уже известным вещам. Кроме этого, собственного значения слова *обобщение*, у него есть еще два широко употребляемых значения, которые тем не менее, несмотря на такую их распространенность, ни в коем случае не должны браться на вооружение теми, кто сердцем привержен точности философской терминологии. Конкретнее, обобщением называют частную разновидность расширения — расширение, в котором изменение предиката, произведенное с целью сделать последний применимым к новому классу субъектов, далеко не очевидно — настолько, что оказывается частью того умственного процесса, который очень привлекает наше внимание. Например, теорема, обычно называемая теоремой Ферма, заключается в том, что если p это простое число, и a — любое число, не кратное p , то a^{p-1} при делении на p дает остаток 1. В то же время теорема, называемая обобщенной теоремой Ферма, заключается в том, что если k это любое целое число, и pk — его тоттиент (totient), или число чисел, которые столь же малы как k и относятся к нему как простые, а также если a есть простое число по отношению к k , то a^{pk} при делении на k дает остаток 1. Вместо того чтобы называть такой процесс обобщением, гораздо лучше было бы назвать его *обобщающим расширением*. — 1893.

Из тех, что суть M (from among the M 's), были выбраны наугад S' , S'' , S''' и S^{IV} ;

S' , S'' , S''' и S^{IV} суть P :

\therefore любое M есть P .

В таком случае мы обычно имеем увеличение информации. M приобретает в глубине, P — в широте. Тем не менее между этими увеличениями есть разница. К M действительно добавляется новый предикат — предикат, который и правда мог скрыто сказываться об M раньше, а теперь выявлен в действительности. С другой стороны, *по-прежнему* не обнаружено, что P применим к чему-либо, кроме S' , S'' , S''' и S^{IV} , — обнаружено только то, что он применим ко всем вещам, которые могут быть впоследствии обнаружены содержащимися среди M . Сама по себе индукция не делает известными подобные вещи.

207. Теперь рассмотрим пример гипотезы:

M есть, например, P' , P'' , P''' и P^{IV} ;

S есть P' , P'' , P''' и P^{IV} ;

$\therefore S$ есть все, что M есть.

Здесь опять же нет увеличения информации, если мы допускаем, что посылки репрезентируют состояние информации до вывода. S приобретает дополнительную глубину, однако последняя лишь потенциальна, ибо ничто не показывает, что кроме P' , P'' , P''' и P^{IV} какие-либо M обладают какими-либо присущими им всем свойствами. С другой стороны, M действительно приобретает дополнительную глубину в S , хотя, вероятно, эта приобретенная глубина и *сомнительна*. Между индукцией и гипотезой, таким образом, есть важная разница: первая потенциально увеличивает широту одного термина и действительно увеличивает глубину другого, а вторая потенциально увеличивает глубину одного термина и действительно увеличивает широту другого.

208. Рассмотрим теперь рассуждение от определения к определяемому, а также аргумент от перечисления. Определяющая пропозиция имеет значение. Поэтому она не есть просто пропозиция тождества — между определением и определяемым есть разница. Согласно распространенному учению, разница целиком состоит в том, что определение отчетливо, а определяемое неотчетливо. Я, од-

нако, думаю, что разница здесь в другом. Определяемое имеет свойство быть означаемым при помощи слова, тогда как определение до образования слова такого свойства не имеет. Таким образом, определяемое превосходит определение в глубине, хотя лишь *словесно*. Точно так же, любое непроанализированное представление (notion) несет с собой то чувство — устроительное (constitutional) слово, — которого не несет с собой его (представления) анализ. Если так, то определение — это предикат, а определяемое — субъект определяющей пропозиции, и такая пропозиция не может быть с легкостью обращена. Фактически, определяющая пропозиция утверждает, что для всего, некоторым образом именуемого, допускается обладание таким-то и такими-то свойствами; однако из этого строго не следует, что все, обладающее таким-то и такими-то свойствами, действительно указанным образом именуется — хотя несомненно *могло бы* так именоваться. Следовательно, в рассуждении от определения к определяемому есть словесное увеличение глубины и действительное увеличение экстенсивной отчетливости (каковая аналогична широте). Так как увеличение глубины лишь словесное, в этой процедуре невозможна ошибка. Тем не менее мне кажется более уместным для этого аргумента рассматривать его как особую разновидность гипотезы, нежели — подобно рассуждению от определяемого к определению — как дедукцию. Похожее размышление показало бы, что в аргументе от перечисления имеет место словесное увеличение широты и действительное увеличение глубины, или точнее — охватной отчетливости; а поэтому собственно его следует рассматривать (вслед за многими логиками) как разновидность непогрешимой индукции. Эти виды гипотезы и индукции фактически суть гипотезы и индукции от существенных частей к существенному целому, причем такая разновидность рассуждения от частей к целому есть разновидность демонстративная. С другой стороны, рассуждение от субстанциальных частей к субстанциальному целому не есть даже вероятный аргумент. Никакая предельная (ultimate) часть материи не заполняет пространство, но из этого не следует, что никакая материя не заполняет пространства.

Дополнение 1893 г.¹

209. Пригодность учения о логическом количестве зависит от строгой приверженности точной терминологии. Тем не менее найти требующиеся термины не всегда легко.

Операцию, увеличивающую широту термина — с изменением информации или без него, — можно назвать *расширением* термина. Это слово очень часто употребляется, особенно математиками, для обозначения применения некоего учения (возможно, с небольшим видоизменением) к новой сфере. Это подразумевает увеличившуюся информацию. Тем не менее, текущее словоупотребление позволяет закрепить предложенное здесь более широкое значение. Подобным образом, *ограничением* может быть названо любое уменьшение широты.

210. Операция, увеличивающая глубину термина — с изменением информации или без него, — известна под названием *детерминации*. В большинстве книг в качестве противоположности детерминации приводят *абстракцию*. Однако это неприемлемо. Я бы предложил слово *очищение* (*depletion*). Прилагательное *абстрактный* впервые было употреблено как латинская имитация греческого слова, применяемого к геометрической форме, которая мыслится (схватывается в понятии — *conceived*) очищенной от материи. Подобное понятие интуитивно — в смысле своей изобразительности (*being pictorial*). В седьмом веке Исидор Севильский определяет абстрактное число в том же самом смысле, в каком это словосочетание широко употребляется до сих пор. Однако ни слово *абстрактный*, ни какое-либо однокоренное ему нельзя обнаружить в числе логических терминов до двенадцатого столетия — времени окончания великого спора о реализме и номинализме. Введенный в ту пору термин *абстракция* можно было бы назвать точкой, поставленной в этом споре — если не самым важным его плодом. Почти нет сомнений, что он представляет собой перевод греческого *ἀφαίρεσις*, хотя не нашлось ни одного из известных к тому времени греческих текстов, из которого последнее

¹ [«Терминология», дополнение к предшествующей статье.]

могло бы быть позаимствовано. Этимологическое значение его, конечно же, это «отведение от» (*drawing away from*); тем не менее оно не значит — как то часто предполагается — отвлечение внимания от объекта, а значит — как полностью показывают отрывки из более ранних текстов на том и на другом древнем языке, — такое отведение одного элемента мысли (а именно формы) от другого элемента (материи), что последним далее в рассуждении пренебрегают. Но даже в самом первом отрывке, в котором *абстракция* оказывается логическим термином, даются два ее различных значения: созерцание (*contemplation*) формы в отрыве от материи (например, когда мы мыслим *белизну*) и мышление о природе *indifferenter*, то есть безотносительно к отличиям ее индивидов (например, когда мы мыслим о *белой* вещи вообще).¹ Подобный процесс называется также *приближением* (*precision*), или, лучше, *отвлечением* (*prescission*)² — и мы добились бы значительной ясности мысли и словесного ее выражения, если бы вернулись к словоупотреблению лучших учителей схоластики и обозначали бы его исключительно этим именем, употребляя абстракцию лишь для первого из указанных процессов — посредством которого мы приобретаем представления (*notions*), соответствующие «абстрактным существительным». Современные логики (особенно немецкие), изучение которыми собственного предмета к прискорбию было весьма поверхностным, выработали для себя ту идею, что абстрактные существительные — это лишь вопрос грамматики, а уж грамматика никак не требует того, чтобы ею занимались в рамках логики. И однако, эти существительные относятся к самому существу математического мышления. Так, в современной теории уравнений действие по изменению порядка, связывающего несколько количеств, само по себе рассматривается как субъект математической операции, называемый подстановкой (*substitution*). Точно так же: прямая, которая есть не что иное, как отношение между точками, изучается и даже *интуитивно созерцается* (*intuited*) как отдельная и отчетливая вещь.

¹ [См.: Prantl, цит. соч. III, 94.]

² <См.: «Вопросы прагматитицизма», п. 12.>

И хотя наиболее благоприятным было бы применять слово «абстракция» к такому и только такому процессу, мало кого можно в этом убедить — а в таком случае наиболее благоприятным было бы прекратить употреблять слово абстракция вообще, присвоив этому процессу наименование *субъективизации*. Следует отметить, что, несмотря на полное изменение широты термина абстракция современными логиками и психологами, применяющими его не к субъективизации, а к отвлечению, они тем не менее сохраняют его средневековое определение, которое было дано как раз тому, что применяется к первому, а не ко второму процессу. Конкретно, они определяют абстракцию как обращение внимания на (*attending to*) некоторую часть идеи и пренебрежение остальной ее частью. Внимание же есть чистое денотативное применение, или функция широты (*breadth-function*), мысли-знака — другими словами, оно есть роль, которую мысль играет как индекс. Говоря об этом, я, конечно, не претендую на *психологическое* объяснение внимания — если даже допустить способность кого-то убедить меня, что есть такая вещь, как психология (т. е. что-то отдельное, с одной стороны, от логики, а с другой — от физиологии). Внимание есть некоторое видоизменение содержимого сознания в направлении к (*with reference to*) некоему центру. Этот центр находится там, где есть сильная чувственно-волевая (*sense-will*) реакция, наделяющая идею природой индекса (флюгер, указательный столб или другая слепая принудительная связь между мыслью и вещью). Но субъект пропозиции как раз и есть такой индекс. Следовательно, реальное явление обращения внимания (*real phenomenon of attending*) на качество — скажем, на белое — состоит в мышлении о нем как о субъекте, по отношению к которому все остальные элементы мысли — атрибуты. Что касается *отвлечения*, то, тщательно проанализировав его, мы обнаружим, что к вниманию оно не относится. Мы не способны отвлекаться от цвета в фигуре — лишь отличать (*distinguish*) их друг от друга. Однако мы способны отвлекаться от цвета в геометрической фигуре — для этого надо вообразить ее освещенной (*illuminated*) таким образом, что нельзя разобрать ее оттенка (такая операция нам совершенно доступна — нам

следует просто довести до предела знакомое всем опытное переживание неотчетливости оттенков в сумерках). Вообще отвлечение всегда выполняется актом воображения — воображения себя в ситуациях, в которых некоторые элементы факта не могут быть достоверно выяснены (ascertained). Это иная и более сложная операция, чем всего лишь обращение внимания на один элемент и пренебрежение остальными. Итак, если принять обычно даваемое абстракции определение — внимание к части идеи и пренебрежение оставшейся ее частью, — то данный термин более не должен применяться к отвлечению, а исключительно к субъектификации.

211. О терминах, выражающих увеличение и уменьшение логической широты и глубины, сказано уже достаточно. Что касается расширения посредством очищения и детерминации посредством ограничения, производимых без изменения информации, то для их выражения мы очевидно нуждаемся в словах *обобщение* и *спецификация*. К сожалению, ни то ни другое в этом значении не употребляются. Под спецификацией неизменно имеют в виду детерминацию посредством увеличения информации. Под обобщением, правда, иногда имеют в виду расширение идеи путем значительного видоизменения ее глубины; однако все равно обычно при этом подразумевается увеличение информации. Еще чаще обобщение обозначает формальное увеличение глубины, достигаемое путем сказывания общей идеи о случаях, до того не объединенных посредством синтеза, — его может сопровождать, а может и не сопровождать увеличение широты. Наконец, благодаря злейшему нарушению словоупотребления, обобщение иногда значит просто индукцию. Все сказанное наводит на мысль, что необходимо вовсе отказаться от этих двух слов и удовольствоваться другими: *повышение* и *понижение*.

212. *Открытием* на сегодняшний день называется увеличение информации вообще. Старое слово *изобретение* (*invention*) было гораздо лучше, поскольку оставляло на долю открытия лишь обнаружение чего-то нового — например открытие Америки. Что касается обнаружения нового свойства, то оно носило специальное название *детекции* (*detection*). Так, Ольденбург (Oldenburg),

секретарь Королевского общества, пишет в 1672 г., что дисперсия света это «самая необычная, если не самая значительная, детекция из тех, что были сделаны в области действий природы». Жаль, что все эти тонкие различия были нами утрачены. Теперь мы должны говорить об *открытии случая* (*occurrence*) или *примера* (*instance*) и об *открытии свойства*. Воображаемое увеличение информации называется *освоением* (*assumption*) или *допущением* (*supposition*), однако предпочтительней все-таки первое. Увеличение информации посредством индукции, гипотезы или аналогии — это *презумпция* (*presumption*). (*Правовая* (*legal*) *презумпция* есть презумпция, соответствующая принятому правилу судопроизводства и не зависящая от здравого смысла.) Очень слабая презумпция это *догадка* (*guess*). Презумпция, противоположная прямому свидетельству, есть *конъектура* (*conjecture*), а слабая конъектура — *подозрение* (*surmise*).

Обозначение и применимость¹

213. Это термины, которые заменяют употреблявшиеся Миллем и другими коннотацию и денотацию. Необходимость в них возникла, (1) потому что предварительно установившееся употребление слова «коннотировать» было несколько изменено Миллем и его последователями и (2) потому что эти слова могут применяться к соответствующим свойствам как пропозиций, так и терминов. Применимость (*application*) термина есть собрание объектов, к которым он отсылает (*refers*); применимость пропозиции — собрание примеров (*instances*) ее выполнимости (*holding good*). Обозначение термина есть совокупность всех качеств, на которые он указывает; обозначение пропозиции — ее разных импликаций.

214. Неразличение нескольких типов обозначения, или коннотаций, термина стало причиной немалой путаницы в логике. Так, на вопрос «коннотативны ли имена собственные?» обычно ясно мыслящими философами

¹ [Словарь Философии и Психологии (*Dictionary of Philosophy and Psychology*, vol. 2, p. 528–9); 431–3 написаны Пирсом и м-ром К. Лэдд-Франклином (C. Ladd-Franklin).]

даются противоречивые ответы, причем даются как очевидно верные, — термин «коннотация» не означал для них одно и то же. Необходимо различать между (1) необходимым (indispensable) обозначением; (2) обиходным (banal) обозначением; (3) информационным обозначением; и (4) полным (complete) обозначением. (1)-го может быть столько, сколько содержится в том, что может быть закреплено как определение термина — все те элементы значения, в отсутствие любого из которых имя становится неприменимо; (2) есть то, что «ясно без слов», что известно всякому; а (3) есть то, для высказывания чего предоставляется случай. Оба последних обозначения, конечно же, варьируются в зависимости от тех индивидов, чьему вниманию предлагается пропозиция. Сообщение о том, что кислород обладает веселящим свойством, будет информативным для изучающего химию и обыденным для преподавателя химии (однако ложным для знакомого с последними достижениями этой науки). (4) состоит из всех валидных предикатов рассматриваемого термина. Когда я говорю: «Тот, кого я видел вчера, это Джон Питер», необходимым обозначением имени Джон Питер будет всего лишь тот индивидуальный объект сознания (обычно человек, хотя это может быть и пес, и кукла), которого согласились означать таким именем; однако его обыденное обозначение — для хорошо знающего Джона Питера — будет очень широким.

215. Те же характеристики, которые применимы к терминам, применимы и к пропозициям. Так, полным обозначением (или импликацией) пропозиции *Все x есть y* будут все ее валидные следствия, а ее полной применимостью (или областью (range)) — все те описания обстоятельств, при которых она выполняется — иначе говоря, все ее достаточные antecedentes.

216. Общий термин денотирует все, что обладает обозначаемыми им свойствами; Дж. С. Милль употребляет вместо термина «обозначает» термин «коннотирует» — слово, которое он или его отец позаимствовали у Оккама. Однако слово «обозначать» в указанном смысле непрерывно употребляется начиная уже с двенадцатого столетия, когда Иоанн Солсберийский говорил о «quod fere in omnium ore celebre est aliud scilicet esse appellativa

significant, et aliud esse quod, *nominant*. Nominantur singularia; sed universalia significantur».¹ Нельзя выразиться яснее. Кроме того, слово «коннотировать» так рано не встречается. Александр Гэльский (*Summa Theol.*, I. liii) приравнивает *nomen connotans* к *appellatio relativa*, а само отношение берет как управляемое глаголом *connotare* дополнение в аккумулятиве, говоря, например, что отношение творца к сотворенному *коннотируется* самим словом «творец». То же у Аквината: *In sentent.*, I. dist. viii. q. 1, Art. 1. Впоследствии, благодаря рассмотрению прилагательных как относительных терминов — белое определялось как «имеющее белизну» и т. д., — прилагательные также стали рассматривать как коннотирующие абстракцию (правда, лишь тогда, когда конкретно мыслилось то относительное свойство, которое, в согласии с допущением, соответствовало тому или иному прилагательному). У, например, Тартарета (Tartaretus), писавшего, когда данное словоупотребление уже устоялось, можно найти фразеологию следующего вида:

«Nulla relativa secundum se habent contrarium, cum non sint qualitates primae, sed solum relativa secundum dici, et hoc secundum esse absolutum et significatum principale eorum et non secundum esse respectivum et connotativum».²

Шовен³ (1-е изд.) говорит: «Connotativum illud est cuius significatum non sistit in se, sed necessario ad aliud refertur, vel aliud connotat».⁴ V. g. *Rex, magister, primus*».

По несчастью, как показывают вышеприведенные цитаты, точное значение, признаваемое собственным для слова «означать» во времена Иоанна Солсберийского

¹ <см. выше.> [*Metalogicus*, II, хх.]

² <Никакие релятивные имена соответственно не имеют себе противоположного, поскольку они не суть первые качества, но лишь относительные сообразно говоримому, и оно, соответственно, есть абсолютное и по преимуществу их сигнификат, но никак не относительное и коннотативное. — лат.>

³ [*Lexicon Rationale*.]

⁴ <Коннотативное есть такое (имя), сигнификат которого не остается в себе, но необходимым образом либо ссылается на нечто, либо коннотирует нечто. Напр., «царь», «учитель», «первый». — лат.>

(младшего современника Абеяра), ни до, ни после того не употреблялось строгим образом. Наоборот, это слово все больше сливалось по значению с «денотировать». Тем не менее даже сегодня необходимо признать всю правоту вышеприведенного Иоаннова замечания.

В средние века был написан не один труд *De modis significandi* — все они опирались на Присциана (Priscian) (современника Боэция), вдохновителем которого в свою очередь был Аполлоний (Apollonius), обладавший дурным нравом и прозвищем «grammaticorum princeps» и живший во времена Адриана и Антонина Пия. Ср. также: Thurot, *Notices et Extraits des MSS.* xxii. Pt. II, и Дунс Скот, *Труды*, Лион, изд 1.

Глава 6

Грамматическая теория суждения и вывода¹

§ 1. Суждения

217. Суждение есть акт осознания (consciousness), заключающийся в признании нами убеждения, а убеждение это умственная (intelligent) привычка, в согласии с которой мы будем действовать, когда на то представится (presents itself) случай. Какова природа подобного признания? Оно может подойти почти вплотную к действию — наши мышцы могут напрячься и мы сможем сдержать себя, лишь учтя, что надлежащий случай еще не представился. Но вообще мы просто *оказываемся виртуально решимы* (we *virtually resolve*) действовать в некотором случае так, будто мы воспринимаем соответствующие этому случаю воображаемые обстоятельства. Этот равносильный подобной решимости акт есть особый акт воли, и им мы причиняем образу, или *Иконе*, особо напряженную ассоциативную связь с объектом, который репрезентирован *Индексом*. Сам по себе этот акт в пропозиции репрезенти-

¹ [Из «Краткой логики» («Short Logic»), ок. 1893, следующий абзац после п. 78.]

руется *символом*, а осознание (consciousness) этого акта выполняет функцию символа в суждении. Допустим, к примеру, что я открываю для себя человека, с которым оказался вынужден иметь дело в некоем его бесчестном акте. У меня в уме есть нечто вроде «составной фотографии» всех людей, обладающих подобным свойством, и в тот момент, когда я делаю открытие относительно данного человека, отличающегося для меня от остальных благодаря некоторым указаниям, на эти указания (этот индекс — *that index*) накладывается печать НЕГОДЯЙ и остается закрепленной неопределенно долгое время.

218. Пропозиция *утверждает* что-то. Это утверждение выполняется символом, замещающим (which stands for) акт осознания. То же, благодаря чему *утверждение* кажется столь разнящимся от других типов обозначения, есть его *волевой* характер.

219. Всякое утверждение есть утверждение того, что два знака имеют один и тот же объект. На вопрос о причине такого (утверждения) *двойственного* характера ответ будет тот, что воление подразумевает вместе действие и противодействие (reaction). Следствия такой двойственности можно обнаружить не только в анализе пропозиций, но также и в их классификации.

220. Невозможно найти пропозицию простую настолько, чтобы она не отсылала к двум знакам. Возьмем, например, пропозицию «идет дождь». Здесь Икона — это имеющаяся в уме составная фотография всех дождливых дней, которые мыслящий пережил на опыте, а индекс — всё, посредством чего он отличает *этот день* как размещенный в его опыте. Символом же будет тот умственный акт, посредством которого он запечатлевает этот день как дождливый. ...

221. Дабы собственным образом показать отношение между посылками и заключением в математическом доказательстве, необходимо признать, что в большинстве случаев их *субъект-индекс* имеет состав, который оказывается *набором* индексов. Так, в пропозиции «А продает В <некому> С по цене D» А, В, С, D образуют набор из четырех индексов. Символ «— продает — <некому> — по цене —» ссылается на содержащуюся в уме Икону или идею акта продажи и объявляет, что такой

образ репрезентирует набор **A, B, C, D**, причем последний рассматривается как закреплённой за этой иконой, **A** — как продавец, **C** — как покупатель, **B** — как проданный объект и **D** — как цена. Если мы скажем, что **A, B, C, D** — это четыре *субъекта* пропозиции, а «— продаёт — <некоему> — по цене —» — её *предикат*, мы вполне адекватно представим имеющееся логическое отношение, но отойдем от индоевропейского синтаксиса.

222. Могут спросить, почему утверждение не может отождествлять объекты любых двух знаков вообще — например двух индексов? Почему оно должно ограничиваться провозглашением репрезентации объекта *индекса* именно *Иконой*? Ответом будет следующее: утверждение *может* отождествлять объекты любых двух знаков вообще, но это всегда будет равносильно провозглашению того, что *индекс*, или набор индексов, репрезентируется *Иконой*. Пускай, например, пропозиция будет гласить, что Вильгельм *Ламар*, автор книги *Correctorium fratris Thomae* в реальности есть Вильгельм *Вар*, учитель Дунса Скота. Здесь отождествлены объекты двух индексов. Однако такое отождествление логически равносильно утверждению, что икона тождества, то есть имеющийся в уме составной образ двух аспектов одной и той же вещи, репрезентирует объекты набора из двух индексов: Вильгельма Мара и Вильгельма Вара.¹ На самом деле от нас не требуется безусловно и в каждом случае всегда рассматривать один из этих двух знаков как *иконический*. Однако именно таким способом можно очень удобно объяснять некоторые свойства выводов. У него есть и не столь важные преимущества — он, например, пребывает в согласии с нашей естественной метафизикой и с тем чувством, которое имеется у нас в отношении субъекта и предиката вообще.

223. Икона так же, как и индекс, может быть составной. Например, взяв единственный общий индекс-селек-

¹ Нельзя положительно утверждать, что *Marra* и *Warra* реально были одним и тем же лицом; однако эта гипотеза примечательно согласуется с известными фактами — за исключением, разве что, разницы в именах, каковая, вероятно, не такое уж непреодолимое препятствие.

тив (universal selective index), *всё (everything)*, мы можем получить икону, которая, по-иному рассмотренная, будет составлена из двух, т. е. будет составом из двух иконических знаков, подобно тому как любой образ есть «составная фотография» бесчисленных частных. Даже то, что называется «мгновенной фотографией» и снимается фотокамерой, составлено из воздействий отрезков экспозиции — отрезков, гораздо более многочисленных, чем песчинки на морском дне. Возьмите некое абсолютное мгновение в рамках течения экспозиции, и указанный состав будет — помимо прочих — репрезентировать и *его*. Две разные (иные по отношению друг к другу — *alternative*) иконы составлены друг с другом точно таким же образом. В нашем распоряжении оказывается икона этой разности (смены — *alternation*) — состав из всех разных случаев, о которых мы мыслим. Символ же утверждает, что тот или иной из этих знаков репрезентирует обобщенно выбранный индекс (*universally selected index*). Пусть одной из разных икон будет идея того, что не есть человек, а другой — идея того, что смертно. Получим пропозицию: «Возьмите все что угодно, и это либо будет не человек, либо будет смертно». Два знака, соединенные таким образом, будут называться *агрегатно сочлененными (aggregated)*, или *дизъюнктивно связанными (disjunctively connected)*, или *посменно соединенными (alternatively conjoined)*. Возьмем другой пример. Пусть индекс будет частно-селективным (*particularly selective*). Далее, пусть икона будет так составлена из двух икон, что в каждой ее разновидности обе эти иконы будут оказываться соединенными. Например, пусть одна будет *иконой* чего-то китайского, а другая — *иконой женщины*. Тогда *иконой-сочетанием* будет икона китайской женщины, а пропозиция будет такой: «Нечто можно выбрать так, что оно окажется одновременно чем-то китайским и женщиной». Так соединенные знаки будут называться *сочетаемыми (combined)*, или *конъюнктивно связанными (conjunctively connected)*, или *одновременно соединенными (simultaneously conjoined)*. [...]

§ 2. Вывод

224. Теперь пришла пора более тщательно исследовать природу *вывода*, иначе говоря — природу сознательной и контролируемой адаптации (adoption) убеждения как следствия из иного <нежели это убеждение> знания. Первый шаг вывода обычно состоит в сопоставлении вместе некоторых, по нашему убеждению истинных, пропозиций, которые мы до этого — при условии, что данный вывод нов для нас — либо не рассматривали вместе, либо рассматривали как объединенные по-другому. Этот шаг называется *связыванием* (colligation). Составное утверждение, получающееся в результате связывания, есть конъюнктивная пропозиция — то есть это пропозиция с составной иконой и часто с составным индексом. Связывание — очень важная часть рассуждения, для которой изобретательность (genius), возможно, более необходима, чем для любой другой части этого процесса. Многие логики отказываются называть рассуждением акт вывода, в который связывание не входит составной частью. Подобный акт вывода они именуют *непосредственным выводом*. Этот термин вполне приемлем; однако, несмотря на то что связывание несомненно сообщает выводу более высокий интеллектуальный характер (higher intellectuality), преувеличением было бы представлять связывание более важным, нежели сознательный контроль за операцией. Именно присутствие последнего предопределяет, будет ли умственный процесс *рассуждением* или нет.

225. Таким образом, вывод может иметь всего лишь одну посылку или несколько посылок, объединенных связыванием. В последнем случае, будучи связаны, посылки образуют одну конъюнктивную пропозицию. Но даже если есть только одна посылка, икона этой пропозиции <т. е. этой посылки> всегда оказывается более или менее сложной. Следующий из рассматриваемых нами шагов вывода состоит в созерцании (contemplation) этой сложной иконы, закреплении внимания на некоторой ее характеристике и устранении всех остальных — так, чтобы получилась новая икона. [...]

226. Всякий раз, когда одна мысль подводит к (suggests) другой, в уме на мгновение обе оказываются

вместе. В нашем случае такая конъюнкция особенно интересна и в свой черед подводит к тому, что одна мысль необходимо вовлекает (*involves*) другую. Нескольких умственных экспериментов — или даже одного, окажись мы столь искушенными в такого рода экспериментальном исследовании, — уму оказывается довольно, чтобы увидеть, что первая икона всегда будет подразумевать другую, или, иными словами, подводить к ней особым способом, изучением которого мы вскоре займемся. Следовательно, ум не только приходит от убеждения в посылке к суждению об истинности заключения, но также закрепляет за этим суждением еще одно — суждение о том, что *всякая* пропозиция, *подобная* рассмотренной посылке — то есть содержащая икону, подобную ее иконе, — вовлекала бы (*would involve*) еще одну пропозицию (вынуждая вдобавок к ее принятию), которая относилась бы к этой подобной посылке пропозиции как полученное заключение относится к самой посылке. [Таков третий шаг вывода.] Итак, и это чрезвычайно важно, мы видим, что всякий вывод мыслится — в самый момент его выполнения — как принадлежащий некоему возможному классу выводов. Когда вывод рационален, в иконе, репрезентирующей зависимость иконы заключения от иконы посылки, мы *видим*, вокруг чего обращается (*about what ... is*) данный класс выводов — хотя, поскольку очертания (*outlines*) икон всегда более или менее смутны, в нашем понятии этого класса выводов всегда будет иметься та или иная мера смутности. Все другие элементы вывода не будут существенно разниться от тех, что уже упомянуты. Изменения как в индексах, так и в иконе посылки, и правда, вообще имеют место. Некоторые индексы могут выпадать, некоторые отождествляться друг с другом. Изменен иногда может быть и порядок выбранных элементов. Но так как эти последние должны изменяться по сути тем же способом, которым некая характеристика иконы привлекает внимание, их новое место должно получить свое оправдание посредством экспериментов над иконами.

Из сказанного явствует, что все знание приходит к нам через наблюдение. Некая часть навязывается (*forced upon*) нам извне и, по всей видимости, оказывается про-

изводной Природного ума (seems to result from Nature's mind); некая часть приходит из глубин ума, видимого нам изнутри, — ума, который мы эгоистически именуем таким несогласованным словосочетанием (anacoluthon), как «*наш ум*». Итак, три существенных элемента вывода суть: связывание, наблюдение и суждение о том, что наблюденное в связанных данных согласно с правилом.¹

¹ Суммируя и вместо идеи, каковая аналитична и иконична, используя символ, который всегда есть сокращение, мы могли бы сказать, что цель знаков — она же цель мысли — дать выражение истине. Закон, по которому знак должен быть истинен, есть закон вывода; знаки же научного интеллекта помимо всего прочего должны в первую очередь быть выводимыми (be such as to lend themselves to inference). Следовательно, отношение выводимости есть первичное и самое главное семиотическое отношение.

Могут возразить: сказать, что цель мысли — дать выражение истине, значит сказать, что первичной целью оказывается производство *пропозиций*, а не *выводов*. Однако производство пропозиций обладает общей природой вывода, так что вывод оказывает существенной функцией познающего ума. — Из фрагмента, использованного в «Спекулятивной грамматике», гл. 2, § 1.

ПИСЬМА СЭМУЭЛЮ П. ЛЭНГЛИ И «ЮМ О ЧУДЕСАХ И ЗАКОНАХ ПРИРОДЫ»¹

[К 1901 г. профессиональная неустроенность Пирса и отсутствие стабильного дохода поставили его на грань нищеты. Он был вынужден браться за нескончаемые рецензии и другую поденную работу вроде перевода научных статей для Смитсоновского института. Тогдашний секретарь этого учреждения Сэмуэль П. Лэнгли великодушно выказал интерес в том, чтобы оказать помощь Пирсу, позволив ему заработать себе на жизнь. В первом письме (1 апреля 1901 г.) из приведенной ниже переписки Пирса и Лэнгли содержится просьба Пирса использовать Приложения к Ежегодному Отчету Секретаря как средство для публикации дела всей его жизни — оригинальных исследований в области логики и природы логического рассуждения. Пирс упоминает статью Пуанкаре (переведенную им для Лэнгли), посвященную научным гипотезам, и порицает конвенционализм Пуанкаре как пример опасного попустительства «необязательному и бессвязному мышлению» — пример, стоящий в одном ряду со столь же неудовлетворительным номинализмом «Грамматики науки» Карла Пирсона (Karl Pearson's *Grammar of Science*). Пирс незадолго до этого со всей суровостью отрецензировал данную книгу для Кателла (Catell)², написавшего ему, что работа Пирсона «настолько популярна у студентов, что необходимо что-то сделать с целью противодействия некоторым представленным в ней тенденциям». В своем первом письме Пирс послал копию

¹ <C. S. Peirce, *Selected Writings* (Values in a Universe of Chance). Ed. by Philip P. Wiener. Dover Publications, Inc., NY, 1966, p. 275–321.>

² [*Popular Science Monthly*, Jan. 12, 1901.]

упомянутой рецензии, а также газетную статью «Великие ученые <минувшего> столетия» («The Century's Great Men of Science»)¹ и помещенный в «Нэйшн» (*Nation*) (т. 72, № 1865) обзор книги преп. Джона М. Бэкона «На суше и на море» (*Rev. John M. Bacon's By Land and Sea*), в которой излагались научные наблюдения, сделанные с воздушного шара. В этом последнем обзоре Пирс указывает на «естественный путь развития науки. [...] Сперва человек получает некоторые особого рода специальные средства, предназначенные для осуществления некоторого класса наблюдений, а затем, насколько способен, применяет эти средства». В «Великих ученых...» Пирс развивал свою излюбленную тему исторической непрерывности и объективной реальности общих идей — речь, конкретно, идет о том, что великие научные открытия делались по большей части двумя или более лицами независимо друг от друга. Это иллюстрируется на примере ведущих научных открытий девятнадцатого века: «Дарвин и Уоллес (*Wallace*) одновременно выдвинули гипотезу о естественном отборе. Клаузиус, Ранкин и Сади Карно, а возможно и Кельвин ... механическую теорию тепла. Крениг, Клаузиус, Джоуль, Герапат, Уотерстон и Даниил Бернулли ... кинетическую теорию газов и т. д.». Здесь можно заметить, что, по иронии судьбы, сам Лэнгли и братья Райт вскоре проиллюстрировали этот тезис Пирса, вступив в тяжбу между собой относительно первенства в изобретении аэроплана.

В ответе секретаря Лэнгли (3 апреля 1901 г.) мы отмечаем, что тот «с удовольствием» вспоминает, как читал «Закрепление убеждения» (1877), первую из серии шести пирсовских статей («Иллюстрации логики науки» («*Illustrations of the Logic of Science*»)). В постскриптуме Лэнгли предлагает Пирсу написать о переменах, которые идея «законов природы» претерпела со времен Юма. Лэнгли полагал, что скептическое отношение Юма к разумности религии, выраженное в его опыте о Чудесах, стало началом разрыва с относящейся к восемнадцатому веку рационалистической и деистической верой в незыблемость (*certainty*) законов природы. Однако Пирс, как это подчеркнуто демонстрируется посланными им пись-

¹ [*New York Evening Post*, Jan. 12, 1901.]

мами и рукописями, был непреклонен в своем убеждении, что психологический номинализм Юма непригоден в качестве опоры для современного представления о научных законах как вероятностях. Сомнительно, чтобы добрый секретарь, который был выдающимся физиком, а не историком или метафизиком, мог вникнуть в нюансы схоластического и тихистического реализма Пирса. Лестер Ф. Уорд (Lester F. Ward), о чьем мнении относительно пирсовской рукописи осведомился Лэнгли, ответил (17 апреля 1901 г.), что был озадачен пирсовским тезисом — базировавшимся на его (Пирса) тихистическом эволюционизме, — согласно которому «научные идеи» становятся «более теологическими», так как теперь «меньше, чем то было ранее, уверенности в том, что законы природы неизменны».

Работа над первой рукописью под названием «Юм и Законы Природы» заняла у Пирса менее недели (3–9 апреля). Лэнгли был не слишком удовлетворен и в своем письме от 19 апреля попросил Пирса добавить «несколько слов ... относительно изменений, которые претерпели обычные воззрения на значение законов Природы со времен Юма и до наших дней», на что Пирс не замедлил ответить (20 апреля), что ему понадобится написать новую статью с разбором истории фразы «законы природы» и логики юмовского аргумента, базирующегося на «уравновешивании вероятностей». В эту статью будет входить формулировка собственной пирсовской «прагматической» логики гипотезы, которой «исполнилось вот уже пять или шесть лет»; возможно, Пирс подразумевает свою «Большую логику» («Grand Logic»), датируемую 1893 годом, в которой Абдукция, Дедукция и Индукция были разработаны как принципиальные типы научного вывода. Как бы то ни было, вторая рукопись Пирса, озаглавленная «Надлежащая трактовка гипотез» («The Proper Treatment of Hypotheses»), была получена в Смитсоновском институте 13 мая и отослана автору 18 мая на том основании, что она представляет собой «слишком трудное чтение».

В результате Пирс начал более откровенно настаивать на том, что Лэнгли ошибается, предполагая наличие какой-то логической связи между юмовским аргументом против чудес и более древним метафизическим представлением о законах природы. В письме от 1 июня

1901 г. он послал третью рукопись, «Юм о чудесах и Законы Природы». Я вставил этот автоскрипт в приводимый ниже «окончательный вариант», в который включены также окончательные изменения, сделанные Пирсом в отредактированной версии Лэнгли. Лэнгли предложил удалить и исправить некоторые части текста, дабы «Сенчерс Ревью» (*The Century Review*) заплатило за эту статью Пирса 100 дол. — что было бы для него значительной финансовой поддержкой. Однако Пирс отказался принять все изменения (основания приводятся в его письме от 5 сентября 1901 г.) и добавил дополнительные комментарии относительно юмовской теории индукции и вероятности к уже имеющимся — приведенный ниже текст, в который они вставлены, снабжен сносками, показывающими, где его первоначальный вариант (автоскрипт) отличается от этой окончательной версии.

Когда Смитсоновский Отчет за 1901 г. наконец вышел в свет, в нем была статья «Законы Природы», но не за авторством Ч. С. Пирса. Автором ее был С. П. Лэнгли, который по-прежнему, несмотря на все пирсовские аргументы, продолжал считать, что законы природы суть «законы, созданные собственно умом — и представляют собой всего лишь производное от нашей человеческой природы»; добрый секретарь, предложив помощь Пирсу, сам, по-видимому, был философски неспособен воспользоваться помощью, предлагаемой пирсовским метафизическим реализмом.

Все эти документы, таким образом, проливают дополнительный свет не только на личную и интеллектуальную биографию Пирса, но также и на историю и философию науки начала двадцатого столетия — времени, когда ученых интересовало, в какую сторону воздухоплавание, рентгеновские лучи, радиоактивность, обнаруженные Де Фрисом (*De Vries*) биологические мутации, новые разработки в области математики и логики вероятности могут изменить наше понятие о «законах природы». На самом деле Людвиг Больцманн уже в 1904 г. на Международном конгрессе ученых (Выставка в Сент-Луисе) вкратце представил новую статистическую концепцию законов природы, которая должна была сменить предпочитавшийся Максвеллом «динамический» тип причинного объяснения в классической механике. На

пирсовскую гипотезу, предвещающую эту статистическую идею законов природы, легла тень его метафизических попыток связать ее с более древними, схоластическими идеями телеологического порядка природы.]

Письма Пирса к Лэнгли

1 апреля 1901 г. Милфорд, Пенсильвания

Мой дорогой профессор Лэнгли!

Я изучил Ваши Отчеты и, как полагаю, в точности уяснил, какими Вы представляете себе будущие Приложения к ним. Я пишу теперь к Вам, чтобы убедить Вас доверить мне написание статьи длиной, скажем, в 12 000 слов — она предназначалась бы для опубликования в следующем отчете и была бы посвящена предмету, о котором у меня к пользе большого числа читателей найдется много что сказать. Было бы очень печально, если после многих лет напряженного умственного труда, которые я посвятил прояснению этого вопроса для собственного ума, результаты, которые могли бы быть облечены в убедительную и ясную форму, равносильную доказательству, умерли бы вместе со мною или не получили бы своего выражения до тех пор, пока силы не покинули меня. Вопрос, о котором я здесь говорю, это природа научного рассуждения. Очень странно, что даже люди, подобные Пуанкаре, будучи очень точны в своих понятиях о других предметах — и это не говоря уже о логиках, точность мышления которых всюду лишь поверхностна, — не только находят позволительным необязательно и бессвязно мыслить об отношении теорий к фактам и тому подобных предметах, но и придерживаются взгляда, что такого рода мышление об этих предметах особенно похвально. Мне следует попытаться убедить мыслящих людей, что данный метод — как и другие распространенные теперь методы (психологический, грамматический) — полностью неверен, а также — что начинать необходимо с достоверного выяснения принципов, на которых должно покоиться учение о правильном (*legitimate*) выводе, и впоследствии их придерживаться. Далее мне следует показать, на чем такое учение должно покоиться,

конкретно же — на опыте; однако опыте не бессвязном, а на некоторых типах опыта, определенным образом трактуемого. Далее я показал бы, что этот мой метод приводит к конкретному определению нескольких практических и полезных максим. [...]

[Ч. С. Пирс]

(10) апреля 1901 г. Милфорд, Пенсильвания

Мой дорогой профессор Лэнгли!

Относительно предмета, о котором Вы попросили меня написать, я сделал все от меня зависящее и прилагаю результат своих усилий. Предмет этот, однако, принадлежит к классу тем, совершенно отличных от тех, которые я способен время от времени делать доступными для понимания обыкновенного фермера. Прожив среди фермеров очень много лет и тщательно изучив строй их мышления, я знаю, как вести с ними разговор — обо всем, что только входит в круг их понимания. Логические предметы, если рассматривать их в надлежащем порядке, вполне входят в круг их понимания — здесь каждый шаг можно проиллюстрировать рассуждением, в достаточной мере схожим с тем, ходу которого их мысль принуждена упорно и напряженно следовать круглый год. Но не в том состоит мое знание, чтобы, оскорбляя их, приводить примеры, подразумевающие неспособность фермеров думать о чем бы то ни было кроме хозяйства — я делаю так, что мои примеры в точности аналогичны их собственным рассуждениям. Я нередко пишу статьи в журналы, которые они читают, — к немалому их удовлетворению.

Конечно, трактовкой логических тем в газетных статьях я занимаюсь постоянно; однако ум, к которому обращается городская ежедневная газета, совершенно отличается от того, к которому обращен сельский еженедельник.

Что касается четырнадцатилетних подростков, с точки зрения логического ума они несравнимо уступают фермерам — ведь им никогда не приходилось мыслить о чем-то напряженно и всерьез. Мои статьи о других предметах имели у них гораздо больший успех.

Читатели Смитсоновских Отчетов образуют класс, весьма отличающийся от фермерского, и в некоторых отношениях имеющий большую склонность к рассужде-

нию (intelligent). Тем не менее я не думаю, что было бы возможно хоть с каким-то успехом вынести на их обсуждение метафизический вопрос, подобный тому, о котором Вы дали мне задание написать. Вероятно, Вы посчитали его вопросом научным. Для меня же совершенно ясно, что ни одна специальная наука не способна отдельно осветить этот вопрос, хотя любому ученому и приходится относительно него делать для себя некоторого рода допущение.

Я увеличил предписанный Вами объем статьи ровно вдвое, дабы сделать мою задачу несколько более выполнимой; и в этом объеме я рассмотрел мой предмет так, чтобы рассмотрение принесло бы Вашим читателям максимальную по возможности пользу. *Некоторым* из них, вероятно, будет все-таки полезно прочесть написанное мной.

Я рад, что Вы сочли мою статью в «Попьюлар Сайенс Мансли» целиком неприемлемой для Ваших читателей. Она была написана для совершенно иного класса, подробное определение которому я уже дал в своем письме к Вам, и будь она в малейшей степени приемлема для Ваших читателей, она должна была бы быть полностью неприемлемой для тех, кому она была предназначена. Я выставил напоказ сделанную мной лодку, как свидетельство своего умения обращаться с плотницким инструментом — Ваше же замечание говорило, что она вообще непригодна к употреблению для ловли мышей. Мне надо было бы только надеяться на это!

Хотя я и сделал написанную мной статью более подробной, я не думаю, что сделал ее более приемлемой для Ваших читателей. Задача, поставленная мне относительно ее предмета, была слишком невозможной. По этой причине Вы не должны чувствовать себя обязанным ее публиковать.

Если Вас не привлекает мой замысел написать для Ваших читателей на темы логики, о которой я многое — и доступным языком — могу сказать, то нет ли такого «наижевательнейшего» предмета, о котором Вам могла бы понадобиться моя статья? Что если я, к примеру, описал бы разработанный мной интересный метод изучения великих людей?

Пусть, как Вы можете видеть, я далеко не очарован тем предметом, написать о котором мне поручили Вы, и не вполне примирился с Вашим отказом от того предме-

та, о котором хотел бы написать я сам, тем не менее прошу Вас, дорогой проф. Лэнгли, понять, что я целиком и полностью ценю ту незаслуженную доброту и дружеское расположение, с которыми Вы ко мне относитесь, и что я глубоко признателен за материальную поддержку, которую получаю от Вас и в которой действительно чрезвычайно нуждаюсь. Моя жена, которую я отослал к нью-йоркским докторам, вернулась с их вердиктом, и в нем говорится, что ей должна быть сделана уже вторая тяжелая операция — так скоро, как только состояние моей супруги позволит ее перенести.

Безмерно преданный Вам,
Ч. С. Пирс

20 апреля 1901 г. Милфорд, Пенсильвания

Мой дорогой профессор Лэнгли!

Я только что получил Ваше письмо от 19-го числа с вложенной в него моей неоправданно затянутой статьей. Я сожалею, что ранее не смог верно понять Ваши пожелания относительно моей работы, которые теперь благодаря полученному письму стали совершенно ясны для меня. Мне придется написать совсем новую статью — что вовсе не мешает Вам напечатать, если пожелаете, уже написанную; но, как я уже говорил, с Вашей стороны не может быть и речи о каком-то обязательстве. Перед тем как приступить, кое-что мне необходимо перечитать, а нужных книг у меня под рукой нет, нет даже Юма. Мне придется поехать для этого в Нью-Йорк.

Тем временем я хотел бы сказать, что присутствие слова *закон* в юмовском определении чуда не имеет большой значимости. Его определение прямо или косвенно восходит к Аквинату, по словам которого *Miraculum propriae dicitur, cum aliquid fit praeter ordinem naturae*.¹ Конечно же, для Аквината словосочетание «закон природы» имело полностью иное значение. Фактически, для кое-кого (за пределами Англии) подобное значение оно имело даже и во времена Юма, что можно видеть из определения, которое приводит в своей книге (1738) Баумай-

¹ <О чуде собственно говорится, когда нечто имеет место помимо порядка природы.>

супер (Baumeister): *Miraculum est, cujus ratio sufficiens in essentia et natura entis non continetur*.¹ Далее он в этой связи определяет, что такое *ordo naturae* и *cursus naturae*, но вовсе не что такое *lex naturae*² — об этом последнем он упоминает, но только в связи с этикой. Как бы то ни было, в Англии и отчасти во Франции дело обстоит иначе. Само выражение «закон природы» обладает столь же почтенным возрастом, как в греческом — сочинения Пиндара, а в латыни — Лукреция. Но до наступления современности (*modern times*) оно употреблялось — как и должен употребляться <термин> «закон» — лишь по отношению к чему-то, что *можно*, но не *должно* нарушить. С другой стороны, наша *идея* закона природы не была чужда греческому уму. Только трудность в том, что в те времена всякий думал о Физике то же, что сегодня всякий, за исключением меня и еще весьма немногих, думает о Логике — именно же, что тщательным и точным исследованиям нет места, а не хватает широкого охвата и весьма приблизительных набросков (*sketches*). Так, Цицерон говорит в *De Natura Deorum*: *Alii naturam censent esse vim quondam sine ratione, cientem motus in corporibus necessarios: alii autem, vim participem rationis, atque ordinis; tanquam via progredientem, declarantemque, quid cujusque rei causa efficiat, quid sequatur, cujus sollertium nulla ars, nulla manus, nemo opifex consequi possit imitando*.³ Я убежден, что слово «закон» обязано своим современным применением к чему-то, что не может быть нарушено, Декарту и его необязательному окказионализму. Он говорил, что три угла треугольника равны двум прямым, потому что Бог избрал для них быть таковыми; и одновременно он придерживался мнения, что все без исключения цели Бога равно

¹ <Чудо есть то, чье достаточное основание не содержится в сущности и природе сущего.>

² <порядок ... ход ... закон природы>

³ <«О природе богов»: Некоторые считают природу той лишенной иногда основания силой, которая необходима, чтобы возбуждать в телах движение; другие, наоборот — силой с участием основания или порядка, заявляя, что она действует в согласии с планом, который есть действующая причина вещей, и что ее умению не смогут подражать ни искусство, ни рука, ни художник.>

непостижимы. Мы видим, как у Бойля эта идея, чего и следовало ожидать, приводит к фразе *закон природы* — в современном смысле. Взгляните на его «Свободное исследование усвоенного понятия природы» (Free Inquiry into the received Notion of Nature), раздел vii: «На природу подобает смотреть не как на отличного или отдельного деятеля, но как на правило, или скорее систему правил, согласно с которой указанного рода деятелям и телам, на которые они действуют, великим Автором вещей предопределено действовать и претерпевать. [...] Мы можем с пользой провести различие между *законами природы* в собственном смысле и обычаем (custom) природы, или, если угодно, между фундаментальным и общим устройством телесных вещей» и т. д.

Возвращаясь к чудесам, мы замечаем, что епископ Батлер (Butler), в своей «Аналогии» 1736 г., придерживается того предположения, что чудеса следуют некоторым высшим законам.

Отцы церкви в своем определении чудес не пользуются метафизикой. Так, св. Августин говорит: *Miraculum voco, quicquid arduum aut insolitum supra spem et facultatem mirantis apparet.*¹

Аргумент Юма не покоится ни на каком метафизическом определении — впрочем, как и аргумент Вулстона. Некоторая сила в его аргументе есть. Однако у Юма уравнивание вероятностей (balancing of probabilities) делается единственным, что учитывается при вынесении суждения относительно любого свидетельства (testimony). <Сформулированный же мной> прагматический принцип,² который я по-прежнему считаю весьма полезным, хотя и не окончательным (ultimate) принципом, имеет своим необходимым результатом иное понятие как функции, так и логики гипотезы. Теперь, когда моему учению о логике гипотезы исполнилось вот уже пять или шесть лет — в течение которых я подвергал его тщательному рассмотрению и строгой критике, — я вполне готов опубликовать свои заключения и был бы очень рад, если бы такая

¹ <Чудом называю то, что кажется наблюдающему его трудным или непривычным, превосходящим его способность или ожидание.>

² <См.: «Как сделать наши идеи ясными».>

возможность представилась. Для моего учения вопрос о вероятности не имеет первостепенной важности.

Относительно же состояния общественного ума во времена Юма по сравнению с сегодняшним я не могу говорить с большой уверенностью. Тем не менее немногочисленность церквей показывает, что сейчас в чудеса верят меньше. В то же время мое общее впечатление, некоторые основания которого я мог бы привести, говорит мне, что теперь маятник качнулся в другую сторону.

В настоящем сказать, какова причина подобных явлений, — дело гораздо более трудное, если не вовсе бесполезное. Но все они, я уверен, происходят вовсе не по причине какой-то глубокой мысли, и вообще не по какой-то причине, которую человеку, рационально мыслящему, необходимо взять в расчет. Было бы совсем несложно привести им немало возможных объяснений.

Поскольку мое мнение таково, что между концепцией Законов Природы и юмовским аргументом против чудес нет тесной связи, Вы, я думаю, можете понять, почему, когда Вы попросили меня дать свою трактовку «того, как понимались Законы Природы современниками Юма и нашими современниками, с особым упоминанием юмовского аргумента относительно чудес», я не смог догадаться, что Вы хотели бы видеть моим принципиальным предметом *логический* вопрос относительно юмовского аргумента против чудес, а не *метафизический* вопрос о законе. И здесь мое предпочтение целиком согласно с Вашим.

Преданно Ваш,
Ч. С. Пирс

Если бы Ваш агент по выплатам выслал мне те 4 тыс. дол., это окупило бы мою поездку в Нью-Йорк и обратно. Этой весной мне пришлось выплатить больше половины своего залога — до 1700 дол., — на покрытие чего пошел каждый полученный от Вас цент. После этого я выступил с судебным иском, который, я был уверен, принесет мне 800 дол. К сожалению, против тех же лиц подал иск один из наших «мировых судей», который, решив, что если я получу все мне причитающееся, то на его долю останется недостаточно, злокозненно устроил так, что я получил только 200 дол., едва ли не меньше,

чем требуется, чтобы покрыть мои исковые расходы. Я могу подать апелляцию; но тем временем я стеснен в средствах как никогда, и это при том, что миссис Пирс ожидает своей операции в ближайшем будущем.

[Не датировано] Получено 13 мая 1901 г.

Мой дорогой профессор Лэнгли!

По тщательном размышлении я решил, что единственным возможным способом обсуждения вопроса, предложенного Вами для Ваших Приложений, будет разделить его по меньшей мере на три главы, и даже тогда эти главы должны быть немалого объема. Их можно сделать вполне самостоятельными и опубликовать в разные годы.

Теперь я посылаю Вам одну из них, первую. И опять же, она была бы гораздо яснее, будь она вдвое длинней — последовательность мысли могла бы быть в этом случае убедительнее внушена читателю, не имеющему навыка упорядоченного мышления. Также для всех классов читателей было бы полезно, если бы к ней было сделано еще одно пространное дополнение — с целью исторической иллюстрации. В действительности несколько таких иллюстраций я все-таки сделал, однако выбросил их за недостатком места.

Позвольте мне еще раз повторить, что Вы никоим образом не обязаны публиковать посланную мной работу. В том виде, в каком она есть, она, несомненно, представляет собой трудное чтение. Тем не менее, тем читателям, пониманию которых она реально не окажется доступна, какие-то ее части могут доставить хотя бы некоторое удовольствие.

По моему плану, к ней следует добавить еще одну, с Обоснованием (Rationale) Исторической Критики, и завершить всю серию той, которую Вы вернули мне и которую я оставил с целью улучшения.

Я был в Нью-Йорке одиннадцать дней в надежде заработать так необходимую мне сумму. К великому сожалению джентльмен, на которого я столь усердно работал и чью библиотеку я пополнил огромным количеством раздобытых тяжелым трудом книг (что он целиком и полностью признал), принял ту точку зрения, что я прихожусь ему личным другом и что мои дружеские обязательства перед ним избавляют его от необходимости вып-

латить мне больше того, что я потратил, и едва ли даже это. Он, по его словам, полагал, что оплатил половину моих расходов. На деле выданная им сумма даже превышала их, но не настолько, сколько я мог бы заработать, к примеру, извозничьим трудом. Как бы то ни было, я не могу позволить себе обвинять своего друга. Упомянул же я обо всем этом лишь с целью показать, что если Вам удастся послать мне еще какие-то деньги, это будет значительным для меня облегчением. Боюсь, я не отписал Вам благодарность за Ваш прекрасный ответ на мое предыдущее обращение. Если так, то причиной тому был и мой чрезвычайно поспешный отъезд, и то, что в Нью-Йорке мне пришлось работать круглые сутки.

Я нашел у св. Августина великолепный пассаж о чудесах, где он говорит по существу то же, что и епископ Батлер, но говорит великим августиновским стилем: что мы не можем реально знать, что истинно согласно с ходом (course) природы, а что нет.

В Нью-Йорке я повстречал моего старинного французского друга, который рассказал мне о своем близком знакомстве со старшим Александром Дюма, часто гостившим у него в поместье. Я заметил, что Дюма, должно быть, был превосходным стрелком. Наоборот, ответил он, он был поразительно плохим стрелком. Новое доказательство того, сколь блестящим было его воображение.

Преданный Вам и с особой благодарностью
за Ваш своевременный ответ,
Ч. С. Пирс

1 июня 1901 г. Милфорд, Пенсильвания

Мой дорогой профессор Лэнгли!

То, что Вы возвратили мне копию Вашего предыдущего письма, заставило меня предположить, что я, по Вашему мнению, внимательно с ним не ознакомился.

Это не так. Определенно, я меньше всего желал бы спорить с Вами относительно поставленных передо мной задач, однако свести вместе в одной статье предметы, столь удаленные друг от друга и столь сложные, как юмовский аргумент и Законы Природы, было чрезвычайно трудно. *Юмовский аргумент не имеет ничего общего с Законами Природы.* Как раз в этом и заключалась трудность.

Теперь я посылаю Вам еще одно свое покушение справиться с этой трудностью. Напротив разных частей, которые можно выпустить, я сделал карандашные пометки разных цветов. Если выпустить все эти части, в статье остается приблизительно 3200 слов. Я полагаю, Вам самому было бы интересно прочитать все помеченные части, и также весьма вероятно, что Вы пожелали бы включить в статью некоторые из них. По этой причине я привожу ниже мою приблизительную оценку количества слов в каждой из них: Помеченных желтым — 1800 слов. [...]

Некоторые замечания, содержащие в основном цитаты, я убрал. Если Вы хотели бы их видеть, я их Вам вышлю.

Мне доставляет удовольствие видеть <в Вашем лице> человека, проникнутого дженнсеновским (Jannsen's) духом. Спасибо, что связались с «С. Р.» [«Сенчеры Ревью»].

С большим почтением, Ч. С. Пирс
[Следующее письмо было написано уже после того, как все документы, засвидетельствовавшие расхождение между Пирсом и Лэнгли относительно Юма и законов природы, легли на архивные полки Смитсоновского института. Лэнгли в своем ответе, который стал завершением переписки, сожалел, что не имеет влияния на поверенных института Карнеги и не может помочь Пирсу. Пирс так и не получил стипендии Карнеги.]

6 мая 1902 г. Милфорд, Пенсильвания

Мой дорогой Лэнгли!

Я хотел бы, чтобы Вы поручили мне какую-нибудь работу, рассчитанную на несколько месяцев. Недавно я закончил написание раздела своей большой книги по логике, каковой раздел посвящен Классификации Наук. Вы поймете, как много мысли и труда было в него вложено, если я скажу Вам, что рукопись содержит 50 000 слов и что, подготавливая ее, я очень подробно сверялся приблизительно с сотней проектов, предложенных ранее в этом направлении. Я не вполне удовлетворен тем, что сделал, и теперь исследую то, как ученые из разных областей ощущают себя связанными между собой. Это может привести меня к тому, чтобы внести некоторые изменения.

Я пытаюсь не классифицировать все возможные науки, а дать некоторую *естественную* классификацию наук ныне существующих.

Полагаю, что если бы я отредактировал свою работу так, чтобы сократить ее до 25 000 слов, найдутся разные группы людей — библиотекари, те в научных сообществах, кто ведает распределением их (сообществ) деятельности, и вообще ученые самых разнообразных интересов, — кто с благодарностью воспринял бы ее публикацию.

Моя работа ограничена теоретическими науками и не включает в себя технические — классифицировать эти последние было бы невероятной задачей. Я немало над ней потрудился. И тем не менее моя классификация включает не только физические науки, этнологию, лингвистику, историю и т. д., но также и философские науки и математику. По своему изложению она очень подробна.

Еще один предмет, о котором я мог бы предоставить Вам статью, это разные современные теории, трактующие связь между душой и телом, а также природу души как бессознательного ума. Я разработал новую теорию об отношении между телом и душой, которую еще нигде не публиковал и о которой ничего нигде не говорил. Верна она или нет — вопрос, для решения которого необходимы были бы тщательно разработанные исследования; но одна лишь ее возможность сразу же выбивает почву из-под ног принципиального аргумента в пользу «психофизического параллелизма», а ведь именно эта теория наиболее распространена в настоящее время.

Я очень упорно трудился над своей большой книгой, начиная с прошлого лета, и мне много удалось сделать; однако сделанное — лишь малая часть всей книги. Несколько моих друзей купили права на разные ее части, чтобы позволить мне продолжать работу над ней. Но деньги, которые я выручил от них, закончились. Так как она станет результатом сорокалетнего напряженного труда, я очень надеюсь, что институт Карнеги сможет что-то сделать для меня этой осенью. Из сказанного в 1-й, 2-й и 6-й статьях заявления о намерениях этого института мне кажется, что их прямой обязанностью будет позволить мне завершить мой труд. Тем не менее некоторые из поверенных решительно настроены на отказ.

Мне нестерпима мысль о том, что мою работу придется прекратить. Это будет означать напрасную трату времени и сил. Если я мог бы получить от Вас заказ на какую-нибудь статью, за которую Вы смогли бы мне

заплатить, заказ написать что-либо о предмете, близком рассматриваемым в моей книге, для меня это стало бы огромным одолжением.

(Мне часто пишут с просьбой написать на предмет новых учений о множестве, числе, непрерывности, геометрии, о каковых предметах у меня много есть что сказать, но я не могу этого сделать, так как все мое время уходит, чтобы заработать на хлеб насущный.)

Состояние здоровья миссис Пирс критическое, и она чрезвычайно нуждается в тех излишествах, которые ей предписывает врач. Это еще один повод для меня заботиться только о той работе, которая принесет какой-то доход. Есть немало работы, которую люди хотят чтобы я исполнил и которая целиком соответствует моим собственным желаниям, однако пока я буду занят, они не в состоянии обеспечить самое мою жизнь.

Преданный Вам, Ч. С. Пирс

Законы Природы и аргумент Юма против чудес¹

1. Что есть Закон Природы?

Согласившись написать о предмете, или двух предметах, этой статьи, я начну с замечания, что сама² эта фраза «Закон Природы» употребляется физиками довольно расплывчато и прихотливо, причем в нескольких аспектах. В частности, считают, что ее употребление —

¹ [Пирсовский автограф этой работы — 55 полустраниц автоскрипта (далее именующегося АС), — посланный вместе с его письмом от 1 июня 1901 г., был озаглавлен «Юм о чудесах и Законы Природы». Это заглавие было изменено Пирсом на приведенное выше после того, как он вычеркнул заглавие, которое предложил Лэнгли: «О значении слов „Законы Природы“ в современной научной мысли». Примечания редактора к напечатанному далее тексту показывают, в какой мере автоскрипт Пирса, датируемый 1 июня 1901 г., разнится от его окончательного варианта, посланного 5 сентября 1901 г.]

² [Здесь начинается пирсовский АС: «Эта фраза употребляется физиками...», но в окончательном варианте были добавлены те вступительные фразы, которые напечатаны выше.]

означать некоторую физическую истину всеобщего типа, строгое (exact) в своем определении и оказывающееся истинным без исключения, с высокой степенью точности. Тем не менее есть истины, которые отвечают данному описанию, но которым отказывают в названии законов природы; и в то же время другие, специальные, сформулированные лишь условно и приближительные в своей истинности, даже допускающие существенные исключения, таковыми именуются.

У всех истин, называемых законами природы, есть, однако, два присущих только им свойства. Первое из этих свойств таково: всякий закон природы есть обобщение¹ результатов наблюдений, *собранных* исходя из того принципа, что выполнение наблюдения согласовано с внешними условиями — а не *отобранных* с каким-либо учетом того, каковыми оказались сами эти результаты. Это урожай или остаток урожая плодов, произрастающих от известного семени — не отборный и не отбракованный, а полностью представительный.

Второе свойство следующее: некоторый закон природы, не будучи ни результатом случайного совпадения наблюдений, из которых его выводят, ни субъективным их обобщением, обладает такой природой, что из него может быть произведена бесконечная серия пророчеств или предсказаний в отношении наблюдений, иных, нежели те, что послужили его основой. Эксперимент должен засвидетельствовать истинность (shall verify) этих пророчеств — пусть, вероятно, и не абсолютно (что было бы случаем, для закона природы идеальным), но все же в основном. Положение (proposition) не называется «законом природы» и до тех пор, пока его предсказательная сила не испытана и не доказана столь тщательно,

¹ [Отсюда и до конца абзаца в пирсовском АС: «... отобранных наблюдений; причем принцип отбора относится к тем внешним условиям, при которых делаются наблюдения, а не к результатам наблюдений, берущимся как предмет (subject) обобщения. Иначе говоря: мы не отбираем тех наблюдений, которые демонстрируют нечто им свойственное (any peculiarity), чтобы затем назвать „законом природы“ то, что они демонстрируют то самое свойственное им нечто, продемонстрировать которое они были отобраны».]

что относительно него не остается никакого реального сомнения.¹ Однако упомянутое² выражение «субъективное обобщение» требует объяснения. Огастес Морган с чрезвычайной простотой продемонстрировал,³ что если взять каким угодно образом отобранные наблюдения, то строго истинным относительно всех них может оказаться бесчисленное множество положений (причем положений, можно дополнить, чье содержание остается в пределах предмета (matter) наблюдения). И тем не менее весьма вероятно, что относительно других наблюдений, добавленных к первым, исходя из того же принципа отбора, ни одно из этих положений не окажется истинным. Подобное обобщение, которое есть не более чем плод изобретательности, и которое я называю субъективным обобщением, часто под видом индукции формулируется учеными-любителями. Так, «Закон Боде»⁴ был субъективным обобщением. Стоит лишь позволить изобретателям таких лжеиндукций построить предсказания на их основе, первый же натиск природной истинности (verity) разрушит их как карточные домики.

Итак, я полагаю, не может быть дано лучшего определения *закона природы*, нежели следующее: это некоторое предзнающее⁵ обобщение наблюдений.

¹ [Этого предложения, начинающегося с «Положение...», нет в АС; оно было добавлено Пирсом в окончательном варианте.]

² [АС: «мое» вместо «упомянутое» («the»)].

³ [A. De Morgan (1806–1871). Ср. его статью «Логика» («Logic») в «Английской Энциклопедии» (*English Cyclopaedia*) (1860), «Эссе о вероятностях» (*Essay on Probabilities*) (1838), «Формальная логика, или исчисление вывода, необходимого и вероятного» (*Formal Logic, or the Calculus of Inference, Necessary and Probable*) (1847).]

⁴ [Закон Боде (1772) имел форму $d = 4 + 3 \cdot 2^n$, где d — расстояние планеты от Солнца (расстояние Земли до Солнца берется за 10), а n — порядок планет. Этот «закон» совершенно неприменим к Нептуну и Плутону.]

⁵ [АС: «прогностическое». Лэнгли заменил это слово на «предсказывающее» («forecasting»), которое Пирс изменил в окончательном варианте на «предзнающее» («foreknowing»), а в нескольких местах (ниже) на «предсказательное» («predictive» and «forecasting»)].

После того как дано это определение, немедленно встает вопрос: как возможно, что разуму (reason) человека доступно такое предзнание?¹

Как нам надлежит на это ответить? Разве не должны мы сказать, что факт такого доступа доказывает бытие некоей энергетической (energizing) разумности (основательности — reasonableness), в некотором смысле формирующей явления, и что именно эта рабочая разумность слепила разум человека по своему собственному образу? Решение этих вопросов должно остаться на собственное усмотрение читателя.

II² Какой концепции Закона Природы придерживались в дни Юма, но не те, кто писал об этом предмете, а молчаливое большинство образованных людей?

В дни Юма, более чем в какое-либо другое время, огромная масса образованных англичан состояла из людей по большей части «практических». Они не тратили своих умственных усилий на что-то, что не имело самого прямого отношения к их обустройству, безопасности или развлечениям. Они ходили в церковь, потому что это служило хорошим примером народу — они таким образом стремились всемерно поддерживать превосходство высших классов. Среди выпускников университетов это обычно и считалось главной функцией церкви; и, следовательно, все, что как-то могло ослабить церковь, возбуждало в таких людях страх и нетерпимость.³

¹ [АС: «прогноз» вместо «такое предзнание (foreknowledge)». Промежуточный вариант Лэнгли — «такое предсказывание (forecasting)».]

² [Лэнгли удалил некоторые абзацы из части II пирсовского АС и пересмотрел остальные. Пирс принял с изменениями некоторую часть версии Лэнгли, после того как написал на полях: «Для меня проще всего будет принять абзацы, принадлежащие проф. Лэнгли, сделав такие в них изменения, какие кажутся мне необходимыми». Текст, содержащий именно эти сделанные Пирсом изменения в версии Лэнгли, я называю «окончательным вариантом».]

³ Изображение Оксфорда в 1721 г. см. в книге Амхерста (Amhurst) «Terrae Filius».

Немногочисленный остаток — те, кто реально имели какие-то философские мнения, не предаваясь тем не менее литературным занятиям, — подразделялся с точки зрения образа мышления на три типа. Скотистское учение (*opinion*), господствовавшее в университетах до Реформации, в дни Юма уже почти не имело своих представителей. Необходимо напомнить, что это учение заключалось в следующем: в дополнение к Действительному Существованию (*Actual Existence*) есть многообразные модусы Несовершенного Бытия (*Imperfect Being*), которые все суть разновидности (*varieties*) Бытия *in futuro* — о нем мы говорим такими <к примеру> словами, как «Рождество и правда наступает (*really is coming*)». Далее, по мнению сторонников этого учения, в одном из таких модусов бытия реально есть что-то, что сегодня бы мы назвали «законом природы», но что на латыни есть просто «природа». Бытие же *in futuro* этого закона природы *состоит (имеет свою связность — consists)* в том, что будущие события будут этому закону подчиняться (*conform*). То есть теоретический элемент этого учения заключается, если точно, в следующем допущении: то, к чему обязательно приведет обычный ход вещей (*ordinary course of things*) (если ему не препятствовать), уже обладает Эмбриональным (*Germinal*) Бытием. Это не было изобретением схоластики: именно это уже было в самом сердце аристотелевской философии. Во времена Юма, однако, никто больше не верил ни во что подобное.¹

В прошлом <XIX-м> веке принадлежащий Давиду Юму аргумент против чудес приобрел известность и рассматривался большинством образованных людей в общем и целом как исчерпывающе доказательный (*conclusive*).² Многочисленные и многообразные попытки возразить ему и их неуспех³ были лучшим свидетельством того, сколь

¹ [Следующие четыре абзаца были добавлены Лэнгли к АС и затем изменены Пирсом.]

² [Пирс удалил принадлежащее Лэнгли окончание этого предложения: «по крайней мере против христианских чудес» и написал на полях: «Это писал не я, но тем не менее: люди, о которых идет речь, в абсурдности нехристианских чудес были уверены столько же, сколько и в абсурдности христианских».]

³ [У Лэнгли было «раз за разом неизбежное поражение», замененное Пирсом на «неуспех».]

большой важностью наделяло этот аргумент столетие, следующее за столетием его распространения.

Если говорить коротко, Юм берет определение⁴ чуда, которое стало расхожим в современной ему Англии:⁵ «нарушение законов природы». Можно было бы добавить, что вся современная «высокая критика» древней истории вообще и библейской истории в частности в основе своей пользуется той же логикой, что и Юм.¹ Он говорит, что «всякому чудесному событию должен быть противопоставлен единообразный опыт, иначе это событие не может заслуживать подобного названия. А так как единообразный опыт равносителен доказательству, то против существования какого бы то ни было чуда у нас есть прямое доказательство, вытекающее из самой природы факта». Здесь не показана вся аргументация,² явившаяся столь убедительной для века, следующего за юмовским; однако данный Юмом укороченный ее вариант несомненно, был полезен тем, кому весь аргумент казался слишком темным.³ За последнее поколение, и особенно⁴ за последнее десятилетие,⁵ появились симптомы того, что

⁴ [У Лэнгли было «определяет», замененное Пирсом на «берет определение».]

⁵ [Пирс вставил после «чуда»: «которое ... Англии».]

¹ [Пирс вставил это предложение в версию Лэнгли.]

² [Версия Лэнгли: «Такова в кратком изложении была аргументация».]

³ [Часть «однако ... темным» была вставлена Пирсом.]

⁴ [В версии Лэнгли «возможно» вместо «особенно».]

⁵ [После «десятилетие» версия Лэнгли: «она, как кажется, утратила свою силу в глазах ученых и продолжает терять ее в глазах просто образованных людей, причем не будучи опровергнута каким-либо формальным аргументом, а всего лишь по причине изменения нашего отношения к лежащему в ее основе допущению. Ибо сегодня она, если и не вовсе лишившись своего веса, в любом случае перестала влиять на людские мнения. Значение законов природы в современной нам мысли мы сможем гораздо легче понять, если рассмотрим, как изменилось наше отношение к этому аргументу. Какой же концепции закона природы как такового (the law of nature) придерживалось во времена Юма большинство образованных англичан? Суммируя, можно повторить сказанное уже до меня: определение чуда как чего-то рядопологающего или нарушающего (as a supposition or a contravention) порядок природы — само-

сам этот истинный аргумент (а не просто усеченный его вариант, приведенный выше) уже не столь полно удовлетворяет умы — но не потому, что он оказался опровергнут каким-либо формальным аргументом, а отчасти потому, что в некоторых влиятельных областях науки он дисгармонирует с современными способами рассуждения, и отчасти, несомненно, потому что археологические исследования опровергли немало заключений, к которым следующий юмовскому образцу метод рассуждения привел критиков истории. В любом случае, что бы ни послужило тому причиной, этот аргумент определенно утратил свою прежнюю широкую известность. По мнению профессора Лэнгли, мы сможем легче понять, что стало значить выражение «Законы Природы» для современной нам мысли, если рассмотрим, как изменилось наше отношение к этому аргументу.

Какой же концепции «Закона Природы» (а «Law of Nature») придерживалось во времена Юма большинство образованных англичан?

Не раз отмечалось, что определение чуда как нарушения порядка природы самопротиворечиво — ведь все, что мы знаем о порядке природы, взято из нашего наблюдения за ходом событий, а так называемое «чудо» есть такая же его часть, как и все остальные.¹ Св. Августин, например, на своем блестящем языке — латинском языке Вульгаты — показывает, что чудом может быть нарушен лишь такой порядок природы, какой доступен для нашей проницательности; ибо истинный порядок (order) есть установление (ordinance) Божие. Вообще же для отцов церкви чудо обычно было определять как деяние, выполнение которого человеком без божественной помощи ясно видится превосходящим ему <человеку> подвластное. Однако аргумент Юма фактически не покоится ни на каком метафизическом определении чуда — в противном случае он мог бы быть очень легко опровергнут. Собственно говоря, этот аргумент на деле направлен не против чудес вообще, а только против *исторических* чу-

противоречиво — ведь все, что мы знаем о порядке природы, взято из нашего наблюдения за ходом событий, а так называемое „чудо“ есть такая же его часть, как и все остальные».]

¹ [Оставшаяся часть абзаца была вставлена Пирсом, и ее нет в АС.]

дес. Касательно же того, что «все, что мы знаем о порядке природы, взято из нашего наблюдения за ходом событий, а так называемое чудо есть такая же его часть, как и все остальные», то Юм не мог сделать себя адресатом столь ребяческого возражения; ибо никто не был более него чувствителен к этому противоречию. Именно против тех чудес, которые *не* образуют часть данных нашего восприятия, но которые суть не более чем гипотезы, призванные объяснить свидетельство (testimony) документов, была направлена его аргументация. Такое же в точности рассуждение может быть (как то часто и случается) применено к необычным — но не чудесным — событиям. Как бы то ни было, преобладающая ныне мысль подозрительно относится ко всякому рассуждению, отвечающему приведенному описанию. Это подозрение целиком оправдано. Современная точная (exact) логика показывает, что рассуждение, чью высокую научность и обоснованность математическими принципами отстаивает Юм, по существу оказывается равносильно тому характерному необоснованному допущению, которое позволительно делать лишь в самых крайних случаях; пышное же его математическое облачение есть не более чем львиная шкура, прикрывающая упорство в приверженности к предвзятым мнениям. Но хотя может показаться, таким образом, что нет двух тем, более чуждых друг другу, нежели аргумент Юма и концепция закона природы, между ними тем не менее есть некоторая связь. Начнем же мы с изучения состояния идей в Англии во времена Юма.

Старейшим из учений, преобладавших в то время в Англии, был оккамизм, который с первой половины четырнадцатого века и до наших дней приобрел в Англии очень много последователей и признаков ослабления влияния которого не видно до сих пор. Это учение гласит, что есть лишь один модус Бытия, а именно — бытие индивидуальных объектов или фактов; и модус этот достаточен для объяснения чего бы то ни было, но с тем условием, что в число указанного рода объектов включены *знаки*; при этом среди последних есть знаки *общие*, т. е. такие, каждый из которых применим более чем к одному единичному объекту; и в эти общие знаки включены разные индивидуальные *понятия* ума. Такая теория представляет собой запутанный и избыточный ловуш-

ками лабиринт, пройти который до конца у девяноста девяти из ста читателей не хватает терпения, — так что они в конце концов перепрыгивают через ограду лабиринта и преодолевают то или иное затруднение в согласии с собственными пристрастиями. Основываясь на анализе всей аргументации оккамистов, я возьму на себя смелость заявить, что о законе природы им пришлось бы сказать следующее: он есть подобие между явлениями, которое состоит в том факте, что кто-то *мыслит* эти явления подобными. Но если спросить, почему *будущие* явления подчиняются этому закону, оккамисты будут стремиться сколько можно долго уходить от ответа. Если¹ же все-таки настоять на ответе, им придется выбирать между тремя возможностями.

Ответ, который обычно дают строгие оккамисты, таков: согласие будущих наблюдений с индуктивными предсказаниями есть «предельный (ultimate) факт». Часто они пытаются дать этот ответ в обобщенном виде: по их словам, предельным фактом оказывается «единообразие природы» или нечто вроде того. Такому обобщению изнутри присуща смутность вообще, но, кроме того, раз некий общий факт никаким бытием для них не обладает (разве что это бытие — мыслимость кем-то частных случаев этого общего факта), то, по-видимому, будет вполне точно сказать, что каждое выполнение (fulfillment) сделанного прогноза и есть для них «предельный», а другими словами, совершенно необъяснимый, факт. Однако они не могут придерживаться и не придерживаются мнения, что исполнение пророчества *самоочевидно* есть предельный факт. В действительности оккамисты очень — и совершенно справедливо — воздержаны в деле признания «самоочевидности», признавая, что «предельность» (прогноза) это только их *теория* прогноза. Но относительно этого пункта Логика заставляет нас прийти в замешательство. Ибо единственное возможное для какой-либо теории логическое оправдание должно быть таково, что оно обеспечивает рациональное объяснение отношения между полученными в результате наблюдения фак-

¹ [Часть, начинающаяся с «Если» и выключительно до слов «довольно обычный ответ на этот вопрос» (три абзаца ниже), была удалена Лэнгли из АС.]

тами; назвать же отношение между наблюдениями неким «предельным фактом» есть то же самое как сказать, что оно *не подвержено* рациональному объяснению. Одно лишь это обстоятельство, как можно заключить, необходимо выводит первый ответ за пределы обсуждения.

Остаются два других возможных ответа, хотя и тот и другой в общем-то претят оккамистскому вкусу. На вопрос, как возможен истинный прогноз, во времена Юма иногда отвечали, что прогноз получил свою истинность «милостивым откровением духов». Если имелись в виду конечные духи, как думали некоторые питомцы Кембриджа, непонятно, почему у них прогнозы должны были получаться лучше, чем у высшего по сравнению с ними существа — искупленного <для вечности> человека.

Наконец, довольно обычный ответ на этот вопрос гласил: предсказания¹ сбываются (оказываются истинными — *some true*), потому что Бог выбрал так направить универсум, чтобы они могли сбыться. Я называю такой род объяснений — все случается так, как случается, потому что Бог избрал всему случиться именно так — «объяснением *a la turque*».² Это очень удобное приспособление, дающее возможность объяснять все прошлые, настоящие и будущие явления не сходя с дивана — одним коротким предложением, которое ни один монотеист не осмелится опровергнуть. Недостаток этой теории, как могут подумать некоторые, заключается в том, что она, делая предсказание такой простой материей, сама на какие-либо определенные предсказания становится неспособна. Но в таком случае она избавляет себя и от опасности опровержения. Так или иначе, оккамисты обыкновенно не придают большой важности предсказанию, а зачастую, кажется, не желают даже и слышать о чем-либо подобном.

Под именем оккамистов я числю прежде всего Гоббса, большего оккамиста, чем сам Оккам; затем Беркли, Юма,

¹ [АС: «прогнозы» («prognostications»); версия Лэнгли: «предсказания» («forecastings»)]. <У Пирса в окончательном варианте — «predictions»; разница между «prediction» и «forecasting» такова: первое — буквально предсказание, тогда как второе по смыслу ближе к предугадыванию.>

² [Лэнгли удалил «объяснением *a la turque*».]

обоих Миллей и т. п.;¹ затем Локка и многих других, не столь откровенно склоняющихся к этому образу мысли.² Но истина в том, что этой болезнью более или менее заражена вся современная философия.

Еще³ одной философией, имевшей какое-то хождение в Англии во времена Юма, была теория «пластической природы», другими словами некоего едва наделенного интеллигенцией деятеля (slightly intelligent agent), опосредующего между Творцом и универсумом — некоего Божьего фактотума, занятого обыденной рутинной управления универсумом. Эта теория столь устарела к тому времени, что я не стал бы ее упоминать — однако именно она, я подозреваю, немало поспособствовала тому, что фраза «закон природы» стала столь популярна в Англии: для приверженцев «пластической природы» было очень естественно взять на вооружение это выражение (что они фактически и сделали с самого начала). К примеру, один из них, лорд Брук (Brooke), в своей книге, опубликованной в 1633 г., но «написанной в его Молодости, каковое Упражнение небезызвестно было сэру Филипу Сидни», говорит следующее:

*«And where the progresse was to finde the cause
First by effects out, now her regresse should
Forme Art directly under Natures Lawes,
And all effects so in their causes mould
As fraile Man lively, without School of smart,
Might see Successes comming in an Art»⁴*

Здесь «Природные Законы» есть не что иное, как прогностические обобщения наблюдений. Как бы то ни было, приведение чисто поэтического примера вряд ли можно счесть способом аргументации.

¹ [В АС добавлено: «все из которых — типичные оккамисты».]

² [АС: «не столь откровенных оккамистов».]

³ [Этот абзац из пирсовского АС в версии Лэнгли был удален.]

⁴ <«И там, где в движении вперед причина / сначала выяснялась по действиям, теперь е <некоему реальному или аллегорическому лицу женского рода>, двигаясь назад, нужно / образовать Искусство в непосредственном согласии с Природными Законами, / и так оформить все действия в их причинах, / чтобы смертный Человек живо, не учась на собственных ошибках, / мог видеть грядущие Следствия благодаря Искусству». >

Еще одной философией, популярной даже в Англии, была философия Декарта, у которого все связи между событиями имеют место исключительно благодаря вмешательству Божества. Коротко говоря, он считал объяснение *a la turque* единственно истинным.¹ Из этого следовало, что если нам и доступно какое-либо предзнание,² то потому, что Божество каким-то образом избрало сделать порядок событий в какой-то мере постигаемым (*comprehensible*) для нас. Однако это заключение, которое Декарт *полагал* дедуцируемым — ибо именно он сделал популярной манеру необязательного рассуждения, которой все последующие метафизики столь религиозно были привержены, — имело далеко идущие последствия. Ведь из одной лишь мысли «Я мыслю, и таким образом я существую» («*I think, and so I exist*») ему удалось показать, что истинным должно быть все, являющееся (*appears*) нам ясным и отчетливым, — еще одно современное приспособление, делающее занятие философией столь располагающим к отдыху! Тем временем можно было бы ожидать, что такое мнение должно было привести Декарта к тому, чтобы назвать предсказательные обобщения наблюдений «законами природы». Соответственно, мы читаем в его *Principia Philosophiæ*, опубликованных в 1644 г.: «Кроме того, из той же неизменности Бога могут быть познаны некоторые правила, или законы природы, которые суть вторичные и частные причины разных движений, наблюдаемых нами в телах».³ Декарт, заметим, не признает, что его законы природы, хотя и будучи прогностическими, суть обобщения, сделанные из опыта. Он был крайне склонен приписывать почти все достижения науки свету разума — так же как оккамисты крайне склонны полностью отрицать роль последнего в любом из них.

Той отраслью философии, в которой современная Юму Британия реально занимает выдающееся место, была

¹ [Это предложение из пирсовского АС было удалено Лэнгли.]

² [АС: «мы и можем делать какие-либо прогнозы» вместо «нам и доступно какое-либо предзнание».]

³ *Atque ex eadem immutabilitate Dei, regulæ quaedam, sive leges naturæ cognosci possunt, quæ sunt causæ secundariæ et particulares diversorum motuum, quos in singulis corporibus advertimus.*

этика, и когда юмовский аргумент был обнародован, великим светилом в этой области почитался Хатчесон. По мнению Юма, его самой значительной работой были «Принципы морали» (1751), а они представляют из себя всего лишь видоизмененное изложение Хатчесонова учения. Книгой, о которой читающие англичане говорили более прочих, была «Религия природы» Уолластона (*Wollaston's Religion of Nature*) — она выдержала, если я не ошибаюсь, семь изданий. Главное ее учение заключалось в том, что всякий порок есть в своей основе ложь; единственная же достойная добродетель — правдивость (*truthfulness*). Но насколько я знаю, мало что во всех этих писаниях может пролить свет на стоящую перед нами проблему.

Спрашивая себя о том, какого рода спекуляциями были заняты умы тех, кто жил около двух столетий назад и не удосужился оставить после себя каких-либо сочинений, я встаю перед почти неразрешимой загадкой. И все-таки мне, предпринявшему небольшое исследование (должен признаться, слишком поспешное), необходимо по меньшей мере знать об этом вопросе больше обычного. Трудность здесь в том, что я должен взяться за решение вопроса, в котором могу полагаться лишь на личные наблюдения, охват которых, весьма вероятно, не превышает охват наблюдений моего читателя, а возможно даже и уступает ему. Как бы то ни было, вопрос поставлен передо мной, и я не могу его избежать. Я попытаюсь вкратце рассмотреть его ниже.¹

III. Какой концепции законов природы придерживается сегодня большинство образованных людей?

Я должен сказать, что сегодня повсеместно распространена та самая же оккамистская концепция, которая имела наибольшее влияние и во времена Юма — большинство тех, кого мне довелось встречать, касаясь подобных тем, переходят на язык Миллевой «Логики». В частности, наиболее популярное объяснение предзнания² таково: оно <предзнание> становится возможным благодаря едино-

¹ [Этот последний абзац был удален в версии Лэнгли.]

² [АС: «прогноза».]

образию природы, а это единообразие есть «предельный факт». Это весьма приемлемо с точки зрения атеистического учения, всегда бывшего распространенным среди оккамистов — и около 1870 г. оно было более распространено среди них, чем когда-либо.

Сегодня идеей, более всего занимающей умы, оказалась Эволюция. С точки зрения их подлинной природы, никакие два учения не могут быть более враждебны друг другу, чем идея эволюции и тот индивидуализм, на котором Оккам воздвиг свою философию. Но эта враждебность до сих пор еще не заявила о себе со всей очевидностью — поэтому теперь львенок и ягненок еще возлежат рядом в одном уме, и так будет до тех пор, пока один из них (и мы, конечно, знаем, о ком идет речь) достаточно не повзрослеет. Все, что есть в сегодняшней философии (в пределах требуемого нашим рассмотрением) неоккамистского, это эволюционизм той или иной разновидности. Всякий же эволюционизм должен в ходе своей эволюции восстановить ту отвергнутую идею закона как энергетически присутствующей (*energizing*) в мире разумности (не важно — через некий механизм естественного отбора или как-то иначе), которая принадлежала одновременно и эволюционной по существу метафизике Аристотеля, и ее и схоластическим модификациям, принадлежащим Аквинату и Скоту.¹ Тому же ответвлению философии принадлежит и теория Гассенди, которую автор этой статьи несколько лет пытался возродить (в усо-

¹ [Сноска, добавленная Пирсом вместо удаленного Лэнгли остатка части III АС.] Внимательный читатель (а мне стало известно, что среди читателей Смитсоновских Отчетов есть такие, кто, будучи очень мало знаком с научными методами, тем не менее превосходит большинство великих ученых в точности и силе мысли) спросит меня, что я имею в виду под «разумностью, энергетически присутствующей в мире». Я не *определяю* разумное как нечто, что будучи исправлено посредством тщательного рассмотрения, в целом согласно с естественным для людей мышлением; хотя то, что естественное для людей мышление более или менее разумно, это *факт*. Мне лучше всего объяснить, что я имею в виду, постепенно. Под разумностью я имею в виду такое единство, которое схватывается разумом — скажем, всеобщность. «Гм! Под всеобщностью, я полагаю, вы имеете в виду то, что разные события сходны друг с другом». Не совсем: позвольте мне провести различие.

вершенствованной форме) и из которой, ради эволюционной концепции закона, которую она иллюстрирует, здесь можно было бы привести описание теории ее оппонента, опубликованной в 1678 г.:

Зеленый абажур на моей лампе, листва, которую я вижу в окне, кольцо с изумрудом на пальце моей супруги — имеют сходство. Оно состоит во впечатлении, полученном мной по сравнению этих и других вещей, и существует потому, что они таковы, каковы они суть. Но если вся жизнь человека вдохновляется желанием разбогатеть, во всех его действиях есть всеобщий характер и его <человека> поведение <не только> не есть причина этого характера, но <наоборот> само им формируется. «Имеете ли вы в виду, в таком случае, что этот характер есть цель (purpose) природы?» Я не настаиваю, что он есть ее цель; однако же — это тот закон, который формирует события (shapes the event), а не случайное сходство между событиями, устанавливающими (that constitute) закон. «Но неужели вам совершенно неизвестно, что всеобщность принадлежит лишь фикциям ума?» Да, по всей видимости, я именно настолько невежествен. Если для вас всеобщность имеет свое происхождение (origin) в одном лишь уме, то не стоит далее обсуждать наш вопрос. Но если вещи могут быть *поняты* только в той степени, в какой они *обобщены*, то они реально и поистине суть обобщенные вещи; ибо ни одна идея не приложима к реальности, непознаваемой по самой своей сущности. Как бы то ни было, Всеобщность в обычном ее понимании не исчерпывает моей «разумности». В нее <«разумность»> включается *Непрерывность*, которой Всеобщность есть, на деле, лишь более грубая форма. Но и это не все. Мы не назовем некое устройство (design) разумным (обоснованным — reasonable), если оно не будет осуществимым (feasible). Некоторые идеи имеют такой характер, который в какой-то мере доступен нашему разуму, но которого он никоим образом не есть создатель — и этот их характер гарантирует, что рано или поздно они будут осознаны (реализованы в уме — realized). Я не ставлю вопрос о том, какой механизм необходимо оказывается в этом задействован. Но каким-то образом, я полагаю, имеющиеся законы появились у нас (have been bought about); а раз так, то им по природе было присуще неизбежно быть осознанными (to realize themselves). И в этом случае они суть пустые (bare) абстрактные характеры, которые должны быть признаны составляющими «разумность» любого закона природы. Дают ли нам эти характеры право допустить, что у природы имеется разумный (intelligent) автор, или нет — я определенно не вижу, какая из возможных конкретных форм для этих абстракций лучше бы удовлетворяла ожиданиям многих мыслящих людей (и лучше бы связывалась с их соответствующими ощущениями (sentiments)), нежели выше мной постулированная.

«Но поскольку люди по-прежнему озадачены повсеместным распространением и постоянством этой регулярности, а также ее непрерывностью на протяжении такого множества веков, так что нельзя найти свидетельств чего-либо ей противного, то атомический атеист добавляет далее, что бесчувственные атомы, лишенные всякой заботы или мысли и от века оказывающиеся игрушкой всевозможных беспорядочных уловок, заключений и экспериментов, были наконец (они не знают как) научены и необходимостью самих вещей, так сказать, принуждены к некоего рода правильности и методичности (*certain kind of trade of artificialness and methodicalness*); поэтому, хотя их движения были сначала лишь случайными порывами, все же на протяжении времени они стали упорядоченными и правильными (*artificial*), управляемыми некоторым законом — так сказать, сами собой, посредством долгой практики и опыта, приобретя нечто вроде привычки двигаться регулярно». <Книга, о которой идет речь, это> «Истинная интеллектуальная система универсума» Кэдваорта (*Cudworth's True Intellectual System of the Universe*).

IV. Какой концепции закона придерживается сегодня типичный человек науки?

В функции человека науки не входит достоверно выяснять метафизическую сущность законов природы. Наоборот, для решения подобной задачи необходимы таланты, значительно разнящиеся от тех, что ему требуются. И все же данное метафизиком объяснение закона вообще должно гармонировать с практикой ученого, которая заключается в открытии тех или иных частных законов; в уме же типичного человека науки, не занятого погружением в метафизические теории, вырастет то представление (*notion*) о законе, которое укоренено в его собственной практике.

Человек науки обнаруживает перед собой явления, обобщения или объяснения которых он ищет. Его первые попытки сделать это, хотя и будут подсказаны самими этими явлениями, тем не менее могут считаться всего лишь догадками (хотя если в них не будет чего-то подобного вдохновению, он никогда не сделает первого

шага на пути к успеху). Из этих догадок — если говорить сжато — он отбирает ту, которая подвергнется проверке. В своем выборе ему необходимо руководствоваться исключительно соображениями экономии. Если, например, перспектива такова, что очень много гипотез, объясняющих какое-то одно множество фактов, должны, вероятно, быть рассмотрены и отвергнуты и если случится так, что наименее правдоподобную (*one that is unlikely to be true*) из этих гипотез можно, вероятно, отбросить путем проведения всего лишь одного несложного эксперимента, превосходной экономией окажется, если ученый начнет с рассмотрения именно ее. В этой части своей работы ученый вполне может почерпнуть что-то из мудрости делового человека. Так или иначе, в конце концов какая-то гипотеза будет принята на предварительных условиях; и после этого усилия следует приложить к тому, чтобы найти наименее мыслимо правдоподобное (*most unlikely.. that can be thought of*) из необходимых ее следствий — причем из тех, которые с наибольшей готовностью могут быть подвержены экспериментальной проверке. Эксперимент сделан. Если предсказание на основе принятой гипотезы не исполнилось, его неудача может быть столь явной (*utter*),¹ что ее (неудачу) можно будет посчитать исчерпывающе доказательной (*conclusive*) <в отношении ложности принятой теории>; а может быть, неверную теорию понадобится всего лишь как-то видоизменить. Если же, несмотря на все его неправдоподобие (*unlikelihood*), подтвердится истинность (*be verified*) сделанного предсказания и если то же самое будет происходить снова и снова, хотя каждый раз для испытания ученым выбирается наименее правдоподобное из (подходящих) предсказаний, останется только снять шляпу перед этой восходящей звездой, к которой, по видимости, благоволит сама природа.

Бесспорно, человек науки смотрит на некий закон, если это в реальности *есть* закон, как на нечто фактическое (*matter of fact*), объективное настолько, насколько объективным может быть факт. Вероятно, единствен-

¹ [АС: «оно может быть столь явно неудачно» вместо «его неудача может быть столь явной», вставленного Пирсом в окончательный вариант.]

ное, чем с точки зрения понимания ученого только что названный законом факт отличается от факта прямо наблюдаемого, это неполная убежденность самого ученого в том, что и последний тоже — закон. Как бы то ни было, можно сказать, что на закон он будет полагаться гораздо *более*, чем на какое-то единичное наблюдение. Закон становится для человека науки вернейшим из верных (the hardest of hard) фактов — никоим образом не тем, что он сам создал, но скорее тем, что раскопал: чем-то, что он, можно сказать, наделяет властью над собой. Однако и теперь возможность отмены этого закона достаточным рядом наблюдений остается вполне мыслимой — более того, всегда допускается, что наступит время необходимого преобразования этого закона, а возможно, даже и замены его на другой.

V. Каков был аргумент Юма против чудес?

[Этот аргумент состоит из двух частей. В нижеследующем разборе я привожу номера абзацев первой части, в которой содержится суть всего аргумента целиком. Мои комментарии заключены в квадратные скобки, а каждый абзац, сжато излагающий один-два абзаца самого Юма, начинается с его имени.] (<Квадратные> скобки в тексте до конца части V принадлежат Пирсу. — *Прим. редактора.*)

Юм: Аргумент архиепископа Тиллотсона против реального присутствия имеет очень широкую природу и решительно показывает, что никакое свидетельство (testimony) вообще не способно доказать некоторого рода положения (propositions). ¶1.

Юм: Объявляет, что он открыл столь же всеобщий и решающий аргумент против всех чудес, удобнее которого ничего не могло бы быть. ¶2. [Здесь делается хорошо понятная каждому читателю-современнику <Юма> ссылка на тот факт, что с поры юмовского детства (он родился в 1711 г.) и до поры, отстоящей от публикации данного его сочинения меньше чем на четыре года, Британский остров был свидетелем энергичных нападков одного весьма набожного христианина, преп. Томаса Вулстона (Rev. Thomas Woolston), и наследовавшего ему в этом деле Питера Аннета (Peter Annet), на буквальную истин-

ность евангельских чудес. Первая затрагивающая эту тему публикация Вулстона датируется 1705 г.; с 1720 же по 1728 г. такие публикации шли почти нескончаемым потоком. За это он был заключен в тюрьму,¹ где и умер в 1733 г. Нападки, однако, не прекратились, и на этот раз их автором стал другой священник, Питер Аннет, приложивший усилия к тому, чтобы его сочинения были понятны простому народу. Его выступление против воскресения Христа к 1744 году было опубликовано уже трижды. Аргумент Юма, напомним, появился в печати в 1748 г. Книги никакого другого автора не раскупались ранее в таких количествах, как вулстоновские; и число опубликованных ответов, которые они спровоцировали, превысило шестьдесят. По этой причине не может быть никакого сомнения, что ко времени появления юмовского аргумента в недостоверности евангельских чудес была уже полностью убеждена очень большая часть христианской Англии. Однако тот метод, которым пользовались предшественники Юма, требовал подробнейшего разбора каждой отдельной истории. Чтобы проиллюстрировать это, я приведу в обобщенном виде вулстоновскую трактовку изгнания бесов в стадо свиней. В начале он высмеивает утверждение, что человеку с нечистым духом было позволено находиться в общественном месте, если тот «день и ночь ... кричал», или что «никто не мог его связать даже цепями, потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его».² Во-вторых, в этом общественном месте не могло быть «большого стада свиней», потому что веками разводить свиней в Палестине было запрещено законом под угрозой сурового наказания. Наконец, мало того что подобное деяние вовсе не доказывало божественной природы Иисуса, оно должно было возбудить невероятное неуважение к праву собственности; и любой суд присяжных в Англии вынес бы против Него вердикт о нанесении тяжело-

¹ [Его не сразу заключили под сражу, а оштрафовали и затем уже, по причине невыплаты штрафа, посадили в тюрьму. Он «выкупил свободы» и таким образом получил право появляться на некоторых улицах. [Эта сноска была вставлена Пирсом в окончательный вариант.]

² <См.: Марк, 5, 1–20.>

го ущерба. Как раз в такой манере было необходимо подробно разбирать каждый из евангельских рассказов о чудесах. Ни один читатель не был в силах удержать в своем уме аргумент такого объема — так что все должны были оценить замечание Юма о том, что было бы очень удобно иметь один решающий аргумент, причем не только против евангельских чудес, но и против всех «сверхъестественных случаев в истории как священной, так и светской». Под таковыми он, несомненно, подразумевал пророчества, предания о камнях, падающих с небес, истории о привидениях, исцелениях, произведенных психическим влиянием, и т. п. Стоит, однако, отметить, что он откровенно ограничивает применимость своего аргумента историей. Того, что необходимо сказать о чудесах, переживаемых в непосредственном опыте, он касается лишь однажды; но это лежит в стороне от его главного аргумента.]

Юм: На деле, похожие события не во всяком случае единообразно происходят при похожих обстоятельствах; и все же в целом опыт наперед показывает нам, как часто происшествие одного рода обычно сопровождается происшествием другого рода. ¶3. Мудрый человек соизмеряет свою веру с тем, насколько число имеющихся в опыте случаев, в которых факты, подобные взятому к рассмотрению, оказываются истинными, превосходит число случаев, в которых такие факты оказываются ложными. ¶4. [Замечания о том, что «мудрый человек соразмеряет свою веру с очевидностью», ¶4 и что он «взвешивает противоположные эксперименты» или «уравновешивает противоположные обстоятельства», ¶6 заслуживают тщательного рассмотрения. Если вера есть то, на что опирается человек в своем действии (*man goes upon*), из первой приведенной формулировки вытекает, что, будь очевидность неполна, мудрый человек станет действовать отчасти на основании одной теории, а отчасти — противоположной ей, и все это вообще-то будет называться «сидеть на двух стульях». Однако данная формулировка может значить и следующее: человек, имея веру, принимает во внимание возможность разочароваться в ней. Если так, то выражение «взвешивание противоположных экспериментов» вполне корректно, однако последующее и принципиальное его применение — в смысле равнове-

пирования невероятности дачи кем-то ложного свидетельства и невероятности самих засвидетельствованных происшествий — не только неточно, но непоправимо и в корне неверно.¹ Стоит отметить, что Юм не был оригинален в применении учения о случайностях (или вероятностях — *chances*) к [оценке] свидетельств (*testimony*); это сделал уже Николай Бернулли (первый из прославившихся представителей этой семьи) за два года до рождения Юма (1711–1776). Всеобщее же внимание к этому вопросу было привлечено за два года до выхода в свет разбираемого нами юмовского «Опыта» (1748) тем обстоятельством, что решение некоего иска против Николая Бернулли основывалось на силе того самого правила, которое он в свое время сформулировал. Если не говорить об изданном посмертно (в 1713 г.) и оформившем математическое учение о вероятности великом труде Якоба Бернулли, в который Юм, вероятно, никогда не заглядывал, к тому времени были опубликованы две другие важные книги, в какую-то из которых Юм должен был заглянуть, пусть надлежащим образом ее и не поняв. Это были *Essai d'Analyse sur les Jeux de Hazard*² декана Ремона де Монфора (Dean Rémond de Montfort) (1708; второе и значительно улучшенное издание 1713) и «Учение о случайностях» Де Муавра (*De Moivre's Doctrine of Chances*) (1716, второе измененное и значительно расширенное издание 1738). Эта отрасль науки как раз вступала в пору своей зрелости, и авторов, писавших в то время на данную тему, вполне можно извинить в том, что они, как позже Лаплас и Пуассон (Poisson), допускали применимость учения о вероятности к <оценке> свидетельств. Хотя представления (*notions*) Юма чрезвычайно туманны, они обладают своей ценностью и отчасти решительно оригинальны. А поскольку почти невозможно ясно изложить идеи, которые сами по себе далеко не ясны,³ самым честным правилом экзегезы было бы сле-

¹ [Следующие шесть предложений об истории теории вероятности были вставлены Пирсом в окончательный вариант.]

² <Опыт анализа азартных игр.>

³ [АС: «А поскольку попросту бесполезно спрашивать, что имел в виду Юм — туманность идей которого в этом месте <книги> пробирает читателя до костей».]

дующее: наделять юмовские смутные термины такими определениями, чтобы, насколько то позволяет их <терминов> существенная ложность, окончательное применение их к свидетельству (к каковому применению вся предшествующая часть аргумента носит лишь подготовительный характер) по возможности гармонировало с истиной. Руководствуясь этим экзегетическим правилом, я нахожу, что первым необходимым шагом в истолковании предложения *«мудрый человек соразмеряет свою веру с очевидностью»* будет дать определение «очевидности» или «отдельной очевидности» (an «evidence», or «item of evidence»), каковое определение до того сложно в своей абстрактной формулировке, что к нему необходимо подвести с помощью примера. Итак, допустим, мы знаем, что в пустую урну поместили один черный шар и десять белых. Это знание вселяет в нас уверенность, что если урну хорошенько потрясти и вытащить из нее один шар, взглянуть на него, затем опустить обратно, затем повторить этот набор действий неопределенное количество раз, и если вдобавок с регулярными интервалами по ходу вытаскивания (как, например, в конце каждой 10-й, 20-й, 30-й и т. д. пробы) удостоверить пропорцию *всех* «белых» проб к «черным», установившуюся *с самого начала*, — то при соблюдении всех этих условий единственным показателем (value), к которому каждая новая достоверенная пропорция, по сравнению с последней из достоверенных ранее, будет в целом чаще приближаться, чем удаляться, будет показатель 10:1. Обычно мы кратко выражаем это обстоятельство следующими словами: «в конечном счете» («in the long run») на всякую «черную» пробу придется десять «белых». Подобный известный нам факт (в урне содержится десять белых и один черный шар), вселяющий в нас уверенность, что при обстоятельствах, определенным образом относящихся к этому факту (вытаскивание из урны будет производиться предписанным способом), какой-то результат (вытаскивание белого шара), определенным образом относящийся к тому же факту, в конечном счете будет с определенной частотой иметь место, как раз и называется «очевидностью», или «отдельной очевидностью». Не стоит упускать, что во всем нижеследующем разборе слово «очевидность» употребляется именно в этом, излишне особом смысле.

Делая следующий шаг истолкования, необходимо определить смысл, в котором следует понимать слово «вера». Для этой цели надо понять, что Юмом здесь постулируется следующее: если человек полагает некий факт «очевидностью» в только что определенном смысле, то *по созерцанию (contemplation)* любого из тех возможных будущих результатов, к агрегату которого эта «очевидность» относится, в его груди возбуждается некоторое переживание (feeling); так, например, <оно возбудится> после того, как он поинтересовался, принесет ли пятая проба белый шар. За этим переживанием, которое я все-таки склонен называть ожиданием, Юм предпочитает закрепить наименование «веры». Это может быть как «вера» *pro*, так и «вера» *con*. Наконец, мы должны спросить, каким смыслом нам следует наделить «соразмерение» («proportioning») мудрым человеком своей веры с очевидностью. Здесь я должен привлечь особое внимание читателя к одному из нюансов той важной для Юма и представителей «высокой критики» теории вероятностей, на которой, с их точки зрения, необходимо покоится всякое наше суждение о свидетельстве. И так как для всех наиважнейшим здесь будет ясно понять, насколько именно они правы, я уверен, читатель не станет возражать, если далее от него потребуется по возможности напрячь свою мысль. Итак, допустим, мы знаем, что содер-
димое урны таково:

1 черный шар из слоновой кости	10 белых шаров из слоновой кости
3 черных шара из дерева	30 белых шаров из дерева

Некоей «очевидностью», в юмовском особом смысле этого термина, здесь оказывается знание следующего свойства: если вытаскивать шары наугад и опускать их обратно в урну, в конечном счете на каждую «черную» пробу придется десять «белых», а на каждый вытащенный шар из слоновой кости придется три шара из дерева. Более того, это будут две «очевидности», причем *независимые* — в том смысле, в каком этот термин употребляется в учении о вероятностях. Другими словами, мы получим «очевидность» не только того, что 10 белых шаров будут вытащены на каждый черный, но и того,

что такая пропорция окажется одинакова истинной для всех вытащенных шаров из слоновой кости. Точно так же, мы получим «очевидность» того, что 3 шара из дерева будут вытащены на каждый шар из слоновой кости, и так случится не только со всеми пробами вообще, но и со всеми «белыми» пробами, и со всеми «черными». Именно таково значение термина «независимый», как он употребляется в учении о вероятностях. Но теперь допустим, что мы поручили вытаскивать шары мальчику, предписав ему смотреть на каждый вытащенный шар и показывать его нам, если тот окажется либо и черным и из дерева, либо и белым и из слоновой кости — но, не показывая нам, опускать шар обратно в урну, если тот окажется либо и черным и из слоновой кости, либо и белым и из дерева. Согласно точке зрения как Юма, так и многих авторов, пишущих на математические темы, если сделать это последнее допущение, то имеющееся у нас знание о содержимом урны — рассматриваемое как «очевидность» (в том же необычном смысле) того, каким будет характеристика любого шара, показанного нам мальчиком, — аналогично нашему знанию, что, во-первых, 3 истинных свидетельства какого-то очевидца приходятся на каждое его же ложное свидетельство, но что, во-вторых, история, подобная им рассказанной, 10 раз окажется ложной против каждого раза, когда она окажется истинной, считая истинность по тому, верим мы этому очевидцу или нет. Буде такое допущение сделано, верное правило теории вероятностей предписывает нам помножить показатель вероятности истинного свидетельства очевидца, $3/1$, на показатель вероятности истинности <с точки зрения нашей веры> его рассказа, $1/10$, и получить $3/10$, что будет показателем вероятности (или отношением благоприятных к неблагоприятным случаям) <истинности> именно такой истории, рассказанной именно таким очевидцем. Юм говорит об «уравновешивании» («balancing»), а это подразумевает, что здесь должны быть употреблены сложение и вычитание, а не умножение и деление. Это могло оказаться простой ошибкой с его стороны — однако мое экзегетическое правило требует от меня следующего истолкования: он имеет в виду, что сила (intensity) переживания, называемого им «верой», пропорциональна логарифму того самого показателя ве-

роятности, который его <это переживание> возбуждает (согласно расширенному варианту закона Фехнера). Юм был столь одаренным психологом, что, вполне возможно, мог это увидеть.

В §4 Юм впадает в заблуждение, очень характерное как в аспекте ошибок, зачастую совершаемых оккамистами, так и особенно в аспекте их концепции законов природы. Он, именно, полагает, что если человек в конкретном случае приходит к ожиданию некоторого результата, поскольку последний более, нежели был бы ему противоположный, согласен с аналогичными примерами из его прошлого опыта, то эти единичные опытные примеры, или, как Юм называет их, «эксперименты», могут быть логически «уравновешены» друг против друга — как если бы они были независимыми «очевидностями». Но это не так. Единичные примеры хотя и могут быть чем-то очевидным в обычном смысле слова, не суть «очевидности» в том смысле, которого требует его аргумент. Если я не знаю, какие шары были <изначально> положены в урну, то, вытащив шар и обнаружив, что он — голубой, я не обрету никакой уверенности, что какую-либо определенную пропорционально часть будущих проб (и не более чем ее) составят пробы «голубые». И хотя такую ошибку совершали даже великие математики, в явную нелепость впал только Юм — полагая единичные примеры *независимыми* «очевидностями». Окажись Юм прав, человек, знающий о некоторой урне, что из нее по ходу эксперимента вытащили сто белых шаров, но не знающий, были ли — и если да, то сколько — из нее вытащены черные, в отношении следующей попытки вытащить шар с полным правом испытывал бы «веру» четко определенной силы. Даже более того: степень этой «веры» нисколько не изменилась бы, узнай он, что число черных шаров, когда-либо вытащенных из этой урны, равняется нулю!

Нельзя делать следующего допущения: раз некий знак того, что нечто есть факт, очень убедителен, то этот знак должен быть «очевидностью» (в необходимом для Юма смысле). «Очевидность» в обязательном для нас юмовском значении есть такой аргумент, из которого *необходимо* следует, что тот или иной конкретный результат в конечном счете должен иметь место с такой-то часто-

той — не больше и не меньше. Прошлый опыт не есть «очевидность» будущего опыта, потому что вполне мыслима перемена в устройстве универсума. Нет смысла и в том, чтобы говорить об «очевидности» какого-либо единичного события — «очевидность» показывает только то, как часто происходит событие некоторого *tuna* (*kind*). Коротко говоря, «очевидность» собственно соотносится только с чисто гипотетическим положением вещей, которое — и наша вера в это индуцируется совершенно *другими* основаниями — приблизительно согласуется с реальным положением вещей.

Здесь надлежит объяснить аналогию между ошибочной юмовской презумпцией, что единичные примеры некоей индукции суть независимые «очевидности», и тем мнением — его самого и его последователей, — что происшествие события (*when an event occurs*) в согласии с законом природы не имеет в себе реальной «необходимости». Они вовсе не говорили, что в таком происшествии нет необходимости в *любом* смысле, и я далек от того, чтобы вменять им это в вину. Наоборот, именно им очень полюбилось называть себя «приверженцами учения о необходимости» («детерминистами» — «*necessitarians*»). Если брать необходимость в строгом схоластическом смысле, она, как это объясняют все излагающие учение о модальностях старые книги по логике, есть вид (*species*) всеобщности, и слова «некое событие — необходимо» в строгом смысле значат не только то, что оно происходит, но то, что оно произошло бы при *всех* обстоятельствах. Так что юмисты вовсе не одиноки в отрицании необходимости любого экспериментального знания — с ними согласны почти все философы. Но если брать необходимость в том смысле, в каком она привычно употребляется в повседневной жизни, то необходимым оказывается происходящее при *всех обычно учитываемых* обстоятельствах. Так, мы не говорим, что смена дня и ночи — необходима, ибо она зависит от того обстоятельства, что Земля непрерывно вращается. Однако же мы говорим, что в силу гравитации всякое тело у поверхности Земли *должно* непрерывно получать составное (*component*) направленное вниз ускорение — ибо это случится при *всех* обстоятельствах, которые мы обычно берем в расчет. Но и это ни Юм, ни его последователи даже не думают отри-

цать. Говоря же, что в гравитации нет «необходимости», они имеют виду следующее: всякое «событие», в формулировке которого участвует гравитация (which gravitation formulates), есть в реальности событие, полностью независимое от всякого другого — и это в точности подобно сделанному Юмом допущению, что разные примеры индукции суть независимые «очевидности». Другими словами, падение одного камня не имеет реальной связи с падением другого. И недаром факт непрерывности ускорения (а именно в нем и состоит гравитация) заставил бы таких теоретиков допустить, что и время составлено из дискретных мгновений (инстанций — instances) — оккамистское учение, что реально *есть* только индивидуальные объекты, противостоит любой истинной непрерывности. Возражение же, которое можно выдвинуть против юмовской концепции Закона Природы, таково: в то время как она допускает совершенную непостижимость универсума, <мы знаем, что> поистине единственной гарантией любой гипотезы должна быть ее способность делать явления постижимыми. Последователи Юма очень любят представлять свою концепцию закона природы как научный результат — и тем не менее у нас есть основание сказать: хотя метафизика, к сожалению, по-прежнему не достигла своей научной стадии, все сегодня указывает на то, что в своей зрелости она будет настолько удалена от такого, образца четырнадцатого века, оккамизма, насколько это возможно. У любого же, кто полагает, что в каком-то смысле (кроме строгого схоластического) не-необходимость закона природы есть результат науки, можно по меньшей мере потребовать очень отчетливо объяснить, что же это за смысл. Дабы не быть обвиненным в в приверженности трюизму, он, вероятно, соизволит рассказать нам, что среди сколько-нибудь влиятельных современных философов есть и такие, кто придерживается противного мнения.

В посвященных вероятности книгах, написанных исключительно в интересах развития математики и очень слабых с логической стороны, свидетельства трактуются как «очевидности», которые следует уравнивать друг с другом и друг против друга. Их авторы, другими словами, полагают, что характер очевидца и т. д. сам по себе дает нам абсолютную уверенность, что этот очевидец

солжет ровно столько-то раз — ни больше ни меньше. Мне это кажется абсурдным. Как часто он даст неверный ответ, зависит от того, как поставлены вопросы. Если они ставятся так, что на них можно ответить только «да» или «нет», попросту случайные ответы будут, *говорят нам*, верны в половине случаев; однако человек, отвечающий верно на половину вопросов, помещенный в такой, например, книге, как «Мангнолловы исторические вопросы» (*Mangnall's Historical Questions*), отвечает не наугад. Если скажут, что имеется в виду обычный ход задавания вопросов и ответов на них в конечном счете (in the long run), я очень сомневаюсь, что в таком деле может быть какой-то конечный счет. Данное выражение подразумевает серию отношений (ratios), сходящихся (пусть и нерегулярно) к некоему определенному показателю (value). Однако необходимости в том, чтобы такое схождение имело место, нет; а раз так, то в таком деле нет ни конечного счета, ни чего-то подобного вероятности.

Не вдаваясь в дальнейшее обсуждение, я только скажу, что если я прав и такая вещь, как исчисляемая «правдивость» (numerical «veracity») очевидца, отсутствует — если сама эта идея по сути своей абсурдна, — тогда — прав я или нет, отрицая «достоверность» («credibility») рассказа, взятого самого по себе — юмовский аргумент безнадежно неверен и не подлежит никакому исправлению. Но если я не прав ни в том, ни в другом, то несомненно, что, будучи взято вместе с надлежащими ему определениями, юмовское «уравновешивание очевидностей» представляет из себя исключительный по своей глубине метод, а основанный на нем аргумент и вправду опровергает все слишком необычные истории.]

Юм: Вера в свидетельство есть всего лишь случай суждения, базирующегося на знании того, что в некоторых явлениях есть некоторая степень единообразия (та именно степень единообразия, в согласии с которой свидетельство данного характера оказывается истинным), и как таковая эта вера должна управляться теми же принципами, что и другие рассуждения на основании единообразия опыта. ¶5. Принимать или не принимать свидетельство, таким образом, необходимо в согласии с равновесием правдоподобий (likelihoods). ¶6. (Юм говорит: «равновесием противоположных обстоятельств».) Мы должны учитывать характер и число свидетелей и т. д. ¶7.

Юм: Когда засвидетельствованный факт имеет в себе что-то необычное и чудесное или оказывается одним из тех, которые нам прежде редко доводилось наблюдать, это обстоятельство должно лечь на другую <т. е. говорящую против истинности факта> чашу весов. ¶8. Вывод подкрепляется римской поговоркой. ¶9. Так же и индийцев, отказавшихся поверить в лед, вовсе нельзя было уличить в отсутствии мудрости. ¶10. [Сделанное к этому абзацу примечание интересно с той точки зрения, что оно прямо отсылает к правилу непрерывности — хотя само по себе оно едва ли относится к главному аргументу.] Что же нам необходимо заключить в случае, если характер свидетелей, который следует положить на одну чашу весов, таков, что лучшего мы не могли бы и желать, но необычность их истории, которую следует положить на другую чашу весов, в своем приближении к чудесности также достигает максимума? ¶11. Чудо есть нарушение Х. [Нарушение «законов природы», говорит Юм. Но поскольку стоящая перед нами проблема как раз и заключается в том, чтобы достоверно выяснить точное логическое отношение некоей частной концепции законов природы к аргументу Юма, мы должны, согласно правилу логики, заменить эту фразу символом — такая операция делает невозможным выдвигание аргумента без того, чтобы объяснить ровно столько логического содержания замененной фразы, сколько имеет какое бы то ни было реальное отношение к самому аргументу.] Однако устойчивым (firm) и неизменным опытом была установлена истинность Х. Следовательно, аргумент против чуда убедителен настолько, насколько вообще может быть убедителен любой аргумент из опыта. Само же чудо есть такое событие, против которого имеется единообразный опыт. ¶12. [Это — единственное определение чуда, которое имеет отношение к самому юмовскому аргументу. Как он говорит об этом в другом месте, чудо есть событие, происшествие которого не только ни в один век и ни в одной стране не было известно, но которое положительно противно всякому опыту. Здесь же Юм вставляет сноску, в которой трактуется одно ничтожное возражение: в случае многих чудес, наблюдаемые их действия вовсе не выходили за рамки чего-то привычного — действия такого, к примеру, рода, как внезапная смерть

Анании, пребывавшего в видимом здоровье, или мгновенное прекращение бури. Его ответ таков: подобные обстоятельства никогда не образуют всего повествования целиком, и если взять это последнее, то в результате все-таки получится нечто, неведомое ранее. И хотя в этом примечании Юм дает полное схоластическое определение чуда (к которому я еще вернусь), само оно в общем — не более чем водоворот в течении его аргументации.]

Юм: Из сказанного следует: дабы установить <существование> чуда при помощи свидетельства, потребуется представить свидетельство такого характера, чтобы чудом оказалась его ложность — и чудом гораздо большим, нежели то, засвидетельствовать которое это свидетельство призвано. ¶13.

[Дабы опровергнуть то широко распространенное и чрезвычайно важное заблуждение (а именно таковым я его считаю), что свидетельство необходимо оценивать путем уравнивания правдоподобий (likelihoods), и дабы показать, на каких принципах его следует оценивать, понадобилось бы, учитывая приведение достаточного количества демонстративных примеров, отдельное эссе — при этом с концепцией закона природы его мало что будет связывать. И тем не менее по крайней мере одно возражение против метода подобного уравнивания я могу здесь привести. В этом методе путаются две совершенно разные вещи, а именно: объективные вероятности, каковые суть статистические факты — подобные тем, что составляют фундамент страхового дела, — и субъективные вероятности, или правдоподобия (likelihoods), которые суть не что иное, как выражения наших предвзятых представлений (notions). Так, падение камня с неба не было «правдоподобно» («likely»), пока у людей был неискоренимый предрассудок против этого. Но и это не все. Теория, гласящая, что человек говорит ложь именно столько-то раз, *независимо* от того, о чем идет речь, слишком далека от истины, чтобы быть хоть как-нибудь пригодной. Более того, совершенно безосновательна принятая у немецких авторов практика в тех отраслях древней истории, с которыми я знаком (что не включает библейской истории): зачастую они отвергают всякую имеющуюся <в историческом документе> очевидность в пользу собственных представлений (notions) о правдоподобии,

даже не попытавшись при этом объяснить, каким же образом отвергнутое свидетельство стало таким, какое оно есть. Истинным методом было бы объяснять имеющееся свидетельство во всех случаях, а уж затем подвергнуть данное объяснение всем возможным испытаниям. Однако, чтобы ясно показать, что я имею в виду, потребовался бы не один пример.¹

Юм начинает Часть II своего аргумента [ее разбор не существен для наших целей] заявлением положения, которое ему предстоит доказать, а именно, что ни одно свидетельство о чуде не имеет требуемой степени достоверности (certainty). ¶1. Достаточным доказательством этого на самом деле служит всего-лишь следующее соображение: нет таких очевидцев, чтобы событие сочинения ими какой-то истории из смеси заблуждений и преувеличений могло бы быть названо чудесным, или очень близким к чуду. ¶2.

Кроме того, более правдоподобно, что люди расскажут чудесную ложную историю, нежели ложную историю, ничем не примечательную. ¶¶3–6. Далее, уже имеющееся у нас знание о повествованиях такого рода говорит как раз в пользу их невероятности. ¶¶7–10. Далее, чудесам каждой религии противостоят чудеса (и другие очевидности) всех других религий. ¶11. Приводятся три вполне авторитетных рассказа о чудесах, каковые чудеса сами по себе <т. е. не исходя из авторитетных уст> современным Юму средним англичанином были бы без колебаний отвергнуты. ¶¶12–14. [В современном свете авторитетность этих рассказов не кажется такой полной.] Следует семь аргументов <против чудес> (¶¶15–21), все из которых носят специальный характер, за исключением первого, но и этот аргумент — не разработан. Наконец в ¶22 Юм суммирует свой аргумент в полном согласии с

¹ [Этот заключенный в квадратные скобки абзац был вставлен Пирсом в окончательный вариант после того, как Лэнгли удалил остаток части V и вставил следующее: «В обиходном, пусть и неправильном, употреблении языка закон природы есть последовательность событий, относительно которой мы наблюдаем лишь то, что события на самом деле — пока длится наблюдение — следуют друг за другом, причем данное наблюдение никоим образом не дает нам права сказать, что в таком их следовании есть какая бы то ни было *необходимость*».]

проведенным им выше анализом. [Следующие три абзаца, ¶¶23–25, являют собой пример неудовлетворительно-го рассуждения, ибо здесь Юм находит нужным высказаться только по частным случаям, не показывая, к каким же заключениям его принципы приведут как таковые. Относительно всех событий, трактуемых в этих абзацах, Юм лишь подтверждает уже примененные им принципы, демонстрируя, согласуются эти события с тем, что диктует здравый смысл, или нет.] Фрэнсис Бэкон, по-видимому, придерживался тех же принципов рассуждения. ¶26. [Два заключительных абзаца, ¶¶27, 28, представляют собой не более чем ничем не спровоцированное оскорбление христиан, которое Юм бросает с целью вызвать вокруг данной главы его книги некоторую шумиху — а тем самым и рассерженные возражения.]

VI. Каково воздействие на этот аргумент какой бы то ни было концепции законов природы, или метафизической сущности чуда?

Согласно определению Отцов церкви, чудо есть деяние (performance), настолько превосходящее обычные человеческие способности, что становится ясна необходимость оказанной деятелю необычной сверхчеловеческой помощи. Это определение, в котором ничего не говорится ни о законах природы, ни о других вещах, имеющих метафизический характер, до удивления подошло бы Юму для достижения его целей. Он мог бы сказать: «Мы имеем перед собой две противоположных возможности: либо мы должны поверить, что в свидетельство каким-то образом закралась ложь, либо мы должны поверить, что человек совершил деяние, против возможности которого говорит весь наш опыт. Что более правдоподобно? Поскольку опыт есть единственный источник знания, нам необходимо принять первую возможность, которая согласна с опытом — тогда как вторая полностью ему противна». Ведь именно таков и есть, в неизменном виде, аргумент Юма. Иначе говоря, аргумент Юма, по-видимому, вовсе не требует принятия какого-либо частного воззрения на имеющуюся в явлениях правильность (regularity) или на природу чуда — т. е. воззрения, ко-

торое выходило бы за пределы простого противопоставления чуда всякому опыту.

Юм не взял на вооружение данного патристической определения, потому что в его дни оно уже вышло из обихода. Он попросту переделал определение Аквината, заменив в нем *ordo naturae* на «законы природы» — ибо именно так в Англии (к тому времени уже на протяжении более чем двух поколений) обычно переводили данное латинское словосочетание.¹

Несомненно, Юму было предпочтительнее воспользоваться расхожим определением (чуда), дабы не усложнять главный вопрос обсуждением подобных материй. И все же, будь это расхожее определение на самом деле им принято — в изначальном смысле или в смысле, которым наделяли его картезианцы и другие современные Юму школы, — оно должно было сделать юмовский аргумент логически недопустимым. Ибо если для этого аргумента постулат о том, что опыт есть абсолютно единственный источник нашего знания, был жизненно важен, то схоластические реалисты понимали под «порядком природы» нечто вроде мысли, или разумности (*reasonableness*), реально и деятельно участвующей в формировании (*shaping*) явлений космоса. Тем не менее признание такой энергетической (*energizing*) разумности оставляло бы какую-то надежду на то, что врожденный свет человеческого разума может иметь свой вклад в знание. Если же мы оставим этой надежде какое-то место, то в случаях, когда опыт являет нам свою полную непригодность² — как (не беря евангельские чудеса) он явит свою

¹ Самый ранний из известных мне примеров подобного употребления этой фразы (в современном смысле) встречается в стихотворении Фулка Гревилла (*Fulke Greville*), «написанном в его Молодости, каковое Упражнение неизвестно было сэру Филипу Сидни» (говорится на титульном листе), и напечатанном в 1633 году... [В этой сноске, вставленной в окончательный вариант из-за того, что Лэнгли удалил приведенный выше отрывок стихотворения вместе с последними абзацами части II АС, Пирс цитирует первые четыре строчки из этого отрывка.]

² [Принадлежащая Лэнгли версия остатка части VI: «мы неизбежно и к полному краху юмовского аргумента будем вынуждены прибегнуть к этому самому внутреннему „свету естества“. Всякий должен был видеть, что если считать явления обязан-

полную непригодность, спроси мы, что произойдет, если Сын Божий велит человеку восстать из мертвых. В таких случаях мы неизбежно и к полному краху юмовского аргумента будем вынуждены прибегнуть к этому самому внутреннему «свету естества» («light of nature»). Из сказанного явствует, что аргументом Юма предполагается строго оккамистская концепция мира а, соответственно, и законов природы.

*VII. Какое действие произвел аргумент Юма на тех его современников, которые не публиковали своих мнений?*¹

На большинство таких людей никакое рассуждение не оказывает влияния, если у его автора нет авторитета — имя же Юма никакого веса ко времени данной публикации не имело. Из остальных его современников многие отметили бы про себя, что аргумент Юма есть не более чем сжатая версия других — тех аргументов, о которых они, и правда, были хорошо наслышаны, но с которыми, по их мнению, определенно не *более*, а возможно и менее юмовского, было необходимо согласиться. Не мог оказать значительного воздействия данный аргумент и на любого их тех, кто был достаточно заинтересован в предмете, чтобы ознакомиться с книгами Вулстона и Аннета. В реальности он мог привлечь внимание одних лишь оккамистов, хотя мало кто к тому времени уже не был заклятым противником всяких чудес. Что же касается большинства образованных людей, то, счи-

ными своей правильностью всего лишь особому постановлению Всемогущего (а именно это [почти и] подразумевает фраза «закон» природы), то это чрезвычайно благоприятно для [веры в] чудеса — благоприятно до такой степени, что способно подвигнуть людей на утверждение (нередко высказывавшееся), что слишком невероятное [с привычной точки зрения] может стать весьма вероятным, если Бог пожелает дать нам откровение о Себе. Тем не менее, несомненно, что для огромного количества людей подобное рассуждение было слишком темным». [Слова в квадратных скобках были добавлены Пирсом.]

¹ [В версии Лэнгли многое из частей VII и VIII удалено, а оставшееся от них включено в часть VI, так что части IX и X пирсовского АС у Лэнгли стали частями VII и VIII.]

тая церковь лишь придатком государства, они не могли не счесть выступление Юма заслуживающим порицания.

VIII. Какое воздействие, по мысли тех, кто не публиковал своих мнений, имела метафизическая сущность закона природы на аргумент Юма?

Всякий должен был видеть, что считать явления обязанными своей правильностью (regularity) всего лишь особому установлению Всемогущего (а именно это подразумевает фраза «закон» природы) чрезвычайно благоприятно для <веры в> чудеса — благоприятно до такой степени, что некоторых способно подвигнуть к заявлению (нередко высказывавшемуся), что слишком невероятное при обычных обстоятельствах может стать весьма вероятным, если Бог пожелает дать нам откровение о Себе. Но так как для огромного количества людей подобное умозаключение (совершенно нелепое для оккамиста) было, несомненно, слишком сложным, им оставалось сказать лишь следующее: «Этот джентльмен показывает свою расположенность принять все, что только можно, но при этом все же неспособен принять чудеса, а ведь он так замечательно умеет рассуждать — так замечательно, что нам нельзя даже за ним уследить. Поэтому нет сомнения, что он прав». Другим, слышавшим об упоминании «законов природы» и прекрасно знающим, что ни Гоббс, ни другой строгий оккамист не потерпел бы подобной фразы, данное обстоятельство не позволило бы, вероятно, увидеть, что ни на чем, кроме оккамистского фундамента, аргумент Юма покоиться не может.

*IX. Оказал ли аргумент Юма иное влияние на образованных людей нашего времени;
и если да, то почему?*

У меня почти нет сомнений (ибо здесь я вновь могу выражать только то, что не выходит за пределы моего узкого кругозора), что данный аргумент в основном утратил тот престиж, которым он пользовался между временем Юма и нашим — в том промежутке, когда философия пребывала в путаном (confused) состоянии, а осозна-

ние метафизических вопросов не было столько глубоким, как тогда или как теперь.

Сегодня многие сомневаются, имеется ли достаточная очевидность, что был некий Иисус — о котором в основном повествуется в Евангелиях, — и поэтому вряд ли они полагают, что аргумент Юма заслуживает какого-то разбора. Другие придерживаются мнения, что независимо от юмовского аргумента, самого по себе могущего быть сомнительным, никак не может быть признано достаточным свидетельство толпы, посреди которой, по-видимому, Иисус совершал свои чудеса. В наше время очень мало чья вера покоится на евангельских чудесах. Для большинства побуждением к религиозной вере выступает какой-то свой личный опыт — и если в чудеса, в буквальном смысле, верят, то потому что они кажутся неотделимыми от религии. И опять же: главный принцип Юма — историческое свидетельство необходимо судить посредством уравнивания вероятностей — использовался в недавнем прошлом немецкими критиками (ушедшими гораздо дальше, чем Юм позволял заходить своим невинным сомнениям) столь усердно, что потерял всю свою новизну и большую часть своего блеска.

Кроме двух этих общих причин, две особых черты аргумента Юма делают его теперь для многих неприемлемым. Во-первых, Юм учит, что все человеческое знание покоится на квазимеханическом изучении статистики, и что естественный свет разума недопустим ни в малейшей степени — а это противоречит течениям мысли, распространенным нынче, когда эволюция так или иначе уже побудила нас отойти от чистого оккамизма. Во-вторых, Юм, сделав всякое рассуждение применением исчисления вероятностей, сам тут же выказывает такое невежество в отношении этого исчисления,¹ что заставляет тех, кто хотя бы отчасти сведущ в последнем, счесть его <Юма> более поверхностным <мыслителем>, нежели он был в реальности. И так как наше главенствующее настроение теперь — указывать на поверхностность скептицизма восемнадцатого века, заметив подобный симп-

¹ [В окончательном варианте Пирс добавил: «того самого исчисления вероятностей, из которого он с такой помпой выводит свой аргумент».]

том, мы начинаем испытывать незаслуженное презрение к Юму — в реальности бывшему одним из великих гениев психологии.

Х. Стало ли какое бы то ни было изменение в распространенной концепции закона природы в некоторой степени причиной изменения нашего отношения к аргументу Юма?

Нет сомнения, что в точности та же самая концепция закона природы, которая была наиболее широко распространена в дни Юма, наиболее широко распространена и сейчас. Разница же заключается в том, что в наши дни прогресс прикладной науки заставляет людей обращать все больше внимания на имеющуюся в природе регулярность¹ — так, если в дни Юма значительное большинство протестантского священства, насколько мы можем судить, не только само себя убеждало, что верит в чудеса, но и в реальности в них верило, то сегодня вы, задавшись, к примеру, целью обойти в любое воскресенье в течение периода жестокой засухи как можно больше церквей, ни в одной из них так и не услышите молитвы о дожде.

Осмелюсь сказать, что люди теперь больше увлечены предсказаниями судьбы, хиромантией, связями с другим миром и прочими средствами пощекотать нервы — которые, как вещи непостижимые, стоят для них в одном ряду с беспроволочным телеграфом, телефоном, рентгеновскими лучами и велосипедами, — нежели во времена Юма, когда в моде был здравый смысл. Однако я не вижу никакой аналогии между таким состоянием ума и верой в чудеса.

Некоторая часть научного мира с недавнего времени, и правда, посвящает большую часть своего времени обсуждению существенно условного (provisional) характера научных теорий. Ничего нового в этом нет. Св. Августин в связи с чудесами заметил, что не преображенный духовно человек неспособен что-либо знать о реальном порядке природы и что чудо есть нарушение законов

¹ [Лэнгли удалил оставшуюся часть этого предложения.]

природы лишь в той степени, в которой мы их знаем — во времена Юма это замечание повторил епископ Батлер.¹ Однако если заявить, что формулы, принять которые как законы природы мы обнаружили основание, со временем, вероятно, будут заменены, то такое мнение не только не будет необходимо враждебным оккамизму, но, наоборот, окажется в полном согласии с его философией — это подтверждается тем, что в наше время оно отстаивается по большей части как раз окканистами. Нет в окканизме и ничего такого, что делало бы невозможными чудеса. *Подлинно* нелогичным, с окканистской точки зрения, окажется лишь сделать какое-либо из этих двух положений <о сменяемости законов природы и о возможности чудес> основой принятия того или иного частного чуда. Ибо если исходить из окканистских принципов, логическим подкреплением любой веры может быть только положительный опыт, аргументировать же из того, что тебе *не* известно, просто нелепость.

В той мере, в какой в наше время есть эволюционистские течения, которые уже заставили нас посмотреть на законы с другой точки зрения, есть и зерно тех идей, которые неизбежно приведут к краху окканизма, а вместе с ним и юмовского аргумента против чудес.

XI. Каковы реальные достоинства юмовского аргумента?

Из когда-либо сделанных применений общего метода суждения о свидетельствах посредством уравнивания правдоподобий юмовский аргумент относится к наиболее сильным.

Данный общий метод покоится на презумпции, что опыт есть единственный источник знания, а индуктивный процесс — единственный путь перейти от известного к неизвестному.

Однако не только наше знание не берется исключительно из опыта, но и каждый научный результат (item

¹ [Лэнгли удалил оставшуюся часть этого абзаца.]

of science) изначально был догадкой (conjecture), в которую опыт лишь внес свои поправки.

Индуктивный процесс необъясним на основе допущения, что все наше знание приходит лишь из опыта, и был бы невозможен, если бы это был единственный путь перехода от известного к неизвестному.

И если все существо (matter) наших серьезных научных книг состоит из догадок, поверяемых опытом, то все существо книг, посвященных методу суждения о свидетельствах посредством уравнивания правдоподобий, состоит в догадливости — той догадливости, которая, как скверно подкованная лошадь, проносится мимо всех относящихся к делу фактов.

Когда этот метод применяется на деле, всегда оказывается так, что его плоды возбуждают либо смех, либо ужас — в зависимости от того, было применение умозрительным¹ или практическим.

Умозрительно он применяется современными немецкими критиками древней истории, для которых обычаем стало отрицать свидетельства каждого исторического лица и взамен предлагать то, что кажется правдоподобным в немецком университетском городке в его конкретное историческое время. Однако эта критическая установка незамедлительно выказывала свою смехотворность всякий раз, когда в возражение критика вонзался заступ археолога.²

Тот же принцип практически применяется на европейском континенте к судебным уликам (evidence); и если кого-то поражает ужасная несправедливость, чинимая нашими собственными судьями и представителями прокуратуры, то в своем роде бальзамом на его уязвленный американизм могло бы стать изучение результатов применения обсуждаемого нами метода в континентальном «правосудии».

¹ [Пирс в окончательном варианте заменил «умозрительным» на «чисто научным».]

² [Здесь заканчивается версия Лэнгли, из которой приведенный выше последний абзац был удален.]

ПИСЬМА К ЛЕДИ УЭЛБИ¹

[Начало переписке Пирса с леди (Виолой) Уэлби положила обзорная статья, опубликованная им в журнале *Nation* от 15 октября 1903 г., которая была посвящена ее книге «Что такое значение?» (*What is Meaning?*), а также труду Бертрانا Рассела *Principia Mathematica*. Леди Уэлби для исследования знаков, их роли в развитии сознания вообще и рассмотрения различных предметов, имеющих важное значение для гуманитарного образования в частности, предложила использовать термин *сигнифика* (*significs*). Позже ею была составлена статья о сигнифике для *Encyclopaedia Britannica*. Пирс много лет посвятил разработке логической теории знаков и изучению особенностей исторической эволюции мысли, которая, как он полагал, имеет тесную связь с принципами использования знаков. Поэтому он был рад вступить в длительную переписку с высокообразованным человеком и тонким собеседником, проявляющим интерес не только к его логическим изысканиям в области языка, но также и к его философским взглядам на проблемы этики и религии. Составляющие письма непринужденные рассуждения Пирса о прагматизме, космологических категориях, называемых им Первичностью, Двоичностью и Троичностью, приводимый им разбор различных типов знаков, его взгляд на этические идеалы, рассматриваемые в качестве символов, и его мнение о религиозной вере — все это не только дает возможность получить общее представление о философии Пирса, но и обнаруживает толкования, представляющие подчас тот или иной предмет в более ясном свете, нежели специально посвященные оному статьи. Вместе с тем письма проливают свет на некоторые особенности его частной жизни, касающиеся одиночества и денежных

¹ <Перевод по изданию: *Values in the university of chance*. Dover Publications, Inc. NY, 1938. P. 380–432.>

затруднений, которые он испытывал в последнее десятилетие своей жизни. Некоторые отрывки, не имеющие существенного значения, были опущены.]

Отрывки из писем к леди Уэлби (1903–1911)

1 декабря 1903 г.

[...] Мне кажется, что возражения, выдвинутые против моего термина «прагматизм», попросту несерьезны. Это учение о том, что истина состоит в будущей полезности (serviceableness) наших целей, и данный термин, как мне представляется, выражает его смысл достаточно ясно. Я мог бы назвать его «практизм» или «практицизм» (*πρακτικός* несколько более корректно филологически, нежели *πραγματικός*), но «прагматизм» лучше звучит.

[...] Даже величайший из когда-либо живших аналитиков мысли мог бы потратить неограниченное количество времени в попытках найти для своих идей совершенное выражение. Но выражение и мысль суть одно, поэтому, потратив массу времени и энергии на то, чтобы сделать собственные мысли абсолютно отчетливыми, он никогда не достиг бы идеального результата и в конце концов только запутал бы все дело, так что стало бы совершенно невозможно вообще что-либо понять. Думаю, Ваша настойчивость в том, что касается точности метафор — скажем, в случае такого выражения, как «пустить слово в оборот» («to coin a word»), — представляет собой крайность, которой можно было бы легко избежать без каких-либо потерь относительно сути дела. Я искренне и полностью согласен, что изучение предмета, представляющего интерес для нас с Вами, должно служить — как бы мне это выразить таким образом, чтобы ни в чем не согрешить перед изощренной строгостью Ваших требований, — главной целью гуманитарного образования, каковая отличала бы его от образования в сфере специального знания. Под первым я имею в виду образование, необходимое каждому человеку, от общества и диалога с которым другой ожидает некоторый положительный результат. Но в таком случае совершенная точность мысли недостижима, *теоретически недостижима*, и чрезмерное желание ее может привести к последствиям еще более

нежелательным, нежели просто потеря времени — оно положительно делает мысль гораздо менее ясной. [...]

12 октября 1904 г. Милфорд, Пенсильвания

Дорогая леди Уэлби,

С тех пор, как я получил Ваше последнее письмо, дня не проходило без того, чтобы я не клял обстоятельства, до сего момента откладывавшие мой ответ, который я намеревался отправить сразу же, и после, чтобы каждый раз я не давал себе обещание исполнить это как можно скорее. Но жизнь в провинции, по эту сторону Атлантики — если только ты не мультимиллионер — сопряжена с большими трудностями. И хотя я провел здесь безвыездно почти все последние годы, я никак не могу привыкнуть к тому, что необходимое условие существования в этой стране — ничем не выделяться из толпы. Рискну утверждать, что Вы совершенно не способны ни понять, ни представить себе, скажем, ту жизнь, которую ведет обычная американская девушка: это жизнь домашней прислуги. Также меня приводит в совершенное бешенство опрометчиво подписанный мной контракт, который обязывает меня к определенному сроку написать несколько статей для приложения к «Словарю Века» (*Century's Dictionary*). Конечно, я мог бы описать мои идеи грубо и в немногих словах, но все же до настоящего момента не устал убеждать себя, что через несколько дней мне удастся найти время, чтобы изложить предмет так, как мне бы того хотелось, пока наконец то, о чем я собирался писать, вовсе не утеряло вполне ясные очертания. Так или иначе, я не теряю надежды, что Вы поверите — только невозможность помешала мне ответить безотлагательно, ибо от того, кто живет в провинции, можно ожидать подобной веры с большим основанием, нежели от того, кто прячется за городские стены.

Должен заметить, что я был весьма удивлен, когда вы предпочли не причислять себя к «рационалистам» и в то же время сказали, что как женщина Вы представляете собой существо естественным образом консервативное. Конечно, хозяйка дома — всегда министр иностранных дел (не говоря уже о финансах и юстиции) и, как законченный дипломат, осмотрительна и консервативна. Но я

по опыту знаю, что когда женщина близко принимает некоторую идею, она — в чем, собственно, и состоит ее исключительность — придерживается этой идеи с искренним сердцем. Среди моих лучших друзей есть несколько весьма радикально настроенных женщин. И я совсем не уверен, что ваше предложение изменить основание исчисления не представляется мне несколько радикальным.

Но прежде всего я хотел изложить мои соображения по поводу теории знаков, которая, с нашей с Вами точки зрения, заслуживает весьма пристального внимания. Впрочем, думаю, более с моей, нежели с Вашей, ибо считаю, что наивысшая степень реальности достижима только с помощью знаков, т. е. посредством реализации таких идей, как идеи Истины, Долга и остальных. Последнее утверждение звучит парадоксально, но когда я представлю Вам мою теорию в полностью развернутом виде, оно покажется Вам более основательным. Сегодня мне хотелось бы дать объяснение принципов, служащих главной предпосылкой моей классификации знаков.

Вам известно, что я полагаю введение новых терминов в особенности заслуживающим оправдания, когда дело идет о совершенно новых идеях. Не знаю, можно ли посчитать идею науки, которую я называю *Идеоскопией*, совершенно новой, но только термин *феноменология* подразумевает собой нечто совершенно другое. *Идеоскопия* состоит в описании и классификации идей, имеющих отношение к обычному опыту или естественным образом возникающих в повседневной жизни, безотносительно к их значимости в ней и независимо от каких-либо связанных с ними фактов психологии. Посвятив изучению данного предмета три или четыре года, я уже довольно давно (еще в 1867 г.) пришел к выводу, что все идеи могут быть сведены к трем категориям — Первичности, Двоичности и Троичности. Эти термины режут слух мне в отнюдь не меньшей степени, чем любому другому; и я долгое время пытался избавиться от них, найдя им замену, но в конце концов оставил эту затею. Хотя и непривычно приписывать подобные значения числам, и более того — триаде, это настолько же непривычно, насколько и истинно. Идеи Первичности, Двоичности и Троичности достаточно просты. Придавая бытию возможно более широкий смысл — в том, что равным образом каса-

ется и идей, и вещей, и вместе с тем идей, которыми мы думаем, что обладаем в той же степени, что и идей, которыми мы действительно обладаем — я определяю Первичность, Двоичность и Троичность следующим образом:

Первичность есть модус бытия нечто положительно таким, каково оно безотносительно (without reference) к чему бы то ни было еще.

Двоичность есть модус бытия нечто таким, каково оно, принимая во внимание второе, но безотносительно к третьему.

Троичность есть модус бытия такого нечто, которое есть то, что оно есть в приведении второго во взаимосвязь с третьим.

Я называю три указанные идеи кенопифагорейскими (kenopythagorean) категориями. Типичные идеи Первичности суть качества переживаний или простые явления. Например, алый цвет в королевском гербе, само качество, независимо от того, воспринимается ли и является ли оно содержанием памяти или нет. Я не имею в виду, что Вам следует представлять себе, что Вы *не* воспринимаете или помните его. Напротив, Вам должно не принимать во внимание все, что может быть связано с качеством в восприятии или памяти, и при этом не имеет отношения к нему самому. Припоминая его, Вы имеете <едва различимую или> *тусклую* идею качества, когда же оно прямо у Вас перед глазами, Вы обладаете его <живой или> *яркой* идеей. Но тусклость или живость не принадлежат собственно идее качества, хотя, вне сомнения, *могли бы*, если бы рассматривались просто как переживание. Однако, когда живость мыслится, она не может быть рассмотрена с этой точки зрения, ведь вы думаете о ней только как о выражении некоторой степени беспокойства сознания. Качество красного цвета не мыслится как принадлежащее Вам или свойственное ткани. Это просто некоторая позитивная возможность, безотносительная к чему бы то ни было еще. Если спросить минералога о том, что он называет твердостью, он ответит, что это нечто, приписываемое телу, на которое нельзя нанести порез при помощи ножа. Обычный же человек понимает твердость как простую положительную возможность, *реализация* которой наделяет тело свойствами кремня. Такая идея твердости есть идея Пер-

вичности. Недоступное для анализа общее впечатление от некоторого многообразия, мыслимое не как действительный факт, но как качество, которое есть простая положительная возможность явления, есть идея Первичности. Отметим *naïveté* Первичности. Кенопифагорейские категории, несомненно, суть другая попытка охарактеризовать то, что Гегель пытался представить как три стадии развертывания мысли. Они также соотносятся с тремя категориями каждой из четырех триад кантовского списка категорий. Тот факт, что все эти попытки были осуществлены независимо друг от друга (схожесть моих категорий с гегелевскими стадиями долгое время оставалась незамеченной из-за той антипатии, с которой я отношусь к его философии), только свидетельствует в пользу того, что таковые три элемента действительно имеют место. Идея момента настоящего, который — существует он или нет — естественным образом мыслится как некоторая точка во времени, в коей никакая мысль не может осуществлять себя и никакая подробность не может быть различима — есть идея Первичности.

Типический пример идеи Двоичности представляет собой опыт усилия, отвлеченный от идеи причины. Можно возразить на это, что такой опыт не есть нечто действительное, что когда познаётся усилие, всегда берется в расчет и причина. В последнем утверждении, однако, вполне можно усомниться, так как в усилении, длящемся непрерывно, идея причины рано или поздно теряется. Так или иначе, я воздерживаюсь от всякого рода психологии, ибо таковая не имеет никакого отношения к идеоскопии. Существование слова *усилие* служит достаточным доказательством того, что, как полагают, такая идея имеет место, и этого достаточно. Опыт усилия не может быть осуществлен без опыта сопротивления. Усилие есть то, что оно есть, только благодаря тому, что нечто ему противостоит, и при этом всякий третий элемент исключается. Заметьте, что я говорю об *опыте*, а не о *переживании* усилия. Представьте себя сидящей в полном одиночестве ночью в корзине воздушного шара, высоко над землей, наслаждающейся полнейшей тишиной и покоем. Внезапно вас настигает пронзительный сигнал паровозного свистка, который длится достаточно долгое время. Ощущение покоя было идеей Первичности, качеством

переживания. Пронзительный звук свистка лишает Вас возможности думать или делать что-либо, так что все, что Вы можете — ждать, пока он не прекратится. Это также нечто совершенно простое, т. е. еще одна Первичность. Но то, собственно, что тишина была нарушена шумом, представляет собой опыт. В состоянии инертности, сообщаемой восприятию предшествующим переживанием, человек идентифицирует себя с этим переживанием, так что новое переживание, которое он начинает испытывать, есть *non-ego*. В момент перехода он обладает двусторонним сознанием *ego* и *non-ego*. Такое осознание воздействия нового переживания, разрушающего прежнее переживание, я называю *опытом*. Опыт в общем и целом есть то, чему течение жизни *подчиняет* мои мысли. Двоичность может быть *подлинной* или *вырожденной*. Подлинность обладает множеством степеней. Говоря в общем, подлинная Двоичность состоит в воздействии, — грубом воздействии, — которое нечто одно оказывает на нечто другое. Я говорю о грубом воздействии, поскольку когда мы привлекаем идею *закона* или *разума*, мы попадаем уже в сферу действия Троичности. Когда камень падает на землю, закон тяготения сам по себе не заставляет его это сделать. Последний подобен судье, выносящему приговор до его исполнения — до тех пор пока рука правосудия, грубая сила судебного исполнителя не приведет приговор в исполнение, последний ровным счетом ничего не стоит. Правда, судья, если это понадобится, может наделить кого-то полномочиями исполнителя, но, так или иначе, он должен такового иметь. Действительный факт падения камня касается собственно только камня и земли, на которую он падает в тот или иной момент. И в этом случае мы имеем дело с *противодействием*. Равно и *существование* представляет собой модус бытия нечто таким, каково оно во взаимодействии с другим нечто. Имеет место также и действие без противодействия. *Таково действие предшествующего на последующее*. Является ли идея, имеющая подобное одностороннее определение, чистой идеей двоичности или же она вовлекает троичность — трудный вопрос. На данный момент мне кажется корректным первое утверждение. Я полагаю, что когда Кант определил Время как форму только внутреннего чувства, он руководствовался

соображениями приблизительно следующего характера. Отношение между предшествующим и последующим состоит в том, что предшествующее естественным образом предопределено и закреплено для последующего, последующее же не предопределено для предшествующего. Но отсутствие естественной предопределенности присуще только идеям, существующее же установлено во всех отношениях — в этом и состоит закон причинности. Отсюда, временное отношение затрагивает только идеи. К этому можно еще добавить, что, согласно закону о сохранении энергии, в физическом универсуме не существует ничего, что бы соответствовало идее о зависимости последующего от предшествующего таким способом, каким само последующее в свою очередь не определяло бы предшествующее. В соответствии с указанным законом, все, что имеет место в физическом универсуме, состоит в обмене определенного количества *vis viva*¹ $\frac{1}{2}m (ds/dt)^2$ для равного перемещения. Квадрат отрицательного количества есть величина положительная. Следовательно, если бы все скорости в некоторый момент времени изменили свои значения на противоположные, это не привело бы ни к какому изменению — только время изменило бы, так сказать, свое направление. Все, что случается, случилось бы в обратном порядке. Эти аргументы кажутся мне достаточно вескими, чтобы доказать, что временная причинность (нечто совершенно иное, нежели физическое динамическое воздействие) представляет собой действие в сфере идей, а не существований. Но поскольку наша идея прошлого есть в точности идея того, что абсолютно определено, закреплено, *fait accompli* и лишено жизни, составляя в этом противоположность будущему как чему-то живому, пластичному и определимому, мне представляется, что идея одностороннего действия — настолько, насколько она затрагивает бытие определенным — есть чистая идея Двоичности. Я думаю, что самыми грубыми своими просчетами метафизики обязаны попыткам определить будущее как нечто, что должно стать прошлым. Я никак не могу согласиться с тем, что идея будущего может быть таким образом переведена в разряд Двоичных идей прошлого. Сказать, что данный Тип событий

¹ <Жизненная сила. — лат.>

никогда не будет иметь места, значит отрицать существование некоторого времени, когда случившееся событие станет прошлым. При этом последнее вовсе не равнозначно утверждению о прошлом, что оно соотносимо с каким-либо определимым временем.

Когда мы переходим от идеи события к утверждению, что оно никогда не произойдет, или будет бесконечно повторяться, или тем или иным образом привнесет идею бесконечного повторения, я бы сказал, что идея *меллонизирована* (*μέλλων*, готовое быть, делать, претерпевать). Когда я различаю факт, который действует, но не способен испытывать воздействие, я называю его *parelēlythose* (прошрое), а модус бытия, который состоит в таком действии — *parelēlythosine* (-ine = *εἶναι*, бытие). Первое я рассматриваю как идею Троичности, последнее — как идею Двоичности. Вообще идея любого диадического отношения, не вовлекающая никакого третьего, есть идея Двоичности. Вырожденная Двоичность в чистом виде представлена отношением тождества, к которому близко примыкает подобие как единственно возможное тождество для Первых. В свое время мною были представлены самые различные способы классификации Диадических отношений. Наибольшую важность имеет рассмотрение первого в том, что касается природы Второго самого по себе, и второго в том, что касается природы его первого. Второе, или *Относящее* (Relate) само по себе либо *Отсылающее* (Referate), если оно по своей природе есть возможность, как, например, Качество; либо *Раскрывающее* (Revelate), если оно по своей природе есть Существование. За основание разделения Второго по отношению к своему первому берется его отношение либо к своему динамическому первому, либо к непосредственному первому. Относительно своего динамического первого Второе определяется либо собственно своей внутренней природой, либо реальным отношением ко второму (действию). Его непосредственное второе есть либо Качество, либо Существование.

Теперь я перехожу к Троичности. Я посвятил изучению данного предмета добрые сорок лет, предприняв рассмотрение его со всех точек зрения, какие только возможны, поэтому неадекватность Двоичности для того, чтобы дать содержанию сознания полное описание, очевидна для меня настолько, что когда я хочу убедить

в этом кого-либо, у кого есть на этот счет какие-либо сомнения, я не знаю даже, с чего начать. Вместе с тем я вижу, как многие ученые пытаются создавать собственные системы, вовсе не вкладывая в них троичность. Некоторые из них — мои лучшие друзья — считают, что в своих изысканиях во многом обязаны моим идеям, но при этом так и не выучили главный урок. Что ж, стремиться досконально изучить Двоичность — в высшей степени правильное дело, ведь только так можно осознать необходимость Троичности и полную невозможность ее редукции, хотя для того, чей ум способен ухватить эту идею как таковую, достаточно заметить, что путем простого присоединения начала одной линии к концу другой никак не может быть получено разветвление первой. Мой друг Шредер буквально влюбился в мою алгебру диадических отношений. Я посвятил ее проблемам несколько страниц в моей Заметке В (Note V),¹ опубликованной в «Логических исследованиях <представителей Университета> Джона Хопкинса», которые объемом вполне соответствуют значимости вопроса. Его книга² весьма основательна, но последнее обстоятельство только лишний раз делает более ясным тот факт, что Двоичность никак не может обойтись без Троичности. (Он с осторожностью избегает упоминания о таковой возможности, но заходит достаточно далеко, чтобы утверждать, что Двоичность более значима. Так оно и есть, но лишь в том смысле, что без Двоичности не может быть понята Троичность. В том, однако, что касается ее применения, она в такой степени уступает Троичности, что в этом аспекте находится как бы в совершенно другом мире.) Даже в своей наиболее вырожденной форме — а Троичность обладает двумя степенями вырожденности — она может обнаружить в себе нечто, не являющееся простой двоичностью. Если взять любое обычное триадическое

¹ [«Логические исследования представителей Университета Джона Хопкинса» («Studies in Logic by Members of the John Hopkins University») редактировались Пирсом. Книга была опубликована *Little, Brown and Company* в 1883 г. Пирсова «Заметка В» воспроизведена в 12 главе III тома *Collected Papers of Charles S. Peirce*.]

² [Vorlesungen über die Algebra der Logik. B.G. Teubner, Leipzig, 1890–1905.]

отношение, то мы всегда обнаруживаем в нем *ментальную* составляющую. Грубое действие есть вторичность, ум же вовлекает троичность. Разберем, к примеру, отношения «А дарит В некоему С». Что есть дарение? Оно не заключается в том, что А выбрасывает В, а С впоследствии подбирает его. В данном случае даже необязательно, чтобы имело место некоторое материальное перемещение. Дарение состоит в том, что А наделяет С правами на владение В в соответствии с *Законом*. Акту дарения предшествует определенного рода закон, определяющий право, будь это даже право сильнейшего. Теперь предположим, что имевший место акт дарения *состоял* в том, что А куда-то положил В, который С позже подобрал. Этот случай описывает вырожденную форму Троичности, в которой соответствующий элемент прилагается внешним образом. В том, что А выбрасывает В, нет никакой троичности, как нет ее и в том, что С подбирает В. Но если вы утверждаете, что два означенных действия конституируют единый акт, основанный на тождественности В, вы переступаете пределы грубого факта, так как тем самым вводите в отношение ментальную составляющую. Что касается моей алгебры диадических отношений, Рассел в своей книге, поверхностной до тошноты, отпускает несколько несерьезных замечаний об «относительных прибавлениях» и т. д., которые абсолютно лишены всякого смысла.¹ Он, а может быть, Уайтхед, говорит, что необходимость в них возникает крайне редко. Необходимость в них *никогда* не возникает, если вводить один и тот же тип связи для совершенно разных случаев. И поскольку данный тип связи представляет собой часть системы, это неизбежно сказывается на системе в целом. Но предоставим Расселу с Уайтхедом возможность самим заботиться о своем спасении. Мое критическое замечание по поводу алгебры диадических от-

¹ [Замечания, к которым отсылает Пирс, приводятся в *Principia Mathematica* на с. 24, где Рассел говорит, что методы, которыми пользуется Пирс, настолько громоздки, что это делает применение их делом совершенно невыполнимым, а также содержат ряд философских ошибок в интерпретации относительных пропозициональных форм. В настоящее время большинство исследователей считают интерпретацию Пирсом относительных пропозиций приемлемой.]

ношений, с которой, хотя я и считаю ее весьма интересным делом, у меня отношения далеко не простые, состоит в том, что, не распознавая собственно триадические отношения, она тем не менее использует их. Ведь всякое сочетание относительных (*relatives*) с целью создания некоторого нового относительного представляет собой триадическое отношение, несводимое к совокупности диадических отношений. *Неадекватность* диадического отношения может быть показана множеством способов, но в данном случае оно в конфликте с самим собой, *если его рассматривать* (как сам я никогда его не рассматривал) *в качестве достаточного для выражения любых отношений*. Моя универсальная алгебра отношений с прилагаемыми к ней индексами, Σ и Π , вполне может быть расширена так, чтобы охватить весь предмет. То же, и даже с большим основанием, можно сказать также о системе экзистенциальных графов, хотя последняя и тогда еще будет далека от совершенства.¹ Я недостаточно времени посвятил изучению вырожденных форм Троичности, но все же могу сказать, что Троичность имеет две ясно различимые степени вырожденности. В своей подлинной форме Троичность представляет собой триадическое отношение, устанавливающееся между знаком, его объектом и интерпретирующей его мыслью, которая сама также является знаком, и рассматривается как конституирующее модус бытия знаком. Знак служит связующим звеном между знаком-*интерпретантом* и объектом. Если взять знак в самом широком смысле, его интерпретант сам не обязательно должен быть знаком. Но всякое понятие, конечно, является знаком. Об этом уже достаточно сказано у Оккама, Гоббса и Лейбница. Но мы можем взять знак настолько широко, что интерпретант его будет представлять собой не мысль, но действие или опыт. Мы можем даже толковать значение знака настолько расширительно, что его интерпретантом может быть качество переживания. *Третье* есть нечто, приводящее Первое в отношение ко Второму. Знак есть некоторого рода Третье. Как нам следует охарактеризовать его? Следует ли сказать, что знак приводит Второе, его Объект в *познавательное* (*cognitive*) отношение к Третьему? Или

¹ [См. кн. II том IV *Collected Papers of Charles S. Peirce*.]

же что знак приводит Второе в то же отношение к первому, в котором он сам находится к тому же Первому? Если мы настаиваем на привлечении *сознания*, мы должны определить, что имеется в виду под сознанием объекта. Должны ли мы определить его как Переживание? Или же, быть может, ассоциацию, или Привычку? Последние на первый взгляд представляют собой психологические дистинкции, которых я в особенности стремлюсь избегать. Какова по существу разница между знаком, сообщаемым уму, и тем, который не сообщается таким образом? Если бы мы просто желали определить, что мы *действительно* имеем в виду под знаком, то в самом скором времени вопрос мог бы быть решен. Но дело не в этом. Мы находимся в ситуации зоолога, который хочет знать, каково должно быть значение слова «рыба», чтобы сделать рыб одним из классов позвоночных. Мне представляется, что основная функция знака состоит в том, чтобы сообщать действительность отношениям, ею не обладающим — не принуждать их к действию, но устанавливать привычку или общее правило, посредством обращения к которому они будут действовать в определенной ситуации. Если обратиться к физике, все, что случается, — это непрерывное прямолинейное движение с определенной скоростью и ускорением, сопровождающим различные относительные положения частей. Все остальные отношения, которых мы знаем весьма большое количество, не действительны. Знание некоторым способом наделяет их действительностью, знак же есть такое нечто, зная которое, мы знаем нечто большее. За исключением знания о содержании сознания в некоторый данный момент настоящего (существование какового знания сомнительно), всякая наша мысль и всякое знание возможны только посредством знаков. Знак, следовательно, есть объект, таким образом соотносительный со своим объектом с одной стороны и с интерпретантом с другой, что это приводит интерпретант в отношение к объекту, соответствующее его собственному отношению к тому же объекту. Я мог бы сказать «подобному его собственному отношению», ибо соответствие заключается в подобии, но значение первого кажется более точным.

Теперь я вполне готов дать мою классификацию знаков. Как я уже указал, знак имеет два объекта: его объект как он репрезентирован и его объект сам по себе; а так-

же три интерпретанта: его интерпретант как репрезентируемый или подразумеваемый способным к тому, чтобы быть понятым, его интерпретант как он произведен, и его интерпретант сам по себе. Так что основанием для разделения знаков может служить их отношение к своим объектам, их собственная материальная природа и их отношение к своим интерпретантам.¹

Знак сам по себе либо обладает природой явления — и тогда я называю его *квалисигнумом*; либо он есть единственный объект или событие — и тогда я называю его *синсигнумом* (где слог *sin* означает то же, что и в словах *semel, simul, singular* <раз, сразу, единожды> и т. д.); либо он обладает некоторой общей природой — тогда я называю его *легисигнумом*. В том смысле, который мы чаще всего придаем термину «слово», когда говорим, что определенный артикль *the* — это одно «слово», а неопределенный артикль *an* — другое «слово», слово представляет собой легисигнум. Но когда мы говорим, что на данной странице записано 250 «слов», из которых 20 — определенные артикли, слово является синсигнумом. Синсигнум, таким образом актуализирующий легисигнум, я называю *репликой* легисигнума.² Ни легисигнум, ни синсигнум не являются индивидуальной вещью. Разница между ними состоит в том, что легисигнум обладает определенной идентичностью, хотя последняя обычно допускает множество проявлений. Так & (и, and) и соответствующий звук суть одно и то же слово. Квалисигнум же не обладает идентичностью. Это простое качество явления &, которое не остается в точности тем же самым и в течение одной секунды. Вместо тождественности он об-

¹ [Выделение двух объектов и трех интерпретантов позволило Пирсу составить десять трихотомий и 66 категорий знаков. Речь идет о представленном в значительно усовершенствованном виде учении, изложенном в кн. II тома II *Collected Papers*, где Пирс придерживается трех трихотомий и десяти категорий знаков. Письмо, отправленное Пирсом 23 декабря 1908 г., содержит ряд дополнений к объяснениям, приводимым в данном письме. В Аппендиксе В приведен список десяти трихотомий. Аппендикс В приводится в издании д-ра Лиеба (*Charles S. Peirce's Letters to Lady Welby*, ed. Irvin C. Lieb. Whitlock, Inc., New Haven, Conn., 1953).]

² [Обычно Пирс пользуется термином «синсигнум». Вместо «реплики» он также иногда использует термин «мета» (token).]

ладает *сильным подобием* и не может подвергнуться сколько-нибудь серьезному изменению без того, чтобы при этом не стать совершенно другим квалисигнумом.

По типу их отношений к своим динамическим объектам я разделяю знаки на Иконические, Индексальные знаки и Символы (что соответствует разделению, данному мной в 1867 г.). Я определяю Иконический знак как такой, который обусловлен своим динамическим объектом, исходя из собственной внутренней природы знака. Таков всякий квалисигнум — образ или настроение, возникшее от прослушанного музыкального отрывка как репрезентирующего то именно, что хотел вложить в него композитор. Таков может быть синсигнум — конкретная <схема или> диаграмма, например кривая погрешностей. Я определяю Индексальный знак как такой, который обусловлен своим Динамическим объектом через реальную связь с последним. Таково Имя Собственное (легисигнум), симптом некоторой болезни (Симптом сам по себе есть легисигнум, общий тип, обладающий определенными свойствами. Его конкретное проявление представляет собой синсигнум). Я определяю Символ как знак, который обуславливается своим динамическим объектом только в том смысле, что первый будет интерпретирован в качестве Символа. Таким образом, он зависит или от некоторой конвенции, привычки, или от естественного характера своего интерпретанта, или же области действия этого интерпретанта (области, которая таковым обуславливается). Всякий символ с необходимостью является легисигнумом, но называть символом реплику легисигнума значило бы допускать неточность.

В том, что касается его непосредственного объекта, знак может быть знаком качества, существования или закона.

В зависимости от отношения к своему означенному (signified) интерпретанту знак может быть Ремой, Дицисигнумом или Аргументом. Последнее деление соответствует известной триаде, состоящей из Термина, Пропозиции и Аргумента, преобразованной таким образом, чтобы в общем и целом быть применимой к знакам. *Термин* есть просто имя класса или имя собственное. Я не склонен рассматривать имя нарицательное как существенно необходимую часть речи. Ведь в отдельную часть речи оно развилось только в арийских языках, баскском и, возможно, еще в нескольких малоизвестных наречиях.

В семитских языках оно главным образом присутствует в глагольной форме, причем последний факт имеет не только грамматическое, но и общее когнитивное значение; и насколько я могу судить, то же может быть сказано относительно большинства языков. В моей универсальной алгебре логики имя нарицательное отсутствует. Рема есть любой знак, который нельзя признать ни истинным, ни ложным — таково любое отдельно взятое слово, за исключением «да» и «нет», которые играют значительную роль почти исключительно в современных языках. *Пропозиция*, в том смысле, в котором я ее использую, представляет собой дицисимвол. Дицисигнум вообще есть не утверждение, но знак, *способный* к тому, чтобы быть утверждаемым. При этом всякое утверждение представляет собой дицисигнум. В настоящее время (надеюсь, будущее внесет в этот вопрос большую ясность) я считаю, что акт утверждения не является в чистом виде актом означивания. Таковой представляет собой констатацию того факта, что некто заранее согласен принять взыскание, которое будет наложено на него как на лжеца, если утверждаемая пропозиция окажется неистинной. Акт же суждения есть акт само-опознания убеждения. Убеждение состоит в преднамеренном принятии пропозиции за основу для поведения. Но я полагаю, что в данном положении далеко не все выглядит столь уж бесспорным. Все зависит от того, какая из возможных точек зрения дает простейшее представление о природе пропозиции. Итак, придерживаясь того мнения, что Дицисигнум ничего не утверждает, я естественным образом считаю, что для Аргумента необязательно быть навязанным (be urged) или входить в соподчинение (be submitted) фактически. Поэтому я определяю его как знак, который репрезентируется в его означенном интерпретанте не в качестве Знака этого интерпретанта, т. е. умозаключения (ибо это означало бы навязывать или соподчинять его), но как *если бы* он был Знаком интерпретанта или же Знаком состояния некоторого универсума, к которому он отсылает, при том еще условии, что его послышки приняты как само собой разумеющиеся. Я определяю дицисигнум как знак, репрезентируемый в его означенном интерпретанте так, *как если бы он находился* в Реальном Отношении к своему Объекту. (Или же как находящийся в таком отношении, если он

утверждается.) Рема определена мной в качестве знака, который репрезентирован в его означенном интерпретанте так, как если бы он был свойством или меткой (mark), или же в качестве являющегося таковым.

В соответствии с моими нынешними взглядами, знак может привлекать (appeal to) свой динамический интерпретант троюко:

1. Аргумент может быть *подчинен* своему интерпретанту как нечто, логическая обоснованность чего будет признана;
2. Аргумент или дицисигнум могут быть *навязаны* своему интерпретанту посредством настойчивого требования;
3. Аргумент или дицисигнум могут быть, а рема единственно только и способна, чтобы быть представленной интерпретанту для дальнейшего рассмотрения (contemplation).

Наконец, по типу отношения знаков к своему непосредственному интерпретанту я подразделяю их на три следующие категории:

1. те, что интерпретируемы в бесконечной последовательности мыслей или других знаков подобного рода;
2. те, что интерпретируемы в действительном опыте;
3. те, что интерпретируемы в качествах переживаний или в явлениях.

Теперь, если Вы в целом согласны с моей точкой зрения и полагаете, что во всем изложенном здесь есть доля истины, которая может оказаться полезной, я был бы очень рад, если бы Вы позаботились сделать из этого приложение к следующему изданию Вашей книги, удалив, конечно же, нелицеприятные выпады, в особенности те, что сопровождаются одним или более (последовательным или нет) критическим замечанием, ибо я, вполне возможно, допустил некоторые неточности и ошибки. [...]

14 декабря 1908 г.

Вы спрашиваете, имею ли я в виду, когда говорю об «обосновании» религии, возможность ее «опытного» или же «логического» обоснования. Я отвечаю, что вопрос об истинности религии есть вопрос о том, что является ис-

тинным, а не того, что *было бы* истинным в соответствии с некоторой произвольной гипотезой, наподобие тех, с которыми мы имеем дело в чистой математике, так что в данном случае единственное возможное логическое обоснование и есть опытное обоснование. Если бы, к примеру, мы задались вопросом о том, опишет или нет подброшенный *in vacuo* вверх алмаз Кохинор параболу с вертикальной осью, то сказать, что Кохинор представляет собой тело, обладающее весом, и сослаться на то, что все тела, обладающие весом, двигаются в вакууме именно таким образом, — не значило бы дать реальное обоснование. Наш вопрос в целом разрешится, если мы установим, обладает ли фактически алмаз каким-либо весом или нет, то есть *тем же* весом на всякой высоте и во всякое время. Это может быть выяснено только благодаря обоснованию из опыта. В нашем случае для такого обоснования достаточно один раз взглянуть на вещь. Ибо уже известно как факт, что все видимое, кроме оптического образа или иллюзии, в действительности обладает весом. Если, чтобы доказать данную эмпирическую пропозицию, мы решим совместить опытное обоснование и математическую аргументацию, последняя никак не поможет в определении характера самого обоснования, так как хорошо известно, что математическое суждение и так представляет собой необходимую составляющую всякого опытного обоснования. Так или иначе, я решительно возражаю против того, чтобы делать математическое суждение единственно возможным инструментом «логического обоснования». Напротив, в качестве такового инструмента я утверждаю «обоснование из опыта», по крайней мере в том, что касается любого вопроса, задающегося с целью выяснения свойств Реальных объектов. Математическое доказательство показывает только, что одна произвольная гипотеза вовлекает другую. И подобный ход мысли может затрагивать реальное положение вещей только в том смысле, что, поскольку значения, полученные посредством обоснования из опыта, в том или ином приближении соответствуют произвольной гипотезе, мы допускаем, что ее математические следствия будут в том или ином приближении также выполняться. Но наличие данного соотношения не будет доказанным, пока само не получит опытного обоснования.

Вы спрашиваете меня, распространяю ли я, когда я говорю, что сознание характеризуется своей «активной силой, устанавливающей отношения между объектами», сказанное *также* на установление отношений между идеей и действием. Я должен пояснить, что в соответствии с моей статьей об Этике Терминологии, которую я Вам наверняка должен был уже выслать, но теперь вышлю еще одну копию, я использую термин «объект» в том смысле, в котором <прилагательное> *objectum* субстантивировалось в начале XIII века. Когда я пользуюсь этим термином, не оговаривая, об объекте *чего* идет речь как об объекте, я имею в виду что угодно, что предстает мысли или сознанию в самом обычном смысле. В том же смысле, хотя и в соответствии с иным принципом, данный термин используют Стаут и Болдуин. Раз уж об этом зашла речь, добавлю, что я не делаю никакого противопоставления между Субъектом и Объектом, и уж тем более не провожу никакого разделения на «субъективное и объективное», подобно тому, как это на разные лады делают немецкие мыслители, что приводит к результатам для философии весьма и весьма плачевным. Я понимаю «субъект» как коррелят «предиката» и говорю о «субъектах» только тех знаков, в которых содержится нечто, отчетливо указывающее на то, что является объектом знака. Субъект такого знака есть такого рода объект знака, на который сделано подобное отчетливое указание или могло бы быть сделано, если бы знак имел более детальное выражение. (Под «иметь выражение» я подразумеваю быть высказанным в речи, записанным на бумаге и т. д.). Думаю, я уже дал ответ на Ваш вопрос, по крайней мере в том, что касается идей. Я не очень ясно понимаю, что Вы имеете в виду под установлением отношений между *действиями*, как чем-то отделенным от идей действий. Я еще хотел бы кое-что сказать о субъектах, поскольку сигнифика должна, надо полагать, уделять большое внимание серьезному логическому анализу, т. е. дефинициям. То, что я собираюсь сказать на этот счет, имеет самое непосредственное отношение к проблемам логического анализа. Субъект чистой символической пропозиции, т. е. такой, которая не включает в себя никаких диаграмм, а состоит только из конвенциональных знаков — таких, как слова, — может быть оп-

ределен как такой, с которым требуется некоторое косвенное знакомство для интерпретации (или понимания) пропозиции. Так, утверждение «Каин убил Авеля» не может быть соответствующим образом понято тем, кому ничего не известно о Каине и Авеле, кроме той информации, которую сообщает ему сама пропозиция. Конечно, Абель представляет собой субъект в той же степени, что и Каин. Далее, данное утверждение не может быть понято человеком, не имеющим представления о том, что такое убийство. Следовательно, Каин, Абель и связывающее их отношение, т. е. убийство — суть субъекты указанной пропозиции. Для объяснения того, в чем собственно состоит отношение Каина к Авелю, требуется Иконический знак, поскольку это отношение *воображаемое* или способное стать предметом воображения. Чтобы обеспечить необходимое знакомство с любой единичной вещью, требуется Индексальный знак. Для передачи общей идеи совершения убийства, в соответствии с некоторым общим законом, требуется обладающий общей природой знак, т. е. *Символ*. Ведь символы используются либо на основании привычек, которые, конечно же, представляют собой нечто общее, либо конвенций или соглашений, также обладающих общей природой. Здесь я хочу остановиться на том, что *грубое* принуждение отличается от диктуемой разумом необходимости, основанной на законе, тем, что некто может иметь идею о нем, понимать его смысл в единичном событии, безотносительно к какому бы то ни было закону. Закон природы — и я на этом настаиваю — представляет собой реальность, а не продукт деятельности сознания, *ens rationis*, как это пытается показать Карл Пирсон. Я же предпочитаю говорить скорее о введении в силу закона, к которому закон принуждает не сам по себе, но только потому, что люди *будут* ему подчиняться. Судья, выносящий приговор преступнику, применяет писанный закон к конкретному случаю, но его приговор *per se* обладает силой не более, чем общее правило. В чем приговор проявляет себя как действующая сила, так это в том, что он переводит закон в сферу действия судебного исполнителя, пристава или палача, которого наделяет правом совершить акт правосудия и чья грубая сила осуществляет реальное принуждение. Так, Иконический знак репрезентирует

некоторого рода вещь, которая может иметь и иногда действительно имеет место, Индексальный знак указывает на саму вещь или событие, с которым мы в данный момент имеем дело. Такую единичную вещь или положение вещей я называю *Событием*. Наконец, Символ репрезентирует то, что может быть наблюдаемо при некоторых общих условиях, и представляет собой нечто общее. Когда мы при анализе пропозиции переносим в субъект все, что можно изъять из предиката, все репрезентирующее себя после этого в предикате — лишь форма связи между различными субъектами, как выражаемыми в пропозициональной *форме*. Что я имею в виду под «все, что можно изъять из предиката», станет более ясным, если в качестве примера мы приведем то, что было бы таким образом изъять невозможно. Для начала же займемся первым:

«Каин убил Авеля». Здесь предикат обнаруживает себя как «___ убил ___». Но мы можем также изъять акт убийства из предиката, который тогда примет вид «___ состоит с ___ в отношении ___». Предположим, мы хотим изъять из предиката еще больше, тогда последний будет иметь форму «___ выполняет функцию относящего в отношении ___ к ___», переместив затем «функцию отнесения в отношении» в другой субъект, получим «___ выполняет ___ для ___ к ___». Но в данном случае «выполняет» означает «выполняет функцию». Более того, «выполняет функцию отношения», так что мы приходим к тому, что, несмотря на возможность перемещения в другой субъект, данное содержание неизменно остается в предикате. Другими словами, утверждать, что «*A* находится в отношении *R* к *B*» — значит утверждать, что *A* находится в определенном отношении к *R*. Теперь выделим это следующим образом: «*A* находится в отношении R^1 (где R^1 — отношение относящего к отношению, в котором оно выполняет роль относящего) к *R* к *B*». Но в нашем случае оговорено, что *A* находится в определенном отношении к отношению R^1 . Так что мы можем выразить тот же факт следующим образом: «*A* находится в отношении R^1 к отношению R^1 к отношению *R* к *B*», и так *ad infinitum*. Предикат, который таким образом может быть разложен на составляющие, каждая из которых гомогенна целому, я называю *длительным предикатом* (continuous

predicate). Последнее обстоятельство играет в логическом анализе чрезвычайно важную роль, так как длительный предикат совершенно очевидно не может быть составным, если только он сам не состоит из длительных предикатов. Следовательно, когда мы продвинемся в нашем анализе настолько, что у нас останется только длительный предикат, мы можем считать, что обнаружили конечные составляющие предиката. Я не буду слишком затягивать это письмо простыми примерами, доказывающими значительную полезность этого правила. Но вернемся к следующему пункту Вашего письма.

Под *убеждением* я имею в виду полагание нечто в качестве истинного (holding for true), реальное, подлинное, практическое полагание — является ли то, в чем убеждены, атомистической теорией или тем фактом, что сегодня понедельник, или что эти чернила довольно черны, или что угодно в этом роде. Правда, что Убеждение может быть ошибочным. Трудно признать нечто более очевидным, чем, например, тот факт, что эта бумага белого или беловатого цвета, или *выказывает себя таковой*. Но легко показать, что данное убеждение также может быть ошибочным. Ведь суждение никогда не может быть соотнесено с явлением в самый момент вынесения суждения, так как с субъектом любого суждения мы всегда уже должны быть некоторым *косвенным* образом предварительно знакомы. Невозможно вынести суждение самого суждения. *Insolubilia* типа «эта пропозиция ложна» служат тому примером. Если пропозиция ложна, то она является истинной, поскольку это все, что в ней утверждается; и если она является истинной, то, поскольку она отрицает это, она должна быть ложной. Убеждение, которое не может быть ложным, было бы непогрешимым убеждением, а Непогрешимость есть Атрибут Божества. Плод с древа познания, о котором Сатана сказал Адаму и Еве, что он сделает их равными Богу, и был как раз учением, утверждающим существование Непогрешимого убеждения. Так и есть ибо, после того, как данное убеждение приобрело еще более богохульное содержание благодаря утверждению, что указанное непогрешимое убеждение есть собственно вера в Бога, в наименьшей степени познаваемого субъекта из всех, оно превратилось в средство, разлагавшее христианство до

тех пор, пока религия Любви не была полностью сведена к *odium theologicum*.

23 декабря 1908 г.

Дорогая леди Уэлби, последнюю неделю все мое время и энергия ушли на то, что мы, янки (т. е. потомки тех, кто прибыл в Массачусетс где-то до 1645 г. — я забыл точную дату), называем «поденка» (*chores*). Думаю, в обычном английском это слово более не существует. Оно означает каждодневную черную работу по дому — колку дров, таскание воды из колодца и тому подобное.

Возвращаясь к нашему разговору, я снова хочу выразить свое неприязненное отношение к учению, в соответствии с которым всякая пропозиция безусловно истинна. До тех пор, пока истина не будет признана в качестве *публичной* — т. е. такой, в которой *каждый* убедился бы, если бы предпринятое им исследование, искренний поиск непоколебимого убеждения продолжались достаточно долго, — ничто не может помешать любому из нас принять собственное крайне бесполезное убеждение, которое не будет признавать никто другой. Каждый возомнит в себе пророка, а на деле этакое «чудаковатого», полоумную жертву собственной ограниченности.

Если же истина будет представлять собой нечто публичное, она должна означать то, к принятию чего за основу для поведения в конечном счете пришел бы любой человек, если бы он продвинулся в своем исследовании достаточно далеко, какие бы предрассудки не управляли им с самого начала. Ибо Истина обладает такого рода принудительной (*compulsive*) природой, о которой очень хорошо писал <Александр> Поп:

*The eternal years of God are hers.*¹

Однако, возразите Вы, выдвигая данную пропозицию, я сам принимаю ее в качестве непогрешимой истины. Вовсе нет, ведь это не более чем определение. Я не утверждаю непогрешимую истинность некоторого убеждения, к которому человек пришел бы, если бы его исследование продвинулось достаточно далеко. Я лишь говорю, что такое и только такое убеждение я называю Истиной. Я не могу безошибочно знать, *существует ли вообще* какая либо Истина.

¹ <Вечность Бога принадлежит ей.>

Вы говорите о некоторой «Вере», объект которой обладает абсолютной «достоверностью». Не будете ли Вы так добры объяснить мне, что Вы имеете в виду под «достоверностью»? Значит ли это слово нечто большее, нежели то, что Вы лично твердо решили закрепить за пропозицией, *ruat caelum*?¹ Это напоминает мне анекдотическую историю, которую я услышал в 1859 г. от одного негра-южанина. Знаете, масса, — сказал он, — что генерал Вашингтон и генерал Джексон были-таки большими друзьями (на деле же последний был непримиримым противником первого, но не стал реальной фигурой в национальной политике до тех пор, пока Вашингтон окончательно не ушел с политической арены). Так вот, однажды Вашингтон, он сказал Джексону:

- Генерал, как по-Вашему, какого роста вон та моя лошадь?
- Не знаю, генерал, — сказал Джексон, — какого же она роста, генерал?
- Как же, — сказал Вашингтон, — в ней роста шестнадцать футов.
- Футов, генерал ... футов? — сказал генерал Джексон. — Вы имеете в виду, *ладоней*, генерал?
- Я сказал *футов*, генерал? — сказал Вашингтон. — Вы и вправду уверены, что я сказал, будто моя лошадь ростом шестнадцать *футов*?
- Вне всякого сомнения, Вы именно так и сказали, генерал.
- Что ж, хорошо, генерал, если я *сказал* футов, *если* я *сказал* футов, я настаиваю на том, что это так и есть!

Является ли Ваша «возвышенная вера» чем-то более «возвышенным», нежели это? Каким образом?

Теперь я хотел бы поговорить о том значении, которое вкладываю в слово «убеждение» я сам. В Новом Завете используется слово *πίστις*, означающее буквально *доверие*, т. е. убеждение не как знание или стремление к знанию о том, в чем убеждены, но, как говорят католики, «слепая вера» — убеждение, основанное на вере в то, что очевидцы, свидетельствующие о некотором событии, не свидетельствовали бы о нем, если бы оно не имело место на самом деле. Позднейшие авторы классической античности, такие, как Платон и Исократ и далее Аристотель, используют это слово для

¹ <И пусть небо рухнет. — лат.>

обозначения посредствующего убеждения, т. е. любого убеждения, основанного на некотором другом. Иными словами, данные авторы понимают под *πίστις* некоторым образом заверенное (assured) убеждение. Они также используют его, когда говорят об *убедительности* (assurance) того или иного убеждения. Но использовать в подобном значении английское *faith* — значило бы совершенно неоправданно и безо всякой на то надобности существенным образом нарушать принципы его употребления. Я думаю, то, что данное слово выражает, и выражением чего оно могло бы быть ограничено без того, чтобы нарушить означенные принципы, — это *убеждение, которое сам убежденный не осознает*, или, скорее (поскольку это не может быть названо убеждением в собственном смысле, т. е. тем, что он вполне готов подтверждать в собственном поведении), нечто, которое он утверждает в собственном поведении, не осознавая, что оно такое. К примеру, если я не знаю, что говорят о значении слова *πίστις* Лидделл и Скотт, но при этом убежден: все, что бы они не сказали, — сущая правда, я *верю* в то, что это так и есть. Если некто говорит: «Я не могу поверить, что после смерти нас не ожидает лучшая жизнь, ибо если бы я верил в это, я был бы так несчастен, что тотчас же наложил бы на себя руки», я полагаю, что он питает *Веру* в то, что вещи, не представляющиеся непереносимыми для любого другого человека, не являются таковыми и для него самого. Истинный человек науки — это человек, принадлежащий к социальной группе, каждый член которой пренебрегает обычными мотивациями во имя желания сообразовать свои убеждения, касающиеся некоторого одного предмета, с верифицированными суждениями восприятия и их достаточным обоснованием. В связи с этим он действительно убежден в том, что универсум управляется разумом, или, другими словами, Богом, но не осознает этого со всей ясностью. В соответствии с моим пониманием Веры, такой человек действительно обладает Верой в Бога. Я знал ученого, который, в надежде обрести веру в Бога, посвятил последние годы жизни чтению теологических трактатов, но так и не смог хоть сколько-нибудь близко подойти к осознанию обладания хотя бы крупницей этой веры и несмотря на это со всей страстью продолжал двигаться по выбранному им ложному пути. Мне данный случай также представляется ярким примером Веры в Бога. Ибо верить в логическое обо-

снование феноменов значит верить в то, что они управляются разумом, т. е. Богом. Такую Веру я считаю высочайшим и достойнейшим убеждением. Мы довольно часто оказываемся в ситуации, когда обстоятельства обязывают нас принимать, т. е. брать на себя пропозицию, которую мы вместе с тем вынуждены признать в высшей степени сомнительной. Но чтобы вести себя некоторым последовательным образом, мы отмечаем сомнения, вытесняя их из сферы нашего рассмотрения. Существует огромная разница между подобным положением дел и принятием пропозиции за несомненную истину. Полагать, что пропозиция не подлежит сомнению значит тщеславно мнить себя обладателем совершенного знания, а это не оставляет места для Веры. То, что дважды два четыре, — не является чем-то абсолютно несомненным. С человеческой точки зрения несомненно, что ни одно понятие Бога не может избежать всех возможных ошибок. Когда-то я потратил много времени на достаточно тщательное изучение трехтомника «Христианские вероучения» д-ра Шаффа, но не нашел ни одного слова, которое бы давало хоть какое-то объяснение принципа Евангельской любви, несмотря на то, что последний представляет собой главную составляющую христианской веры. С целью выяснить, если это вообще возможно, причину такого упущения, я предпринял исследование обстоятельств, определивших образование каждого христианского Символа веры. Результат убедил меня в том, что, за исключением того, что можно с долей иронии назвать «Апостольским символом веры» — о происхождении которого у нас нет никакой определенной информации, но которое по этой причине вовсе не является исключением в том, что касается нашего вопроса, и уж конечно не хранит в себе дух таких ранних документов, как *Διδαχή*¹ — все остальные имеют своим источником *odium theologicum* и стремление иметь кого-то, кто может быть отлучен от Церкви, а также желательно еще подвергнут проклятию. Теология возникает из разочарования в религиозной вере (которое подразумевает недостаток этой веры) и из желания заменить ее научной анатомией и психологией божественного. Последние же, если правильно расставить акценты, по сути

¹ <«Наука».>

своей богохульны, антирелигиозны и совершенно не соответствуют самому духу Сына Марии.

Вы пишете, что мне не следовало бы использовать фразы типа «притягательный образ», или «Бог как истинная гипотеза». Это свидетельствует о том, что мне так и не удалось в точности передать мое понимание значимости Упущенного Аргумента. По моему мнению, такое упущение ведет с необходимостью вовсе не к теологии, но, напротив — к тому, что я имею в виду под чистой религиозной *Верой*, которая всегда уже глубоко укоренена в своем субъекте до того, как он начинает мыслить ее как собственное убеждение. Все же я испытываю некоторую неловкость, ибо писать об этом — все равно что пытаться объяснить смысл шутки.

Что касается слова «игра», первым прочитанным мной философским сочинением, за исключением «Логики» Уэйтли (Whately), которой я увлекся лет в двенадцать-тринадцать, было *Aesthetische Briefe* Шиллера, где он много места отводит игровому инстинкту (*Spiel-Trieb*). Эта работа произвела на меня настолько сильное впечатление, что мое определение понятия игры обязано ему практически всем. [...]

Кстати, возвращаясь к разговору о вероучениях — наряду с остальными я, возможно, упомянул [...] веру в церковь. Если да, то тем самым я хотел обозначить — и, надеюсь, большинство будет в этом со мной согласно — искреннее желание оградить себя от всего, что может встать на пути между мной и моими братьями по христианской вере. Ибо самое основание моей критики вероучений состоит в том убеждении, что любое из них изначально было задумано именно для того, чтобы такая преграда была воздвигнута, тем самым противореча тому, кто сказал: «Кто не против меня, тот со мной». К слову, я весьма внимательно прочел труд У. Б. Смита *Der vorchristliche Jesus*, который — у меня нет почти ни малейшего сомнения на этот счет — прав в главном. Я думаю, что христианство представляет собой развитое продолжение буддизма, воспринявшее иудейскую веру в живого Бога.

Будучи в том, что касается семиотики, убежденным прагматицистом, как я полагаю, ничто, естественным образом или по необходимости, не может показаться мне глупее, чем рационализм; равно как безумие в политике

не может быть еще более полным, чем то, которое явление в лице английского либерализма. Народ, конечно, следует поработать, но тогда на рабовладельцах лежит обязанность практиковать добродетели, которые единственно призваны служить основанием существующих законов. Когда-нибудь Англия поймет, что ее политика подтачивает самые корни культуры, но будет уже слишком поздно. Самым совершенным языком из всех, которыми когда-либо пользовалось человечество, был язык классической Греции, и очевидно, что на нем не мог говорить народ, у которого не было бы большого количества просвещенных рабов. Что касается нас, американцев, то наша политика, поначалу представлявшая собой нечто осмысленное, до последнего времени ясным образом свидетельствовала о нашей склонности поддерживать дух аристократии. Мы всегда остро осознавали пагубные последствия всеобщего избирательного права и слабого, бездеятельного правительства. И вот теперь мы имеем лейбористские организации, в руки которых передаем власть, возвещающую сегодня о «праве» преследовать и уничтожать людей, как это ей заблагорассудится. Мы сами превращаем их в правящий класс, и то же собирается сделать Англия. О, это будет исцеляющая революция. Ибо когда низший класс настаивает на порабощении высшего — а намерение первого именно таково — и при этом высший класс, лишившись всякого мужества, теряет свое лицо настолько, что уже ничего не может с этим поделать, ясно, что такая революция есть революция милостью Божией. Я только надеюсь, что когда они окончательно возьмут власть в свои руки, то не окажутся настолько слабы, чтобы упустить ее. Конечно, это будет означать откат к Темным Векам и создание новой цивилизации, на этот раз с надеждой, что у правящего класса достанет здравого смысла для поддержания их нового закона. Рационалисты полагали, что их пустая говорильня успокоит умы. Они находились во власти гедонистических иллюзий, но в конечном итоге так или иначе они поймут, что договорились до революции, которая приведет к полной деградации.

Издатели *Encyclopaedia Britannica*, назначив для ее очередной редакции составителей, которые попросили Вас участвовать в ней, написав для нее сжатое изложение

точной науки «сигнифики», тем самым лишний раз показали серьезность своих намерений поддерживать репутацию своего издания на самом высоком уровне.

В записях от 24 мая 1867 года (Proc. Am. Acad. Arts & Sci. [Boston] VII, 295) логика определена мной как учение о формальных условиях истинности символов, т. е. об условиях референции символов к своим объектам. Позднее я установил, что основной целью науки является не создание «учения», но собственно *исследование* (ведь значения слов открывает не эпистемология их, а их история, и в особенности это касается слова «наука», значение которого полностью определяется идеей прогресса). Я открыл для себя также следующее. Единственным реальным разделением, которое обозначают линии демаркации между тем, что мы называем «науками», является разделение только между различными группами людей, посвятивших себя изучению различных предметов. Понимаемое в каком-либо другом смысле данное разделение оказывается непременным препятствием для стремительного развития наук и делает совершенно невозможным будущие открытия. Таковые соображения заставили меня прийти к выводу, что исследователи, посвятившие себя разработке общей теории референции символов к своим объектам, также должны уделять внимание и изучению особенностей их референции к своим интерпретантам. Вместе с тем предметом их научного интереса должны стать и другие свойства символов — и не только *символов*, но вообще всех видов знаков. Так что в настоящее время ученый, сфера научных интересов которого определяется изучением референции символов к своим объектам, неизбежно будет вынужден предпринять оригинальное исследование во всех областях общей теории знаков. Поэтому книгу, которую я теперь пишу, я должен был бы назвать «Логика, рассмотренная как Семиотика». Однако я предвижу, что все непременно сочтут ее переложением *Logik, als Semeiotik dargestellt*, а это никак не соответствовало бы той неприязни (близко граничащей с презрением), которую я питаю по отношению к немецкой логике.

«Сигнифику», принимая в расчет название этой науки, следовало бы считать той частью общей Семиотики, которая занимается исследованием отношений зна-

ков к своим Интерпретантам (для семиотики, ограниченной в своих исследованиях только символами, я ввел название Универсальная Риторика). Вам должно быть, без сомнения, известно, что среди изучающих семиотику мало что пользуется такой популярностью, как дистинкция, которую изысканный стилист и строгий мыслитель Иоанн Солсберийский в XII веке сформулировал так: «...*quod fere in omnium ore celebre est, aliud scilicet esse quod appellatiua significant, et aliud esse quod nominant. Nominatur singularia, sed universalia significantur*»¹ (*Metalogicus*. Book II, Chap. XX. Ed. of 1620, P. 111). Однако, предполагая, что именно это и есть значение, которое Вы вкладываете в название Вашей науки, вместе с тем я все же думаю, что, с учетом нынешнего состояния предмета, общее успешное продвижение в истинно научном исследовании сигнифики без того, чтобы брать на себя часть работы тех, кто занят другими проблемами семиотики, вряд ли возможно.

Сигнифика непременно должна начинаться с тщательного и широкого исследования природы знака. Знак я определяю как всякое нечто, которое таким образом обусловлено другим нечто, называемым его Объектом, и так обуславливает некоторого рода воздействие на того или иного человека, каковое воздействие я называю его Интерпретантом, что последний оказывается опосредованно обусловлен первым. Добавление «на того или иного человека» — только подачка Церберу, ибо я совершенно отчаялся в попытках сделать более понятной мою более широкую концепцию. Я различаю три Универсума, каждый из которых характеризуется особой Модальностью Бытия. Один из этих Универсумов охватывает все то, что его Бытие имеет в себе и только, за исключением, однако, того, что в данном Универсуме должно быть наличным одному сознанию или способно быть таким образом наличным во всей полноте своего Бытия. Отсюда следует, что для элемента такого Универсума необязательно быть субъектом какого-либо закона, включая даже

¹ <ибо это почти у всех на устах, что (имена) нарицательно означают, разумеется, одно, а именуют — другое. Именуются (вещи) единичные, означаются же универсалии. — лат.>

закон противоречия. Объекты этого Универсума я называю *Идеями* или некоторыми *Возможными* (Possibles), при этом последнее обозначение не подразумевает никакой способности к актуализации. Идея как общее или даже всеобщее правило неспособна к законченной актуализации ввиду того, что ей присуща неопределенность (vagueness) — ибо то, что не является субъектом закона противоречия, есть нечто по существу неопределенное. К данному Универсуму, например, принадлежат геометрические фигуры; поскольку всякая геометрическая фигура вовлекает линии, которые только *полагаются* существующими в качестве границ схождения трех тел, или места, общего для трех тел, и поскольку граница твердого или жидкого тела есть не что иное, как место, в котором силы сцепления ни слишком малы, ни слишком велики, ясно, что идея линии есть нечто, существенным образом неопределенное или смутное. Далее, предположим, что тела, сходящиеся вместе в одной линии, суть нечто деревянное, вода и воздух. Тогда все пространство, включая и указанную линию, в каждой точке есть либо дерево, либо вода, либо воздух, и ни дерево и вода, ни дерево и воздух, ни воздух и вода не могут одновременно занимать никакое место. Ясно, что закон противоречия, если его применить для данного случая, т. е. для идеи места, где сходятся дерево, вода и воздух, был бы нарушен. Похожие антиномии имеют силу для любой идеи вообще. Мы можем рассуждать о них только в отношениях, не затрагиваемых антиномиями, при этом часто используя произвольные допущения, которые при более близком рассмотрении оборачиваются полным абсурдом. В указанном смысле многое можно почерпнуть из учения Гегеля, хотя он часто допускает ошибки в применении закона противоречия.

Другой Универсум есть таковой (1) Объектов, чье Бытие состоит в их Грубом противодействии, и (2) затрагивающих указанные Объекты Фактов (противодействий, событий, качеств и т. д.), все из которых, при наиболее близком рассмотрении, также состоят в их противодействии. Такие Объекты я называю Вещами, или, более точно — *Существованиями*, а затрагивающие их факты — *Фактами*. Всякий элемент второго Универсума есть Единичный Объект, являющийся субъектом

законов противоречия и исключенного третьего и выражаемый в пропозиции, содержащей указанный единственный субъект.

Третий Универсум состоит в со-бытии чего угодно, что несет в себе *необходимость*, т. е. Привычке, законе или чем-то, выражаемом в обладающей всеобщностью пропозиции. Таковы все *постоянные* (continua). Я называю объекты этого универсума *Детерминантами*. Данный Универсум включает в себя все, что мы можем знать посредством логически значимого рассуждения. В самом начале своего письма Вы спрашиваете: является ли пропозиция верной, если она «всецело обоснована опытным путем» и выдерживает проверку опытом, или же она такова, поскольку «логически доказана»? Данный вопрос указывает на то, что Вы находитесь в опасной близости от той армии «чудаков», которые, выходя тем самым за рамки всякой разумности, упорно называют «логическим» рассуждение, приводящее к ложному заключению из истинных посылок. Некоторые, к примеру, утверждают, что рассуждение об Ахиллесе <и черепахе> является «логическим», но при этом они не в состоянии придать ему ни форму силлогизма, ни какую-либо иную форму, понятную человеку, рассуждающему здраво. Я был знаком с одним джентльменом, который был превосходнейшим шахматистом, но при этом настаивал, что рассуждение типа:

Дождь либо идет, либо не идет,
Сейчас идет дождь;

∴ Дождь не идет.

является логическим. Назвать подобное рассуждение логическим — то же, что признать таковым соревнование Ахиллеса с черепахой. Истинно логическим можно считать вывод, если и только если он управляется привычкой, которая в конечном счете приведет к истинному заключению. Надеюсь, Вы присоединитесь к моей точке зрения, и верю, что Вы вовсе не имеете в виду поддерживать те определения логики, которые находятся в противоречии с этим. Наш долг — со всей суровостью отвергать *аморальные* принципы, а логика, согласитесь, единственно и есть практическое выражение морали.

Знак может *сам по себе* иметь «возможный» Модус Бытия, например, шестиугольник, описанный вокруг или вписанный в коническое сечение. Он является Знаком в силу того, что коллинеарность пересечений, образующих противоположные стороны, показывает кривую как коническое сечение, если шестиугольник вписан; если же он описан вокруг, на коническое сечение указывает копунктуальность трех его диаметров (соединяющих противоположные вершины). Модусом Бытия Знака может быть Действительность (здесь примером служит барометр), или Детерминант. В качестве иллюстрации к последнему мы можем взять любое слово из словаря, скажем, определенный артикль *the*. Для «возможного» Знака я не нахожу лучшего обозначения, нежели *Тон*, хотя думаю, не заменить ли мне его на «Метку». Не могли бы Вы предложить какое-либо подходящее для данного случая название? Действительный знак я называю *Признаком*, а Детерминант — *Типом*.

Совершенно нормально и правильно различать для всякого Знака два Объекта — Опосредованный Объект извне и Непосредственный Объект внутри Знака. Интерпретант Знака есть все, что Знак передает, при этом предварительное знакомство с его Объектом должно организовываться посредством некоторого косвенного опыта. Опосредованный Объект, т. е. такой, который находится вне пределов Знака, я называю его *Динамоидным* Объектом. Знак должен указывать или некоторым образом намекать на него, каковой намек, или собственно его содержание, представляет собой *Непосредственный* Объект Знака. О каждом из двух указанных Объектов может быть сказано, что они способны иметь любую из трех Модальностей, хотя для Непосредственного Объекта это верно лишь до определенной степени. Итак, Динамоидный Объект может быть некоторым Возможным (а Possible), и тогда я называю Знак *Абстрактным* — как, например, слово «Красота». Причем он останется не более и не менее Абстрактным, когда я говорю о «Красивом», поскольку *Абстрактным* делает знак именно предельная (ultimate) референция, а не грамматическая форма. Когда Динамоидный Объект есть некоторое Событие (Существующая вещь или Действительный факт прошлого или будущего), я называю его Знак *Конкретным*. При-

мером последнего может служить любой барометр, а также любое письменное повествование, в котором описывается некоторый ряд событий. Для *Знака*, чей Динамодный Объект является *Детерминантом*, я в настоящее время не подобрал лучшего обозначения, нежели *Собирательный*, каковое обозначение представляется мне не столь уж плохим, как кажется, если рассмотреть вопрос ближе. И потом, человеку, мышление которого, подобно моему, связывает символы со словами совершенно особым образом, переводить свои мысли в общепонятную словесную форму иногда так неловко и затруднительно! Если Непосредственный Объект является некоторым «Возможным», т. е., если указание (более или менее неопределенное) на Динамодный Объект осуществляется посредством его Качеств и т. п., я называю Знак *Дескриптивным*; если Непосредственный Объект есть некоторое Событие, я называю Знак *Десигнативным*; и если таковой есть Детерминант, я называю Знак *Связывающим*, ведь в последнем случае Объект должен быть идентифицирован Интерпретатором таким образом, чтобы Знак мог репрезентировать необходимость. Такое обозначение, конечно, можно принять лишь временно.

Очевидно, что некоторое возможное не может определять ничего, кроме некоторого Возможного, равно как Детерминант не может определяться ничем, кроме Детерминанта. Учитывая это, из Дефиниции Знака следует, что, поскольку Динамодный Объект определяет Непосредственный Объект,

который определяет знак сам по себе,

который определяет Предопределенный (Destinate) Интерпретант,

который определяет Действенный Интерпретант,

который определяет Эксплицитный Интерпретант,

шесть трихотомий, вместо того, чтобы определять 729 категорий знаков, как это было бы, если бы категории были независимы, охватывают только 28. И если, как я решительно полагаю (хотя и не считаю окончательно доказанным), имеют место еще четыре трихотомии знаков, располагающихся по степени важности в том же порядке, то полученные десять, вместо того чтобы включать в себя 59049 категорий, ограничиваются только 66. Дополнительные четыре трихотомии суть:

первая:

Иконы (Симулякры, или же *ὑποτάματα*¹ Аристотеля), взятые им у Платона, а последним, думаю, заимствованные у Математической школы логики (Mathematical school of logic), так как самое раннее упоминание о них мы находим в диалоге *Федр*, который отмечает начало влияния, оказанного на него этой школой. Лютословски (Lutoslawski) прав, когда говорит, что *Федр* представляет собой более позднее произведение, нежели *Государство*, однако называемая им дата — 379 г. до н. э. — опережает реальную приблизительно на восемь лет.

Символы

Индексы

и затем еще три, подразделяющие знаки по типу их отношения к Интерпретантам. Первая из них, как я полагаю, состоит из *Суггестивов*, *Императивов* и *Индикативов*, причем Императивы включают Вопросительные формы. Что касается двух остальных, я думаю, что одна должна состоять из Знаков, обуславливающих свои Интерпретанты посредством

Инстинкта

Опыта

Формы

В другую же входят те, что я в данном мной в *Монисте* описании Экзистенциальных Графов назвал

Семами

Фемами

Деломами.

Вы, как исследователь, посвятивший жизнь изучению науки сигнифики, несомненно, можете дополнить мою идею о трех Интерпретантах важными замечаниями, ибо научные занятия автора ее выхолощены обширностью предмета исследования, каковым является семиотика в целом. То, что я почерпнул для себя в результате моих занятий сигнификой, обнаружило тесную связь главным образом с Критикой Аргументов, в которой, как о том свидетельствует вопрос, предлагаемый Вами на первой странице Вашего письма, Вы разобрались еще недостаточно. Вы пишете — и это не могло не вызвать у меня улыбку, — что я «любезно проявил интерес» к Вашей работе, как если бы тем самым я отклонился, или,

¹ <Подобие. — греч.>

лучше сказать, *отступил* от сферы собственного интереса. Однажды (мне было тогда лет двенадцать или тринадцать) я наткнулся в комнате своего старшего брата на экземпляр *Логики* Уэйтли. Я спросил его, что такое логика, и, получив некий незамысловатый ответ, бросился на пол и с головой ушел в чтение. С тех пор ничто — ни математика, ни этика, ни метафизика или закон тяготения, ни термодинамика, оптика, химия, сравнительная астрономия, психология, фонетика, экономика, история науки, вист, мужчина и женщина, вино, метрология — не притягивало меня с такой силой, как семиотика. Не стоит и говорить, как редко я оказывался способен чувствовать искренний интерес к исследованиям других ученых мужей (как даже *более* чем редко я встречал кого-либо, кто понимал смысл моих собственных исследований), хотя, к счастью, я человек весьма отзывчивого нрава — я имею в виду, к счастью для моего научного развития, ибо внешние обстоятельства благоприятствовали ему далеко не всегда.

Я хотел бы, чтобы Вы уделите внимание моим Экзистенциальным Графам, так как они, по-моему, как нельзя лучше раскрывают истинную природу и метод логического анализа, иными словами, природу и метод дефиниции; хотя разобраться в том, *как* они это делают, дело совсем не простое, пока я не представил экспозицию этого искусства.

В настоящее время я отдаю все силы, чтобы закончить до того, как умру, книгу о Логике, которая должна привлечь пытливые умы и тем самым принести реальное благо. Тогда, быть может, я услышу, наконец, слова, которые доставят мне радость неизмеримо большую, нежели любые из Небес Обетованных, о которых я когда-либо слышал. Пока еще мне предстоит работа — полезная работа, — я не могу думать о жизни иной как о чем-то для меня желательном. От всего сердца желаю Вам удачного года. И не забудьте о Вашем обещании прислать мне корректуру статьи в *Encyclopaedia Britannica*. Здоровье моей дорогой супруги день ото дня медленно, но неуклонно ухудшается, и ее склонность не беречь себя сильно меня беспокоит.

С совершенным почтением,
Ч. С. Пирс

31 января 1909 г. Милфорд, Пенсильвания

Дорогая леди Уэлби, вчера получил Ваше изумительное письмо от 21-го числа сего месяца, которое воспринял словно благую весть и которое стоит того, чтобы перечитывать его снова и снова. У меня не было времени ознакомиться ни с одним из приложений, но я просто горю от нетерпения прочесть Вашу статью в *Britannica*, что мне удастся сделать, надеюсь, в течение этой недели. Я прошу Вас дать мне знать, желаете ли Вы получить эту и какие-либо из остальных присланных Вами рукописей обратно.

Сразу начну с упоминания о двух странных словах, на которые я натолкнулся вчера вечером, ибо если я не сделаю этого, то вовсе о них забуду, а они довольно любопытны. Фрэнк Виггльсворт Кларк (Frank Wigglesworth Clarke) в своей книге «Факты геохимии» пишет о «каменных *салических* (salic) и камнях *фемических*» (femic). Я было совершенно потерялся в догадках относительно значения или этимологии этих слов, однако, изрядно потрудившись над книгой, обнаружил определение правил словообразования написавшего книгу химика (заметьте, что я сам профессиональный химик, но, видимо, в недостаточной степени таковой, чтобы уловить аллюзии указанных слов). В конце концов я выяснил, что «салические камни» — это камни, основными составляющими элементами которых являются кислород, кремний (Si) и алюминий (Al). Так что *si-al-an* или *si-al-ian* было бы лучше, нежели «*salic*»; фемические же камни суть такие, в которых преобладают железо (Fe) и магний (*magnesium*, Mg). Если бы химики договорились о том, что символом *магния* является М — как они сделали бы хотя бы для необходимости отличать его от *марганца* (*manganese*, изначально — то же самое слово), — это было бы разумно с учетом того, что был бы известен общий метод словообразования. Но в данных обстоятельствах более правильным термином мне представляется «*femgan*». Я подумал, что эти слова представляют некоторый интерес в качестве образчиков того совершенно не-английского, и я бы даже сказал, не-арийского способа словообразования, который находит весьма широкое применение в среде химиков. Слова, которые использовал Фрэнк Виггльсворт Кларк, неожиданно натолкнули

меня на то, о чем я не вспоминал, пожалуй, уже с полвека: как, будучи еще ребенком, я изобрел язык, в котором почти каждая составляющая всякое слово буква вносила определенный вклад в означивание слова. Данный язык предполагал классификацию всех возможных идей. Думаю, не стоит и говорить, что классификация эта никогда так и не была завершена. Однако я помню изрядное количество характеризующих ее условий. Не только все идеи должны быть классифицированы, но также абстрактные идеи, а вместе с ними и идеи психологические должны быть снабжены точными метафорами, такими как *возвышенный* для гордости, амбиции и т. д. «Сокровища» Роже (Roget's *Treasures*) в то время не были еще написаны. Поэтому у меня не было помощника лучше, нежели «Реальная характеристика» епископа Уилкинса (Bishop Wilkins' *Real Character*) — книги (быть может, Вам доводилось с ней сталкиваться), в которой делается попытка снабдить каждую идею определенным графическим знаком. Грамматика моего Языка была, вряд ли стоит и говорить, подобно всем идеям грамматики вплоть до сегодняшнего дня, создана по образцу латинской. В частности, она имела латинские части речи, и мне ни разу не пришло в голову, что они могли быть другими. С тех пор я приобрел Писание на таких языках, как зулу, дакота, гавайский, мадьярский, (баскским я занимался по другим книгам, а Эдвард Палмер, с которым я общался в Константинополе и позже в Кембридже, также дал мне несколько уроков арабского). Эти занятия заставили меня шире взглянуть на язык вообще, но они не сделали из меня хорошего писателя, так как мои мыслительные привычки все же разительно отличаются от образа мышления большинства людей, меня окружающих. Кроме того, я левша (в буквальном смысле этого слова), а это подразумевает иное, чем у тех, кто использует при письме правую руку, развитие мозга и церебральных соединений. «Левый» (*sinister*) почти наверняка не будет понят и останется чужим среди себе подобных, если не полным мизантропом. Не сомневаюсь в том, что последнее обстоятельство имеет самое непосредственное отношение к моему пристрастию к логике. Хотя, возможно, именно моя интеллектуальная левизна и помогла мне стать хорошим логиком. Она всегда зас-

тавляла меня *идти до конца* в понимании мыслей моих предшественников, и не только их собственных идей, как они сами их понимали, но также и скрытых в них возможностей. Я не пренебрегал никакой школой, уделяя внимание каждому логик, книги которого когда-либо имел случай держать в руках. Так я научился быть осмотнительным в формировании моего собственного мнения и даже, более того, в приговоре другим. Из-под моего пера вышло немного, но это немного продумано и взвешено гораздо глубже, нежели кто-либо может себе представить. И все же на сегодняшний день половина из того, что мной написано, кажется мне незрелым и недостаточно взвешенным.

Я даю высокую оценку моим Экзистенциальным Графам и надеюсь, что Вы будете продолжать изучать мою систему, и если так, я готов оказать Вам всяческую поддержку [...]

[Это письмо было начато в январе, продолжено в феврале и закончено в марте 1909 г.]

24 февраля 1909 г., Пепельная Среда

Я думаю, сколько же времени прошло, в течение которого я изо всех сил работал, чтобы супруга моя смогла поправить свое слабое здоровье. Наилучшим для нее теперь было бы *сменить обстановку*, поэтому нам следовало бы сняться с места и подыскать другое жилье. Необходимо продать наш дом, который все равно слишком для нее велик, но чтобы сделать это, сперва его нужно привести в порядок снаружи. В настоящее время он выглядит таким заброшенным, что никто не может поверить, как его ни убеждай, что внутри есть на что взглянуть. Кроме того, нужен новый гонт для кровли, да и старую веранду надо бы заменить новой. За всеми этими заботами в последние дни я совершенно забросил логику. Я намеревался подойти к последней работе со всем тщанием, но это может подождать, пока я не буду точно уверен, действительно ли мои Экзистенциальные Графы представляют для Вас интерес.

Что и говорить, я чувствую все острее, как время берет свое. Однако, как мне кажется, то, что я ощущаю — это не столько преклонный возраст, сколько тот факт, что мир в мои дни стал воинствующе банален — всеоб-

щая потребность в банальности. Я и теперь еще смог бы получить удовольствие от старинного римского карнавала или *bal masque* в парижской опере, но как мне самому отпраздновать свой *mardi gras*? Я читаю все Ваши работы и уже ознакомился с Вашей статьей в *Britannica*, из которой почерпнул для себя нечто важное о том, что Вы ищете, в чем Вы *убеждены* — Вашей триаде Смысл-Значение-Значимость.

14 марта 1909 г.

Кто бы мог подумать, что к середине марта я не закончу письмо к Вам, дорогая леди Уэлби, которое начал еще в январе! С моей стороны было совершенно непростительным за все это время не написать в ответ на Ваше замечательное послание ни единой строчки, и более того — даже не уведомить Вас в его получении. Все потому, что неотложные дела одно за другим требовали моего постоянного внимания, в то время как я раз от разу давал себе все новые обещания, что непременно напишу через два или три дня. Но что Вы думаете теперь обо мне? Простите ли Вы меня? Если бы Вы знали, от чего мне пришлось отказаться, и как ужасно я был перегружен работой, всякую ночь засыпая с пером в руках и вскакивая каждое утро по бою часов.

Я написал еще о Вашей статье в *Britannica*, но после, когда я в минуты досуга тщательно обдумал написанное, то пришел к выводу, что мне следует начать обсуждение предмета с самого начала. Я хотел бы отнестись к Вашей статье возможно более беспристрастно и строго критически, ибо она заслуживает самого пристального внимания. Признаюсь, я не предполагал, насколько фундаментальна Ваша трихотомия Смысл-Значение-Значимость. Все же вряд ли можно надеяться, что понятия, обладающие такой важностью, получают точное определение в ближайшем будущем.

К слову, среди своих бумаг я обнаружил часть письма, а может быть, и все письмо от 28 декабря. Полагаю, что уже посылал его Вам. Надеюсь, что это так, ибо, бегло просмотрев его, я нашел, что оно имеет отношение к моей классификации трех типов Интерпретанта. Теперь я считаю, что она почти совпадает с Вашей, как

тому, впрочем, и должно быть, если обе они верны. Не думаю, что я составил свои трихотомии в том виде, который они имеют, под влиянием Вашей книги и вполне убежден, что никакое подобное влияние вообще не имело места. Хотя, конечно, это могло получиться бессознательно. При чтении Вашей книги мой ум мог глубоко впитать Ваши идеи таким образом, что я этого теперь совершенно не помню. И после, когда я приступил к своим исследованиям с целью классификации Интерпретанта, эти идеи могли показаться мне проявившими себя в процессе мысли, который я полагал их изначальным источником, в то время как на самом деле они были обязаны той связи, которой мысли мои облеклись при чтении Вашей работы. Так или иначе, будучи убежден, что это не так, я испытываю радость от того, что мои соображения оказались почти в полном согласии с Вашими, ибо думаю, что причиной тому послужило наше общее стремление к истине. Не удивлюсь, если Вы испытываете то же чувство. Я могу лишь отметить наше согласие как публичный факт и признаться, что знаком с Вашей книгой.

Теперь рассмотрим, насколько наши точки зрения совпадают в действительности. Самое значительное разногласие обнаруживает себя при сравнении моего понятия Динамического Интерпретанта с Вашим «Значением». Если я правильно понимаю последнее, оно состоит в воздействии на сознание Интерпретатора, которое тот, кто сообщает знак (устно или же письменно), намеревается произвести. Мой Динамический Интерпретант состоит в прямом воздействии, реально производимом Знаком на Интерпретатора. Наши понятия совпадают в том, что и то и другое представляет собой результат воздействия Знака на индивидуальное сознание или на множество индивидуальных сознаний, каждое из которых подвергается независимому воздействию. Мой Конечный Интерпретант, полагаю, в точности соответствует Вашему понятию Значимости, а именно результату такого рода воздействия, которое Знак *оказал бы* на всякое сознание, на каковое <сознание> некоторые обстоятельства позволили бы ему оказать наиболее полное воздействие, на которое этот Знак в указанных обстоятельствах вообще способен. Мой Непосредственный Интерпретант если и не полностью, то в очень большой степени соответству-

ет Вашему «Смыслу», ибо я рассматриваю первый как не поддающееся анализу целое некоторого воздействия, на которое Знак вообще рассчитан или естественным образом способен произвести. Я привычным для себя образом идентифицирую это целое с воздействием, которое знак изначально оказывает или может оказать на сознание в отсутствие какой бы то ни было рефлексии. Не припомню, чтобы Вы где-либо пытались дать точное определение термину «Смысл», но из того, что я прочел о нем в Вашей статье, я склонен считать его именно изначальным воздействием, которое знак оказал бы на сознание, вполне подготовленное к тому, чтобы воспринять его. Поскольку Вы рассматриваете данное воздействие как смысловое и утверждаете, что оно не имеет в себе элемента воли, я полагаю, что оно обладает природой впечатления. Таким образом, насколько я могу судить, оно в точности совпадает с моим Непосредственным Интерпретантом. Для элементов своей классификации Вы выбираете слова из общеупотребительного языка, я же пытаюсь этого избежать, выбирая термины, более подходящие, как мне кажется, к нуждам Науки. Я могу описать мою Непосредственную Интерпретацию как воздействие Знака такой силы, которая наделила бы человека способностью решить, применим ли данный Знак к чему-либо, что связано с тем, с чем этот человек в достаточной степени знаком.

Мой Интерпретант с тремя его типами есть, как я полагаю, нечто, существенным образом применимое к чему-либо, что действует как Знак. Естественные Знаки и симптомы не нуждаются в том, кто мог бы их передать, а следовательно, не обладают Значением, если под Значением понимать интенцию передающего. При этом мы не имеем права говорить о «намерениях Всевышнего», ибо все, что Он может желать — исполнено. Интенция, хотя я могу ошибаться на этот счет, представляется мне временным интервалом между желанием и складыванием привычки, которая впоследствии будет вызывать это желание. И мне кажется, что способностью Желания наделены только конечные существа.

Прийти к необходимости различения идей Смысла, Значения и Значимости Вам, как мне представляется, помогла удивительная чувствительность Восприятия,

против которой мне нечего возразить, в то время как мои три разновидности Интерпретанта логически выведены из дефиниции Знака. При этом мной руководило стремление сперва определить, какого рода нечто *должно* быть уделено внимание, и *затем* приступить к поиску этого нечто как явления. Необходимость Непосредственного Интерпретанта является следствием того факта, что всякий Знак должен обладать собственной, ему одному присущей Интерпретативной способностью прежде, чем он получает какого-либо Интерпретатора. Мой Динамический Интерпретант есть то, что опытным путем познается в акте Интерпретации и отличается в каждом таком акте от любого другого. Конечный Интерпретант есть один Интерпретативный результат, к которому всякий Интерпретатор должен прийти, если Знак рассмотрен в полной мере. Непосредственный Интерпретант представляет собой абстракцию, состоящую в Возможности. Динамический Интерпретант есть единичное действительное событие. Конечный Интерпретант есть то, к чему стремится действительное.

Прошло уже довольно долгое время с тех пор, как я прочитал присланные Вами работы. Насколько я могу восстановить в памяти их содержание, они показались мне поразительно хороши, хотя отдельные места открыты для критики. В одном из них Вы говорите о человеке как о существе, *переводящем* Грубую животную силу в интеллектуальную и духовную энергию. Слово *переводящий*, как мне кажется, содержит в себе глубокую истину. Там есть еще отрывок, датированный днем Всех Святых, который мне тоже очень по душе, так как в нем высказываются мысли, глубоко близкие мне, но, возможно, чуждые для Тома, Дика и Гарри. Я рассматриваю Логику как Этику Интеллекта — в том смысле, что Этика есть наука, предлагающая метод приведения Самоконтроля в соответствие со стремлением к удовлетворению желаний. Если бы у меня был сын, я внушил бы ему такой взгляд на мораль и заставил бы его осознать, что существует только одна вещь, способная возвысить одно животное над другим, — это Искусство владеть собой. Я научил бы его, что Воля Свободна единственно в том смысле, что лишь располагая собой должным образом, он сможет обрести способность поступать так, как

он в действительности того хочет. Относительно того, что должно желать, я показал бы ему, что это то, чего он будет желать, если достаточно поразмыслит над предметом желания, каковое размышление сделает его жизнь красивой и достойной восхищения. Наука же о Восхитительном есть *истинная* Эстетика. Поэтому Свобода Воли как таковая — только одна сторона медали, Свобода должна стать Красотой, *καλὸς καὶ αὔθους*:¹ и нет никакой иной свободы быть или поступать каким-либо иным образом. Равно как нет свободы делать то, что должно, если отрицаешь надлежащую тебе дисциплину. Так, наставляя его и показывая, что хорошую собаку следует уважать более, нежели непредусмотрительного человека, который не подготовил себя к тому, чтобы, когда придет время, противостоять искушению, я бы сделал так, что он стремился бы подчинить себя строгой дисциплине.

Одно замечание, которое я счел особенно справедливым, касалось того, что «язык есть лишь крайняя форма выражения», а также что «жизнь сама по себе может быть рассмотрена (я бы сказал, ее *следует* рассматривать) как Выражение».

Но Ваш метод определения точных значений слов отличается от моего. Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы дали формулировку Вашего метода и причин, по которым Вы его придерживаетесь. И если я могу просить еще большего, я также хотел бы знать — поскольку Ваша статья в *Britannica* уделяет гораздо меньше внимания психологии знаков, нежели усилиям, которые следует приложить для совершенствования языка, — как именно Вы удостоверяетесь сами и можете убедить других в том, что всякая данная языковая привычка должна претерпеть изменения и что данного рода усилие непременно *окупит себя*, т. е. принесет большую пользу, чем любой другой способ тратить такое же количество энергии. В этой связи я пошлю Вам, если смогу найти,

¹ <Античный идеал человека; традиционно переводится как «прекрасный и благородный»; прекрасный телом и душою человек. В Афинах это считалось необходимым качеством сословия эвпатридов и достигалось беседами с философами или риториками и многократными физическими упражнениями в палестре, направленными на достижение идеала телесности, выраженного также в произведениях античной скульптуры.>

экземпляр моей работы по экономике исследования,¹ которая была написана мной когда-то очень давно.

Я прошу Вас обо всем этом потому, что суть исследований, которые я только что попытался развернуть перед Вами, состоит в определении того, к чему сводится Нравственность. И если Ваши методы хорошо продуманы, они, несомненно, сослужат мне хорошую службу в качестве практического подтверждения моей работы. Вместе с тем для Вас также вряд ли окажется вовсе бесполезным изложить для другого то, чем заняты Ваши собственные мысли. Ведь придавая собственным размышлениям коммуникативную форму, мы в общем и целом получаем новое *aperçu*.

Ваша трихотомия Смысл-Значение-Значимость для меня — залог ценности того, о чем я прошу Вас.

Так или иначе, чтобы доказать мою расположенность к обмену опытом, я дам некоторые пояснения к методам, которые использую сам.

Мой отец — и это признано всеми — был лучшим математиком в стране. Он был человеком величайшего интеллекта и обладал весьма тяжелым характером. В нашем доме были частыми гостями все ведущие ученые, в особенности астрономы и физики, так что я вырос в атмосфере науки. Но мой отец был человеком весьма широких интересов и так же близко знал многих деятелей искусства. Скульптор Уильям Стори, Лонгфелло, Джеймс Лоуэлл, Чарльз Нортона, Уэнделл Холмс, а иногда Эмерсон были среди людей, о которых у меня сохранились воспоминания раннего детства. Я также помню итальянца Галленгу, известного под псевдонимом Мариотт. Мы также были хорошо знакомы с семьей Куинси, в меньшей степени с Адамсами. Отец моей матери был сенатором в Вашингтоне, но его слабые легкие заставили его рано уйти в отставку, после чего он основал юридическую школу. Благодаря ему я видел таких оставивших заметный след в политике людей, как Уэбстер.

Семья моей матери была самым тесным образом связана с Бэнкрофтом. Позднее, будучи уже в преклонных годах, он и моя супруга стали большими друзьями здесь. Иногда с ним встречался и я. Одним из наших друзей был Лотроп Мотли. Мой отец испытывал сильнейшую неприязнь к людям, которых мог заподозрить в притвор-

¹ [См.: *U. S. Coast Survey Reports*, 1879, appendix 21.]

стве. Среди таких был Чарльз Самнер — человек, тщеславие которого доходило до такой степени абсурда, с которой я не сталкивался более ни разу за всю свою жизнь. Из юристов я помню Руфуса Чоута, судью Стори и др. Еще одно воспоминание из моего детства — подруга Эмерсона Маргарет Фуллер (контесса Оссоли).¹ Меня не слишком старались держать в узде, за исключением того, что заставляли постоянно упражнять ум. Мой отец иногда просиживал со мной ночь до самого рассвета за картами, постоянно удерживая мое внимание в игре.

Я получил образование как химик и как только, после года работы в Береговой Службе, достиг степени бакалавра, поступил в ученики к Агассису, чтобы узнать все, что мог о его методах, а затем пошел работать в лабораторию. В течение многих лет у меня была своя лаборатория, я тщательно записывал результаты всех проводимых мной экспериментов, так что по прошествии двух или трех лет я был первым, кто получил степень *summa cum laude* по химии в Гарварде.

Но к тому времени я уже открыл для себя, что единственным моим необычным даром была способность к логическому анализу. Я начал с немецкой философии, не прочитав почти ничего из английской школы и очень немного таких французских авторов, как Мен де Биран, Жоффруа, Кузен и др. В течение нескольких лет я занимался изучением *Kritik der reinen Vernunft* и мог повторить ее почти слово в слово в обоих изданиях. Думаю, даже сейчас найдется немного людей, которые знали бы ее лучше, чем я. Затем на несколько лет я посвятил себя в основном изучению схоластики, а после этого стал читать Локка, Юма, Беркли, Гея, Хартли, Рида, Гамильтона и др. Я уже прочитал тогда наиболее удобоваримую часть Гудворта и всего Гоббса. Постепенно я приобретал самостоятельный взгляд на вещи.

К этому времени неточность немцев и шаткость их логических построений окончательно меня разочаровали. Привлекательными для меня оставались лишь Кант и Лейбниц. Английская мысль все более и более увлекала меня. Единственный ее великий и ужасный промах, от повторения которого меня спасли мои упорные занятия — скорее даже это случилось как раз благодаря моей

¹ [Должно быть «маркиза».]

вере в их правоту относительно того, чему я хотел у них научиться, но впоследствии я нашел, что они не продвинулись достаточно далеко, чтобы это могло меня удовлетворить, — был их крайний номинализм. Вне сомнения, все философы современности были номиналистами, даже Гегель. Но я все же был убежден в том, что они абсолютно не правы. Современная наука, в особенности физика, остаются и должны оставаться, что бы ни говорил один выдающийся лотарингец, чье имя теперь не могу припомнить, по существу своему на стороне схоластического реализма. То же справедливо и относительно религии, но с этим нельзя согласиться как с чем-то очевидным. Я предпринял попытку выяснения того, как случилось, что вся современная философия мирится с такой ужасной бессмыслицей. Решение этой проблемы не заняло слишком долгого времени. Причина, как оказалось, в том, что все гуманисты были не чем иным, как *literateurs* при полном отсутствии той рассудительности, которую я находил в деятелях литературы, коих знал лично. Вот глупцы! С уровнем интеллекта дегустаторов вина из Бордо. (К слову, живя в Париже, я сам в течение шести месяцев находился под опекой одного *sommelier* из Вуазена до того, как он продал свои огромные погреба, где изучал красные вина из Медока, став в этом деле вполне экспертом.) Последователи Дунса Скота практически бесспорно главенствовали почти во всех университетах за счет своего полного превосходства в искусстве Логики. Для гуманистов же последние были не более чем старомодными чудаками, которых, в честь их учителя Дунса Скота, они называли «Дунсами» и авторитету которых хотели положить конец. При этом первое поколение Ренессанса вовсе не подразумевало или считало слово «Дунс» синонимом глупца. Этот титул скорее передавал идею человека, настолько хорошо владевшего искусством спора, что, даже приняв ложную позицию, он наводил ужас на безупречного гуманиста, если выбирал его своим соперником. Самыми непримиримыми противниками скотистов были последователи Оккама или терминисты, которые относились к разряду *nominales* и которых гуманисты называли номиналистами. С ними гуманисты и объединили свои усилия, но, поставив себе целью изгнать скотистов из университетов, они не по-

трудились даже вникнуть в смысл разногласий между двумя логическими школами, принимая сторону номиналистов просто в обмен на благосклонность последних. И поскольку с того времени и до сего дня вряд ли кто-либо дал себе труд выяснить реальное значение и существо спора, а высказывание типа «универсалии суть просто слова» стало казаться чем-то самоочевидным — что даже можно считать истинным в некотором смысле, не имеющем, правда, прямого отношения к делу, — номинализм был повсеместно признан верным учением. Подобным же образом деятели, обладавшие определенным весом в глазах общественного мнения, с которыми я в свое время встречался в Англии, в один голос открыто признавали противоестественные по своей сути положения Афанасиева Символа веры, а все выпускники Оксфорда за последние даже не знаю сколько веков клялись ненавидеть и презирать некоего Симона (если только я не путаю имя), хотя ни один англичанин, с которым мне когда-либо приходилось беседовать на эту тему, не мог утверждать, что наверняка знает, кто именно был этот глубоко презираемый им Симон. Предполагалось, что он был человеком, жившим во времена короля Джона, но никто не знал, что он, собственно, говорил или делал неправильно.

Доказать правоту Реализма и ошибочность Номинализма довольно просто. Реалисты это те, кто считает, что *некоторые* универсалии, каждая из которых может служить предикатом нескольких субъектов, являются Реальными. Номиналисты же в различной форме утверждают, что ни одна универсалия не является Реальной. Слово «реальный» (латинское *realis*) — вовсе не древнего происхождения. Оно было введено в обращение как раз во время спора между двумя школами, чтобы обозначить нечто, не являющееся *вымыслом*, каковым, несомненно, является всякое слово любого естественного языка. В точном его значении, понятном сегодня, Реальное есть то, все истинное о котором является таковым не потому, что мышление некоего индивидуума или группы индивидуумов приписывает его предикат его субъекту, но совершенно независимо от того, что некоторый индивидуум или группа индивидуумов может о нем думать. Сон, точнее, собственно снящееся — не есть нечто реальное, ибо если бы то, что сон был, к примеру, о ку-

риных яйцах было бы истинно, это было бы так по той причине, что истинным его сделало действие сознания спящего. Но возьмем сам *факт* того, что данный человек действительно видел во сне куриные яйца. Если этот факт истинен, он *является* таковым независимо от того, помнит человек свой сон и думает, что видел его или нет. Последнее поистине зависит от действия его сознания, но *не* зависит от приписывания сознанием чего-либо самому *факту*, который в данном случае есть то нечто, о реальности которого идет речь. Вся схоластическая философия полна подобными трудноуловимыми тонкостями и, дабы суметь провести свой корабль между ними и не посадить его на мель, требует *точного мышления*, которому в наше время обучены немногие, за исключением разве что юристов, математиков и т. п. Гуманисты в Европе покончили с привычкой мыслить точно. То, о чем что бы то ни было, являющееся истинным, обязано своей истинностью действию сознания, есть *внутреннее*, или, как говорят ученые, *объективное* (немцы могли бы сказать *субъективное*). То, о чем истина чего бы то ни было, что о нем истинно (that of which the truth of whatever is true of it), зависит не только от действия мысли индивидуума или группы индивидуумов, но также от их *мысли о* субстанции истинной пропозиции, есть *нереальное*. То, нечто истинное о котором является таковым независимо от мысли некоторого *конечного* сознания или сознаний, или, по крайней мере, независимо от того, что отдельный человек или группа людей думает об этой истине, есть *реальное*. Хотя Дунс Скот и не был первым, кто изобрел слово *реальный*, именно ему более, нежели кому-либо другому, мы обязаны тем, что оно было введено в обращение. К тому времени это слово уже использовалось для обозначения *Реального свойства*, но последнее никогда не имело ничего общего с тем смыслом, который ему обычно придает метафизика.

Теперь, когда мы выяснили значение слова *реальный*, я хочу обратить Ваше внимание на Закон, по которому всякое тело, приведенное в движение, неизменно продолжает двигаться в одном направлении, изменяя его только под воздействием оказавшегося с ним в пространственной близости другого тела. Если мы убеждены в истинности данного Закона, но при этом отказываемся

считать его Законом *реальным*, то зависит ли он в своей истинности от того, что некто *думает* о нем как об истинном? Нет, не зависит, если только он действительно истинен. Вы вольны сказать, вслед за Кантом, что он истинен только в отношении Пространства как формы мысли (конечно, сам Кант не использует слово «мысль» настолько широко, но в английском это возможно. Немцы вообще часто думают, что англичанам следует изменить свой язык, сделав его более приспособленным к немецкой мысли, но это только служит примером чрезвычайной благопристойности и скромности, которыми они так сильно гордятся). Хотя тем самым мы и признаем истину того, что истинно о законе, в общем зависимой от *мысли*, это не делает ее зависимой от мысли какого-либо отдельного человека или группы людей. Отсюда, если Вы верите в то, что современная наука совершает какие-либо открытия общего характера, то тем самым Вы верите, что открытое таким образом общее есть нечто реальное, и посему, осознанно или нет, встаете на позицию схоластического реализма. И от этого решения зависит не только *наука* в целом, но также Истина и Добродетель. Номинализм и все, что за ним стоит, суть орудия Дьявола, если таковой существует. Это болезнь, которая почти свела с ума бедного Джона Милля, тоскливый взгляд на мир, в котором все, что можно любить, почитать или понимать, считается вымыслом.

Здесь мне следует многое опустить, ибо я не могу тратить то, что мне не принадлежит, т. е. лишний час времени, которого в таком случае потребовало бы это письмо.

Сначала я определял логику как общую науку об отношении *символов* к своим *объектам*. И я до сих пор думаю, что это подходящее определение центральной части науки логики, самого ее сердца, т. е. Критики Аргумента. Но предпринятые мной попытки определения границ всякой науки в целом убедили меня в том, что Логик должен расширить сферу своих исследований, приняв к рассмотрению всякий *смежный* предмет, за который кроме него никто не может взяться. И прежде всего, он *не* должен ограничивать себя изучением *символов* просто потому, что ни одно логическое рассуждение, которое хоть чего-то стоит, не может опираться на рассмотрение только лишь Иконических и Индексальных

знаков. Также не следует ему ограничивать себя и изучением отношений знаков к их Объектам по той только причине, что исследование правил Дефиниции всегда рассматривалось как дело логиков и никого более. Ведь дефиниция не раскрывает Объект Знака, его Денотацию, но только дает анализ его Полного Значения (Signification), которое состоит не в отношении Знака к своему Объекту, но в его отношении к своему Интерпретанту. Сфера моих собственных исследований должна охватывать семиотику в целом. И я полагаю, дорогая леди Уэлби, что Вы, в свою очередь, рискуете впасть в заблуждение вследствие того, что ограничиваете Ваши занятия Языком, и среди различных языков выбираете *один* весьма специфический — каковы вообще все арийские, — в границах которого столь многое зависит от *слов*.

Что касается слов английского языка, те, которыми я привык пользоваться, я могу разделить всего на три категории. К первой принадлежат слова безыскусного обыденного языка того общества, в котором я живу последние годы и на котором веду переписку, не слишком, впрочем, оживленную. Ко второму относятся слова, формирующие философскую и математическую терминологию. К третьей — слова, которые с большим трудом можно назвать английскими или принадлежащими любому другому языку арийской группы. Они имеют вид своего рода синтетической структуры и по организации своей очень напоминают языки индейских племен Америки — я имею в виду слова, используемые в химии. Слова третьей категории идеально отвечают целям своего использования, за исключением разве что своей непомерной длины. Их можно было бы сильно сократить и сделать еще более дескриптивными, чем они суть. Но химикам нет нужды искать *новый* словарь. Это не стоило бы трудов. Один маршрут между двумя точками может быть гораздо более предпочтителен, нежели другой, но все же, когда большая половина этого другого уже преодолена, вряд ли имеет смысл возвращаться, чтобы начать все с начала.

Времени у меня совсем не осталось. О том, как я открываю или пытаюсь открыть наиболее правильный способ употребления слов, я расскажу в другой раз.

С совершеннейшим почтением, Ч. С. Пирс

11 октября 1909 г. Милфорд, Пенсильвания

Дорогая леди Уэлби,

Я не мог позволить себе ограничиться ни открыткой в две строчки, ни кратким посланием, и на самом деле действительно написал Вам одно длинное письмо. Но моя жена, прочтя его, сочла, что Вы могли понять из него нечто, что я не имел никакого намерения в него вкладывать, поэтому я так его и не отослал. Многое теперь мешает мне писать. Во-первых, мне семьдесят лет, и я чувствую, что прежняя сила и строгость мысли для меня уже невозможны. Вместе с тем я осознаю, что прежде всего моим святым долгом является написание книги, имеющей целью показать, что многие весьма достойные умы придерживались взглядов, которые находятся в глубоком противоречии с предметами, обладающими непреходящей важностью для всего человечества. И все потому только, что они в равной мере упустили из виду то, что могло бы привести их всех к одной общей истине и что вместе с тем способно открыть всякому здравомыслящему человеку, как направить свою мысль по такому руслу, чтобы скорейшим образом этой истины достичь. Со времен Канта большинство логиков практически полностью соглашались с ним в том, что принципы логического обоснования уже полностью открыты и всецело исследованы. Мнение надуманное и имеющее последствия самые пагубные. Вместо того чтобы изучать надлежащий им предмет, они обращаются либо к бесплодной *Erkenntnisslehre*,¹ либо к психологии мысли. Некоторые пытаются найти обоснование логики в не имеющей собственного основания метафизике, идя в этом вслед за Миллем, иные же ищут опору в ничего не стоящих идеях некоторых других английских логиков. Я чувствую, что обладаю истиной, которая должна найти свое выражение на бумаге до того, как силы оставят меня окончательно. Мысли о книге преследуют меня теперь постоянно, ввиду чего я чувствую себя, так сказать, «под командой» посвящать каждую свободную минуту работе над *предварительным томом*, составлением которого я сейчас занят и который должен служить введением к основ-

¹ <Теория познания — нем.>

ному. Надеюсь, эта работа некоторым образом поможет мне собрать воедино то, что я прочел и чем заняты мои мысли, но что, конечно же, не может стать предметом для обсуждения просто по памяти. Так я смогу продолжить написание моего труда, работу над которым пришлось пока отложить, ибо я не имел возможности ссылаться на те книги, которые хотел использовать. Предварительный том предположительно будет называться *Сборник эссе о Значении*, где я рассматриваю Значение в широком смысле, так, как оно использовалось теми, кто не уделял ему особого внимания. Если это название напоминает Ваше «Что такое Значение» — тем лучше.

Ко всем другим заботам, моя супруга чувствует себя настолько плохо — и особенно сильно это сказывается на ее всегда чувствительных, хотя и удивительно крепких нервах, — что это и самого меня держит в ужасном напряжении. Наконец, для того, чтобы пережить следующую зиму, нам просто *необходим* капитальный ремонт дома. Для подготовки к нему мне следует составить план, который затем без конца нужно будет проверять, корректировать, обдумывать и вновь переделывать. И хотя моя жена вникает во все детали и ей принадлежат все идеи, все же это отвлекает и не дает мне сосредоточить силы на той работе, которая теперь является для меня наиболее важной.

Сразу после того, как я заканчиваю писать, а часто и во время работы, я крепко засыпаю, так что у меня совсем не остается свободного времени. Но мы часто вспоминаем и много говорим о Вас за обедом. Вот и сегодня сестра за это эгоцентрическое и полное жалоб письмо меня побудило желание знать о Вашем здоровье и о том, чем Вы заняты, над чем теперь работаете и т. д. Надеюсь, Вы мне все об этом напишете.

С совершеннейшим почтением, остаюсь всегда Ваш

Ч. С. Пирс

17 апреля 1911 г. Милфорд, Пенсильвания

Дорогая леди Уэлби,

В страстную пятницу поздним вечером получил Вашу открытку. Но поскольку на субботу у меня и еще у двух

других людей была назначена встреча с магистратом, которая отняла у меня целый день, я никак не мог выбрать время, чтобы написать Вам ответ, вплоть до настоящего момента. Я немного удивлен тем, что открытка шла так долго. Хотя у нас на открытки не ставят штамп с датой и временем получения, все же у меня есть причины думать, что задержка произошла не на милфордской почте. Так или иначе, я вовсе не стал бы говорить об этом, но, если только слово, которое я не вполне разобрал, следует читать как «третья», в своей очень доброй и трогательной открытке Вы сообщаете, что это *третья* Ваша попытка связаться со мной. Я ничего не получал от Вас вот уже очень долгое время, поэтому возникает вопрос, на какой почте произошла задержка. Трудно сказать, но я склонен думать, что если это случилось в Харроу или в Милфорде, то скорее в первом, поскольку я не знаю больше никого, кто бы носил фамилию Пирс или что-то похожее в Милфорде или его округе, где служащие почты всегда ко мне очень внимательны. Полагаю, они ошибочно считают, что я имею кое-какие связи в Вашингтоне.

Я долго не писал Вам, но тому виной множество причин чисто физического свойства, избежать действия которых представляется совершенно невозможным. Вот лишь некоторые из них. Подобно всем моим предкам по мужской линии, я страдаю от рано наступившей старости, и кроме того, последние годы мои были полны самого разного рода треволнений. Все эти обстоятельства вселили в меня беспокойное желание придать моим логическим открытиям форму, в которой они могли бы принести некоторую пользу. Во-вторых, мое здоровье и здоровье бедной моей супруги последние несколько лет оставляет желать лучшего. Особенно много забот появилось начиная с позапрошлогодней зимы, больше, чем мы в состоянии вынести, и число их с тех пор только растет. Эти трудности еще усугублялись постоянными и досадными неприятностями, в которые мы, случалось, попадали по вине разных людей. Но одним из самых больших утешений для нас, дорогая леди Уэлби, всегда были воспоминания о Вас.

Мы делали и продолжаем делать все, что можем, чтобы покончить с таким положением дел, серьезность которого заслуживает того, чтобы принять меры. Но те-

перь, когда мы уже почти не появляемся на людях и все наши старые друзья здесь умерли, это место нас тяготит. В настоящее время мы тешим себя определенной, но шаткой надеждой распродать имущество, чтобы отправиться за границу или переселиться в какой-нибудь французский город.

Теперь я занят тем, что пытаюсь закончить небольшую книгу, в которой ясным образом показываю, в чем состоит обоснование каждого из трех типов логического рассуждения. При этом я не использую два обычных способа обоснования Индукции, принадлежащих Миллю и Лапласу, и проясняю реальную природу Ретродукции (которая обычно рассматривается либо как не являющаяся логическим рассуждением вообще, либо как особый вид Индукции). Далее, исходя из проводимого мной анализа, я доказываю, что основные положения религиозной веры имеют обоснование, которые человек науки чересчур поспешно отвергает.

Мне ничего не известно о книге, в написании которой приняли участие Ваши друзья. Была ли она где-либо опубликована? На этом сегодня вынужден закончить, но напишу еще так скоро, как только смогу. С наилучшими пожеланиями от нас обоих, дорогая леди Уэлби, остаюсь

Всегда искренне Ваш,

Ч. С. Пирс

20 мая 1911 г. Милфорд, Пенсильвания

Дорогая леди Уэлби,

Я отложил на время ответ на Ваше письмо, так же как и на письмо г-на Слафтера, ибо просто не решался сказать, что никак не смогу написать для вашей книги. Однако и теперь я не вижу для этого никакой возможности.

Мы были заняты объявлениями о продаже дома, и если бы даже он был продан только за половину своей реальной стоимости и нам бы удалось быстро уладить все дела, тогда я бы смог беспрепятственно начать работу. Но теперь конец сезона, и я с ужасом думаю о том, что все наши усилия могут кончиться ничем. Я вкратце опишу Вам ситуацию, из которой не нахожу никакого выхода.

Прежде всего это связано с моим здоровьем. Бывают дни, когда я чувствую себя превосходно как умственно,

так и физически. Но я человек чрезвычайно эмоциональный и в то же время привык подчинять свои чувства жесткому самоконтролю. Аффекты не находят выхода, оставаясь внутри и сотрясая все мое существо, так что я порой с трудом могу передвигаться или держать в руках перо. То же происходит с памятью, и тогда я не могу подобрать слова, чтобы выразить то, что хочу выразить.

Я не привык волноваться по пустякам. Но трудности, с которыми мне приходится сталкиваться, отнюдь не пустячны. Во-первых, моя супруга, обладающая обостренным чувством долга и энергией, намного превышающей ее физические возможности, и при этом еще проявляющая нежную заботливость обо мне и моем здоровье, теряет силы и страдает от мучительных болей, преследующих ее день и ночь. Поэтому я не могу не думать о том, что она не перенесет еще одну зиму в этом доме. Она создана быть принцессой, а вместо этого, уступив мне, стала женой человека, который должен был предвидеть, что для нее это обернется тяжелейшей нуждой.

[20 мая 1911 г.]

[...] Таково почти буквально наше положение дел. Мы не можем позволить себе прислугу, равно как и в точности следовать предписаниям врача касательно здоровья моей жены. Единственное, что я могу сделать, это полностью погрузиться в дела по дому. Мне следовало бы заниматься ими и сейчас, но у меня опускаются руки, и я, наверное, упаду, если попытаюсь добавить что-либо еще к тому, что уже сделано. В прежние времена я был полностью в курсе всех принципиальных для современности научных проблем. Но вот уже несколько лет я не имел времени прочесть никакой новой книги или исследования. Все же я держу в голове вполне готовый замысел книги, первая задача которой состоит в полном доказательстве и тщательной проработке того, что служит обоснованием каждого из известных типов логического рассуждения.

Во-вторых, на этом основании я прежде всего показываю, насколько глубоко заблуждались все метафизики от Декарта до Юма включительно, а также насколько, при всем формализме своего подхода, прав был Кант. Истинно, что мы никогда не можем достичь знания вещей как они есть, но можем знать только то, что в них

открыто для человека. Однако в этом заключено все, что вселенная есть для нас. Позиция Рида представляется мне более сильной, за исключением того, что он считал Здравый Смысл непогрешимым — по крайней мере в том, что касается универсума феноменов, который составляет собой все, что есть для нас. Это серьезная ошибка. Здравому Смыслу следует доверять лишь настолько, насколько он выдерживает критическое исследование. Конечно, я не могу объяснить то, что я имею в виду, в краткой форме. Более того, не ко всем суждениям Здравого Смысла так легко прийти, и я раскрываю тот метод, при помощи которого они должны быть удостоверены. Одним из значимых результатов является то, что мы должны быть убеждены в истинности той гипотезы, которая нам *нужна*. К примеру, если командир уверен, что некоторый образ действий является единственным путем к спасению его жизни и жизни тех, кому он отдает приказы, он должен быть убежден, что это *действительно* приведет к спасению, потому что само это убеждение дает ему шанс на успех. *Бесполезные* сомнения несут в себе нечто еще более опасное, нежели отсутствие пользы. Но этот путь никому не суждено пройти без потерь. Подобное рассуждение собственно делает феномен интеллигибельным, поэтому было бы бессмысленным педантизмом отделять его от принятия гипотезы. Мое доказательство последнего положения, я в этом уверен, должно произвести впечатление.

В-третьих, я намереваюсь предпринять критическое рассмотрение множества догматов, которые, как принято считать, составляют суть религиозной веры. Существуют некоторые свидетельствующие в пользу религии пропозиции, которые по моему мнению имеют отношение не столько собственно к *вере*, сколько к логически построенному *убеждению* (conviction).¹

Одна из них утверждает, что универсум не управляется никаким непреложным законом.

Доказательство этого утверждения выглядит на удивление просто. А именно, я показываю, что если бы в точности одно и то же следствие всегда вытекало из одной и той же причины, реальный прогресс был бы не-

¹ <Одним из значений англ. conviction является «сознание греховности».>

возможен. Но таковой имеет место. Это доказывает любая наука, поэтому мы должны верить в то, что мир управляется живым духом.

Далее я показываю, что даже если бы положение, в соответствии с которым единственной причиной всякого физического события является не что иное, как только физическое событие, оказалось истинным, тем не менее, принимая к рассмотрению также возможность *непосредственного* действия, это положение оставляло бы место для допущения действия на материю некоторых нематериальных сущностей и наоборот.

Я показываю, что все прежние метафизики, такие как Юм, оправдывают свой скептицизм утверждением (когда они говорят, причем говорят постоянно: «но это не является следствием из» и т. д.), что единственным типом вывода, который имеет силу, является Дедукция. Но в свою очередь единственным обоснованием Дедукции является то, что в ее заключениях никогда не утверждается ничего, что не полагалось в Посылках. Совершенно аналогичное заблуждение питает тот, кто полагает, что универсум управляется непреложным законом, в соответствии с которым следствие не может содержать в себе никакой элемент, который уже не полагается в причине. Также я намереваюсь показать, в чем состоит «свободная воля», каким образом она действует и как это действие делает наше поведение аналогичным тому, как растут деревья и животные. Я чувствую уверенность, что книга произведет глубокое впечатление, более глубокое, нежели труды Бергсона, которые нахожу не слишком вразумительными.¹

Последние три года я не заглядывал ни в одну выпущенную за последнее время книгу. Очевидно, от меня может быть мало пользы, кроме как в делах по дому — занятие, которому я предаюсь с охотой при соответствующих обстоятельствах, но которое, как мне кажется, стоит мне больше, нежели того заслуживают.

Я напишу для Вас статью, если обстоятельства дадут мне такую возможность, так как очень хочу чем-нибудь угодить Вам, но не могу обещать этого точно.

Ч. С. Пирс

¹ [*Creative Evolution*. Французская версия была опубликована в 1907 г.]

P. S.

Написав это письмо дабы заверить Вас, что мое молчание (а подыскивать своим мыслям форму внешнего выражения стало для меня теперь занятием столь чуждым, что статья для *Hibbert Journal*,¹ отнимавшая все мое время в течение двух последних месяцев, тем не менее осталась в общем и целом непонятой, хотя подготовка ее стоила мне большого труда) — так вот, я хотел объяснить, что мое молчание вовсе не означает отсутствия у меня горячего желания высказать то, что, надеюсь, обнаружило бы еще более веские доводы в пользу как важности вашего послания миру, так и его своевременности. Теперь, когда письмо написано, я одержим боязнью, что мое стремление сделать то, что я хотел сказать, ясным, может произвести впечатление просьбы о помощи. Слово «нужда», возможно, было преувеличением. В настоящее время у нас есть все необходимое для нормальной жизни без того, чтобы делать долги. Но несомненно, что, учитывая состояние здоровья жены, наша нелегкая жизнь *быстро* ее убивает. Поэтому моим первым желанием и долгом является работать только над тем, что может помочь улучшить ее самочувствие. Очевидно, к примеру, что с моей стороны было безрассудством потратить два месяца ради пятидесяти долларов, которых никак недостаточно для того, чтобы оправдать все расходы за это время.

У меня нет сомнений в том, что моя книга произведет впечатление в научных кругах и поспособствует развитию логики. Будьте уверены, чувство это сильно во мне. Но в сложившейся ситуации забота о здоровье супруги все равно оставалась бы моим первейшим долгом, даже если бы это задержало стрелки часов прогресса на срок еще более долгий, нежели в таком случае их задержит.

Тем не менее я могу позволить себе потратить несколько минут, чтобы дать более четкое объяснение того *значения*, которое я вкладываю в утверждение о том, что если бы универсум управлялся непреложным законом, никакой прогресс не мог бы иметь место. Слово «прогресс» я заменяю другим, которое придумал, чтобы выразить то же значение, а именно — *размножестве-*

¹ [Последняя статья для *Hibbert Journal* называлась «Упущенный Аргумент в пользу реальности Бога».]

ние (variescence). Я имею в виду такого рода изменение, которое влечет необратимое приращение множества независимых элементов, из которых складывается некоторое положение дел. Можно, конечно, предположить, что когда бы мы ни столкнулись с чем-то растущим, развивающимся или определенным образом эволюционирующим, все обнаруживающие себя при этом новые элементы изначально присутствуют там во всем разнообразии своих возможностей в форме, недоступной для наблюдения. Но я намереваюсь показать, что эта безосновательная гипотеза не может получить логического обоснования. Гипотеза же о *размножествлении*, напротив, с логической точки зрения весьма показательна.

Другим примером плохой научной логики является интерес, проявляемый к гипотезе *телепатии*, которая выдается за объяснение целого множества легко доступных для наблюдения, но редко встречаемых феноменов. Телепатия, т. е. прямое воздействие одного воплощенного духа на другой (здесь воздействием я называю то, что телепатия *передает*, оставляя данное понятие настолько неопределенным, насколько это возможно), представляет собой чрезвычайно правдоподобную гипотезу — в этом с ней не сравнится никакая другая, взятая из любой области знания. Но довод против того, что эффекты этого воздействия более доступны для наблюдения, нежели, например, давление, производимое падающим световым лучом, более чем красноречив. Гораздо более вероятно, что подобные эффекты обязаны действию бестелесных духов. Правда, с допущением существования таковых возникают некоторые трудности, и вероятно, что дух, *абсолютно* лишенный телесной оболочки, невозможен. Но физика почти каждый год — особенно это касается теории эфира — делает открытия, позволяющие считать существование более тонких видов материи, нежели один из 60 или около того химических элементов, все более и более вероятным. Вы знакомы с теорией Томсона или Томпсона (я забыл, как точно пишется имя) о том, что атомы суть вихри в некоторой изменчивой среде (fluid).¹ Очень вероятно, именно так, быть может, с

¹ [J. J. Thomson. On Bodies Smaller than Atoms. *Popular Science Monthly*. Vol. LVIII, August, 1901.]

некоторыми поправками, оно и есть. И если гипотеза верна, по аналогии мы должны заключить, что сама подлежащая среда состоит из отдельных тел и что данные атомы второго порядка в свою очередь представляют собой вихри второго порядка во второй подлежащей среде, которая состоит из атомов третьего порядка и т. д. *до бесконечности*.

Тогда мы имели бы не химические элементы числом 64, или каково бы ни было их число этим вечером, но бесконечные ряды типов вероятной материи, в которую облекается дух.

Оговорюсь, что в мои намерения не входит навязывать кому бы то ни было убеждение в гипотезе, не имеющей серьезной индуктивной поддержки. Я хочу сказать, что многие, думаю, даже большинство людей науки бессознательно или не вполне осознанно убеждены в *ложности* подобного рода гипотез, каковое убеждение нелогично ровно в той же мере, что и убеждение в их истинности. Конечно, с точки зрения науки гораздо хуже первое, ибо если содержание последнего ложно, оно обречено быть опровергнутым, в то время как в первом случае мы рискуем исследовать предмет до бесконечности безо всякой пользы. *Никто не станет предпринимать новые эксперименты, если не будет расположен к принятию некоторой ничем не подкрепленной гипотезы*. Люди, отвергающие подобные гипотезы, составляют класс, наиболее эффективным образом препятствующий развитию любой науки.

Но, дорогая леди Уэлби, я трачу Ваше и мое время на спекуляции. Еще раз прощаюсь с Вами, искренне Ваш (уверен, не истолкованный превратно).

22 мая 1911 г.

Ч. С. Пирс

25 мая 1911 г. Милфорд, Пенсильвания

Дорогая леди Уэлби,

Следуя настоятельному совету моей жены, я решил, что — если Вы и другие, кто связан с изданием этой замечательной книги, могут ждать того, что не может быть точно обещано — я сделаю все, что в моих силах, чтобы выслать Вам через два или три месяца первую

часть работы, которую так хочу написать. Эта часть имеет своим предметом различные виды и степени удостоверимости, которые допускает тот или иной тип логического рассуждения, а также особого характера затруднения, возникающие на пути установления указанной достоверности и средства их преодоления — я имею в виду затруднения чисто логического характера. Например, в теории чисел вряд ли что-либо может быть представлено с достаточной степенью доказательности без помощи принципа, в соответствии с которым все, что истинно о данном целом числе, а также все, что будучи истинным о любом целом числе, является истинным и о ближайшем к нему большем, истинно о всех целых числах, больших, нежели данное целое число, или же равных ему. Но *почему* это должно быть истинным? Некоторые работы в качестве причины указывают на то, что, во-первых, из двух разных целых чисел одно всегда больше другого, а во-вторых, всякое целое число имеет следующее за ним по порядку большее. Но этого недостаточно, и мы никак не поправим дело, если еще добавим, что всякое целое число является следующим большим для некоторого другого. Необходимо более точно определить отношение между целыми числами. Если бы мы также оговорили, что между любыми двумя целыми числами имеет место только *конечное количество* целых чисел, это и стало бы недостающим элементом обоснования. Хотя при этом нам еще потребуется формальная дефиниция для слова *конечный*. [Безусловно, не следует говорить о конечном числе (т. е. о целом числе, которое конечно), *давая дефиницию* целого числа.]¹ Мы получаем его, вводя абстракцию «свойство» или «предикат». Это позволяет утверждать, что если меньшее из двух разных целых чисел имеет «свойство», которое отсутствует у большего, значит, должно существовать целое число, которое является настолько же большим, что и *меньшее* из двух, но меньшим, нежели большее, и которое обладает указанным свойством, в то время как ближайшее к нему большее целое число таковым не обладает. Вот иллюстрация того рода трудностей, с которыми можно столкнись-

¹ [В рукописи предложение в скобках появляется на полях страницы без обозначения места вставки. Скобки добавлены.]

ся в математике и которых удастся избежать, давая дефиниции соответствующих абстракций. Действительно, пользуясь таким образом термином «свойство» или «предикат», можно дать дефиницию «конечных рядов». Это создает определенную *опору* для ума. Вот показательный пример такого рода рассуждений, о которых я упоминаю в моей работе «Удостоверение путем логического рассуждения» (*Assurance through Reasoning*).

Я упоминаю об этом, чтобы Вы смогли взвесить все «за» и «против» и решить, стоят ли подобные рассуждения ожидания, не удостоверенного никакими жесткими обещаниями. Написать такую статью для меня не составило бы особого труда, и поэтому, возможно, она могла бы стать наиболее приемлемым вариантом и кроме того, оказаться чрезвычайно полезной. Впоследствии я смогу привести эту статью в моей собственной книге, которую так или иначе не смогу закончить, если предварительно не опубликуюсь в нескольких других изданиях, из которых *Encyclopaedia Britannica* станет первой и наиглавнейшей. Будучи долгое время отлучен от книг, я теперь настолько стеснен недостатком информации о современных исследованиях, что, полагаю, мне не следует ничего предлагать публике, пока я не смогу наверстать упущенное. Вот почему я беру «Удостоверение путем логического рассуждения» единственным предметом, на основании которого могу нечто написать.

... Я не могу решиться ни на шаг далее этого, возможно, было бы безрассудством пытаться предпринимать даже то, что уже решено сделать. По правде говоря, я до сих пор думаю, что это должно принести немалую пользу науке и что никто еще очень долго не достигнет результатов, которых достиг я. И все же, по причине крайней неясности изложения и недостатка информации, быть может, наилучшим для меня было бы просто тихо сойти в могилу.¹

Что касается моего примера с солдатом, боюсь, Вы могли неправильно меня понять. Его уверенность может *повлечь* (cause) за собой успех. Но я имею в виду вовсе не это. Его уверенность есть основание (reason) для той мысли,

¹ [Последние годы жизни Пирс страдал от рака, ставшего причиной того, что он не успел завершить ни эту, ни какую-либо другую из тех работ, которые планировал завершить.]

что он преуспеет, она представляет собой знак такого рода души, которая привыкла преуспевать. Сам я давно уже не в том возрасте, чтобы воевать. Я очень близко подошел к тому, чтобы научить людей чему-то, что могло бы принести им пользу, но судьба помешала мне удержаться в русле времени. Я напишу Вам «Удостоверение путем логического рассуждения», если Вы считаете это нужным, и это будет моей последней статьей, если только нам не повезет продать дом. Стоимость его около сорока тысяч долларов, и нам представляется нелепым жить в подобном месте.

С совершеннейшим почтением,

Ч. С. Пирс

ПОСЛЕСЛОВИЕ,

или Возвращение Чарльза Сандерса Пирса

Писать предисловие к текстам мыслителя такого ранга, как Пирс несколько неприлично. Его слово не нуждается в каком-либо предварении. Поэтому более корректным будет некоторое слово после него, что оправдано не только этически, но и собственно исторически. Все-таки стоит помнить, что мы говорим после Пирса. Это послесловие не является комментарием или разъяснением. Скорее, это просто размышления, спровоцированные идеями Пирса. Тем более что его концепция сегодня переживает второе (если не сказать, третье) рождение — в последние лет двадцать стало особенно заметным смещение от соссюрковского сценария семиологии к базовым принципам семиотической инициативы Пирса. Семиотика — не просто некая специальная дисциплина, скорее, это уже судьба нашего интеллектуального опыта.

Рождению семиотического проекта предшествовала подспудная работа метафизики, логики, философии в целом, серьезные трансформации в феноменальности культуры. При этом стоит отметить, что сложился этот проект на удивление скоротечно, — вообще-то основные семиотические сценарии выкристаллизовались буквально где-то в последнюю треть XIX века. Причиной тому отчасти были серьезные, если не сказать, тектонические, сдвиги в метафизике, первый из которых был навязан перепрочением трансцендентализма, что было связано с совершенно неожиданным для самого трансцендентализма открытием странной сумеречной зоны между формальными фиксированными сущностями, идеями и оформленными чувственными вещами. Странность проявилась в неспособности описать разворачивающиеся в этом зазоре событийные ряды, упорно не поддающиеся ни ноуменальной, ни феноменальной артикуляции. Результат был весьма неприятен: отношение «понятие-вещь» перестало работать, — между мышлением и реальнос-

тью образовался провал. Мышление отделено от феноменальности мира и поступка какой-то обморочной пеленой. Ситуация усугублялась еще и тем, что между трансцендентальным субъектом и эмпирическим здесь-бытием Я пролегла жесткая демаркационная линия (см. например, Кант. I Критика, § 16), а за этим последовало совершенно немыслимое отлучение мысли от действительности. Уже начиная с Фихте была предпринята попытка транскрибировать основные принципы трансцендентализма на онтологических кодах. Однако успех онтологического проекта в начале XIX века был краткосрочен и внутренне противоречив.

Онтологический сценарий, восприняв ряд интуиций трансцендентальной философии, претерпел не менее интенсивные метаморфозы. И в первую очередь такое состояние было спровоцировано стремительной и безостановочной эрозией онтологической инстанции Абсолюта: Бог покинул мир, Бог ушел с онтологической сцены. Сразу же сложились две версии столь знаменательного события. Первая попыталась смягчить ситуацию, переводя существование Абсолюта в виртуальную размерность. Классическим вариантом этой версии можно назвать гегелевскую «Феноменологию духа»: Дух, обеспечивая целостность как отдельных феноменов, так и всего феноменального ряда, принципиально не способен исполниться ни в одной из феноменальных зон: за этим стоит отсутствие онтической иерофании Абсолюта; в феноменальности есть только следы, только знаки его прохождения. Он превращается в виртуальное событие, лишенное какой-либо возможности актуализации.

Вторая версия начала более радикально, объявив о смерти Бога и бесповоротно отказываясь от всех христианских теологических метрик. Но онтологизм всегда выстраивается на принципе при-сущности, определяя дихотомическую бытийную дистрибуцию между сущностью и явлением, тем самым располагая онтологическое мышление в гарантийных пределах адекватной репрезентации, *ex-pressio*, выражения: Язык-Логос обязан выразить Бытие, на Бытии же лежит обязанность выразиться в Языке. То же распространяется и на принцип существования феноменальности, правда, отношение между Абсолютом и феноменом обладает явно нетранзитивным характером. Поэтому смерть Бога, Абсолюта сопровожда-

ется эрозией инстанций, каналов дистрибуции сущности, ответственных за учреждение связанности явления и сущности, то есть при-сущности; соответственно и мысль смещается к нулю, нулевой отметке.

Несмотря на определенную эпистемическую и концептуальную успешность и трансцендентализма, и онтологизма, что-то явно пошатнулось, и стало беспокойно в царстве мышления. Наверное, самым неприятным эффектом стало даже не осознание, а, скорее, ощущение обрыва нерасторжимой прежде связи мысли и мира. Обнажен разрыв, и в него проваливается мысль. Вот это-то и невыносимо. Еще возможно для сознания вести игру, где действуют тяжелые машины рассудка, но все же предел, конец уже ощущается, сначала в редком беспмятстве, а затем и в испуге рассудка. Оставшихся ресурсов мышления было, по-видимому, достаточно, чтобы еще каким-то образом поддерживать акты познания, мышления, но ситуация уже такова, что бытийные гаранты порваны и как восстановить их, — неизвестно. Уход Абсолюта, конечно же, не прошел бесследно: путаница образов, понятий, событий, вещей, смешение и даже неразличение воображаемого и реального. По мере иссякания спонтанной интенсивности и сознания, и событийных рядов феноменальности складывается абсолютно новая ситуация. На бытийном ландшафте и в зоне мышления все более незаметным и просто невидимым стало то, что Хайдеггер называл *Phänomenon* (сущее, которое указывает через самое себя на самое себя) или *Schein* (сущее, которое указывает на самое себя через другое сущее), а все чаще и чаще стали попадаться события, которые в хайдеггеровской концептуализации именуются *Erscheinung*, явлением, то есть события, где сущее указывает через самое себя на иное сущее, событие, лишенное само-стояния. Иными словами, *aliquid stat pro aliquo*, одно вместо другого, но это и есть формула знаковости.

И за этим состоянием мышления вовсе не стоит какая-то немилость обстоятельств, напротив, это симптомы трансформаций, знаки семиотизации мышления, действительности и того события, которое мы именуем «Я», «человек». Пейзаж мышления с вкрапленным в него силуэтом нравственного существа взрезается и рассекается симптомами, знаками, индексами, иероглифами, — семиотическим. Однако семиотическое, позволяя плутать

среди мыслей и феноменов, в то же время предлагает не столько восстановление бытийных гарантов, сколько заключение совершенно новых. Оно смещает мышление в новую размерность, обладающую собственной глубиной, несводимой ни к глубине мышления, ни к глубине мира, и в то же самое время вводит в мышление то, что не является им, бессознательного, и инсталлирует в действительность то, что никогда не было действительностью. И это не просто нагромождение понятий, образов, знаков, вещей, — именно семиотическое возвращает очертания мысли и действительности, не нарушая хрупкости структуры мышления и феноменальных рядов событийности.

Конечно, весьма условно можно выделить три на деле оказавшихся значимыми и определяющими дальнейший ход семиотической мысли сценария. Во-первых — не по приоритету, но по степени влияния, — это проект семиологии Соссюра. Действительно, «Курс общей лингвистики» стал в XX веке мощным генератором и философской, и семиотической мысли, европейской интеллектуальной культуры в целом. Соссюр настаивал на нетождественной, но в то же время неразрывной связанности мышления и знаковости, что позволило ему развести их конститутивные и, в частности, временные принципы: язык как знаковая система обладает собственной историей, собственным временем, несводимым ни к каким иным темпоральным разметкам. Для Соссюра язык выступает базовой знаковой системой, на основе которой рождаются и декодируются все иные семиотические развертки. Это положение, с одной стороны, послужило основанием для формальной номинации соссюровского проекта как семиологии, а с другой — обоснованием существования семиотического через коммуникативные структуры, результирующие в определенного рода конвенциях и утверждающихся в институтах. Достаточно эффективным стало и различение языка [langue] и речи [parole], в качестве критерия которого Соссюр предложил участие сознания и воли. Определяя речь как «акт разума и воли», он в то же время существование языка помещал в ином измерении: язык представлялся перед индивидом как нечто, лежащее по ту сторону сознания, как бессознательное. Именно это положение приобрело действительную эвристическую ценность в дальнейшем и для Лакана, и для Леви-Стросса, и для французской философии в целом, начиная с пятидесятых годов.

Второй сценарий фактически разрабатывался синхронно с соссюрским в рамках трансцендентальной феноменологии, и совершенно естественно, что акцент в интерпретации конститутивных принципов семиозиса был перенесен в нозматическую действительность.

Обе инициативы едины по крайней мере в одном — в поиске объективного основания семиозиса: институциональное существование языка у Соссюра и развертывание содержательности семиозиса в трансцендентальной размерности у Гуссерля.

Судьба Пирса в семиотическом проекте во многом парадоксальна: хронологически он первый, исторически — последний. Во всех трех версиях интересно не только и не столько решение; в большей степени в них притягивает ощущение проблемы. Решение часто бывает банально, определено верованиями, очевидностями эпохи, но совсем иное — чувство проблемы, чувство часто трагическое в своем обязательстве интеллектуального исполнения.

Проблемы, с которыми столкнулся Пирс во второй половине XIX века, были, как отмечалось выше, отнюдь не банальными, а скорее мучительными. Они требовали весьма серьезной осмотрительности в концептуальной артикуляции и тщательности в тематизации. Итак, разрыв между онтологическими претензиями мышления и действительностью сознания; зияние между теоретической и практической философией — это и было начальным пунктом пирсовского маршрута. Пирс явно склонялся к «мягкой» версии ухода Абсолюта, но это вовсе не отменяло необходимости обращения к нему, поиска подступов к его, пусть виртуальному, существованию. Следует при этом учитывать неблагосклонность Пирса к сценариям чистого мышления, к «ноологистам» (частично к Канту, в полной мере к Гегелю, Фихте). Но сама интуиция Абсолюта в семиотической его инициативе обладает конститутивным характером. Иначе говоря, перед Пирсом стояла задача, достаточно распространенная во второй половине XIX века, — найти своего рода «критические точки», в которых акт мысли становится основанием поступка, точнее, серии поступков, дающих человеку шанс начать движение к Абсолюту.

Задача нетривиальная: Абсолют не актуализируется, мысль и поступок определяются различающимися принципами. Но Пирс предлагает и достаточно нетривиальное

решение. Если Абсолют не способен больше прямо и непосредственно выдать гарантии мышлению, если не существует прямых подступов к нему, как, впрочем, и к действительности, то должно искать следы-знаки. Речь идет о введении в акт и мышления, и познания, и действия некоего посредника, своего рода многогранного зеркала, способного стянуть в одном фокусе все эти компоненты. Но такая давно и подспудно подготавливающаяся операция предполагает стремительное преобразование и действительности мысли, и характера обращенности к действительности, основанное на властности знака, а точнее — на беспрестанной работе семиотических зеркал, ухватывающих события, ускользающие от форм сознания. Здесь и лежит начало семиотического сюжета, которое относится к исчислению отношения «мысль и знак», именно «мысль и знак», а не «мысль и вещь». При этом семиотичность сценария заставляет всех участников и познания и действия испытать серьезные метаморфозы.

Пирс начинает с главных персонажей, одним из которых является трансцендентальный синтез апперцепции. Он смещает центр конституирования апперцепции с объектного единства к семиотической связанности, состоянию (consistency). Перефразируя Фрейда, можно сказать, что сознание — это всего лишь то, что возникает на месте следа-знака, оставленного событием. Таким образом, семиотическое единство замещает трансцендентальный синтез апперцепции. Но тогда и в эпистемическом акте, и в поступке появляется новый совершенно легитимный персонаж — вера. Однако вера, вводимая Пирсом в эпистемические игры, обладает особым качеством — она всегда существует только в оболочке суждения. При этом разведение веры и понятия происходит благодаря особому чувству убеждения. Чувственная вера как суждение, которое сопровождается чувством, и деятельная вера как суждение, на основе которого человек действует, и чувство убеждения необходимы Пирсу как эквиваленты связанности, целостности, пусть хотя бы как локальные интеграции.

Именно интегративность и связанность обеспечивают семиотизацию опыта мышления. Ход рассуждений Пирса таков: мысль не может исполниться в одно мгновение, это далеко не одноактное действо, — всегда, когда мы говорим о мышлении, мы подразумеваем некоторую

серию, последовательность (train of thoughts) актов мысли. Каждая мысль отсылает к другой мысли так же, как знак отсылает к другому знаку. В этой структурности акт мысли и семиозис совпадают, что и дает возможность Пирсу выдвинуть достаточно сильное утверждение: «каждая мысль суть знак». И тогда мы уже имеем дело с работой комплекса «мысли-знака», которая способна заместить объект, но только в том случае, если сам объект выступает как мысль. Репрезентативная функция знака поэтому состоит в его обращенности к мысли, благодаря чему и происходит тонкая отделка узора мысли знаково-стью. Знак становится завсегдатаем размерности сознания, в котором оно осуществляется вдоль трансцендентального поля. Он возникает на грани акта мысли, представляя парадоксальной попыткой уйти из силков, схвативших его мельчайшими звеньями в миг своего распада. Мысли ползут без связи, связность им дает только означивание за счет неустанного и непрерывного процесса замещения и операций свертывания, упаковки в знаки. Поэтому в мысли, увязанной в семиотическую структуру, тяжеловесность марша, совершаемого концептуальной машинерией, уравновешена скользящим менуэтом семиозиса.

И тогда мы обретаем интересное решение в понимании Бытия. Получить понятие Бытия способом перебора всех вещей — это просто нелепо. Но, пишет Пирс, мы можем достичь его благодаря рефлексии над знаками. Это уже почти парменидовская строфа: «Бытие есть. Есть знаки». Так становится возможным вывод: понятие Бытия является, следовательно, понятием о знаке.

Сознание, объединенное сводами знаковости и благодаря ей обретающее онтическую весомость, неизбежно втягивает в себя человека. Но это уже, как писал Пирс, не «неясный термин», не «тусклое сознание животной жизни», а сознание, пусть хотя и только часть материального качества «человека-знака». Термин шокирует. Но сознание не ощущает себя задетым. Здесь очень деликатная связка. Для Пирса речь идет опять же о возможности вычитать в событии, именуемом «человек», его консистенцию, со-стояние, связность. Порядок этой связности находится в ведении семиозиса. Именно знаковая оболочка или распознавание, признание ее придает человеку связность. Знаковость и человек оказываются связаны нерасторжими узами: люди и слова-знаки «образовывают» друг

друга. Поэтому-то «слово или знак, которые использует человек, и есть сам человек», поэтому «мой язык является общей суммой меня самого, потому что человек есть мысль».

Пирс пытается удержать интуицию эпохи Просвещения, интерпретируя идентичность человека через мысль, усиливая и ужесточая ее при этом, и в то же время здесь рождается нечто новое. Семиотический сценарий переструктурирует идентичность, он не выбрасывает волю, власть над животным началом, но трансформирует ее. В результате и организм предстает только как «инструмент мысли». Однако пафос Пирса вовсе не в редукции к ментальной размерности, он стремится к другому: его интересует опять-таки консистенция — «идентичность человека состоит в со-стоянии, связанности (consistency) того, что он делает и мыслит». Важно не мышление само по себе, его структурные компоненты, а именно характер и тип связности, консистенции, наиболее отчетливо просматривающийся в семиотических развертках. Фактически Пирс отсылает к резонансной действительности семиозиса, который несет в себе отзвуки и отблески сознания, мира, человека.

Пирсовский сценарий при всей своей очень интенсивной семиотической привлекательности содержит в себе несколько неприятного персонажа (хотя это дело вкуса). Я имею в виду пафос Пирса относительно здравого смысла. Этот жест, обращенный к здравому смыслу, ему совсем не идет. Так или иначе, соблазн упрекнуть его за обращение к здравому смыслу велик. Но именно это обращение хранит само существо пирсовского поворота к знаку; он же оказывается удивительно провиденциальным, — именно в двадцатом веке связанность знаковости и обыденного мышления стала доминантой и мышления, и культуры в целом. Пирс пытается воссоздать погибший, или, точнее, погибающий мир опыта мысли. Он постепенно воскрешает мир в угоду сознанию, но сознанию обыденному, в угоду здравому смыслу или, точнее, в угоду связности здравого смысла. Подобная мысль звучит столь бесцеремонно, что можно не принимать ее в расчет.

И все-таки даже среди обид и безвкусных безделиц здравого смысла притягательность опасной бездны семиозиса непреодолима и неотвратима.

СОДЕРЖАНИЕ

Принципы феноменологии	5
Сфера феноменологии	5
Три категории:первичность, двойчность и троичность ...	7
Манифестации Категорий	12
Первичность	15
Двойчность	24
Троичность	29
Категории и сознание	33
Взаимосвязанность Категорий	38
Grammatica Speculativa	40
Глава первая. Этика терминологии	40
Глава вторая. Типы знаков	46
§ 1. <i>Основание, объект и интерпретант</i>	46
§ 2. <i>Знаки и их объекты</i>	49
§ 3. <i>Типы триадических отношений</i>	52
§ 4. <i>Первая трихотомия знаков</i>	57
§ 5. <i>Вторая трихотомия знаков</i>	58
§ 6. <i>Третья трихотомия знаков</i>	60
§ 7. <i>Десять категорий знаков</i>	63
§ 8. <i>Вырожденные знаки</i>	67
§ 9. <i>Трихотомия Аргументов</i>	70
§ 10. <i>Виды пропозиций</i>	72
§ 11. <i>Репрезентировать</i>	74
Глава третья. Икона, Индекс и Символ	75
§ 1. <i>Иконы и Гипоиконы</i>	75
§ 2. <i>Подлинные и вырожденные Индексы</i>	80
§ 3. <i>Природа Символов</i>	87
§ 4. <i>Знак</i>	93
§ 5. <i>Индекс</i>	94
§ 6. <i>Символ</i>	96
Глава четвертая. Пропозиции	97
§ 1. <i>Характеристики Дицисигнумов</i>	97
§ 2. <i>Субъекты и предикаты</i>	103
§ 3. <i>Дихотомии Пропозиций</i>	113

§ 4. Прагматическая интерпретация логического субъекта	116
§ 5. Природа утверждения	120
§ 6. Рудиментарные пропозиции и аргументы	128
§ 7. Субъект	140
§ 8. Предикат	144
§ 9. Предикация	145
§ 10. Количество	149
§ 11. Универсалия	155
§ 12. Частность	162
§ 13. Качество	164
§ 14. Отрицание	166
§ 15. Ограничение	171
§ 16. Модальность	172
Глава 5. Термины	182
§ 1. О том, что данные понятия не столь современны, как это обычно представляется	182
§ 2. О разных терминах, применяемых к количествам расширения и охвата	186
§ 3. О разных смыслах, в которых рассматриваются термины «расширение» и «охват»	190
§ 4. Несколько опровержений обратной пропорциональности этих количеств и предложений по введению третьего	194
§ 5. Три принципиальных смысла, в которых охват и расширение будут рассматриваться в этой статье ...	197
§ 6. Понятия качества, отношения и репрезентации в их применении к данному предмету	203
Дополнение 1893 г.	210
Обозначение и применимость	214
Глава 6. Грамматическая теория суждения и вывода ..	217
§ 1. Суждения	217
§ 2. Вывод	221
Письма Сэмюэлю П. Лэнгли и «Юм о чудесах и законах природы»	224
Письма Пирса к Лэнгли	228
Законы Природы и аргумент Юма против чудес	239
I. Что есть Закон Природы?	239
II. Какой концепции Закона Природы придерживались в дни Юма, но не те, кто писал об этом предмете, а молчаливое большинство образованных людей?	242
III. Какой концепции законов природы придерживается сегодня большинство образованных людей?	251

<i>IV. Какой концепции закона придерживается сегодня типичный человек науки?</i>	254
<i>V. Каков был аргумент Юма против чудес?</i>	256
<i>VI. Каково воздействие на этот аргумент какой бы то ни было концепции законов природы, или метафизической сущности чуда?</i>	270
<i>VII. Какое действие произвел аргумент Юма на тех его современников, которые не публиковали своих мнений?</i>	272
<i>VIII. Какое воздействие, по мысли тех, кто не публиковал своих мнений, имела метафизическая сущность закона природы на аргумент Юма?</i>	273
<i>IX. Оказал ли аргумент Юма иное влияние на образованных людей нашего времени; и если да, то почему?</i>	273
<i>X. Стало ли какое бы то ни было изменение в распространенной концепции закона природы в некоторой степени причиной изменения нашего отношения к аргументу Юма?</i>	275
<i>XI. Каковы реальные достоинства юмовского аргумента?</i>	276
Письма к леди Уэлби	278
<i>Отрывки из писем к леди Уэлби (1903-1911)</i>	279
Послесловие, <i>или Возвращение Чарльза Сандерса Пирса</i>	342

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

**Сдано в набор 07.02.2000. Подписано в печать 21.06.2000.
Формат 84×108/32. 11 п. л. Тираж 1500 экз. Заказ № 3309**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН:
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12**

Printed in Russia

На то, чтобы отметить все наиболее важные руководящие принципы логического рассуждения, ушло бы немало времени. Но даже если бы удалось, что она оказалась бы совершенно бесполезной для человека, так как он все равно погружен в решение вопросов чисто практического свойства и который для своей деятельности выбирает только проторенные другими тропинки. Проблемы, занимающие подобный ум, составляет рутина, которую он раз и навсегда усвоил и ввел в обращение в изучении своего ремесла. Но как только человек решается погрузиться в незнакомое, приступить к новым областям, где его результаты уже не могут постоянно выверяться опытом — и история хранит много тому примеров, — самый трени-

рованный интеллект обречен часто сбиться с пути и тратить впустую силы, несколько не продвигаясь в нужном направлении и даже выбирая прямо противоположное. Такой человек подобен кораблю в открытом море, на борту которого нет никого, кто понимает правила навигации. Как раз в таком случае некоторое общее изучение руководящих принципов логического рассуждения было бы полезным.

Приложение к альманаху Метафизические Исследования

